

UNIVERSITATEA DE STAT „ALECU RUSSO” DIN BĂLȚI
БЭЛЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АЛЕКУ РУССО

CONFERINȚA ȘTIINȚIFICĂ INTERNAȚIONALĂ
„TRADIȚIE ȘI INOVAȚIE
ÎN CERCETAREA FILOLOGICĂ”

«ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО
В ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ»

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ

VOLUMUL I / ТОМ I

27 OCTOMBRIE 2015 / 27 ОКТАБРЯ 2015

BĂLȚI, 2016

CZU 811'2/44+821.09(082)=00
T 80

*Volumul a fost aprobat pentru publicare în ședința Senatului Universității de Stat „Alec Russo” din Bălți
proces-verbal nr. 17 din 22 iunie 2016*

COMITETUL ȘTIINȚIFIC

Președinte al Comitetului științific:

Valentina Pritcan, dr., conf. univ., prorector pentru activitate științifică și relații internaționale, Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți

Membri ai Comitetului științific:

Gheorghe Popa, dr. hab., prof. univ., Rectorul Universității de Stat „Alec Russo” din Bălți

Maria Nicola, dr. hab., prof. univ., Universitatea Pedagogică din Moscova, Rusia

Evghenii Stepanov, dr. hab., conf. univ., Universitatea Națională „I. I. Mecinicov” din Odesa, Ucraina

Tatiana Mlecico, dr. hab., prof. univ., Rectorul Universității Slavone din Chișinău

Irina Ionova, dr. hab., prof. univ., Universitatea Slavonă din Chișinău

Ala Sainenco, dr., conf. univ., Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți

Natalia Patroeva, dr. hab., prof. univ., Universitatea de Stat din Petrozavodsc, Rusia

Elena Sirota, dr., conf. univ., Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți

Dina Stici, dr., conf. univ., Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți

Tatiana Suzanscaia, dr., conf. univ., Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți

Tamara Pristaico, dr. hab., prof. univ., Universitatea Națională „O. Gonciar” din Dnepropetrovsc, Ucraina

Marina Tunițcaia, dr., conf. univ., Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți

Larisa Rațiburscaia, dr. hab., prof. univ., Universitatea de Stat „N. I. Lobacevșchii” din Nijni Novgorod, Rusia

Tatiana Carpilovici, dr. hab., prof. univ., Universitatea Lingvistică de Stat din Minsk, Belarusia

Redactor responsabil:

Elena Sirota, doctor în filologie, conferențiar

Colegiul de redacție:

Ala Sainenco, dr., conf. univ.,

Irina Ionova, dr. hab., prof. univ.,

Gheorghe Popa, dr. hab., prof. univ.,

Dina Stici, dr., conf. univ.,

Nina Mighirina, dr., conf. univ.,

Marina Tunițcaia, dr., conf. univ.,

Stalina Stepaniuc, dr., conf. univ.,

Tatiana Suzanscaia, dr., conf. univ.,

Veaceslav Dolgov, dr., lector univ.,

Alexandra Melnic, metodist-coordonator

Redactori literari: Svetlana Stanțieru, Tatiana Bedonca-Cugal, Olga Balan, Oxana Niculica

Coperta: Silvia Ciobanu

Tehnoredactare: Liliana Evdochimov, Tatiana Bedonca-Cugal

Descrierea CIP a Camerei Naționale a Cărții

„Tradiție și inovație în cercetarea filologică”, conferință științifică internațională (2015; Bălți). Conferința științifică internațională „Tradiție și inovație în cercetarea filologică” = „Традиции и новаторство в филологических исследованиях”, 27 octombrie 2015: [în 2 vol.] / com. șt.: Valentina Pritcan (președinte). – Bălți: Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, 2016.
– ISBN 978-9975-50-182-8.
Vol. 1. – 2016. – 220 p. – Antetit.: Univ. de Stat „Alec Russo” din Bălți. – Tit. paral.: lb. rom., rusă. – Text: lb. rom., engl., ucr., rusă. – Rez.: lb. engl., rusă. – Bibliogr. la sfârșitul art. – 100 ex.
– ISBN 978-9975-50-183-5.
811'2/44+821.09(082)=00

ISBN 978-9975-50-183-5.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Никола Марина Ивановна. <i>Имагология как новая область исследований в российском литературоведении</i>	5
Степанов Евгений Николаевич. <i>Русская речь в полилингвокультурном пространстве города: структура и норма</i>	11
Млечко Татьяна Петровна. <i>Динамика и характер преобразований русскоязычного пространства в Республике Молдова</i>	17
Sainenco Ala. <i>Determinările spațiale ale lumii în interviurile cu victimele regimului totalitar-comunist</i>	21
Granețkaia Lilia, Gavriliță Laura. <i>Modelul didactic de formare a culturii etnoartistice la elevi prin integrarea teatrului popular</i>	23
Попа Георге. <i>Некоторые семасиологические взгляды акад. С. Бережана</i>	29

СИСТЕМНО-СТРУКТУРНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВ

Ионова Ирина Александровна. <i>Диахронический аспект описания ойконимического концепта БЕЛЬЦЫ: к вопросу об источниках информации</i>	35
Coșciug Angela. <i>Unele considerații asupra numelor de acțiune în limbile franceză, rusă și română</i>	43
Большевская Наталия Андреевна. <i>Система русского языка и её отражение в школьных словарях</i>	46
Мигириня Нина Иосифовна. <i>Принципы оптимизации синтаксической теории языка</i>	50
Lacusta Elena. <i>Imaginea preotului în mentalul românesc: între defecte și calități</i>	55
Новак Адела Саввовна. <i>Именное сказуемое в русском и румынском языках</i>	58
Стич Дина Михайловна. <i>Старославянизм «время» – концепт русских фразеологизмов в лингвокультурологическом пространстве</i>	61
Помельникова Анна Николаевна. <i>Сравнительный фонологический анализ систем гласных немецкого, русского и румынского языков</i>	66
Сирота Елена Владимировна. <i>Особенности функционирования лексем функционально-семантического поля каузальности в текстах поэтов Серебряного века</i>	69
Романтовский Александр Владимирович. <i>Перформативы когнитивного диссонанса в интернет-комментариях электронных СМИ</i>	72
Тукова Татьяна Владимировна. <i>Законы универсума и эволюция системы современного русского языка</i>	75
Бабюк Александра Петровна. <i>Особенности функционирования вставных конструкций в синтаксической системе русского языка</i>	81
Буров Александр Архипович, Бурова Галина Петровна. <i>Фразовая номинация как антропогенный феномен в русском языке</i>	84
Патроева Наталья Викторовна. <i>Вклад В. Н. Мигириня в развитие грамматической теории</i>	87
Рацибурская Лариса Викторовна, Жданова Елена Александровна. <i>Активные процессы в российском медийном словотворчестве</i>	90
Казakov Владимир Павлович. <i>Семантическая организация предложения в синтаксической науке и в учебниках по синтаксису</i>	94
Глазунова Ольга Игоревна. <i>К вопросу о категории состояния в русском языке</i>	96
Акопян Ануш Вагановна. <i>Кластеризация имплицативных высказываний относительно отрицания</i>	101
Яременко Татьяна Георгиевна. <i>Микропарадигма названий приёмов пищи как отражение временного континуума</i>	104
Черемская Ольга Степановна. <i>Лингводидактические взгляды Л. Булаховского</i>	109

Акперов Гашим Лалахан оглы. <i>Релятивная синтагма в современной русской лингвистической школе</i>	112
Минина Нина Сергеевна. <i>Актуализация частиц в сильных позициях стиховой структуры</i>	116
Ковалёв Николай Сергеевич. <i>К вопросу о систематизации слов-предложений русского языка</i>	119
Урядникова Елена Владимировна. <i>Однокоренные и одноаффиксальные слова как члены антонимических пар (на материале поэзии Б.А. Ахмадулиной)</i>	123
Полищук Светлана Сергеевна. <i>Концепции лексико-семантического поля в лингвистических исследованиях</i>	126

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОЦЕССА

Зайковская Татьяна Викторовна. <i>Отражение фитосимволики в фольклорном сознании носителей русского фольклора Республики Молдова</i>	131
Пох Лариса Иосифовна. <i>Рассказ А. П. Чехова «У знакомых»</i>	135
Leahu Nicolae. <i>Grigore Chiper. Cărțile începuturilor</i>	138
Vrabie Diana. <i>Jurnal de Franz Kafka: o mitologie a plângerii și a trăirii prin / întru scris</i>	143
Abramciuc Maria. <i>Proza lui Constantin Negruzzi: relația cu modelele</i>	147
Сузанская Татьяна Николаевна. <i>«Детский текст» в полифонических романах Ф.М. Достоевского.</i>	151
Маршалковски Тео-Теодор. <i>Культурогенетика малой родины в творчестве Маланюка</i>	155
Чолану Людмила Васильевна. <i>Исторично-культурний підтекст драми І. Котляревського «Наталка Полтавка»</i>	159
Долгов Вячеслав Геннадиевич. <i>Феномен юродства в художественном восприятии Л. Улицкой (на материале пьесы «Семеро святых из деревни Брюхо»)</i>	163
Elciu Valentina. <i>Lectura romanului „Încă de pe atunci vulpea era vâpătorul” de Herta Müller</i>	166
Жаравина Лариса Владимировна. <i>Теоретико-методологические аспекты современной литературоведческой терминологии</i>	169
Макуренкова Светлана Александровна. <i>Вечная тема рока: Шекспир и Чехов</i>	172
Моклецова Ирина Васильевна. <i>Филолого-культурологический анализ произведений А. Н. Муравьева в современной российской науке</i>	177
Герлован Ольга Константиновна. <i>Поэтика жанра рассказа в творчестве Г. А. Каюрова</i>	181
Юрина Наталья Геннадьевна. <i>Восточная лирика в переводческой практике В. С. Соловьёва</i>	185
Соценко Наталия Фёдоровна. <i>Интертекстуальные связи в романе Б. Акунина „Алмазная колесница” и новелле А. И. Куприна „Штабс-капитан Рыбников”</i>	189
Дубровская Светлана Анатольевна. <i>«Война мышей и лягушек» В.А. Жуковского: взаимодействие культур в рамках перевода</i>	193
Мхитарян Карине Меликовна. <i>Город в «Столбцах» Н. Заболоцкого</i>	195
Ди Лео Донателла. <i>Андрей Белый в Берлине 1920-х годов</i>	198
Агаджанян Артем Арайкович. <i>К. Чуковский и У. Уитмен: диалог сквозь время («Листья травы»)</i>	202
Нерсисян Мария Левоновна, Фарамазян Лариса Рафаэловна. <i>Тема поэта и поэзии в творчестве Бориса Чичибабина</i>	205
Zakaraia Irma. <i>Georgian Literature – a Part of European Literature</i>	208
Шершун Ираида Ивановна. <i>Утопии и антиутопии в снах героев русской литературы</i>	210
Виктор Кушниренко. <i>«Вознесся выше он главою непокорной Александрийского столпа...», Или мечты и реальность А. С. Пушкина как земного ангела</i>	215

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Никола Марина Ивановна

Московский педагогический государственный университет
nikola7352@mail.ru

ИМАГОЛОГИЯ КАК НОВАЯ ОБЛАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИЙСКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Аннотация: Статья содержит характеристику имагологии как одного из направлений межкультурной коммуникации. Имагология ставит задачей изучение образа одной страны, ее народа и культуры, в восприятии культуры иной. Имагологический образ рассматривается как историческое явление, развивающееся, обогащающееся, в котором постепенно определяются доминанты – имагемы. В статье выделяются основные труды, способствовавшие становлению нового научного направления. Более подробно в статье рассматривается монография Н.П. Михальской «Россия и Англия: проблемы имагологии».

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, имагология, междисциплинарный характер науки, образ страны в иноязычной культуре.

Когда американский культуролог и антрополог Эдвард Холл после Второй мировой войны ввел понятие «межкультурная коммуникация», то, прежде всего, он имел в виду межэтнические отношения [1]. Позднее понятие межкультурной коммуникации расширилось, углублялось, распространялось на сферу отношений социальных, гендерных, возрастных и т.д. Развивалось, углублялось и понятие межэтнических отношений. Так, имагологическое направление подготавливалось и формировалось в русле сравнительно-исторического метода. Имагологический угол зрения начал заметным образом созревать в 50-е годы прошлого века. Известный французский исследователь Мариус Франсуа Гийяр в своем труде «Сравнительное литературоведение» формулировал это новое направление как актуальную научную задачу: «Не будем больше прослеживать и изучать иллюзорные влияния одной литературы на другую. Лучше попытаемся понять, как формируются и существуют в индивидуальном или коллективном сознании великие мифы о других народах и нациях... В этом залог обновления компаративистики, новое направление ее исследований» [2]. Другим важным ученым, наметившим поворот сравнительного литературоведения к имагологии (от лат. «imago» – образ), считается Жан-Мари Карре, который в работе «Французские писатели и немецкий мираж» [3] сделал попытку осуществить имагологическую задачу: представить образ Германии, каким он сложился во французской культуре и сложился в значительной мере благодаря литературе.

В то же время, размышляя о генезисе имагологии как новом научном направлении, нельзя не учитывать тех «подступов» к рассуждению об этнических стереотипах, которые были сделаны в эпоху Просвещения, в эпоху романтизма: к примеру, в трудах И.Г. Гердера, Ж. де Сталь и др. Свой вклад внесли также представители филологической науки. Особенно важны в этом отношении труды ученых культурно-исторической школы, например, И.-А. Тэна, который в своей работе на материале истории английской литературы утверждал, что имеются «известные общие черты..., отличающие людей одной расы, одного века и одной местности» [4].

Что касается отечественной науки, то предпосылки формирования имагологии складывались также в трудах представителей сравнительного литературоведения: В.М. Жирмунского, М.П. Алексеева, Н.И. Конрада, Д.С. Лихачева и, конечно же, Бахтина М.М. с его теорией диалога. Так, рассуждая о диалоге культур, М.М. Бахтин в свое время писал: «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже... Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом <...>, между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур... При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, но они взаимно обогащаются» [5]. Необходимо также отметить тот значимый резонанс, стимулировавший имагологические исследования в отечественном литературоведении, который получила в свое время книга Г.Гачева «Национальные образы мира» [6].

В то же время было бы несправедливо представлять процесс становления имагологии как безоблачный, не осложненный дискуссиями и известными опасениями. Так, к примеру, известный теоретик литературы Р. Уэллек выступил с опасениями, что имагология размывает

специфику литературоведческого исследования, полагая, что выдвинутая ею задача должна быть скорее предметом социологии, этнологии, социальной психологии. Однако развернувшись в связи с этим опасением дискуссии привели не к умалению имагологии или отказу от нее, а к признанию ее как важнейшей области современных гуманитарных исследований.

Что касается рубежа XX-XXI вв., то мы стали свидетелями настоящего бума, стремительно нарастающего интереса, как в отечественной, так и в западной гуманитарной науке к проблеме «другого», исследованию диалога культур, формирования национальной идентичности и форм ее выражения. Безусловно, этот интерес подогрет как обстановкой набирающего силу глобализма, активизацией межкультурных связей и отношений, так и сохраняющимися конфликтами в сфере межэтнических отношений. Что касается России, то радикальные перемены, пережитые страной в последние десятилетия, расставание с прежними идеологическими постулатами вроде «формирования единой нации – советский народ» еще раз убедили в неустрашимости этнических различий, несовпадении ментальностей даже народов, живущих бок о бок многие годы. Не случайно имагология, изучающая образ той или иной страны, ее народа, особенностей национального характера в иноязычной стране, иноязычной культуре, столь востребована. И в этом интересе сходятся представители разных гуманитарных областей: историки, политологи, культурологи, этнографы. Эта область гуманитарных исследований, безусловно, носит междисциплинарный характер. Однако у литературоведов есть своя специфика имагологического исследования. Их интересует, прежде всего, как именно литературные произведения участвовали или участвуют в формировании образа одной страны и одной культуры в глазах культуры другой.

Что касается России, на рубеже XX-XXI веков захваченной вихрем перемен, утверждающей по-новому свое место в мире, то ее облик, конечно, не безразличен нам и, в свою очередь, остро занимает Запад, и не только Запад, о чем свидетельствуют многочисленные произведения с русской темой в современной зарубежной литературе, а также посвященные теме современной России и России минувших эпох исторические и филологические исследования. В числе последних необходимо, прежде всего, выделить такие труды, относящиеся к области имагологических исследований, как работы Гречаной Е.П. «Литературное взаимовосприятие России и Франции в религиозном контексте эпохи. (1797-1825)», Мустафиной Е.А. «Образ Европы в литературном сознании Запада США в XIX веке», В. Земскова «Образ России на переломе времен: Теоретический аспект рецепция и репрезентация чужой культуры», Л.Ф. Хабибуллиной «Миф России в современной английской литературе», А.Р. Ощепкова «Образ России во французской литературе XIX века» и др. Заметным событием в научной жизни стали прошедшие в первое десятилетие XXI в. международные научные конференции: Пуришевские чтения 2008 г. на тему «Россия в культурном сознании Запада» и конференция этого же года на ту же тему в ИМЛИ РАН, сыгравшие свою заметную роль в развитии имагологических исследований.

Однако среди теперь уже достаточно многочисленной научной продукции имагологической направленности представляется важным выделить для более пристального рассмотрения книгу Н.П. Михальской «Россия и Англия: проблемы имагологии». Это связано с тем, что труды именно этого ученого сыграли важную роль в развитии имагологических исследований последнего десятилетия. Уже тот факт, что авторы таких авторитетных трудов с имагологической проблематикой, как Л.Ф. Хабибуллина, А.Р. Ощепков, посвятили Н.П. Михальской свои книги, свидетельствует о признании значимости для них трудов этого ученого. Кроме того, рассмотрение монографии Михальской Н.П. позволяет обозначить ряд методологических проблем, встающих в процессе имагологического исследования.

Михальская Н.П. за продолжительный срок своей научной деятельности, насытившая более полувека, занималась многими проблемами изучения и преподавания зарубежной литературы, особенно литературы 19-20 веков. Однако в период конца XX века, в 90-е годы, столь сложные и для отечественной науки, и для научной общественности, и страны в целом, когда с особой силой стал вопрос о нашем самосознании и самопонимании, а, следовательно, и возможных путях дальнейшего развития, в научных интересах Н.П. Михальской определился особый интерес: к взгляду на Россию извне, прежде всего со стороны столь для нее близкой и важной Англии. В 1995 году появилась книга Н.П. Михальской «Образ России в английской

художественной литературе IX-XIX веков», над которой она работала целый ряд лет. В 2003 г. эта книга была переиздана. В 2012 году вышло ее расширенное и дополненное издание под названием «Россия и Англия: проблемы имагологии». Думается, что для многих отечественных ученых само слово имагология впервые прозвучало из уст Михальской Н.П. Много лет назад на одной из конференций отечественной Ассоциации англистов (2003 г.) она его употребила в своем докладе. В зале пошел легкий шепоток, все стали друг друга спрашивать, что за слово. Еще не было ясно, насколько оно приживется в нашей гуманитарной науке, в кулуарах возникла легкая полемика относительно его целесообразности. Но Н.П. Михальская пользовалась им настойчиво, и, полагаю, ее вклад был едва ли не определяющим в утверждении этого понятия и этой области исследования, во всяком случае, в отечественной науке.

Как это бывает нередко с людьми большого таланта и интуиции, Н.П. Михальская угадала, может быть, раньше других в нашей стране масштаб и значимость имагологических исследований. Нельзя не сказать, что указанный аспект в ее деятельности был в известной мере подготовлен той научной школой, к которой Н.П. Михальская принадлежала, школой, которая была создана в МПГУ такими учеными, как М.Е. Елизарова, Б.И. Пуришев. Проблемы межкультурных связей, межкультурного диалога активно разрабатывались на кафедре в период второй половины XX века. Выходили отдельные сборники, писались кандидатские и докторские диссертации, статьи, такими членами кафедры, как В.А. Луков, В.П. Трыков, Е.Н. Черноземова и др. Но, как правило, они освещали рецепцию отдельных явлений: конкретного произведения, автора, определенного эстетического феномена, из которого целостный образ чужой культуры не строился, не воссоздавался. Книга Н.П. Михальской была смелой и новаторской уже по масштабу задачи: передать становление образа России в английской культуре и развитие его на протяжении огромного, десятивекового хронологического периода - с IX-го по XIX век. Для аналогии зададимся вопросом, есть ли такое исследование об образе России в английской литературе, выполненное английскими литературоведами. Такого масштабного исследования – нет. Наиболее известны работы Энтони Кросса и Кембриджской школы, руководимой им [7]. Но интересы ученых названного круга ограничиваются, в основном, XVIII-м веком, и главным предметом размышления опять-таки становятся не столько литературные явления, сколько историко-культурные факты, например, связанные с дипломатической деятельностью русских в Англии указанного периода, с пребыванием русских студентов в Оксфорде и Кембридже, с деятельностью русской церкви в Лондоне и т.д. Что касается работы Н.П. Михальской, то она большей частью рассматривает литературные тексты. Они могут принадлежать не всегда писателям первого ряда или представлять малоизвестные произведения известных авторов, они могут дополняться текстами путевых заметок или посольских донесений, но именно литературные произведения становятся основой концепции, которую развивает в своей книге Н.П. Михальская.

Задача охватить столь обширный период в исследовании Нины Павловны Михальской поставлена не случайно. Ей важно показать становление имагологического образа. Имагологический образ показан как явление развивающееся. Генезис образа России в Англии Нины Павловны восходит к Средним векам. Ее внимание привлекают такие памятники, как «Роман о Трое» Бенуа де Сент-Мора (12 в.), «Императорские досуги» Гервасия Тильберийского (13 в.), «Великая хроника» Матвея Парижского и др. Особенно выделяет Н.П. Михальская тот емкий и яркий образ, который создан автором «Романа о Трое» Бенуа де Сент-Мором. В нем передано представление об огромных пространствах и могучей силе «России», пространствах ее земли и вод, а также – и это также важно – о народе, ее населяющем, как о большой семье (здесь – это образ «пчелиного роя»), которая в своем единстве («все вместе») одерживает победы. Этот образ оценивается Н.П. как своего рода зерно, из которого вырастают многие последующие образы и мотивы. В своей книге она пишет: «Если перекинуть мост от далекого средневековья к современному нам XX столетию, то величие необозримых русских пространств и присущее народу России семейное начало будут вновь определяться как источники его силы. Так, например, о музыке безграничных русских пространств, звучащей в «Воине и мире», писал в своей книге «Аспекты романа» (1927) Э.М. Форстер, а о присущем русским людям «чувстве большой семьи» говорила в своих интервью Айрис Мердок» [8].

Михальская, оценивая значимость средневековых источников, также подчеркивает, что уже в этот период закладывается представление о нашем крае и нашем народе как многострадальном, переживающем тяжелые вражеские нашествия. Это видно, к примеру, из материала английских монастырских хроник, откликающихся на события татаро-монгольского нашествия. В то же время материал, связанный с освещением этих событий, дает убедительный пример взгляда на «другого» с позиции «своего». Так, у английских хронистов, например, у Матфея Парижского, монаха Сент-Олбанского монастыря и придворного хрониста английского короля Генриха III, звучит тревожная мысль о том, что от силы сопротивления русских зависит судьба западных земель и в том числе Англии, до которой могут докатиться несметные силы Орды.

Образ России, нашедший отражение в средневековых английских памятниках, примечателен также безусловной положительной коннотацией. Освещение последующего материала позволяет показать, что имагологический образ – явление колеблющееся и обогащающееся. Характеризуя специфику динамики имагологического образа, В.Б. Земсков в свое время писал: «...в данной области характер развития, если вообще о нем можно говорить, носит отнюдь не характер эволюции (хотя присутствует и эволюционный момент), а характер «наращивания», наслоения все новых и новых характеристик, которые, не иллюминируя старого, образуют дополнительные ряды. Старое никогда не исчезает и всегда может возникнуть из глубин истории в обстоятельствах, которые активизируют память реципиента о «другом», и в том, что касается его «положительных», и в том, что касается «отрицательных» сторон» [9].

Михальской удалось передать как процесс «наращивания» образа, так и постепенно утверждающиеся в нем доминанты, нередко переходящие в стереотипы. Так, обращаясь к материалам 16-17 вв., Нина Павловна уделяет заметное место путевым запискам англичан о России (запискам Р. Ченслора, Дж. Горсея, Р. Хоклита, Дж. Флетчера и др). Интересно, что среди ученых, занимающихся проблемами имагологии, есть разное мнение по поводу целесообразности обращения к путевой прозе. Одни ученые полагают, что в ней много субъективного, случайного, поверхностного. Так, к примеру А.Р. Ощепков в своей монографии «Образ России во французских путевых записках XIX века» замечает: «...жанр путевых записок диктовал определенный угол зрения на объект, обуславливая некоторую поверхностность и субъективность взгляда, абсолютизацию частных характеристик, акцентирование непохожего, странного, экзотического в чужой стране» [10].

Н.П. Михальская уделяет значительное внимание первым английским путешественникам в Россию, торговым, посольским людям. Она отмечает, что при всей повествовательной неоднородности путевых заметок, благодаря им, появляется более живой, широкий, многогранный образ: например, Московии, Кремля, Русской зимы, рассуждение о русском языке как выразительном и музыкальном и др. Кроме того, значение путевой прозы Михальская Н.П. видит в том, что она является питательной почвой для многих авторов, писателей, поэтов, драматургов, вводящих русские мотивы, аллюзии, реминисценции в свой текст. В работе Михальской это убедительно показано на текстах Флетчера младшего и старшего. Так, среди путевых записок Н.П. выделяет книгу Джайлса Флетчера, посланника королевы к русскому двору, вышедшую в 1588 г. под названием «О государстве русском». Книга явилась результатом годового проживания Флетчера, английского поэта, автора сонетов и элегий, в России. Записки Флетчера отличаются широтой панорамы: природа России, богатство ресурсов, нравы русского двора, русской церкви, частный быт русских людей. Образ, созданный Флетчером, поражен контрастами: богатство земли и нищета народа, даровитость, сметливость русского человека и его рабское положение и т.д. Англичане даже опасались, что вследствие нелестных суждений Флетчера осложнятся торговые отношения с Россией и старались книгу не распространять. Но как книга, так и устные рассказы о России были хорошо известны Джону Флетчеру, племяннику автора книги «О государстве русском». Отзвуки сообщений Флетчера старшего нашли отражение в драматургии Флетчера младшего, прежде всего в его драме «Верноподданный», где действие развивается в Москве начала XVII в. Показательно также, что именно на материале заметок путешественников в Россию (записок Хоклита, в частности) формировал свой образ России и русского государства Джон Милтон, у которого впервые появляется описание Сибири как сурового обширного края, перерезанного мощными реками, ледяными степями и т.д.

Оценивая вектор развития образа России в английской культуре, следует также заметить, что этот образ другого в заметной мере определялся позицией и интересами своего, британского. Так, XVIII век, отличающийся благоприятными межгосударственными отношениями между Россией и Англией, стал вехой широких контактов между подданными того и др. государства. В этот период в России появились первые английские туристы, новый тип путешественника. К этому времени относится и формирование общих представлений о специфике русского характера, в частности, в труде Дэвида Юма («О национальных характерах»), Джона Маккартни («Отчет о пребывании в России»). Отзвуки этих сочинений Михальская находит в прозе Стерна («Жизнь и мнения Тристрама Шенди») и в связи со Стерном замечает: «Нечто русское присутствует в английской художественной литературе восемнадцатого века, проявляясь не только в отдельных реминисценциях и упоминаниях, а органически вливаясь в художественный мир произведений... Особенность этого «русского элемента» или «русского начала» состоит не в сообщении каких-то новых фактов и сведений, а в передаче колорита, самой общей атмосферы русской жизни, как они ощущаются английскими писателями»... [11].

В то же время в XVIII веке художественные произведения, по мнению Михальской, начинают оттеснять по своему воздействию путевую прозу. Преобладание их роли в формировании образа России в английской культуре обозначенного и последующего периодов показано Михальской на примере второй части романа Дефо о Робинзоне Крузо, «Времен года» Томпсона, «Гражданина мира» Голдсмита и целого ряда художественных текстов XIX века: произведений Байрона, Вордсворта, Саути, Браунинга и др. Суждение Михальской о приоритетной значимости художественной литературы, которая оказывается способной разрушать стереотипы (имагеми) и обогащать и усложнять имагологический образ, позднее развивает в своей монографии Л.Ф. Хабибуллина, когда пишет, что «именно в литературе скорее, чем в других, более массовых формах, возможно сложное, глубокое, концептуализированное воспроизведение образа национального другого, возникающее в полемике со стереотипом» (9).

Вместе с тем в ходе анализа текстов, создающих образ России в английской культуре, очевиден так называемый «цивилизаторский дискурс», взгляд на Россию и русских с позиции английского самосознания, мыслящего свою культуру как более цивилизованную в сравнении с варварской Россией. Как воплощение этого цивилизаторского дискурса рассматривается, к примеру, в книге Михальской поэма Браунинга «Иван Иванович», примечательная тем, что в ней создаются контрастные образы – икона и топор, закрепившиеся в западном сознании за Россией.

Рассматривая тексты XIX века, Н.П. Михальская вместе с тем стремится установить то новое и главное, в чем развит и обогащен образ России на новом этапе, в новой ветви литературы. По ее наблюдениям, наряду с сохранением цивилизаторского дискурса, после событий 1812 года Россия и ее народ признаны участниками европейского сообщества. России начинают пророчествовать значительное будущее, хотя она и продолжает вызывать известную настороженность и страх у англичан, – делает вывод Михальская. Отмечая, что в XIX веке политические и дипломатические проблемы приводили к колебаниям в интерпретации русской темы, Михальская подчеркивает, что, в целом, продолжилось ее дальнейшее обогащение, прежде всего, за счет того фактора, значение которого в последующем будет только возрастать: открытие англичанами произведений русской литературы, которые начнут переводиться и распространяться в Англии, начиная с произведений Кантемира, Ломоносова, Сумарокова, Крылова и др. Заметим, что в последующие эпохи русская литература, а также русское искусство всегда будет тем фактором, который будет закреплять положительную коннотацию в звучании русской темы.

Подводя итог своим наблюдениям, Н.П. Михальская делает вывод о мифологизации образа России в английской литературе: «Образ России в художественной литературе Англии обладает выраженным мифологическим характером со многими свойственными именно мифу чертами: контрастностью противопоставлений (оппозиций) отдельных смысловых элементов, немногочисленностью и внутренней нерасчлененностью этих элементов при их отчетливой структурной выраженности, дискретности и постоянстве связей между ними на протяжении почти десяти столетий» [12]. Мифологический характер национального образа в ино-

культуре признают многие ученые. В связи с этим возможно задаться вопросом, насколько правомерна имагология, которая таким образом изучает национальный миф. Замечу, однако, что современная «постнеклассическая наука» начинает придавать особое значение именно имагинарному и «...нелинейным сетевым взаимодействиям, отражающим комплексное и нелинейное видение мира, поскольку сложность, открывающаяся взору современного субъекта-наблюдателя, не может быть понята в рамках узкодисциплинарной схемы» [13], как писал об этом Ю. Степанов. О современной науке, заметно стремящейся к изучению имагинарного, пишет также в своих последних работах и известный французский медиевист Жак Ле Гофф: «Термин «*имагинарное*», конечно же, восходит к слову *imagination* – воображение, но история имагинарного не есть история воображения в традиционном смысле слова, а это история сотворения и использования образов, побуждающих общество к мыслям и действиям. Ибо они вытекают из его ментальности, чувственного ощущения бытия, культуры, которые насыщают их жизнью. Эта история началась несколько десятилетий назад, когда историки научились извлекать из образов новые смыслы» [14]. Заклучая свое суждение, Ле Гофф справедливо напомнил о заслугах французской Школы Анналов в укоренении имагинарного, неизбежного при создании ментальных образов. Кроме того, что имагологический образ – это ментальный образ, определяющийся характером воспринимающегося субъекта, и в этом смысле образ России, созданный в английской культуре, не может вполне совпадать с тем образом, который сформирован в культуре немецкой и французской, специфика национального мифа еще и в том, что этот мыслеобраз «переживается». Кроме научных компонентов, этот миф включает, таким образом, «обертону» психологические, социальные, бытовые, проецирующиеся на контекст межкультурной коммуникации. Не случайно имагология уже знает случаи, когда политические, военные, дипломатические и иные ведомства «заказывали» ученым проекты имагологического характера.

Последнее издание книги Н.П. Михальской включает и новые материалы, связанные с созданием образа англичанина и англичан в русской литературе. С этой целью Михальская обращается к прозе Карамзина, Толстого, Герцена, Григоровича и др. Это серьезное, большое исследование ею только начато и ждет своего продолжения со стороны тех, кто выберет для себя область имагологии и заинтересуется обозначенным аспектом. Однако само объединение под одной обложкой двух аспектов имагинарного – взгляда на Россию из пространства английской литературы и культуры и, наоборот, восприятия Англии и англичан русскими – ставит возможную перспективу развития так называемой сравнительной имагологии, о чем имагологи уже начинают рассуждать и спорить.

Nikola M. I.

Imagology as the New Research area in Russian Literary Science

Abstract: The article contains characteristics of imagology as one of the trends in cross-cultural communication. Imagology has the aim of studying the image of one country, its people and culture perceived by another nation. Imagological image is viewed as a developing and enriching historic phenomenon in which some dominant ideas called imagemes can be defined. In this article the author points out the main scientific works which contributed to establishing this new research area. The monograph “Russia and England: Problems of Imagology” by N. P. Mikhalskaya is considered in detail.

Keywords: cross-cultural communication, imagology, interdisciplinary character of science, image of a country in a foreign culture.

Библиография:

1. Холл Э. Как понять иностранца без слов. М., 1995. Hall Edward T. Beyond Culture. N.Y. – London-Toronto- Sydney-Auckland, 1989.
2. Gauyard M.-F. La literature comparee. P., 1951. – P. 28.
3. Carre J.-M. Les ecrivains francais et le mirage allemande. 1800-1940. P., 1947.
4. Тэн И. История английской литературы. Введение // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX-XX вв. Трактаты. Статьи. Эссе. М., 1987. – С. 78-79.
5. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. – С. 354.
6. Гачев Г. Национальные образы мира. М., 1988.
7. Cross A.G. Great Britain and Russia in the Eighteenth Century. Contacts and Comparisons. Newtonville. 1979. Кросс Э.Г. У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. Спб., 1996.

8. Михальская Н.П. Образ России в английской художественной литературе IX-XIX вв. М., 2003. – С. 9.
9. Земсков В. Образ России на переломе времен: Теоретический аспект рецепции и репрезентация «другой культуры» // Новые российские гуманитарные исследования. 2006. №1. – С. 24.
10. Ощепков А.Р. Образ России во французских путевых записках XIX века. М., 2010. – С. 221.
11. Михальская Н.П. Образ России в английской художественной литературе IX-XIX вв. – С. 50.
12. Там же. – С. 130.
13. Степанов Ю. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М., 2007. – С. 62.
14. Ле Гофф Ж. Герои и чудеса Средних веков. М., 2011.

Степанов Евгений Николаевич

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова, Украина,
stepanov.odessa@gmail.com

РУССКАЯ РЕЧЬ В ПОЛИЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА: СТРУКТУРА И НОРМА

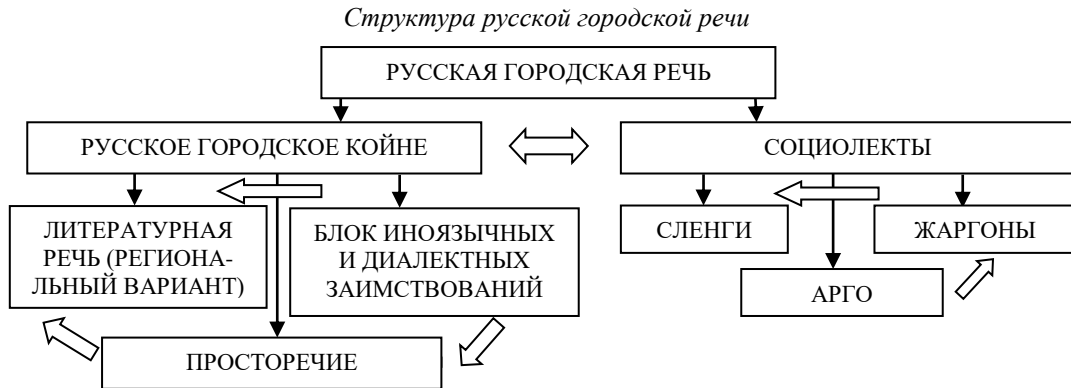
Аннотация: В статье охарактеризована структура русской городской речи как функционального типа русского языка в полилингвокультурном городе, базовый ориентир койне которого – русский язык. На примере русской речи Одессы показаны закономерности формирования и функционирования одесской русской речевой нормы, роль городского койне, социолектов и языков жителей города в этом процессе. Выявлены сферы наиболее частого использования специфических черт городской речи: её экономико-социальный, географический, этнический, урбанистический и культурно-исторический макрокомпоненты.

Ключевые слова: русская городская речь, структура городской речи, речевая норма, макро- и микрокомпоненты городской речи, полилингвокультурное пространство, Одесса.

Выдвинутая нами концепция представляет *городскую речь* как целостный территориально-социальный идиом, представляющий собой один из функциональных типов языка. Цель данной статьи – показать на примере функционирования русского языка в условиях полилингвокультурного пространства города Одессы и некоторых других больших городов, в которых русская речь является основным средством коммуникации, что в каждом таком городе русская речь жителей представляет наддиалектный территориально-социальный функциональный тип русского языка, организованный городским койне и системой функционирующих в этом городе и ориентирующихся на русский язык социолектами.

Ядром городской речи мы считаем **городское койне** – общеупотребительный идиом жителей города. В социолингвистике выделяют городские койне трёх типов: возникшие 1) благодаря смешиванию нескольких диалектов языка (большинство однородных городских койне русского средневековья, в том числе древнекиевское и московское) [18: 64-65; 7: 30]; 2) в результате смешивания одного или нескольких диалектов с литературным языком (большинство однородных городских койне новой и новейшей эпохи); 3) в результате смешивания нескольких диалектов, литературного языка и иноязычных образований (в новых городах колониального типа). Городскими койне третьего типа (гомогенно-гетерогенными), развившимися на базе русского языка, следует считать, например, петербургское, одесское, уфимское койне [6; 15: 507-508; 5]. В отличие от наддиалектности и территориальной незакреплённости *просторечия* [8: 54; 4: 356-357], для городских койне свойственны определённость языкового и диалектного влияния и территориальная ограниченность функционирования. **Социолекты** составляют **периферию** городской речи, так как используются количественно ограниченными группами пользователей.

Впервые в русском языкознании о необходимости комплексного подхода, сочетающего в себе лингвогеографическое и социологическое описание «языкового быта города», заявил Б. А. Ларин в 1920-е годы [9], выделив несколько подсистем городской речи: литературную разговорную речь, городское просторечие, социальные и территориальные диалекты, а в городах с многонациональным населением ещё и подсистему городского двуязычия. В каждом полилингвокультурном городе и городские койне (здесь возникают койне третьего типа), имеющие в качестве приоритетного ориентира русский язык, и городские социолекты включают диатопические (территориальные), диастратические (социальные), функциональные, диафазические и диаситуативные особенности. См. таблицу 1:

Норму в лингвистике долгое время воспринимали как аналог кодификации и связывали с функционированием литературного языка, признавая совокупностью наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закреплённых в процессе социальной коммуникации. Последовательное разграничение понятий нормы и кодификации впервые было проведено в трудах учёных Пражского лингвистического кружка. Суть решения заключается в том, что нормы присущи не только литературному языку, но и любому жаргону, говору, другому языковому формированию. Некоторые языковые явления могут объективно существовать в ограниченном ареале функционирования того или иного языка, быть социально одобряемыми жителями этого ареала и отображать закономерности языковой системы и её эволюции. Оценка фактов языка не является длительной константой, поскольку следует за узусом. Следовательно, норма является характерным признаком не только языкового ядра, литературного языка, но и любого периферийного идиома [16: 39; 14: 154-155]. Первыми в русистике такой подход к понятию нормы использовали диалектологи. В 1962 г. Р. И. Аванесов заявил, что в диалектной речи, как и в литературном языке, понятие нормы не сводится к допустимому или недопустимому, а зависит прежде всего от коммуникативного задания речи [1: 10]. К. С. Горбачевич выделяет в понятии нормы субъективную, объективную и функциональную стороны: «норма – это не только социально одобряемое правило, но правило, объективированное реальной речевой практикой и предназначенное для отображения закономерностей языковой системы и её эволюции» [2: 46]. По меткому замечанию Н. Б. Мечковской, «природа языковых норм одинакова и в литературном языке, и в диалектах или арго, поскольку главное, чем создаётся само явление языковой нормы, – это наличие у говорящих "языкового идеала"» [10: 37].

Понимание нормы не как аналога кодификации, а как социально одобряемого правила, объективируемого реальной речевой практикой, позволяет выделять **узуальные региональные речевые нормы** русского литературного языка, в том числе одесскую, петербургскую, омскую, саратовскую и другие региональные речевые нормы, представляющие ядро городских койне. Норма городского койне изменчива и вариативна, что обуславливает возможность выделения на определённом хронологическом отрезке регулярных и нерегулярных подсистемных явлений, фактов, единиц. Регулярными среди подсистемных являются наиболее частотные факты. Со временем регулярность подсистемных явлений в койне может изменяться: регулярные явления могут ослабевать до уровня их нерегулярного функционирования и, наоборот, некоторые нерегулярные явления могут становиться регулярно функционирующими [13: 80-81]. Отклонения от литературной нормы в городской речи создают языковой колорит города, очерчивают контуры его лингвистического портрета.

Каждая функция города обуславливает возникновение специфической социальной группы горожан, что приводит к созданию разнообразных корпоративных и профессиональных особенностей вербальной и невербальной коммуникации внутри каждой группы, формируя её языковые идеалы и соответствующие этим идеалам профессиональные арго, жаргоны, сленги. В то же время, необходимость межгруппового общения внутри города вызывает процессы формирования **местной городской речевой нормы**: общегородских речевых правил,

которые ориентируются на общенародный или региональный язык, приобретающий в речевой реализации жителей конкретного города свою социально одобряемую, выработанную реальной речевой практикой горожан и предназначенную для отображения закономерностей реализации языковой системы и её эволюции специфику.

Покажем примеры структурных элементов русской городской речи полилингвокультурного города, формирующие региональные речевые нормы русского литературного языка и региональных русских социолектов. При этом мы считаем, что в лексико-фразеологической системе, а отчасти и в фонетико-просодической, морфологической, синтаксической, стилистической системах русской городской речи её местная специфика проявляется в денотативном и коннотативном своеобразии социально-экономического, географического, этнического, культурно-исторического, урбанистического макрокомпонентов.

В русской городской речи Одессы наиболее частотными при формировании специфики региональной речевой нормы **экономико-социального** макрокомпонента являются морская и торгово-деловая микрокомпоненты. Самыми распространёнными приёмами при этом являются морская и торгово-деловая метафоры, метонимии, сравнения; включение соответствующих профессионализмов в общеупотребительную и художественную речь. Напр.: (**Море:**) *Рубль довольно прочно стал на якорь* (Газета «Моряк», 23.07.1922; *стать на якорь* = "перестать инфлировать"). *Но всё сильнее стремимся мы к походам / И всё решительней вираем якоря, / Чтоб обуздать штормящие моря. <...> Приучены державить над судьбою / И каждую ступень на трапе восхожденья / Брать с бою!* (Г. Карев). *На траверсе* – акации в строю, / *Я лагом к Дерибасовской стою* (И. Гордон). *Черноморское пароходство – главное учреждение этого своеобразного морского города, фамильярно именуемое... просто конторой... Учреждение, без которого Одесса не была бы Одессой* (816, с. 62). *Несчастье шлялось под окнами, но оно было пьяно, как водолаз* (И. Бабель). *"Черноморцу" нечего "ловить"* (М. Пойзнер; в жаргоне футбольных фанов *нечего ловить* = "не выиграть, не удержаться в игре"). *Мерзавец, кефалик проклятый, рачколя дохлая, – думал он про цирюльница...* (Журнал «Зритель», 1922, № 1). (**Торговля:**) *Как истинное дитя Одессы, он [Фирлич. – Е. С.] знал толк в заморских винах и не иначе пил, как из четверкового стакана, который у него назывался портфранк* (О. Рабинович). *Тут же, на Пересыпи – главная биржа перекупщиков, "зайцев", "скакунов" и прочих мелких гешефтмахеров...* (Путеводитель по Одессе..., 1889). *Подкладка тяжёлого кошелька сшита из слёз* (И. Бабель; "большое состояние можно сколотить только на чужом горе"). *То, что ему... не прощалось в разговорах между своими, ... приветствовалось Соборкой в нравоучениях на "внешнем рынке", то есть, когда надо было разобрататься с незваными гостями – пришельцами извне* (М. Пойзнер). *Как быть со сдачей?* (М. Пойзнер; "чем отблагодарить, расплатиться?").

Специфика одесской региональной речевой нормы, формируемая на основе **географического** макрокомпонента представлена природными и социально обусловленными микрокомпонентами. Например, сегодня *овидиополец* – это житель Овидиополя, райцентра Одесской области, а ещё в начале XX в. **Овидиопольцем** назывался *дребезжащий еврейский экипаж с кучером в рваном местечковом лапсердаке, лихо подпоясанном красным ямищиким кушаком* (В. Катаев). *Голуби – они тоже разные. Есть николаевские, очаковские, одесские. А почтари?!* (М. Пойзнер). Все эти породы, кроме *почтового голубя*, являются местными разновидностями дикого сизого голубя и отсутствуют в специальной справочной литературе. Наиболее частотное в одесском дискурсе значение слова *Карантин* (*карантин*) имеет метонимическое происхождение, не зафиксированное академическими словарями: ¹"часть акватории порта (Карантинная гавань с Карантинным молом) и прилегающая к ней территория самого порта"; ²"порт". В порту и рядом работали и ночевали тысячи нищих. К Карантинной гавани ведёт Карантинная балка (Канава), где когда-то располагались ночлежки для бездомных. Эти геосоциальные особенности легли в основу ряда одесских фразеологизмов с негативными коннотациями, указывающих на отношение носителей денотативных признаков к социальному дну: *карантинные ругательства, байстрюк карантинный, карантинная бикса, карантинный жлоб, карантинные нравы* и под.

Специфика **этнического макрокомпонента** представлена украинским, еврейским, греческим, итальянским, польским, восточнороманским, французским микрокомпонентами.

Например: (1) *Сидите себе на здоровье в Одессе, ходите на Дерibasовскую, дышите акацией* (А. Львов). Глагол *дышать*, образован, как и украинский *дихати*, без чередования заднеязычного с шипящим, ударный в нём корневой, а не суффиксальный гласный. *Жизнь – смитьё, свет – бордель, люди – аферисты* (И. Бабель). *Смитьё* < укр. *сміття* – “мусор”.

(2) Просторечное ироническое *пуриц* в значениях “задавака”, “важный”, “надменный” (о человеке), “богач”, употребляемое в эмоциональной речи многих одесситов, является метафорой еврейского (ид. פּאַרעץ [пóрэц] – “помещик”. *Мужчина в 50 лет – это ещё почти мальчик, цимес, – говорила моя мама* (А. Львов). *Цимес* (ид. צימטס) – сладкое национальное еврейское блюдо. *Гоните этого шаю! Что он может знать?!* (М. Пойзнер). *Шаю* – диминутив от *Ишайя / Исаяя* (ивр. ישׂיה), *шай* (ивр. שׂי – “подарок”). В русской городской речи Одессы имеет значения “дурак”, “олух”, “недотёпа”, “некомпетентный человек”. Отрицательные коннотации это имя получило в идиш, откуда было заимствовано с коннотативно сниженным значением, пополнив синонимический ряд подобных славянских отантропонимных лексико-семантических дериватов типа *Вася, Ваня, Федя*.

(3) *Оставшееся в Одессе население давно привыкло до того, что в любое время могло тарабанить своим корешам и родственникам по телефону и платить при этом какие-то купоновые копейки* (В. Смирнов). Слово *кореш* возникло в Одессе в нач. XX в. Это одессизм, образованный от греческой фамилии *Корено*. В русскую жаргонную речь и общеупотребительное просторечие слово *кореш* было имплантировано в начале XX в. из русской городской речи Одессы. Грек Коля Корено в начале XX в. был общепризнанным лидером одесской молодёжи, так как был лучшим в кулачных боях «стенка на стенку». Л. О. Утёсов писал: «Греческая мифология – миф. Одесская мифология – действительность <...> На одесском «Олимпе» есть бог и боженята. [Городской бог – грек Колька **Корено**, на Молдаванке – Исаак-Большой кулак и Мотл-Дешёвка, на Пересыпи – Юрка Конский, на Слободке – Бенья Буц]... » [17: 14-15]. Всех почитателей Корено в Одессе называли *корешками*. «**Корешки** готовы были для него на всё» [17: 15]. *Корено* → *корешок* (парономазия: *Корено* → *корень*; диминутивная суффиксация: *кóрень* → *корешóк*) → *кóреш* (усечение основы); *Корено* → *корешáн* (сложносокращённый способ: *Корено+фанат*) – “горячо преданный Корено”.

(4) *Вира помалу, майна, банда* (Л. Кармен). *Купит работа. В чечегарке / Герои судна “первой марки” / Стука возились в полутьме. / Колосниками барабанят, / Вирают мусор, трубки баняют...* (Газета «Моряк», 3.07.1922). Междометия *вира!* и *майна!* этимологически являются формами итальянского императива: *vira!* – “крути, вращай (лебёдку)”, т.е. “подними вверх” – от глагола морской терминосистемы *virare* – “вращать (лебёдку)”; *taina!* – “спускай, сворачивай (паруса)” – < *tainare*. В русской городской речи Одессы от междометий *вира!* и *майна!* образованы глаголы несовершенного вида *вирать* – “поднимать”, – и вариативные *майновать / майнать* – “спускать, опускать”, – спрягаемые по всем правилам русской глагольной парадигматики. Из арго портовых докеров, где изредка можно услышать также формы совершенного вида этих глаголов (*свирать* = “поднять”; *смайновать/смайнить/ майнуть* = “спустить, опустить”), *вира!*, *майна!* и производные от них глаголы распространились на другие сферы хозяйства, где есть грузовые работы, эти слова используются и в обиходной речи. Напр.: *А потом уже не ты, а уже умные люди скажут, что именно Игорь скомандовал “Майна!”* (М. Пойзнер). *Майна!* здесь употреблено как призыв к драке. *Бáнда!* докеры одесского порта в своём профессиональном арго употребляют как междометие со значением “в сторону!” Образовано это междометие от итальянского существительного *banda*¹ – “сторона”, “край”, (морск.) “борт”. В одном из предыдущих примеров вместо рус. *мочить* встречаем *банить* (< ит. *bagnare* – “мочить”, “смачивать”, “увлажнять”).

(5) Существительное *злот* (< польск. *zloty* – “злотый”, оценивавшийся в 30 польских грошей или 15 российских копеек) функционирует с разной степенью регулярности в значении “15 копеек”, “15 рублей”, “15 гривен”, “15000 долларов” и проч. с доминантной количественной семей “пятнадцать”. Напр.: *Пароход “Васильев” конкурировал с “Тургеневым”, и ... билет от Аккермана до Одессы уже стоил только пятнадцать копеек, или, как у нас говорили, “злот”* (В. Катаев).

(6) *Кирьяков... купил нам палубные билеты, вручил фунт вкусной копчёной колбасы и две франзоли...* (В. Катаев). Одесским по происхождению считал слово *франзóля* В. И. Даль

[3, 1: LXXIV]. М. Фасмер считал это слово новообразованием от нем. *Franzbrot* – "французская булка" (с немецким формантом *Franz* или голландским *Frans*). Словом *франзолья* в Одессе уже в начале XIX в. называли белый хлеб и булки, но пришло оно, по нашему мнению, не из немецкого, а из языков жителей Хаджибея, в котором в XVIII веке уже был денотат и соответствующий ему сигнификат, по-русски звучавший *франзолья*. Само это слово молдавское. Жители Молдаванки снабжали Хаджибей и порт продуктами растениеводства. В современном молдавском (румынском) языке употребляются слова, однокоренные с одесским *франзоля*. Ср.: *franzela* / *франзелэ* ("булка", "длинный хлебный батон"), *franzelarie* / *франзелэрие* ("булочная").

В одессике имеется мнение, что слово *бodega* пришло в русскую речь одесситов в XIX в. из испанского языка [12: 52–53], поскольку в речи одесситов оно семантизировалось, как в испанском: "погреб для хранения и дегустации вин", "трюм на судне под фордеком", "склад товаров в порту". После революции 1917 г. это слово в Одессе употреблялось редко, а в период румынской оккупации оно снова стало частотным, однако под влиянием рум. *bodegă* – "закусочная" – изменило семантическую структуру (сема 'подземелье' стала периферийной). В этом значении слово *бodega* часто употребляли румынские солдаты. Быть владельцем *бодег* стало одним из самых прибыльных дел в оккупированной Одессе. В современной русской речи Одессы слово *бodega* употребляется с отрицательной коннотацией в значении "пункт общественного питания с плохим обслуживанием": пивная, рюмочная, бар, кафе, ресторан и под.

(7) ...*Пили чай, обедали, ужинали и играли в "стуколку" и "шмендефер"* (Л. Кармен). *Шмендефер* (от фр. *chemin de fer* – "железная дорога") – вид карточной игры. *Шмендефер* отсутствует в словарях русского языка. В *Petit Robert chemin de fer* в одном из метафорических значений толкуется как азартная игра, вариант баккары. Полагаем, что слово *шмендефер* в таком значении из французского сначала пришло в речь одесситов. Позже оно было скалькировано (*железная дорога*), структура словосочетания заменена отадекватным существительным с продуктивным суффиксом -к-: *железка* (ср. с одессизмом *открытка* (< открытое письмо), возникшим в Одессе в это же время, на рубеже XIX и XX в.в. [12: 10-11]). Слово *шмендефер* нынешним одесским крупье неизвестно.

Ты уже сделала базар? (Журнал «Одесса», 1996, № 4). *Что-то стало совсем тяжело на все ноги* (М. Пойзнер). Фразеологическими полукальками с французского являются одессизмы: (*быть*) *холодно / горячо в руки / в ноги / в уши...* (= "(быть) холодно / горячо рукам / ногам / ушам...") < *avoir froid / chaud aux mains / aux pieds / aux oreilles* (букв. *"*иметь* холод / жару в руках / в ногах / в ушах"); *тяжело / больно на все ноги* (= "*тяжело / больно ногам*", "*ощущать боль / тяжесть в ногах*") < *avoir peine à tous les pieds* (букв. *"*иметь* боль во всех ногах"). *Делать базар* (= "*покупать провизию*") – калька французского *faire le marché*

Региональная специфика **урбанистического и культурно-исторического** макрокомпонентов русской городской речи Одессы наилучшим образом реализуется в урбанотопонимии, урбанистических фразеологизмах и городских прецедентных феноменах. Приведём несколько специфических примеров урбанистического макрокомпонента: (1) Фразеологизм *иметь квартиру и в квартире* горожане часто используют вместо *иметь (на) хлеб и к хлебу* в значении "жить в достатке, быть материально обеспеченным". Такая переинтерпретация свидетельствует о том, что для современного горожанина доминантой, основным символом материального достатка становится не хлеб, а жильё. (2) *Я услышал брезгливый голос, сказавший моему папе, что у меня не рот, а помойная яма* (В. Катаев). Атрибутом каждого старого одесского двора ещё в 1970-е годы была помойная яма. (3) *Он ехал, как в пиковых пробках* (Из разговора). Автомобильные пробки в час пик – характерная особенность всех современных больших городов. Словосочетание *пиковая пробка* приобретает характер устойчивого словосочетания.

Культурно-исторический макрокомпонент русской городской речи реже имплантирует свою специфику в общеупотребительную русскую речь и речь других городов и регионов, однако чаще единиц других макрокомпонентов проявляется в речи жителей конкретного города и региона. Напр.: (1) Памятник дюку де Ришелье, как и большинство одесских городских прецедентных феноменов, порождает позитивно и негативно коннотированные сценарии в языковом сознании одесситов. Фразеологические обороты *спроси /*

попроси у дюка в разных сценариях имеют разные коннотации. Давно существует поверье, что *дюк* подсказывает темы сочинений и вопросы билетов выпускникам. До 1970-х годов в Одессе из поколения в поколение передавался культ дюка – ангела-хранителя. Сторожевым собакам часто давали кличку *Дюк*. Обороты со словом *дюк* имеют разную аксиологичность. Кто-то верит легендам и позитивно оценивает приведённые обороты, другие относятся к ним с иронией. Налицо аксиологический парадокс. Так, в оборотах интеграционно-сравнительного типа мотивации слово *дюк* функционирует как синоним слова *истукан*, внося в коннотативные макрокомпоненты ряда фразеологизмов негативные конотативные семы: *Дюк по-французски – герцог. Но в Одессе "дюк" означало – хмурый дурак, недотёпа. "Молчит, как дюк". "Что ты сидишь, как дюк?"* [11, 2: 471].

(2) *Тебя же давно заждались на... Слободке* (М. Пойзнер) = "ты сумасшедший, тебе пора лечиться". Первая психиатрическая больница Одессы находится на Слободке.

(3) ФЕ модусного типа мотивации с компонентами пространственной ориентации *вокзал, базар и кишинёвский поезд* в 1940-е – 1980-е годы часто служил у одесситов формулой оценки тяжёлой, беспросветной, бедной трудовой жизни: как у молдавских крестьян, снабжавших Одессу дешёвыми фруктами и овощами.

Таким образом, исследование структуры и нормы русской городской речи как функционального типа русского языка позволяет утверждать, что ядром городской речи является городское койне; на периферии функционируют свойственные городу социолекты; в полилингвокультурном городе важным структурным компонентом как ядра, так и периферии является блок иноязычных и диалектных заимствований. Региональная (городская) норма русской речи складывается и функционирует как коллективный языковой идеал жителей региона (города). Результаты изучения русской речи Одессы свидетельствуют о том, что местная специфика региональной нормы проявляется в денотативном и коннотативном своеобразии социально-экономического, географического, этнического, урбанистического и культурно-исторического макрокомпонентов городской речи.

Stepanov E. N.

Russian Language in a Multicultural Space of the City: Structure and Norm

Abstract: The purpose of this article is to describe the structure of Russian urban speech in a multicultural city as a functional type of the Russian language. The baseline of urban Koine of this city is the Russian language. The regularities of formation and functioning of the multicultural city Russian speech norms, the role of urban Koine, sociolects, dialects and foreign languages in this process are shown on the example of the Russian urban speech of Odessa. Areas of most frequent use of specific features of the Odessa urban speech are identified: economic-social, geographical, ethnic, urban, cultural and historical macro components of urban speech.

Keywords: Russian urban speech, urban speech structure, speech norm, macro and micro components of urban speech, a multicultural space, Odessa.

Библиография:

1. *Вопросы теории лингвистической географии* / [ред. Р.И. Аванесов]. М.: Изд-во АН СССР, 1962.
2. Горбачевич, К.С. *Вариантность слова и языковая норма: на материале современного русского языка*. Л.: Наука, 1978.
3. Даль, В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т.* М.: Русский язык, 1978-1980.
4. Земская, Е.А. *Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь*. М.: Языки славянской культуры, 2004.
5. Исмагилова, Н.В. *Язык города Уфы: функционирование различных языковых подсистем и билингвизма*: автореф. дисс. ... канд. филол. н.: спец. 10.02.19 «Теория языка». – Уфа, 2007.
6. Колесов, В.В. *Язык города*. М.: Высшая школа, 1991.
7. Колесов, В.В. *«Жизнь происходит от слова...»*. СПб.: Златоуст, 1999.
8. Крысин, Л.П. *Формы существования (подсистемы) русского национального языка. Социальная маркированность языковых единиц*, / Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры, 2003.
9. Ларин, Б.А. *О лингвистическом изучении города*, / История русского языка и общее языкознание (избранные работы). М.: Просвещение, 1977.
10. Мечковская, Н.Б. *Социальная лингвистика* [2-е изд., испр.]. М.: Аспект Пресс, 2000.
11. Славин, Л.И. *Избранные произведения: в 2 т.* М.: Худож. лит., 1981.
12. Смирнов, В.П. *Одесский язык*. Одесса: Полиграф, 2008.
13. Степанов, Е.Н. *Факторы формирования одесской урбанотопоними*, / Записки з ономастики. Одеса: АстроПринт, 2000. Вип. 4.

14. Степанов, Е.Н. *Литературный язык, диалект, городское койне и норма: проблемы соотношения, / Русистика и современность. Языкознание. 4. Rzeszów: WUR, 2006.*
15. Степанов, Е.Н. *Норма городского койне, / Русский язык сегодня. 4. Проблемы языковой нормы. М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2006.*
16. Степанов, Е.Н. *Русская городская речь в полилингвокультурном пространстве Одессы: дис. ... докт. филол. н.: 10.02.02 – «Русский язык». Одесса, 2013.*
17. Утёсов, Л.О. *Спасибо, сердце!: воспоминания, встречи, раздумья. М.: Всесоюзное театральное общество, 1976.*
18. Шахматов, А.А. *Очерк современного русского литературного языка. [4-е изд.]. М.: Учпедгиз, 1941.*

Млечко Татьяна Петровна

Славянский университет в Республике Молдова

mle4ko-t@mail.ru

ДИНАМИКА И ХАРАКТЕР ПРЕОБРАЗОВАНИЙ РУССКОЯЗЫЧНОГО ПРОСТРАНСТВА В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

Аннотация: Статья посвящена социолингвистическому описанию последствий национально-языковой политики Республики Молдова в плане выявления тех изменений, которые за четверть века произошли в русскоязычном пространстве страны.

Ключевые слова: русский язык, языковая ситуация, русофоны, иноязычное окружение, языковая личность, билингвизм.

Активные процессы в языковой сфере стали характерной чертой нынешнего исторического периода, что очевидным образом привлекает к ним особое внимание синхронной социолингвистики [1: 3]. Это дает возможность не отсроченного, а параллельного, то есть одновременного и в этом смысле своевременного научного осмысления тех реалий, которые актуальны для социальной практики. Причины трансформаций коммуникативного пространства в ближнем зарубежье после распада СССР неоднократно подвергались анализу и достаточно хорошо известны, как и отдельные последствия произошедших преобразований, однако наша задача рассмотреть их во взаимосвязи применительно к русскоязычному пространству в нашем государстве Республике Молдова.

В том, что касается причин, повлиявших на роль, место и состояние русского языка в Молдове, нам представляется целесообразным выделить в качестве основных следующие из них:

- смена геополитического статуса и внешнеполитического вектора развития республики;
- изменение национально-языковой политики и соответственно ей – законодательства, регламентирующего использование языков в различных сферах;
- дистанцированность от России во всех смыслах, включая то, что принято называть отчуждением, в том числе и носителей, от языковой метрополии.

Нами обобщенно перечислены только те причины, которые снизили демографическую и коммуникативную мощь русского языка в условиях нарастающей доминанты языка титульного населения, а также сократили территориальный радиус его применения. Однако есть целый ряд причин, которые в качестве сдержек и противовесов позволили русскому языку сохранить свои позиции и качественные параметры в полиэтничном социуме РМ.

Наша цель – рассмотреть последствия и результаты сложных трансформационных процессов в их преломлении к русскоязычному пространству РМ. В частности, в рамках данной статьи предполагается дифференцированно представить то, что за последние четверть века в русском мире Молдовы а) удалось сохранить, б) что безвозвратно утрачено и в) что русскоязычное сообщество обрело за этот период в качестве новых характерных примет бытования русского языка вне России.

Именно это, на наш взгляд, даст объективное представление о характере и динамике перемен, а также о тенденциях таковых на перспективу, что нам следует учитывать, чтобы не просто доверяться течению событий, но активно влиять на судьбу русского языка в нашей республике. Попытка дать подобного рода анализ представлена в работе «Русские Молдовы двадцать лет спустя» [2], однако она посвящена этносоциологическим проблемам, а не описанию коммуникативного пространства.

Согласно обозначенной выше последовательности, рассмотрим, прежде всего, то, что можно отнести к «так или иначе удерживаемым позициям», то есть к зоне сохраненного.

Один из первых показателей касается соотношения языковой и этнической принадлежности русских Молдовы. Процент совпадения всегда был максимально высоким. По результатам всех переписей населения, включая последние, он продолжает таким образом оставаться, что говорит о сохранении этническими русскими своей языковой идентичности несмотря на ассимилирующее воздействие иноязычной среды. Следует отметить, что это важная позиция для сохранения уровня русскоязычной коммуникации в социуме и один из факторов сохранения русскоязычного образования в республике.

Вторая из сохраненных русским языком позиций касается его фактического и юридического статуса. Он продолжает оставаться родным языком не только для этнических русских, во-первых, и, во-вторых, языком межнационального общения для сообщества представителей национальных меньшинств, а также для значительной доли коммуникации русофонов с представителями титульной национальности, так как даже в среде их молодого поколения высока доля билингвов. Также русский язык – один из трех официальных языков в левобережном регионе (в непризнанной ПМР) и в Гагаузской автономии.

Далее следует отметить факт применения русского языка во всех регулируемых языковым законодательством сферах общения, хотя и в усеченных пределах, а также в сферах, не регулируемых законодательством. Примечательной характеристикой языкового пространства страны является то, что официальные документы государственного значения публикуются и на русском языке, он же используется в избирательных процедурах, в политическом дискурсе, в Парламенте РМ.

Следующая из сохраненных позиций – это инфраструктура русской автохтонной диаспоры: действующие на русском языке церкви, театры, библиотеки, вся вертикаль образовательных учреждений, многочисленные российские и национальные СМИ, научные и литературные издания, а значит, исследования и литературное творчество на русском языке.

В перечне сохраненных позиций особое место занимает то, что касается непосредственно языка как кодифицированной системы. Вопреки имеющимся попыткам обособления национальных вариантов русского языка сохраняется ориентация на российскую академическую норму, то есть очевидно преобладание центристических тенденций над центробежными в отношении интерпретации региональной специфики русскоязычной речевой практики.

Помимо сохранения языкового кода, русскоязычное сообщество сохраняет в молдавском лингвокультурном окружении также свой самобытный культурный код. Именно это позволяет называть русофонов *русскокультурным* сообществом. Это обозначение все чаще фигурирует в тематическом дискурсе, подчеркивая тот факт, что даже при переходе на иной язык повседневного общения носители русского языка остаются носителями русской культуры.

Наконец, завершая краткий перечень базовых черт, сохраненных русскоязычным пространством Молдовы, следует обратить внимание на членство Республики Молдова в СНГ, несмотря на официальную проевропейскую доминанту во внешней политике. Также важно и сохранение жителями Молдовы непосредственных контактов с Россией как страной с безвизовым режимом пересечения границ. Все это, включая постоянную рабочую миграцию в Россию, сохраняет привлекательность русского языка как трансэтнического средства коммуникации для огромного региона Евразии, как языка общего во многих чертах постсоветского информационного (в широком смысле) гуманитарного пространства.

Следующий вопрос, который обозначен нами для освещения, касается того, что **заметно изменилось** в русскоязычном пространстве РМ или что им **утрачено**.

Русский язык утратил статус и масштаб коммуникативной доминанты.

Резко снизилась демографическая и коммуникативная мощь русского языка.

Законодательным решением граждан РМ лишили отчества, что неприемлемо для этнических русских и тех, кто относит себя к русскоязычному или, что точнее в этом случае, русскокультурному сообществу [4].

Также законодательным решением в республике упразднена русская параллель топографических наименований. Это привнесло в русскую речь и неестественные для неё фонетические изменения, и утрату склонений, и ограничение деривационного потенциала имен

собственных (например, невозможность создания от них прилагательных, названий жителей населенных пунктов и т.д.), и синтаксический переход от согласованных определений к несогласованным. Всё это касается практически всего национального ономастикона в целом.

Утрачена русская параллель в делопроизводстве, в документообороте: образцы подавляющего большинства документов существуют только на государственном языке и официальных аналогов на русском языке не имеют, что вынуждает многие обозначения этой сферы использовать и в коммуникации на русском языке.

Фактом иного рода является то, что русская параллель не отсутствует как таковая в языке, а просто не применяется в публичной социально значимой сфере, например, в наглядной информации (вокзалы, медицинские учреждения и т.п.).

Особое значение имеют преобразования **в системе образования** на русском языке в РМ. Так, в доуниверситетском звене заметно уменьшилось количество школ, классов, учащихся, причем, не только по объективным причинам демографического характера, включая сюда и миграционный компонент. Такие же изменения произошли и в учебных заведениях с государственным языком преподавания, но в меньших пропорциях.

Тревогу вызывает общий языковой режим коммуникации в учебных заведениях с русским языком преподавания, так как снизилось качество языка преподаваемых предметов, сокращена или ликвидирована в отдельных вузах подготовка на русском языке учителей-предметников.

Также в образовании на русском языке утрачен достаточный для полноценного сохранения преемственности исторического самосознания историко-культурный компонент.

В сфере высшего образования тоже произошли изменения. Четверть века назад доля русскоязычных групп в вузах составляла более 40%. В настоящее время констатируется нерентабельность наличия в вузах русских групп и практикуется их слияние с группами, обучающимися на государственном языке.

По причинам социального характера низок процент молодых трудоустроенных учителей. В том числе и по этой причине падает спрос на специальность «русский язык и литература». Следствием невысокого набора на специальность становится сворачивание кафедр путем совмещения с другими.

Наконец, на сокращение русскоязычного пространства не только в образовательном его сегменте, но и в социуме в целом направлены предписания нового Кодекса об образовании, который не только закрепляет статус русского как иностранного для молдавских школьников, но и переводит его из статуса обязательного в статус языка по выбору, что несомненно приведет к еще большему сокращению национально-русского билингвизма титульного населения РМ.

Уже сейчас можно констатировать серьезные изменения в русскоязычной коммуникации инофонов. Доказательством тому является: а) сокращение доли русского языка в речевой практике билингвов, б) снижение объема русской составляющей в национально-русском билингвизме, в) резкое снижение уровня владения языком на срезе молодого поколения, для которого русский язык становится преимущественно ситуативным и используемым в устной форме.

Об изменениях и потерях можно судить и по уровню владения русским словом самих носителей, чья языковая личность обрела новые черты под воздействием доминирующего лингвокультурного окружения, язык которого стал обязательным для русофонов. В этом плане можно говорить не только об увеличении количества естественных и вынужденных заимствований и о более лояльном отношении к их инкорпорации в русскую речь, но и о целом ряде иных фактов. Так, к ним можно отнести:

- увеличение частотности культурноречевых погрешностей;
- усиление интеркаляци, то есть влияния чужого языка на родной, и инерционной интерференции, когда ошибки молдаван в русской речи копируются по инерции русофонами;
- большую восприимчивость к влиянию молдавского контекста на русскую концептосферу;
- тематическое расширение зон агнонимической активности;
- постоянное наличие социокультурных лакун при восприятии современных российских текстов в общем дискурсе.

Эти изменения можно отнести к явлению регионализации, которое обусловлено функционированием языка в инациональном контексте.

Третий из заявленных нами аспектов аналитического обзора параметров русскоязычного пространства РМ предполагает описание тех из них, которые **появились или стали в новых обстоятельствах характерными.**

Русский язык, несмотря на вековые традиции его использования на молдавской земле, обрел наряду со статусом языка межнационального общения еще и статус языка другого государства, языка русского зарубежья.

За четверть века русскоязычное сообщество приучилось жить в новой языковой ситуации, при новом функциональном распределении языков в коммуникативном пространстве РМ.

Определенное место в русской речи занял молдовенизированный ономастикон. Сложилось адаптационное речевое поведение, учитывающее требования и традиции инокультурной среды и иноязычной доминанты. В русской речевой практике появилась конвенциональная коммуникативная норма. И самое главное, что кардинально изменило русскую языковую личность, связано с формированием русско-национального билингвизма как на индивидуальном уровне, так и на уровне социума.

К числу *обретений* безотносительно от причин таковых есть все основания отнести сформировавшееся в Молдове особое направление комплексных академических и вузовских исследований, нацеленных непосредственно на изучение истории, языка русского населения Молдовы и русского компонента в её культурном наследии.

Воздерживаясь от анализа сопутствующих обстоятельств, отметим появление в постсоветский период в числе русских общественных организаций самостоятельной Ассоциации русских писателей Молдовы и выпускаемого ею литературного журнала «Русское поле».

Завершая рассмотрение характерных черт сегодняшнего русскоязычного пространства Республики Молдова, сложившего за четверть века в ходе геополитических и внутринациональных перемен, можно сделать ряд выводов для профессионального сообщества филологов и педагогов. Наиболее актуальным является, во-первых, описание и осмысление региональной специфики русской речевой практики в РМ и разработка подходов к её интерпретации в практике преподавания русского языка. Во-вторых, необходим поиск возможностей повышения россиеведческой, в частности, историко-культурной компетенции учащихся. В-третьих, особого внимания требует работа, нацеленная на повышение культуры речи и обогащения тезауруса зарубежных русофилов нового поколения. В-четвертых, необходимо сохранить и продолжить исследования русского исторического, языкового и культурного компонента в культурном наследии РМ.

Зарубежное русскоязычное пространство утрачивает не только наполняемость количественных показателей, но и определенные качественные характеристики. При этом оно обладает достаточной резистентностью и достаточным ресурсом витальности для самосохранения. Именно это следует из представленного нами анализа и дает основания заботиться об обеспечении высокого качества и уровня всего, что входит в понятие русскоязычное пространство Молдовы.

Mlechko T.P.

The Dynamics and Specificity of Reforms of the Russian-speaking area in the Republic of Moldova

Abstract: The abstract is devoted to the sociolinguistic description of the consequences of the national language policy in the Republic of Moldova in terms of identifying those changes, that occurred in the Russian-speaking environment of the country in the last 25 years.

Keywords: the Russian language, language situation, a Russian-speaking person, language personality, bilingualism, Russophone.

Библиография:

1. Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности. Книга 1. М.: Фонд «Развитие фундаментальных лингвистических исследований», 2014. – 400 с. ISBN 978-5-9551-0698-4.
2. Остапенко Л.В., Субботина И.А., Нестерова С.Л. Русские в Молдавии двадцать лет спустя. Этносоциологическое исследование. / М.: ИЭА РАН, 2012 – 403 с. ISBN 978-5-4211-0067-6.
3. Русский язык между Европой и Азией: Сборник статей. / Под ред. А.В. Фоменко. – М.: ЛЕНАНД, 2013. – 200 с. ISBN 978-5-9710-0594-0.
4. Формановская Н.В. Социокультурное пространство личного имени, или зачем русскому отчество. – Русский язык в условиях языковой и культурной полифонии: сб. научных статей / Под ред В.В. Красных. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. – 375 с. С.182-194. ISBN 978-5-91172-036-0.

DETERMINĂRILE SPAȚIALE ALE LUMII ÎN INTERVIURILE CU VICTIMELE REGIMULUI TOTALITAR-COMUNIST¹

Rezumat: Materialul prezintă rezultatele unui studiu realizat în baza textelor incluse în volumul *Românii în Gulag* (Chișinău, 2014). Este analizat modul în care opoziția *aici / acolo* se realizează în aceste texte, pornindu-se de la semnificația acestor deictice în limbajul comun și în imaginarul lingvistic românesc. Se constată că în textele de istorie orală, aceste cuvinte reflectă anumite restricții semantice.

Calificate, ca urmare a metodei de înregistrare, drept istorii orale, textele-interviuri reprezintă, din perspectiva textologiei actuale, literatură-document, fiind marcate în cel mai înalt grad de autenticitate.

Într-un detaliat comentariu, *Expresivitatea limbii române împotriva exilului siberian al ființei umane* la textul Aniței Nandriș *Amintiri din viață. 20 de ani în Siberia*, reputatul lingvist Dumitru Irimia² reliefează câteva trăsături caracteristice acestui tip de texte, raportabile și la textele de istorie orală:

- a) „creativitatea persoanei istorice [...], devenită personaj-narator [...], se poate manifesta și în această direcție, a transformării unei lumi istorice într-o lume semantică și a coexistenței acestora ca două lumi consubstanțiale”;
- b) autoarea (autorul) „a hotărât să nareze evenimentele trăite de ea (el – A.S.) însăși/însuși, cât și de cei cu care a intrat în raporturi imediate, dar [...] și-a pus aceste amintiri sub semnul condiției umane; prin aceasta, [...] le-a scos, de fapt, din curgerea lor strict fenomenală și le-a înscris într-un proces, complex și subtil, de semnificare”;
- c) „lumea semantică proprie acestei cărți (prin extindere istoria orală – A.S.) își asumă lumea istorică, pe care o transcende fără a-i anula însă identitatea ei, și determinată și determinabilă spațial, temporal, uman”³.

Nu vom insista pe diferențele care există între un text scris (cum este cel al Aniței Nandriș) și un text înregistrat (cum sunt istoriile orale), ci, pornind de la ultima constatare a profesorului D. Irimia, vom încerca să evidențiem determinările spațiale ale lumii relatate, cuprinse în opoziția *acolo / aici*. Aceasta pentru că determinativele spațiale (dar și temporale) ale lumii reale și ale lumii textului se configurează într-un mod cu totul aparte în istoria orală.

Elementele deictice *aici* și *acolo* se concretizează, în general, în funcție de locul în care se poziționează vorbitorul (sau în cazul nostru, naratorul). În accepția cea mai uzuală, *aici* înseamnă „în acest loc, în aceste locuri (relativ) apropiate de vorbitor”, iar *acolo* – „în acel loc (relativ) îndepărtat (de cel care vorbește); în alt loc”.

În imaginarul lingvistic românesc, așa cum arată rezultatele experimentului asociativ⁴, pe segmentul de la reacție la stimul, cele două deictice prezintă următoarea configurație:

- *aici* înseamnă, în primul rând, *aproape* (104)⁵ și se leagă de un alt element deictic raportabil la momentul vorbirii – *acum* (100). Vom observa, apoi, că, în relatările intervievaților, semnificația de *aproape* este cea care se actualizează nu doar cu sensul direct, de apropiere în spațiu, ci și metaforic, prin asocierile pe care acest cuvânt le are, la rândul său, în imaginarul românesc: *prieten* (21); *mama* (11); *iubire* (10); *prieteni* (8); *familie* (7); *de tine* (6); *de mine* (6); *lângă tine* (6); *casă* (5); *suflet* (5); *siguranță* (5); *căldură* (5); *acasă* (5); *cald* (5). În interviurile analizate, chiar dacă este deictic, *aici* nu este decât foarte rar *Siberia*, *Kazahstan*, *locul deportării*. Elementele generice pentru

---

¹ Studiul este realizat în baza textelor incluse în volumul *Românii în Gulag*, Chișinău, Tipografia „Balacron”, 2014.

² Irimia, D., *Introducere în stilistică*, Iași, Polirom, 1999, p. 267-274.

³ Idem.

⁴ Experimentul asociativ a fost realizat de un grup de cercetători de la Universitatea de Stat „Alecu Russo” din Bălți în cadrul proiectului instituțional de cercetare fundamentală 11.817.07.35F. *Cercetarea structurilor asociative ale limbii române și elaborarea dicționarului asociativ*. Experimentul asociativ presupune că respondenții indică prima reacție verbală pe care o au la rostirea/citirea unui cuvânt-stimul, într-un timp limitat, dintr-o listă de cuvinte elaborată anterior conform frecvenței cuvintelor în limba română.

⁵ Cifra alăturată stimulului verbal indică numărul de reacții dintr-un total de peste 750 de reacții.

aici sunt, în imaginarul românesc, adverbul interogativ-relativ *unde* (45) și substantivul *loc* (14). Dacă în imaginarul românesc *aici* poate fi și *oriunde* (24), în textele intervievaților ele prezintă restricții: *aici* este doar *acasă*. Verbele ce se raportează la acest deictic sunt și ele cu relevanță pragmatică, fiind legate de spațiul comunicării: *veni* (15); *așteaptă* (4); *sosi* (3); *sta* (2); *apuca* (2); *ajunge* (2). Opusul lui *aici* este *departe* (10), mult mai concret decât antonimul sistemic *acolo*;

- *acolo* este perceput mult mai distant și lipsit de nuanța afectivă în imaginarul românesc (iar asocierile pot explica, probabil, de ce *acolo* înseamnă pentru deportați, aproape exclusiv, locul deportării). Și pentru această reacție, stimulul cu nuanță generică este adverbul relativ-interogativ *unde* (135) și substantivul *loc* (6). *Acolo* este perceput drept *departe* (37) și, mai rar decât *aici*, drept *oriunde* (11). Dintre semnele cu conotație negativă apare, pentru *acolo*, ca stimul *nimeni* (3) și *mereu* (4).

Cu referire la textul povestit, *aici* este locul în care se află cel care vorbește, narează, își povestește istoria, iar *acolo* este locul îndepărtat de vorbitor. Ambele elemente își schimbă referentul în funcție de poziția vorbitorului. Opoziția spațială *acolo* (*Gulagul, Siberia*) / *aici* (*acasă, Moldova*) este una conformă cu expectația cititorului/ascultătorului. Într-o narațiune însă este de așteptat ca, în funcție de situarea în timp a povestitorului, sistemul referențial să se modifice. Astfel, de exemplu, când naratorul narează și ajunge în alt spațiu, acel spațiu ar trebui să devină *aici*, atunci când el se integrează acestuia, iar *Moldova, casa*, în momentul depărtării să fie *acolo*.

Se observă însă că *acolo* este *locul deportării*, *aici* este *acasă* în povestirile intervievaților, iar modificările referențiale nu se produc decât foarte rar.

Acolo capătă, prin urmare, pe lângă semnificația comună de departe, o semnificație restrictivă care înscrie spațiul deportării în termeni geografici concreți: *Ivdeli, Punctul 28, Kazalinsk, Karlag*. Alteori, semnificația geografică concretă se atenuează, prin *acolo* înțelegându-se spațiul în care lucrurile luau o altă turnură, se produceau în alt mod decât cel obișnuit, al experienței anterioare deportării (sau și posterioare ei): *Toată ziua lucram acolo* (p. 32)⁶; *Acolo nu am mai avut casă* (p. 34); *Poate și se vindea ceva pe acolo* (p. 59); *Ardeau repede casele acolo* (p. 65); *Ne vizitau băieții care făceau armata acolo* (p. 66); *Era de spălat, să faci mâncare la cei care lucrau, pentru că nu-i hrăneau acolo* (p. 67); *Nu erau alegeri acolo* (p. 68).

Contextual, *acolo* transpune segmente, părți ale unui parcurs, elemente ale microspațiilor din care se construiește (pentru cititor) sau în care se descompune (pentru cel care relatează) spațiul integral:

- *baracul: Era podea de lemn și mai țin minte că era o scenă acolo* (p. 59);
- *grajdul: Trăiau acolo și caii, și nemții* (p. 60);
- *budka: Trecea trenul pe acolo, care aducea pâine* (p. 62); *Acolo erau și caiete, și preaniki acolo se vindeau* (p. 63);
- *școala: Am mers la școală acolo* (p. 62); *Tata a zis ca eu să termin șapte clase acolo* (p. 70);
- *gara: Acolo, la gară, ne-au îmbrăcat... o femeie de acolo mi i-a dat* (p. 24);
- *familia: Ele erau acolo, în familiile deportate* (p. 25).

Semnele spațiului se îmbină cu cele ale timpului, convergând în *acolo*: *Se împodobeau brad acolo, se făcea Anul Nou pe 31 decembrie* (p. 67); *S-au născut copiii acolo* (p. 68).

Semele conotative pozitive se actualizează în *acolo*, atunci când se raportează la oameni: *Erau prietenoși oamenii acolo* (p. 61); *Noi trăiam de-acum mai bine decât rușii de acolo* (p. 64) sau, cu totul rar, *acolo* este perceput drept *Patrie*: *Acolo era Patria mea* (p. 34), *Aralisk*.

Sintagmatic, *acolo* se leagă în relațiile deportaților de alte elemente cu valoare deictică, care tocmai prin contextele în care apar sunt nu doar sugestive, ci cutremurătoare:

- *când s-au întors de-acolo* (p. 35) – *a întoarce* presupunând, în limba română, nu pur și simplu parcurgerea unui oarecare drum, ci *înapoierea*, adică *întoarcerea în locul din care a fost plecat*; iar *a fost plecat* este o formă pasivă și reclamă o forță din afară, care impune plecarea;

- interpretarea este confirmată și de sintagma *când s-au întors în Moldova* (p. 32), adică *aici*;

- *Îi întâlneau oamenii pe drum încolo* (p. 22) – drumul care duce spre alt loc decât *aici*, iar *aici*, așa cum reiese din relațiile deportaților este *acasă*;

- sintagma *moldovenii de acolo* (p. 37) capătă și ea o semnificație aparte, însemnând, de bună seamă, nu *moldovenii de oriunde*, ci *moldovenii deportați*.

---

⁶ Aici și în continuare, trimiterile se fac la textele incluse în volumul *Românii în Gulag*, Chișinău, Tipografia „Balacron”, 2014.

Adverbele deictice *acolo* și *aici*, atunci când apar în același context înscriu relații opozitive, care vizează nu doar semnificația lor (*aproape* și *departe*), ci anumite dominante ale acestor spații, explicitate direct în această relație de opoziție:

Acolo era omăt, frig. Aici – ca în rai;

Când am văzut aici cum înfloresc copacii... Acolo nu vedeam cum înfloresc copacii. Acolo înflorea numai ceriomuha (p. 70).

Opoziția *aici* (concretizată prin *de pe loc*) / *acolo*, ca suprapusă opoziției *bine* / *rău* se inversează, uneori, în relatările intervievaților atunci când se referă la ființele umane:

Ai noștri de pe loc erau fricoși. Cei de acolo erau diferiți (p. 76);

Aceștia de pe loc se temeau, iar cei de acolo erau mai curajoși (p. 76).

Neutralizarea opoziției *aici* / *acolo* se produce în situația unor elemente sustrate spațiului, care țin de demnitatea umană, necondiționată spațial: cu referire la părinți, de exemplu, *Părinții erau modești, vorbeau cumpătat. Se țineau cu demnitate și acolo, și aici* (p. 76)

Aici înseamnă „acasă (casa în care locuiești)”, iar, la figurat, „locul natal, patria”:

- *Am învățat aici aprilie și mai* (p. 70) = în sat;

- *Tata a scris acasă* (p. 30);

- *Primeam scrisori de aici regulat și tata știa* (p. 30) – în acest context este mai mult decât semnificativă apariția lui *aici*: tata scria din Siberia, prin urmare, *aici* era, în fond, *acolo*; substituirea *aici* – *acolo* însă nu se produce în imaginarul naratorului; *aici* continuă să fie *acasă*, indiferent de locul în care se află.

Așa cum s-a putut observa mai sus, *aici* se substituie, contextual, cu *de pe loc* (*Aceștia de pe loc; Ai noștri de pe loc*). Locul din care au fost *plecați* deportații se sustrage uneori și opoziției *aici* / *acolo*; el nu este nici *acolo* și nici *aici*, ci capătă coordonatele concrete ale *Satului*. Sat devine, în esență toponim, fără a fi readus în context toponimul propriu-zis. Numele comun devine nume propriu, propriu unei singure localități în care se înscrie ceea ce desemnăm prin *acasă*. Astfel, cuvântul *sat* își apropie modul de semnificare de cel al termenilor de rudenie (*mamă, tată*), care prin raportare la vorbitori sunt înțelese drept satele lor și nu altele (așa cum lexemul *mama* sau *tata* sunt suficiente pentru a înțelege că este vorba de *mama* sau *tatăl meu*, atunci când pronunț aceste cuvinte ca vorbitor și le raportez la mine, iar a spune *al meu / a mea* devine redundant):

Aveam o făclie [...] nu departe de sat (p. 17);

Erau cei mai puternici boi din sat (p. 19);

Or în sat dacă striga cineva, mai ales dacă chiuiai noaptea (p. 38);

Chiar și oamenii îmi spuneau, prin 1974-75, când mă duceam în sat (p. 40);

În sat de-acum știam unde mergem (p. 70).

Cantitativ, adverbul *aici* apare mai rar în comparație cu corelativul *acolo*. *Aici*, lexem cu o semantică difuză, în virtutea caracterului deictic, este substituit prin *sat* sau *oraș* sau denumirea concretă a localității. Iar această substituie reflectă necesitatea raportării deportaților la un spațiu stabil, în afara determinărilor temporale ale vorbirii, la un spațiu care poate fi definit prin metafora *acasă*.

Sainenco Ala

Area Determinations of the World In the Interviews with the Victims of Totalitarian Communist Regime

Abstract: The material presented results of a study based on the texts included in the volume of Romanians in Gulag (Chisinau, 2014). It looked at how the opposition here / there is achieved in these texts, starting from these deictic meaning in common language and imagery Romanian language. It appears that the texts of oral history, these words reflect certain semantic restrictions.

Keywords: Interview, Victims of Totalitarian Communist Regime, oral history, area.

Granețkaia Lilia

Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova

Gavriliță Laura

Liceul de Arte „Ferdinand I”, Bacău, România

MODELUL DIDACTIC DE FORMARE A CULTURII ETNOARTISTICE LA ELEVI PRIN INTEGRAREA TEATRULUI POPULAR

Rezumat: În articol autoarea prezintă modelul didactic de formare a culturii etnoartistice la elevi prin integrarea teatrului popular din România. Modelul se centrează pe conceptul de cultură etnoartistică fundamentat

pe teorii ontologice și artistice de valoare. Baza metodologică se axează pe principii, metode și strategii didactice generale și specifice domeniului.

Cuvinte-cheie: cultură etnoartistică, model pedagogic, principii didactice, teatru popular.

Cultura etnoartistică reprezintă totalitatea valorilor artistice (materiale și spirituale) create de popor de-a lungul istoriei. Cultura etnică este rezultatul unei „mutații ontologice”, mutație care face ca omul să se ridice din starea de pre-om sau de animalitate, la statutul de om deplin (L. Blaga). Cultura etnoartistică, fiind o productivitate a poporului, reprezintă aspectul atitudinal și aptitudinal al acestui popor, implicând spiritul, afectivitatea, tot corpul uman. Cultura populară (etnoartistică) este și istorie, și destin, și sens uman. Prin cultură poporul ajunge din starea de instinct, la o stare de conștiință de sine. Cu cât este mai dezvoltată cultura națională, cu atât poporul însuși are o existență mai sigură, mai determinată. Etnocultura exprimă valoarea, ca expresie ideală a unui acord între eu și lume. Creația populară relevă trainice legături între om și natură. **„Omul ca om” este esența etnoculturii. Etnocultura este definită ca „sufletul populației”.**

Crearea modelului pedagogic a avut în vedere realizarea raportului antropologic „om – cultură – om deplin” în care conceptul de cultură este definit din mai multe perspective, fiindu-i atribuite semnificații diverse.

Astfel, în opinia unor specialiști, cultura devine sursă de proiecție și, prin urmare, dezvoltă, inevitabil, *etnocentrismul*.

Așadar, în modelul nostru didactic drept sursă de formare a culturii etnoartistice la elevi considerăm folclorul național și, în special, *teatrul popular* cu una dintre principalele manifestări – *Jienii*. Acest gen al folclorului se caracterizează prin legături sincretice ale artelor populare, muzica, literatura, coregrafia, dramaturgia, artele plastice (costume, machiaje, obiecte).

Formarea culturii etnoartistice prevede o metodologie specifică, ce se realizează prin următoarele funcții, preluate aici în formă sintetică:

- funcția antropologic-culturală (C. Cocoș);
- funcția de selectare și transmitere a valorilor de la societate la individ (I. Nicola);
- funcția național culturală (G. Văideanu);
- axiologică (A. Afanasieva);
- psihologică (A. Afanasieva);
- socială (A. Afanasieva).

Formarea la elevi a *culturii etnoartistice* prin valorificarea manifestărilor teatrului popular necesită din partea profesorului orientare după un sistem teleologic concret și finit: finalități, sistemul de principii, strategii, tehnologii, metodologii clar ierarhizate. Formarea *culturii etnoartistice* constituie o parte a personalității „depline” (după L. Blaga). În acest sens, alegerea sistemului de principii trebuie să fie într-o concordanță nemijlocită cu principiile educației moderne, principiile etnopedagogiei, principiile axiologice, principiile educației artistice, principiile percepției muzicale etc. Așadar, metodologia formării culturii etnoartistice se va baza pe următoarele principii:

- *principiul orientării umaniste* (N. Silistraru);
- *principiul creativității* (V. Babii);
- *principiul interiorizării muzicii* (I. Gagim);
- *principiul unității educației-instruirii-dezvoltării muzicale* (D. Kabalevski);
- *principiul corelației între senzorial și rațional, dintre concret și abstract* (N. Silistraru);
- *principiul sensibilității afective* (V. Babii);
- *principiul intuiției* (I. Gagim);
- *principiul pasiunii* (I. Gagim);
- *principiul acțiunii totale a muzicii asupra omului* (I. Gagim);
- *principiul motivării activității* (N. Silistraru);
- *principiul educației prin și pentru valori* (If. Avram);
- *principiul transpunerii valorilor în fapte de civilizație* (If. Avram);
- *principiul dominării valorilor naționale perene* (If. Avram).

Educația este o activitate de esență psihosocială care urmărește formarea și dezvoltarea personalității umane. Abordată ca acțiune, educația va permite ființei umane să-și dezvolte aptitudinile

sale fizice și intelectuale, sentimentele sale sociale, estetice și morale, în scopul realizării cât mai bine posibil a misiunii sale de om.

În atingerea scopului scontat, am considerat importantă axarea pe *obiectivele pluridimensionale* ale educației. Ca rezultat, propunem ca *dimensiunile educației etnoartistice* să cuprindă spectrul larg de obiective ale: *educației intelectuale, religioase, morale, estetice, muzicale, teatrale, permanente, interculturale.*

Educația etnoartistică este realizată prin tehnologii/ metode specifice etnopedagogiei, educației morale; educației muzicale etc. și prevede următoarele:

teatralizarea,
improvizarea,
montarea tradițiilor și obiceiurilor populare,
coparticiparea, trăirea emoțională activă a elevului și profesorului în acest proces.

Educația etnoartistică este posibilă prin diferite forme, ce pot fi încadrate în cele curriculare (opționale), în cele extracurriculare și în cele extrașcolare.

În opinia psihologilor, pedagogilor și didacticienilor, activitățile extrașcolare contribuie mult la dezvoltarea personalității și cultivă alte calități precum responsabilitatea, răbdarea și perseverența.

Activitățile extrașcolare se desfășoară într-o atmosferă nonformală, ceea ce contribuie la diversificarea învățării formale. Ele contribuie la formarea copiilor și le oferă ocazia de a avea propria părere și de a căpăta mai multe abilități de învățare. În opinia pedagogilor, activitățile extrașcolare largesc orizontul de cunoștințe ale elevilor și le cultivă anumite valori. De exemplu, o vizită la teatru, însoțită de vizionarea unui spectacol, unde copilul este doar un simplu spectator, îi oferă acestuia o mulțime de impresii, emoții pozitive și îi cultivă dragostea pentru artă. Activitățile extrașcolare îi ajută pe copii să-și exprime emoțiile, să cunoască lucruri noi și totodată să se simtă importanți pentru societate.

Printre metodele educației morale în formarea culturii etnoartistice considerăm importante următoarele:

- *Explicația morală*
- *Cultivarea tradițiilor ca metodă de educație*

Din pedagogia generală au servit suport metodologic următoarele metode:

- *Copacul ideilor*
- *Ciorchinele*
- *Jurnalul cu dublă intrare*
- *Metoda cazului*
- *Modelarea didactică*

Din pedagogia muzicală am selectat:

- *Metoda acțiunii emoționale*
- *Metoda dramaturgiei emoționale*
- *Metoda caracterizării poetice a muzicii*
- *Metoda „magicalului dacă”*
- *Metoda stimulării imaginației*
- *Metoda reinterpretării artistice a muzicii*
- *Pedagogia teatrală ne-a servit cu metodele:*
- *Metoda „memoria afectivă”*

Educația etnoartistică este posibilă prin diferite forme. În cadrul lecțiilor se realizează forma curriculară a educației. În opinia psihologilor, activitățile extrașcolare contribuie mult la dezvoltarea personalității și cultivă calități precum responsabilitatea, răbdarea și perseverența. Activitățile extrașcolare se desfășoară într-o atmosferă neformală, ceea ce contribuie la încheierea învățării formale. Activitățile extrașcolare îi formează și le oferă copiilor ocazia de a avea propria părere și de a căpăta mai multe abilități de învățare. În opinia pedagogilor, activitățile extrașcolare le largesc orizontul de cunoștințe și le cultivă copiilor anumite valori. De exemplu, o vizită la teatru, unde copilul este doar un simplu spectator, îi oferă acestuia o mulțime de impresii, emoții pozitive și îi cultivă dragostea pentru artă. Activitățile extrașcolare îi ajută pe copii să-și exprime emoțiile, să cunoască lucruri noi și totodată să se simtă importanți pentru societate.

Obiectivele educației non-formale nu urmăresc să excludă modul tradițional de educație, ci să completeze și să diversifice instruirea pur teoretică, prin activități atractive, la care să aibă acces un număr cât mai mare de tineri. Aceste obiective se prezintă astfel:

- completarea orizontului de cultură din diverse domenii;
- asigurarea unui mediu propice exersării și cultivării diferitelor înclinații, aptitudini și capacități.
- crearea de condiții pentru formarea profesională;
- sprijinul alfabetizării grupurilor sociale defavorizate;

Educația non-formală se împarte în 2 tipuri principale, variind în funcție de activitățile specifice:

- *activități extradidactice*: cercuri de discipline, ansambluri etnofolclorice și artistice, concursuri, olimpiade, serbări și spectacole ale școlărilor în cadrul școlii și al comunității etc.;
- *activități extrașcolare*: diverse proiecte artistice și de formare civică, excursii, acțiuni social-culturale (în clubul elevilor, la muzeu, la teatru, în bibliotecă, în cadrul sărbătorilor naționale, al evenimentelor etnoartistice, serbări și spectacole ale școlărilor în instituții de cultură etc.)

În elaborarea și eșalonarea *etapelor de formare a culturii etnoartistice* ne-am axat pe teoriile psihologiei și ale sociologiei muzicale (I. Gagim, A. Sohor, Z. Kazanjiieva-Velinova), din care rezultă că percepția dispune de o anumită structură, formă. Noi nu auzim întreaga materie sonoră (toate sunetele) concomitent, ca o avalanșă sonoră, dar urmărim sunete aranjate într-un anumit mod, structurate, compartimentate – de la microstructură (un sunet) la macrostructură (lucrarea în întregime sub formă de cântec, melodie instrumentală, lied, fugă, sonată etc.). Cu toate că auzim în momentul dat un singur sunet, percepția îl raportează la sunetele precedente, precum și la cele ulterioare, intuindu-le succesiunea și diversitatea melodică, ritmică, timbrală, agogică, dinamică, structurală. În timpul percepției, are loc auzirea treptată (pas cu pas, structură cu structură) a discursului muzical. Caracterul structural al percepției muzicale capătă o tangență directă cu caracterul psihicului nostru, pentru că actul perceptiv, după cum scrie H. Ey, „se constituie într-o structură care ne trimite la structura matriceală a conștiinței, la o arhitectonică a trăirii” [5, apud: Ion Gagim, pp. 162-163].

A. N. Sohor deduce trei etape/ stadii în perceperea creației muzicale:

- 1) etapa provocării, apariției interesului și motivației pentru cunoașterea creației muzicale;
- 2) etapa audiției propriu-zise;
- 3) etapa trăirii și înțelegerii;
- 4) etapa interpretării personale și a evaluării estetice.

Autorul menționează că aceste etape sunt divizate condiționat, deoarece pot difuziona între ele. Z. Kazandjiieva-Velinova menționează trei etape ale percepției muzicale: *precomunicativă* (fiind legată de starea de pregătire psihologică, estetică, motivațională pentru audiție); *comunicativă* (reflectă nemijlocit procesul de audiție) și *postcomunicativă* (fiind legată de conștientizare, înțelegere și valorificare personală) [8]. Prin urmare, o atenție deosebită atribuie cercetătorii primei etape a activității muzical-auditivă în cadrul căreia se formează o stare de predispunere către percepere. După considerațiile aceleiași Z. Kazanjiieva-Velinova, în formarea predisunerii către actul de percepere, sunt necesari următorii factorii: nivelul de cultură, interesele muzical-artistice, gusturile estetice, preferințele genuistice etc. Crearea predispoziției pentru actul de percepere este determinată de starea emoțională anterioară. Problema profesorului constă în crearea unei stări emoționale favorabile, ea fiind un fundament necesar în procesul de percepție emoțională.

Prin urmare, în cercetarea noastră am considerat că trebuie să ținem cont de aceste realizări teoretice și experimentale de formare și să le efectuăm după aceleași etape:

precomunicativă, comunicativă, postcomunicativă, care se identifică, astfel, cu:

1. *etapa precomunicativă – cea de însușire a cunoștințelor folclorice și despre folclor (teatrul popular, obiceiuri ocazionale și neocasionale etc.);*
2. *etapa comunicativă – cea de comunicare propriu-zisă cu fenomenul etnocultural și de însușire a atitudinilor valorice.*
3. *cea postcomunicativă: conștientizarea valorică a fenomenului studiat, practicarea de sine stătătoare a cunoștințelor/ competențelor în context didactic/ extra-didactic continuu și evaluarea, însoțită uneori de confruntarea cu alte opinii.*

Drept *finalitate a modelului pedagogic* este vizată cultura etnoartistică cu componentele sale (cognitivă, psihomotorie, atitudinală). Acest concept al culturii etnoartistice se fondează pe conceptul filozofic al lui Lucian Blaga, care presupune formarea omului „luciferic”, a omului deplin. Am încercat să reprezentăm într-o formă schematică acest model didactic de dezvoltare a culturii etnoartistice la elevi prin integrarea teatrului popular. Ea, integrarea, conține toate coordonatele descrise mai sus, organizate într-o formă mai concisă și mai sugestivă, în care valorile etnoculturale propuse a fi experimentate sunt reprezentate astfel:

În cercetarea noastră, evaluarea culturii etnoartistice este realizabilă după modulele următoare:
 Modulul: Cunoștințele etnoculturale;
 Modulul: Interesul pentru cultură etnoartistică;
 Modulul : Gândirea etnoculturală ;
 Modulul : Activitatea etnoculturală.

Indicii *culturii etnoartistice* îi propunem în Tabelul 1

Tabelul 1

CULTURA ETNOARTISTICĂ			
Interesul pentru cultură etnoartistică	Gândirea etnoculturală	Cunoștințele etnoculturale	Activitatea etnoculturală
Atitudini	Aptitudini	Cunoștințe	Capacități
<ul style="list-style-type: none"> • Interesul și dragostea pentru tradițiile populare (limbă, obiceiuri, tradiții, religie ș.a.); • formarea și exersarea gustului estetic; • formarea conduitei morale prin practica religioasă; • deschiderea spre înțelegerea valorilor, stilurilor de comunicare specifice celorlalți. 	<ul style="list-style-type: none"> • Receptivitatea estetico-artistică; • capacitatea de a percepe arta populară (privi, asculta, auzi, simți, trăi); • dezvoltarea senzațiilor, percepțiilor și reprezentărilor estetice; • dezvoltarea capacității de gândire estetică; • formarea gândirii moral-civice. 	<ul style="list-style-type: none"> • Un volum de cunoștințe folclorice și despre folclor; • dobândirea de cunoștințe religioase; • dobândirea de cunoștințe morale; • interiorizarea valorilor estetice. 	<ul style="list-style-type: none"> • Dezvoltarea capacităților de a crea frumosul; • formarea capacităților de apreciere a frumosului; • formarea deprinderilor de păstrare și promovare a valorilor; • capacitatea de a folosi de sine stătător tradiții populare în viața sa personală; • formarea capacității de a recunoaște reperatele etno-sociale.

Formularea modelului didactic al modulului experimental ține seama de condițiile specifice ale unei asemenea operații: constituirea grupului martor și a grupului experimental, luând în calcul apartenența rurală și urbană a subiecților, nivelul lor școlar, respectiv gimnazial și liceal. De asemenea, modelul didactic al modulului experimental are în vedere **principalul conținut – teatrul haiducesc „Jienii”** – cules de pe Valea Troțușului, din zona centrală a Moldovei, precum și **metodologia de realizare, de implementare și de evaluare**, bazată din elementele pedagogice și didactice enunțate.

Concluzii: Educația etnoartistică este concepută ca o investiție în om. Din perspectivă pedagogică, a prezentat importanță conturarea rolului și funcțiilor care sunt *atribuite etnoculturii*. Funcția axiologică este realizată în cazul conceperii etnoculturii ca valoare, necesitate vitală a unui popor. Realizarea funcției psihologice confirmă valorificarea etnoculturii ca mijloc de menținere a sănătății spirituale a societății și a fiecărui individ în parte. Astfel, prin valorile etnoculturale, omul își găsește putere, voință, echilibru spiritual și chiar locul său în cadrul comunității naționale și universale.

Prin consolidarea unor valori, tradiții culturale milenare este realizată *funcția socială* și trebuie subliniat faptul că teatrul folcloric îndeplinește în acest domeniu un rol important. Se poate ajunge până la a susține că și anumite elemente ale funcției de ocrotire a sănătății sunt realizabile prin intermediul educației etnoartistice. Prin valorificarea conceptului de **folcloroterapie** putem obține o psihocorelare, o armonizare a personalității, fructificând atmosfera tonifiantă a creației populare.

Dimensiunile educației etnoartistice prevăd obiectivele diferitelor tipuri, modalități de educație. Sincretismul artei populare, în speță al teatrului folcloric, a dus la conturarea unor metode specifice ale educației etnoartistice, ele fiind axate pe metodologiile educației morale, literar/artistice, muzicale, teatrale și estetice.

Modelul pedagogic de formare a culturii etnoartistice la elevi prin integrarea teatrului popular a fost valorificat prin probe experimentale. Experimentul formativ a parcurs următoarele etape/ faze. În cadrul etapei numită „PRECOMUNICATIVĂ” elevii și-au însușit cunoștințe folclorice și despre folclor (teatrul popular, obiceiuri ocazionale și neocasionale etc.). Ei au fost inițiați în lumea artistică și plurivalentă a folclorului românesc. Obiectivele acestei etape au vizat deprinderea cunoștințelor despre folclor, cultivarea atitudinilor, provocarea interesului pentru fenomenul complex numit „teatrul popular”.

A doua etapă din experimentul de formare numită „COMUNICATIVĂ” este cea de comunicare propriu-zisă cu fenomenul etnocultural, conducătoare spre însușirea atitudinilor valorice. La această etapă elevii au acumulat un volum de cunoștințe necesare, au conștientizat necesitatea și valoarea estetică, axiologică a tezaurului național și dorința de a-l practica. Pentru realizarea eficientă a acestei etape elevii au fost orientați spre valorificarea diferitelor aspecte ale artei folclorice (teatrul popular): aspectul istoric, muzicologic, etnografic, literar, etic, filosofic, estetic.

În cadrul etapei „POSTCOMUNICATIVE” s-au evaluat toate realizările elevilor, s-a pus accentul pe conștientizarea valorică a fenomenului studiat. Elevii s-au aflat în situații de exercitare independentă a cunoștințelor/ competențelor în context didactic/ extra-didactic continuu.

În eșantionul experimental, tabloul este marcat de o creștere evidentă spre calificativul „superior”, în timp ce în eșantionul martor, rezultatele nu au fost marcate de o creștere considerabilă.

Granetskaya L., Gavrilitza L.

Didactic Models of Students' Ethnoartistic Cultural Formation Through Folk Theatre

Abstract: The article presents the pedagogic model of ethno-artistic culture formation at pupils by integrating popular theater from Romania. The model is centered on the concept of ethno-artistic culture based on valuable ontological and artistic theories. The methodological basis focuses on principles, methods and general teaching and domain-specific strategies.

Keywords: ethno-artistic culture, pedagogic model, didactic principles, folk theater.

Bibliografie:

1. Avram If., *Etnopedagogie aplicată, formarea orientărilor axiologice la preșcolarii mari*, Cluj-Napoca: Eurodidact, 2006.
2. Blaga, L., *Spațiul mioritic*, în: *Trilogia culturii: Orizont și stil, Spațiul mioritic, Geneza metaforei și sensul culturii*, București, Editura pentru Literatură Universală, 1969.
3. Cucuș C., *Pedagogie și axiologie*. București: EDP, 1995. 160 p.
4. Gagim, I., *Fundamentele psihopedagogice și muzicologice ale educației muzicale, referat științific al tezei de doctor habilitat în baza lucrărilor publicate în pedagogie*, Chișinău, 2004.
5. Gagim, I., *Dimensiunea psihologică a muzicii*, Iași, Editura Timpul, 2003.
6. Silistraru, N., *Etnopedagogia*, Chișinău, Editorial al USM, 2003,
7. Афанасьева, А., *Фольклоротерапия: здоровьесберегающий эффект занятий народным творчеством*, Москва, 2005.
8. Казанджиева-Велинова З.Г. *Мнения и оценки на слушателите за различните жанрова музикални предавания на програма «Орфей»*, София, 1976.

Попа Георге

Бэлцкий государственный университет имени Алеку Руссо, Республика Молдова
rector.usb@gmail.com

НЕКОТОРЫЕ СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ АКАД. С. БЕРЕЖАНА

1. Исследователи по любому поводу обращались к сфере научных интересов ученого лингвиста С. Бережана, подчеркивая, в частности, что он, несмотря на то, что не обладал тщеславием, тем не менее всегда избегал искушения идти по уже проторенному пути и, постоянно сомневаясь, обладал смелостью отказываться от традиционных взглядов, делать гетеродоксальные выводы и заключения, демонстрируя при этом филологическую точность, предлагая продуманные решения по сложным вопросам общего языкознания, романистики, румынистики, сравнительного языкознания, лексикографии, семасиологии, грамматики, стилистики истории языка и др.

В дальнейшем мы попытаемся высказать свое мнение по поводу некоторых семасиологических соображений С. Бережана, соображения, которые, мы уверены, предстоит ещё выявить, осмыслить и применить, ибо проф. С. Бережан, с нашей точки зрения, проявил себя, прежде всего, как плодотворный исследователь в области семасиологии. В связи с этим считаем целесообразным привести две оценки «семасиологического горизонта» акад. С. Бережана. Так, Е. Косериу (обладатель почётного титула *Doctor Honoris Cauza* более 40 университетов мира) в своем отзыве о поддержке кандидатуры С. Бережана на выборах действительного члена Академии Наук Молдовы в 1992 году отметил: „Заслуги господина Бережана в области

лингвистики бесспорны и однозначно признаны в национальной и международной науке. С. Бережан является на сегодняшний день самым главным ученым из Республики Молдова в этой области, а точнее, как в общем языкознании (*особенно семантика* – Г. П.), так и в румынской синхронной и диахронной лингвистике” [7: 59]. Но примерно пятнадцать лет назад, в 1976 году, известный российский лингвист (позже директор Института русского языка в Москве) Ю. Н. Караулов, член-корреспондент Академии наук СССР, изучая вопросы о разработке концепции лексико-семантической системы в советской лингвистике, отметил, что после проведений Л. Щербы, В. Виноградова, А. Смирницкого, Р. Будагова, О. Ахмановой „следующий этап в развитии отечественной лексикологии определяется двумя моментами: во-первых, размахом и значительными успехами лексикографической работы в стране <...>; во-вторых, существенными результатами, достигнутыми в теории – как на пути дальнейшего развития понятия лексико-семантической системы (работы А. Уфимцевой, Д. Шмелёва, С. Бережана и т.д.), так и на пути внедрения в лексикологию новых методов исследования, позволивших пересмотреть и уточнить ряд аспектов теории” [13: 12]. Надо признать, что это оценка, которой были удостоены не так уж много лингвистов, проживающих на периферии бывшего Советского Союза, ибо, как видно, после того как Ю. Караулов называет семь престижных российских лингвистов из Москвы и Санкт-Петербурга, он добавляет и одного румынского лингвиста из Кишинёва, который действительно внес свой вклад в развитие лексикографической национальной теории (ради справедливости, надо отметить, что С. Бережан, несмотря на то, что он осознавал, что занимает ведущее место в области семасиологии, все-таки в нужный момент отозвался похвально о двадцати молдавских исследователях, которые внесли свой вклад в разработку содержательной стороны румынского языка [12]).

2.1. Хочется обратить внимание на одну деталь, которая, на первый взгляд, кажется незначительной, но в большой мере красноречиво говорит о масштабе, о логике и глубине семасиологических размышлений С. Бережана. Например, второе и четвертое издания научного межвузовского сборника „Исследования по семантике”, опубликованного Государственным университетом Башкирии (в настоящее время, Башкортостан), в которых публиковались работы языковедов из бывших советских республик и других стран социалистического лагеря, начинаются статьями, автором которых является кишинёвский семасиолог.

2.2. В этом же контексте: не так уж много исследователей знают, что, например, именно из-за значительного вклада С. Бережана в семасиологию (мы имеем в виду не только непосредственный вклад, т.е. исследования С. Бережана как таковые, а также косвенный вклад, т.е. исследования – монографии, сборники статей, докторские работы и т.д., разработанные непосредственно под руководством ученого), *Научный совет по советской теории языкознания* Департамента языка и литературы Академии наук бывшего СССР принимает решение провести 25-27 мая 1979 в Кишинёве Всесоюзный симпозиум «Теоретические проблемы семантики и ее отражение в толковых словарях» (доклады и рефераты этого Симпозиума были впоследствии опубликованы в сборнике [15]).

3. Следует отметить со всей определенностью, что проф. С. Бережан, исходя из постулата, что семантические закономерности имеют универсальный, общезыковой характер, не раз отмечал, что исследователи, интересы которых лежали в области семасиологии, должны, прежде всего, исходить из „теоретической проблематики” [12: 35]. Только таким образом становится возможным сделать так, чтобы исследуемый семантический феномен – независимо от природы и специфики – был рассмотрен в непосредственной связи с многоаспектностью и полифункциональностью речевой деятельности, представленный как единое целое. Итак, мы имеем дело скорее всего не с целью, а со стремлением, так как „лингвистика должна изучать не объекты, неязыковые явления, взятые отдельно, а системные формирования взятые в целом (в блоке), которые были замещены и замещаются всегда в постоянном процессе эволюции языка” [6: 197]. А это всё единое целое, в свою очередь, характеризуется, по мнению С. Бережана, двойственностью, поскольку состоит из языковых и речевых актов. Пренебрежительное отношение к этой двойственности может привести к субъективным и произвольным интерпретациям лексико-семантического уровня, где „системные отношения гораздо многомернее, чем аналогичные отношения между единицами фонологического и грамматического

ярусов языка” [9: 3]. Это разнообразие, по мнению семасиолога С. Бережана, объясняется, в первую очередь, автономией системного характера знака лексических единиц, во-вторых, их численностью и, в-третьих, неодинаковой структурированностью на всех участках [9: 3].

3.1. По твердому убеждению С. Бережана, именно дихотомия язык/речь позволяет нам, во-первых, сделать вывод, что, с точки зрения содержания, языку характерны три типа семантических отношений, которые имеют твёрдое основание: семантическое несовпадение (гетеросемия), семантическая близость (парасемия) и семантическая эквивалентность (омосемия). Иных семантических отношений, заключает решительно проф. С. Бережан, просто-напросто не существуют в языке. Но попытка некоторых исследователей квалифицировать оппозиционные семантические отношения (лежащие в основе антиномии) как „семантические категории”, не имеет никакой основы: они представляют собой лишь особый случай семантического сближения или парасемии, так как знаки, которыми они представлены, являясь противоположными с точки зрения смысла, противодействуют не просто как полностью разнородные элементы, но и на основе общей семантики. Одним словом, антонимы так же, как и парасеманты, характеризуются как общей семантической частью (которая служит в качестве основы для их сближения), так и наличием особых противоположных по смыслу частей [9: 4].

3.2. Кроме того, разграничение языка и речи позволяет, во-вторых, понять, что при определенных контекстуальных условиях существуют реальные возможности, с одной стороны, „разрыва отношений между совпадающими по смыслу лексическими единицами, а, с другой стороны, отождествление единиц, объективно не совпадающих по смыслу в языке” [9: 4]. В данном контексте необходимо также упомянуть замечание акад. С. Бережана о том, что „в речевом процессе ассоциативные переносы значений и обозначений, можно сказать, прямо-таки безграничны” [9: 5].

4. Было бы явным несоответствием истине стремление (распространенное, кстати, некоторыми рецензентами трудов С. Бережана), создать впечатление, что семасиологические рассуждения С. Бережана сводятся только к исследованию семантической эквивалентности между словами, тогда как диапазон семасиологических интересов С. Бережана чрезвычайно широк и превосходит явление синонимии. Более того, вопросы семантики интересовали ученого не только в ситуациях, когда он обсуждал исключительно „семантические” вопросы, но и при рассмотрении другого рода вопросов (например, связанных с орфографией, с культурой речи, с грамматикой, с лексикографией, с теорией языка и т.д.), если только изучение этих явлений внесёт, в какой-то мере, ясность в решение некоторых глобальных вопросов, каковыми могут являться, например, роль языковой семантики в расчленении языка, системный характер плана содержания, онтологический статус семантических выявленных единиц и т.д.

5. Те, кто знаком хотя бы поверхностно с работами С. Бережана, могли убедиться, что любой объект, который должен быть рассмотрен „по горизонтали” (синтагматике) и „по вертикали” (парадигматике), обязательно подвергается постоянному расчленению, а это расчленение приводит неизбежно и к разветвлению науки об этом предмете. Одновременно, стоит также напомнить, что выделение, в гносеологических целях, различных разветвлений, которые могут впоследствии стать предметами различных разветвлений науки или даже различных наук, не влияет каким-либо образом на онтологический статус этого предмета (другими словами, функции, характерные для данного предмета, остаются неизменными). Вышесказанное относится полностью и к предмету семантики, который, с гносеологической точки зрения, может быть подвержен ряду различий. В таком случае, языковед должен, конечно, взять на себя исследование только тех свойств объекта (т.е. только ту часть значений или семантики), которые можно и нужно исследовать исключительно лингвистическими средствами и методами, абстрагируясь, в то же время, от нелингвистических значений, потому что ими должны заниматься другие области науки или вообще другие науки [10: 5-6]. Так, С. Бережан приходит к выводу, что разграничение лингвистической семантики (т.е. науки о значениях языковых знаков, которые должен изучать языковед) и семантики отражения (т.е. науки о значениях, о содержании понятий, которое входит в компетенции других наук) рациональна именно по причине того, что, на самом деле, существуют два предмета изучения: язы-

ковая семантика и неязыковая семантика [10]. В связи с этим разделением можем напомнить и замечания А. А. Потебни: Но дело в том, что под значением слова вообще подразумеваются две различные вещи, из коих одну, подлежащую ведению языкознания, назовём *ближайшим*, другую, составляющую предмет других наук, – *дальнейшим значением слова*” [14: 19].

6. По мнению С. Бережана, семантика, взятая отдельно, не отвечает требованиям некой системы, другими словами, она не может быть включена в иерархию системы уровней языка, выделенных в гносеологическом плане. Кроме этого, семантика не может быть описана как система и из-за того, что её единицы не являются результатами других единиц, принадлежащих более низким уровням, и не могут служить одновременно „строительным материалом” для других единиц языка более высокого уровня. По словам С. Бережана, тот факт, что в лингвистической литературе говорится о семантическом уровне, объясняется каноническим, хрестоматийным тезисом, гласящим, что уровнем языка является та часть его системы, которая имеет и соответствующую одноимённую единицу. А единицы языковой семантики, настаивает С. Бережан, „хотя таковые и выделяются (ср. граммема, семема, или семантема, синтаксема или фразема), нельзя считать имманентными сущностями, они не вступают в синтагматические, парадигматические и иерархические отношения между собой и не обладают способностью автономного функционирования” [11: 61]. Из этих соображений, расположение языковой семантики в рамках системы языка находится не между уровнями, а как будто „позади них”, а точнее, после каждого из них, формируя, неким образом, их содержательную „гарнитуру”.

7. Язык как „система систем” требует, конечно, и соответствующих методов исследования (кстати, наука о языке именно разнообразием и „изобретательностью” использования методов расследования, „стала методологическим катализатором для гуманитарных наук”) [5: 64]. Неоспоримой заслугой С. Бережана в связи с этим является то, что он не был излишне обеспокоен применением новых методов исследования по модели „старых” методов. Наоборот, кишинёвский учёный был убеждён, что то, что кажется на первый взгляд несовместимым, – будь то в онтологическом или гносеологическом плане, – представляет собой нечто иллюзорное, а языковое и/или лингвистическое явление может быть исчерпывающе исследовано только в случае применения как того, что было проверено (т.е., того, что является „классическим”), так и новых приобретений в этой области (т.е., того, что является „современным”). Важно четко осознать, что, если применение только одного из методов – исторического или функционального, структурно-системного и др. – „абсолютизируется, исследование отражает реальность частично и односторонне” [4: 51]. Другими словами, „все методологические направления полезны, но каждое из них следует применять там и тогда, когда и где это наиболее адекватно цели исследования” [6: 196]. Этим убеждением может быть объяснено использование, например, при интерпретации такого лингвистического феномена, как синонимия, „теории концептуальных полей Духачека, лексематики Косериу, функциональной и системной лексикологии Поттье и Уфимцевой, структуральной семантики Греймаса и Апресяна и некоторых других достижений лингвистики наших дней” [8 305]⁷. В то же время методы исследования должны применяться таким образом, чтобы стало возможным раскрытие национальной специфики каждого языка, потому что „каждый язык имеет <...> семантическую структуру, которая соответствует более или менее некому частному способу увидеть мир глазами его носителей” [1: 55].

8. Анализ содержательной стороны лексических единиц осуществляется не „сам по себе и для себя”, а в соответствии с явными или неявными связями, которые существуют между этой стороной и другими „сторонами” и/или смежными и/или полярными явлениями. Иными словами, содержательная сторона языка изучается на фоне проблем, которые могут в той или иной мере влиять на направление исследований или вообще способствовать раскрытию сущности изучаемого явления.

В частности, важно отметить, что С. Бережан всесторонне исследовал область семантики, что позволило ему сделать значительные открытия и в других областях – как в области

---

⁷ Кстати, в частных беседах, акад. С. Бережан неоднократно выражал пожелание опубликовать монографию „Семантическа еквивалентност лексических единиц” на румынском языке.

языка, так и в сферах, не относящихся к языку. Только таким образом можно понять „лукавство” критической литературы, которая изучает определенные конкретные словари как „абсолютно несостоятельные с точки зрения науки”, потому что основано исключительно „на интуиции и субъективном впечатлении, а не на строгом научном анализе” [2: 15]. Только таким образом можно понять и принять во внимание вклад кишинёвских семасиологов в разработку словарей, которые, с точки зрения акад. С. Бережана, являются основными и единственными лингвистическими работами, предназначенные отобразить в целом *онтологический статус* лексики языка, а также обеспечить *гностический порядок* лексических единиц [3: 61]. Ученый-лексикограф С. Бережан, основываясь на идее, что „то, что обеспечивает, прежде всего, качество словаря – это уникальный способ лексикографической интерпретации лексического материала” [3: 61], формулирует три задачи. Одна из этих задач относится к наиболее точному воспроизведению онтологического содержания каждого элемента языка и предполагает реализацию трех условий: а) поясняемая единица должна в обязательном порядке иметь аналитическое, текстовое определение, а объяснение же синонимами исключается в качестве общего принципа; б) лексикографическое определение не должно иметь текстовые сегменты, не связанные с фактическим значением данной единицы, а только те сегменты, которые отражают содержание сочетания данной единицы или даже содержание более широкого контекста; в) определение научных и технических терминов должно быть филологическое, а не энциклопедического типа [3: 62]⁸.

9. Несмотря на намерение избежать традиционного вывода, все-таки к концу этих строк мы оказываемся в ситуации необходимости применить имеющийся шаблон, который, в данном случае, полностью оправдан: акад. С. Бережан оставил нам впечатляющее семасиологическое „приданое”, и было бы более чем печально, если такому „приданому” не придать должную значимость или, тем более, сделать плодородным. От того, кто возьмет на себя смелость раскрыть важность научного наследия С. Бережана, требуется, во-первых, обладать достаточной подготовкой в данной области (ибо пунктуальная декантация лингвистических взглядов, в том числе семасиологического, акад. С. Бережана превышает возможности дилетантов), а во-вторых, умением проявлять большое терпение (ибо анализ лингвистически значимых размышлений предполагает постоянное и настойчивое к ним возвращение).

Popa Gh.

Academician S. Berejan's Views on Semasiology

Abstract: The article deals with certain theses that derive from acad. S. Berejan's views on semasiology. We refer, in particular, to those semasiological reflections of the famous linguist, which are still topical. Many ideas of S. Berejan are not only to be highlighted, but also to be explored. In addition, the semasiological issue is examined by acad. S. Berejan in terms of certain dichotomies (such as language/speech, synchrony/diachrony, ontology/gnoseology etc.).

Keywords: Semasiology, system, dichotomy, language, speech, associative transfer, linguistic semantics, reflectory semantics, ontological plan, gnoseological plan.

Referințe bibliografice:

1. Berejan, Silviu. *Studierea confruntativ-contrastivă a microstructurilor lexicale*, în *Revistă de lingvistică și știință literară*, 1991, nr. 4.
2. Berejan, Silviu. *Dicționarul ca operă lingvistică și antinomiile practicii lexicografice*, în *Revistă de lingvistică și știință literară*, 1992, nr. 2.
3. Berejan, Silviu. *Reinterpretări lexicografice ale unităților de vocabular în dicționarul explicativ (cu privire specială asupra verbelor)*, în *Revistă de lingvistică și știință literară*, 1992, nr. 4.
4. Berejan, Silviu. *Studiul complex al limbii: îmbinarea principiului istoric cu cel systemic*, în *Revistă de lingvistică și știință literară*, 1998, nr. 1.
5. Berejan, Silviu. *Necesitatea delimitării planului gnoseologic de cel ontologic la studierea limbii*, în *Un lingvist pentru secolul XXI*. Chișinău: Editura Știința, 2002.
6. Berejan, Silviu. *Sistemicitate, funcționalism și istorism – principii de bază ale lingvisticii integrale coșeriene*, în *Academicianul Silviu Berejan. Biobibliografie*. Bălți, Presa Universitară bălțeană, 2005.

---

⁸ В качестве главного редактора *Толкового словаря молдавского языка*, С. Бережан неоднократно выражал сожаление, что рецензенты этой лексикографической работы не заметили существенные различия в новых принципах, по которым был разработан, особенно, второй том выше названного словаря.

7. *Denumirea limbii noastre e cea știută de toată lumea – româna*: [Din interviul cu S. Berejan realizat de A. Bantoș], în *Limba Română*. (Chișinău), 1995, nr. 3.
8. Бережан, Сильвий. *Семантическая эквивалентность лексических единиц*. Кишинев: Издательство «Штиинца», 1973.
9. Бережан, Сильвий. *Семантически тождественные слова в языке и смысловое отождествление слов в речи*, în *Исследования по семантике*. Межвузовский научный сборник. Уфа: Башкирский госуниверситет, 1976.
10. Бережан, Сильвий. *О лингвистической и отражательной семантике*, în *Исследования по семантике русского языка. Лексическая и словообразовательная семантика*. Межвузовский научный сборник. Уфа: Башкирский госуниверситет, 1979.
11. Бережан, Сильвий. *Онтологический статус семантики и ее единицы*, în *Теоретические проблемы семантики и ее отражения в одноязычных словарях*. Кишинев: Издательство «Штиинца», 1982.
12. Бережан, Сильвий. *Изучение семантики в молдавском языкознании*, în *Limba și literatura moldovenească*, 1987, nr. 1.
13. Караулов, Юрий. *Общая и русская идеография*. Москва: Издательство «Наука», 1976.
14. Потенба, Александр. *Из записок по русской грамматике*, т. 1-2. Москва: Издательство «Наука», 1958.
15. *Теоретические проблемы семантики и ее отражение в одноязычных словарях*. Кишинев: Издательство «Штиинца», 1982.

ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОПИСАНИЯ ОЙКОНИМИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА *БЕЛЬЦЫ*: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ИНФОРМАЦИИ

Аннотация: В статье показан диахронизм концепта «Бельцы» в языковом сознании старшего поколения жителей этого города и представлены некоторые источники, позволившие описать данный топонимический концепт в динамике – от временного среза послевоенных лет XX века до настоящего времени.

Ключевые слова: топонимический концепт, динамичность топонимической картины мира, Бельцы, источники геоконцептологии.

Топонимика – отрасль ономастики, предрасположенная к развитию. Причин тому много, и прежде всего это разнообразие географических объектов, которое требовало типологизации выработки соответствующего терминологического аппарата [21]. Русская топонимика прошла обязательные для любой лексической группы этапы словообразовательной и морфологической характеристики. Закономерен непреходящий интерес к этимологии географических названий, которая дает достоверную ретроспективную информацию об этнокультурных особенностях населения [14]. Закономерно появление лингвокультурного направления топонимики [1].

Бурное развитие концептологии не могло не захватить топонимику, ибо собственные названия географических объектов в языковом сознании человека конкретизируют пространственные координаты его бытия, характеризуют его мировидение. В последние годы широко употребляются понятия «топонимическая картина мира», «топонимический концепт» и др. Теоретической базой исследований в этом направлении являются, с одной стороны, достижения в области концептологии [18, 20 и др.]. С другой стороны, к изучению «геоконцептов» активно подключились географы, которые, оперируя объективными данными своей науки, позволяют детализировать содержание таких концептов [11, 12, 13].

Далее подчеркнем, что топонимический концепт, как и вообще концепт, – явление динамичное. Его признаки и структура могут изменяться с течением времени, как под влиянием внешних обстоятельств, в связи объективными изменениями самого концепта, так и в результате обогащения, расширения жизненного опыта индивида.

Остановимся здесь на концептуализации ойконимов – названий населенных пунктов. Они могут концептуализироваться в том случае, если индивид обладает некоторой информацией о населенном пункте. Объем и качество (детализированность) информации – **концептообразующие** факторы. Чем больше объем этой информации, чем она разнообразнее, тем выше вероятность превращения ойконима в концепт. В этом случае человек не просто соотносит имя с конкретным географическим объектом, не только актуализируют связь «имя – географический объект», но и дает некое обобщенное представление об объекте.

Для ойконимических концептов особенно существенна культурно-историческая информация, которая вызывает комплекс индивидуальных ассоциаций у носителей языка и формирует их ментальность. Очевидно поэтому, что такие концепты связаны с понятием «родина» [8], которое всегда концептуально – будь то «большая» или «малая» родина. Одинаково концептуальны названия мегаполиса в сознании его жителя и маленького хутора – в сознании его уроженца.

Предметом рассмотрения в этой статье является диахронизм ойконимического концепта «Бельцы» в языковом сознании старшего поколения жителей этого города, а также его уроженцев-эмигрантов, память которых сохранила облик города на определенном временном срезе – послевоенных 50-60 годов XX века. Однако описание топонимической картины мира на определенном временном срезе может быть достоверной лишь на ретроспективном фоне, пласты которого по мере отдаления от современности становятся все более неотчетливыми, размытыми. Память – это процесс, и пласты ее накладываются друг на друга.

Проследить изменчивость ойконимического концепта можно несколькими способами: изучая документы, мемуары, путевые заметки, письма, целенаправленно опрашивая жителей

старшего поколения, черпая сведения из художественной литературы. Наиболее достоверная картина создается, если эти способы сочетаются.

В истории каждого города можно выделить этапы, в рамках которых картина мира жителей остается достаточно стабильной для того, чтобы в сознании людей сформировались ойконимические концепты, можно назвать даты, разграничивающие эти периоды, события, которые послужили непосредственной причиной изменений в топонимической картине мира – и разрушения или коррекции уже сложившихся концептов.

Документальных источников, позволяющих представить топонимическую картину мира бельчан в глубокой ретроспективе, немного [2, 9, 10 и др.]; информация, содержащаяся в них, в сознании жителей современного города составляет периферию концепта.

В начале XV века на месте современного города уже было поселение (первое документальное упоминание относится к 1421 г.). Но в конце XV века оно было дотла сожжено войсками хана Менгли I Гирея, и до начала XVIII века сведений о разрушенном поселении не имеется. В 1711 году во время Прутского похода Петра I поселение вновь было сожжено (по одной версии – татарами, стремившимися уничтожить базу снабжения русских войск, по другой – русскими войсками во время отступления). Как бы то ни было, говорить о *gorode* Бельцы применительно к этим датам нет никаких оснований. «Пра-Бельцы» – это, конечно, маленькое, типичное для того времени село, о внешнем виде которого, следовательно, и о картине мира жителей, красноречиво говорит само название: «Бэлць» (ед. ч. – бэлтэ) в переводе означает «болота» (или «лужи»). Считается, что город получил такое название, потому что расположен в болотистой местности. Заметим, что принцип наименования тот же, что и у столицы России: по одной из версий, которая считается наиболее убедительной, название *Москва* может быть истолковано как 'топкая, болотистая, мокрая'.

Земля, на которой расположены Бельцы, действительно насыщена влагой: Реут пересекает город с северо-востока на юго-запад, Реуцел – с юго-востока на северо-запад. Общая длина этих рек на территории Бельц составляет 17 км. Через город протекают также речки Копачанка и Флэмындэ – притоки Реута. Все эти реки и речки заболачивали землю, и до проведения мелиоративных мероприятий в грязи на центральных улицах, говорят, тонули (скорее, основательно застревали) лошади.

В 1766 году молдавский господарь Григорий III Гика подарил земли по реке Реут Ясскому монастырю святого Спиридона и крупным купцам – братьям Александру, Константину и Иордакию Панаите. В имении Панаите началось строительство села Бельцы, которое в конце XVIII – начале XIX веков стало уже небольшим торговым местечком. Этому способствовало расположение на перекрестке больших дорог. Местечку просто суждено было стать значительным торговым центром Бессарабии.

В 1779 году по приглашению турецкого паши в Бельцах поселились еврейские купцы – и это определило своеобразие экономического и этно-культурного облика города на столетия вперед. Городок становился многонациональным (что само по себе существенно для картины мира), и доля предприимчивых евреев в структуре населения была очень высокой.

Активно развиваются Бельцы после 1812 года, когда Бессарабия перешла под российскую юрисдикцию. Во всяком случае, в 1818 при образовании Бессарабской области Бельцы были назначены центром Ясского уезда, которым оставались вплоть до 1849 года. В этом же году Бельцы посетил император Александр I. Считается, что во время визита император получил известие о рождении племянника (будущего императора Александра II) и в честь этого события повелел присвоить Бельцам статус города. Ясно, что это послужило стимулом к экономическому, культурному развитию и благоустройству населенного пункта.

О том, каким стал город через десять лет после визита императора, дает представление книга штабс-капитана Александра Защука. Этот офицер был направлен на службу в Бессарабию в 1859 году с поручением Генштаба составить статистическое описание области. В течение трёх лет штабс-капитан ведёт подробные записи о своих поездках по городам и сёлам Бессарабии. Его интересует абсолютно всё: промышленность и сельское хозяйство края, быт его обитателей, народные обычаи и традиции, легенды и предания. В 1862 г. была опубликована монография «Материалы для географии и статистики России. Бессарабская область», в

которой автор со знанием дела рассказывает о наиболее ярких событиях в истории маленького торгового городка.

Подробно описаны знаменитые бельцкие ярмарки с указанием их названия, сроков проведения, стоимости товаров. Примечательно, однако, такое замечание, свидетельствующее о реальных коммерческих приоритетах горожан: *«Вне ярмарочного времени деятельность Бельц весьма незначительна, если не считать контрабанды ситцев, иголок и чаю, которая имеет здесь свой главный притон»*, – констатирует объективный наблюдатель.

В описании Бельц А.Зашук использовал не только своими личные наблюдения, но и документы, материалы из архивов Санкт-Петербурга, Кишинёва, Одессы.

Вот лишь некоторые статистические данные о Бельцах, приведённые в книге А. Зашука: *«Жителей в Бельцах 8387 душ обоих полов, в том числе 4257 мужчин и 4130 женщин. <...> Всего в Бельцах зданий 1516, в том числе 65 каменных и 1451 деревянных. Казённых каменных зданий три: военный госпиталь, городской острог и почтовая станция. Церковь православная – одна; римско-католическая – одна; семь еврейских молитвенных домов и одна синагога. Магазинов – 25; лавок каменных – 5, деревянных – 165. В Бельцах два казённых христианских училища, одно еврейское»* [7].

В шестидесятых годах XIX века Бельцы опять пострадали от пожара (что неудивительно, если учесть названное А.Зашуком количество деревянных строений), а в 1882 году огнем было уничтожено около половины города, *«пределы которого, – пишет историк, – были весьма невелики: за собором кончалась городская черта...»* [2: 61-63]. Когда говорят о чем-либо, возникающем из огня, сравнивают объект с птицей Феникс. Бельцы достойны такого сравнения.

Значение города ещё более возросло, когда в 1894 году была построена железная дорога Бельцы-Унгены-Кишинёв и Рыбница-Бельцы-Окница. В начале XX века Бельцы – это промышленный центр, в котором сконцентрированы заводы (чугунолитейный, кирпичные, мыловаренные), многочисленные предприятия пищевой промышленности. Это заметный для региона центр экспортной торговли. Из Бельц и через Бельцы вывозятся зерно, скот, шерсть, дубленые кожи, смушки, подсолнечное масло, свиное сало, яйца, брынза.

В этот период в городе сооружаются культурно-просветительские учреждения, больницы, храмы различных конфессий и, конечно, банки. Многие из них возводились по инициативе и на средства богатых горожан, которые, радея о будущем города, заботились о том, чтобы возведенные строения были красивыми и оригинальными. Поэтому многие из них стали – и остаются – украшением Бельц, яркими чертами их архитектурного облика.

В общем, из неблагоустроенного, не замощенного, пыльного, лишенного самых примитивных удобств, с узкими кривыми улочками, грязного (в центре города тонули лошади) в недалеком прошлом – в начале XX века Бельцы превратились в оживленный, относительно благоустроенный город с электричеством и водопроводом, правильно расположенными улицами, большая часть которых замощена.

Развитие Бельц продолжалось и после присоединения Бессарабии к Румынии в 1918 году. Согласно румынской переписи населения в 1930 году в городе было 35 000 жителей. Обустраивался и хорошел центр, открывались учебные заведения, но очевидных прорывов в экономике не происходило.

11 ноября 1940 года Указом Президиума Верховного Совета МССР город перешел в республиканское подчинение (оставаясь центром Бельцкого района). Обретение названного статуса предполагало приоритетное внимание властей к городу и обещало его ускоренное развитие. Надеждам горожан не суждено было сбыться.

После освобождения Бельц начался новый этап в их развитии. Административная история города в советское время отчасти объясняет, почему он стал неофициально именоваться «северной столицей» республики. Аналогия с Ленинградом – Санкт-Петербургом очевидна, хотя масштабы несоизмеримы. Как написала Анна Файн, к колоритным заметкам которой мы еще обратимся, *«Бельцы, конечно, все равно что Петербург для России – культурный и промышленный центр (был!), но вокруг- то – Бессарабия»*. 25 декабря 1962 года Бельцкий район упразднили, а Бельцы были выделены в отдельную административную единицу, то есть получили статус города республиканского (а не районного) подчинения.

В 1991 году, когда была провозглашена независимость Республики Молдова, Бельцы утратили этот статус, но в 1994 году городу был присвоен статус муниципия. В 1998 году в результате административно-территориальной реформы был образован Бельцкий уезд (жудец) с центром в городе Бельцы. Однако после обратной реформы 2003 г. (упразднения уездов и возвращения к делению на районы), Бельцы вновь были признаны отдельной административной единицей, не входящей ни в один из районов.

Что же представляют собой Бельцы в объективной топонимической картине мира жителей Молдовы? Это город, расположенный на севере республики, примерно в 130 километрах от столицы, на холмистой равнине (Бельцкая степь). По объективным «мировым» меркам, это все-таки небольшой город: его площадь – 43 км², с пригородами – 78,01 км². население, по последним данным, – 123,7 тыс. человек, плюс население сел, входящих в муниципий, – 4,9 тыс. Итого около 130 тысяч. Но это второй после Кишинева по величине город в Молдове – и ее северная столица.

От болота не осталось и следа – спасибо искусственным озёрам-водохранилищам – Городскому, Комсомольскому, Кирпичному.

Сейчас Бельцы – это город многоэтажных домов, с развитой промышленностью – пищевой, легкой, машиностроительной, строительных материалов. Правда, в условиях экономического кризиса, вызванного распадом СССР, большинство предприятий города оказалось на грани выживания, некоторые остались за этой гранью. Безработица и резкое снижение уровня жизни привели к тому, что значительная часть жителей покинула город. С 1989 по 2004 население Бельц сократилось на 20 %.

Это – университетский город: БГУ им. Алеку Руссо является одним из передовых и престижных вузов страны.

Это – театральный город: Бельцкий драматический театр известен за пределами республики, здесь, например, всю жизнь играл знаменитый на весь Советский Союз Михай Волонтир.

Однако мы не ставим цели описать современные Бельцы, перечислив городские объекты и соответствующие микротопонимы. Задача статьи – показать диахронизм концепта «Бельцы» в языковом сознании старшего поколения жителей этого города – от временного среза послевоенных лет XX века до настоящего времени.

Закономерно, что самое большое количество диахронической информации можно собрать о периоде, когда сегодняшние взрослые и пожилые бельчане были детьми. В их памяти город сохранился таким, каким был в детстве, а это послевоенные пятидесятые, шестидесятые годы XX века.

Своего рода «местом встречи» послевоенного поколения бельчан стал сайт «Майн штэйтэлэ Бэлц» топоним [15]. Название сайта – начальная строка из песни:

«Мой городок Бельцы, // Расскажи мне, старик, // Расскажи мне скорей <...> // Всё о детстве: // Как выглядит домишко, // Который когда-то сверкал, // Цветёт ли ещё деревце, // Которое я лелеял?» (перевод с идиш)

Чтобы помочь землякам определиться с темой воспоминаний, сайт предлагает «Анкету бельчанина». Это, как пишет ее автор (или авторы), *«просто набросок тем, о которых хочется переговорить, когда встречаешь старого друга»:*

*«где вы жили в Бельцах;
что можете написать о своем дворе, улице, интересные ситуации детства;
какие-нибудь занимательные проделки;
кто вам запомнился из соседей – приятные люди, или наоборот, противные (ведь это тоже частичка нашего прошлого!);
какие истории из жизни города хотели бы вспомнить, происшествия, случаи;
где учились, что хотели бы сказать о своей школе, учителях; кого из одноклассников и учителей хотели бы повстречать;
о ком хотели бы рассказать что-то (врачи, деятели культуры, градоначальники, общественные деятели, которые запали в память)».*

Из воспоминаний бельчан отчетливо вырисовывается концепт «послевоенные Бельцы», а поскольку в те десятилетия город был гораздо менее обширным и современным, чем в

наши дни, и сохранял еще свои довоенные черты, ядром концепта оказывается понятие «исторический центр Бельц».

Старшее поколение современных бельчан помнит его таким, как в описании Анны Файн, помнят они и этапы преобразования исторической части города.

«Центр городка был разбомблен, от особняков вокруг центральной площади остались только груды развалин, их вскоре просто запахали танком ли, трактором – не помню уже, но на их месте были просто возвышения по бокам улицы. На этих запаханых возвышениях наставили огромные бетонные стенды – почетные доски передовиков производства, фотографии новостроек. <...> Поодаль поставили на постамент танк – памятник войне, в праздники возле него ставили пионеров в галстуках – почетный караул вроде» [21].

Город был компактным, «мемуаристы» были соседями, поэтому пишут об одних и тех же улицах, домах, событиях. Описание таким образом детализируется, прошедшее оживает.

«Я родился в 1948 году, – вспоминает Л. Чубаров. – До моего рождения жили на Ленинградской в бывших конюшнях <...>. После – в двухэтажном доме на Ленина (по последней нумерации – дом 38)» [24]. (Воспоминания о Бельцах)

В бывших конюшнях обитала и семья П. Ген:

«<...> Мы жили на углу Ленинградской и 28 июня, в саманном доме. Кажется, там была во время войны конюшня, потому что во дворе под старыми акациями росли шампиньоны, и мама добром ту конюшню поминала. Если не ошибаюсь, отец согласился жить в этой развалюхе из-за близости госпиталей» [15].

Ностальгические заметки бельчан особенно ценны потому, что в них содержится информация о том, чего не найдешь в официальных источниках, – о людях, населении, без которого город мертв, а описание концепта неубедительно.

Как пишет А. Файн, *«Чуть дальше ресторана, по той же стороне ул. Ленина, в окне одноэтажного дома, лицевой стороной на улицу стояли часы. Маятник у них был интересный: качели с сидящей на них девочкой двигались вверх-вниз. Здесь жил часовщик Каменецкий».*

С «дедушкой Каменецким» мальчишки воевали, *«обстреливая крышечками пенициллиновых бутылочек, положив в них кусочек “карбида” и залив водой», – признается Л. Чубаров.*

Кроме лиц, известных всему городу, мемуаристы воскрешают в памяти десятки людей – соседей, одноклассников, которые включены в их индивидуальную картину мира. Естественно, что больше всего вспоминают школу и учителей. Многие учились в знаменитой школе № 2, где директорствовала Зинаида Анфимьяновна Дитяткина. По словам И. Фоминой, *«директрисы все боялись до судорог. Школа была образцово-показушая, передовая, а это значило, что там терроризировали учеников ношением формы и оголтело бросались на все модные педагогические веяния <...>*

Атмосфера в школе была почти гимназическая – банты только черные, на праздник – белые, никаких кофточек поверх форменного платья (а в мраморном здании было жутко холодно!)» [22]

«Она была похожа на кабинетные часы. Моя сестра боялась ее, как огня, и не зря, увы: жестким человеком была З.А. Дитяткина», – вспоминает П. Ген.

Характеристики субъективны и по-детски жестоки, что понятно: трудно найти школьников, которые любили бы строгих директоров. Умение непредвзято оценивать таких людей приходит с годами. Поэтому важно замечание Л. Чубарова: *«позволяю себе не согласиться <...>. Зинаида держала школу и позволяла работать в ней очень нетривиальным людям, была неплохим преподавателем математики и сохраняла преподавателей, которые были завидомо талантливее ее».*

В школе обычно любят не директоров, а учителей, и надо сказать, что педагогические коллективы двух главных в то время бельцких школ представлены на сайте поименно.

Главный эмоциональный мотив воспоминаний бельчан старшего поколения – ностальгия. Город детства в их сознании красив и светел, потому что это – родина.

Исторический центр Бельц в общем сохранял свой традиционный (и потому бесценный в историко-культурном отношении) до второй половины 70-х годов.

Город теряет свое лицо не только под влиянием времени, но от человеческого равнодушия, бесхозяйственности и недальновидности властей.

«Но что же такое в мире случилось, и откуда могло задуть таким жутким смертельным ураганом, после которого вскоре не останется и следа от того давно сложившегося прелестного городского центра? Это какой силы должен был произойти взрыв, чтобы вырвало с корнем не только фрагменты улиц, группы и кварталы домов, но чтобы вместе с этой городской катастрофой навсегда исчез из города и определенный слой населения...<...>»

Во второй половине 70-х город, как и весь СССР (так, строчными буквами, у автора – И.И.), жил в ожидании больших олимпийских событий. И вроде бы что-то должны были с ним делать, так как через него должна пройти олимпийская трасса с негасимым огнем. Жители города ждали ремонта жизни своей, но, как не раз бывало, стали ремонтировать не стены и крыши домов, а подкорку человеческой памяти в необходимости сноса старого городского центра для организации огромной праздно-пустой площади» [19].

Приведенная цитата – из «повестьи» «Город, которого нет...» Стефана Садовникова – художника, который родился в Бельцах в 1948 году, окончил Бельцкий пединститут, тщетно пытался пробиться через партийно-чиновнические идеологические препоны в кишиневское сообщество художников, а сейчас работает в Москве. Для определения жанра произведения автору пришлось придумывать новое слово. «*Это мой неологизм, точнее определяющий творческий жанр, в котором свободно синтезируются повесть и живопись, история и поэзия*», – поясняет он в одном из интервью. Здесь же Садовников говорит о старом центре города: «*К огромной и великой моей печали и горечи, это место стёрто с лица земли. <...> И мне до сих пор больно до слёз, что у города моего детства вырезали сердце и вычистили, как манкурту, его историческую память*» [16].

Позволим себе предположить, что автор «повестьи» незнаком с понятием «языковая картина мира», а слово «концепт» имеет для художника совсем другое значение, чем для лингвиста. Видимо, факторы концептуализации топонимов, установленные лингвистами в результате специальных исследований, объективны: в сознании каждого человека концептуализация топонимов стимулируется знанием особенностей соответствующего географического объекта и его значимостью в личной судьбе.

«С чего начинается город? Одни ответят, что с главного собора. Другие скажут, что с центральной площади. Некоторые – с памятника в виде вождя или танка. Кто – с колокольни, кто – с крепостных стен. Ценным ответом может стать – родительский дом. И у каждого обязательно найдется свой внутренний азимут определения точки, с которой начинается его город» [16].

Словесное описание и живописное представление перекликаются и взаимодополняют друг друга. Это город «загадочный», «уютный», «прелестный», «волшебный», «милый», «удивительный»... И часто – просто «красивый» и «маленький». И здесь так естественны многочисленные слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами: «домик», «павильончик», «квартальчик», «стадиончик», «балкончик», «скверик»...

В описании С. Садовниковым судьбы этого уютного мира звучат трагические мотивы:

«И жгла-выжигала наш городок золотая орда жадноокая, и грабили жестокие турецкие янычары,

и попадал он под немилосердные тиски имперских амбиций, и делили его красные и белые, и топтали его эсесовские и тоталитарные свои сапоги.

А городок разрушался и отрастал, и не было покоя ни ему, ни людям его. И в конце-концов, негасимый огонь богов олимпийских прошел сквозь него на излете 20 века, испепелив собою весь центр, который исчез, как будто и не был....

А люди хотят жить вечно...

И города хотят жить вечно.

Рим – вечный город.

Наш – всегда хотел быть...»

Это, собственно реквием по историческому центру Бельц.

В послевоенные десятилетия город «прирос» новыми улицами и кварталами, и не все они являются архитектурными шедеврами. Но, оказывается, проблемы с эстетикой не препятствуют концептуализации.

Журналист, писатель Сергей Юрьевич Власов родился в Бельцах в 1984 году. Его эссе называется «Улица Б. Г.».

«Я живу на улице Б. Г.. Нет, конечно, не Бориса Гребеницкого. Другого Бориса – Главана». После этого начала у автора следует заминка: «Ну, вот, собрался написать про свою улицу, а, в принципе, и нечего... Что в ней примечательного? Просто одна из сотен других, так похожих друг на друга».

Но, оказывается, написать есть что – и у автора это получается.

«Во-первых, на моей улице дома не с двух сторон (как это происходит обычно), а только с одной. С другой стороны – поле. Хрен его знает, чего там сеют. Никогда не видел, чтоб там что-то пожинали. Так, экспериментальное.

Ну вот, смутно, но интересное прорисовывается.

Зато с другой стороны – дома. Стоят они как домино. Такое ощущение, что если нечаянно опрокинуть один – завалятся все. <...>».

Замечательно показаны некоторые особенности мировидения жителей улицы имени Бориса Главана, на которой в детстве автора не было водопровода, и воду набирали в колонке.

«Расстояние все меряют столбами и домами... “Во-о-он, до двадцать девятого дойдём, отдохнешь”. Идут, идут. Двадцать девятый. Ставят ведро с водой и потирают руки. “Ну, давай, ещё немного и тридцать девятый...”. От столба к столбу меняют руки. С правой на левую. С левой на правую. <...> Уф-ф-ф!»

Достопримечательности улицы не поражают воображения: поликлиника, банк (бывшая сберкасса), корпуса детского садика, переделанные в элитные двухэтажные коттеджи. Одна из достопримечательностей – «кукурузный завод». *«Неизвестно, что там, но все говорят: “кукурузный завод”. Ё-маё! Даже не подозревал, что на улице Б. Г. столько загадок!»*

Автор словно бы даже стесняется выразить нежность к улице детства, пишет о ней с сарказмом, но эмоции очевидно преобладают над рациональным. *Вот что значит любить “малую родину”* – заключает С. Власов, и тем самым выражает главную идею своего произведения. Потому что невзрачная окраинная улица Бельц для него концептуальна.

«Пусть асфальт уже дряхлый. Давно изогнут ржавый знак, на котором изображён грузовичок, но улица Б. Г. остаётся для всех её обитателей тем общим знаменателем, к которому можно привести все наши жизни.

И я верю, что все мы идём по своей, предназначенной только нам, улице Б. Г., и не свернуть нам с неё. Да и незачем. Ведь она столь прекрасна, и увидеть её красоту нам мешает лишь наша повседневная спешка. Мы обязательно пройдем эту улицу. Через садик, квартиру, поликлинику и пенсию в банке, и сядем на поезд, что отправляется к кукурузному горизонту. А ведь там и начинается улица Б. Г.» [6].

С какой целью автор затевает игру с инициалами в названии эссе? Может быть, хочет напомнить, что у разных поколений разные кумиры?

Ядром концепта «Бельцы» для большинства жителей современного города являются урбонимы, которые называют улицы, кварталы, площади и другие объекты, расположенные далеко от исторического центра и построенные уже в советский период.

В песне «Город мой Бельцы» современный автор Виктор Пизман признается в любви к городу, где прошла молодость, где выросли дети и «внуки уж выползли из-под стола». Рефрен этого бардовского произведения:

«Тебя я пою с замиранием сердца, – // О сколько на свете таких же сердец! – // Мой город с названием ласковым “Бельцы” // Иль с чуть грубоватым сегодняшним “Бэльц”».

И в процитированных строках, и в последующих куплетах «человек со стороны», например, турист, поймет далеко не все. Почему у Бельц есть второе «грубоватое» название? Местный же человек знает о неоднозначной топонимической реформе, проведенной в Республике Молдова в 90-х. А почему Бельцы – столица?

«Ты так невелик, но всё ж не без амбиций, // И часто, нас грешных мечтою пьяня, // Себя объявляешь чего-то столицей, // Но стал ты столицей в душе у меня».

И далес:

«Мне снятся вдали – твои парки и площадь... // Когда ж возвращаюсь к тебе, у дверей // Встречает меня знаменитая Тёща, – // И нет на Земле этой тёщи милей» [17].

«Чужого» упоминание некоей тещи только озадачит. Между тем речь идет о символе Бельц – скульптуре при въезде город. Ей посвящен небольшой рассказ С. Власова, который все объясняет. Рассказ называется «Всенародная теща».

«За несколько километров до Бельц, в очередной раз свернув на петляющей через всю страну трассе, вы оказываетесь на вершине одного из многочисленных в этой местности холмов. Именно с него очень хорошо виден символ северной столицы Молдовы, символ радушия и гостеприимства – скульптура, изображающая девушку, встречающую горожан и гостей города хлебом-солью. <...>»

Не знаю почему, но многие бельчане называют этот монумент... “Тёща”. Кто-то говорит потому, что такая вот, мол, она гостеприимная. Как теща. Кто-то на эту тему шутит: возвращаешься с дороги домой, к жене, а первой тебя теща встречает! Расспрашивает, где был, где спал...

Вот такая, получается, всенародная, я бы даже сказал, “всебельцкая тёща”».

Официально эта скульптура, установленная в 1965 году, называется «Ospitalitatie» – «Гостеприимство». Каждый коренной бельчанин, пишет С. Власов, знает: «если там, где небо сходится с землей, появится знакомый силуэт памятника, то дорога окончена – мы дома <...>» [5: 104].

«Мы дома» – это признание концептуальности Бельц в сознании горожан, где бы они ни жили – в симпатичных особняках, построенных «при румынах», домиках сельского типа, «сталинках», «хрущевках», многоэтажках или «евровиллах» последних десятилетий. Городам свойственно изменяться – и соответственно изменяются содержание ойконимического концепта и его структура. Ведь концептуализация – это «*процесс образования концептов в сознании, осмысление новой информации, ведущей к образованию концепта*» [18: 21]. Развивая эту дефиницию, можно сказать, что новая информация не только образует, но и видоизменяет концепт. Но деконцептуализация вряд ли возможна.

В центре Бельц сохранилось несколько десятков интересных в архитектурном отношении зданий, которые напоминают о неповторимом облике этого района. На центральной площади стоит на пьедестале – и по-прежнему почитаем – танк «Т-34». Напротив в 2004 сооружен памятник господарю Молдовы Штефану Великому. Правнуки тех, кто были детьми в послевоенные годы прошлого века, уже не мыслят себе площадь без этого монумента.

Ionova I.A.

Diachronic Aspect of Describing the Toponymic Concept of BALTI: to the Question of Sources of Information

Abstract: The article shows diachronism of the "Bălți" concept in the linguistic consciousness of the older generation of dwellers. Some sources have been presented that allow us to describe the toponymic concept in its dynamics from the post-war years of the twentieth century to the present.

Keywords: toponymic concept, dynamism of the toponymic view of the world, Bălți, sources of geo conceptology.

Библиография:

1. *Антология концептов* / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Т. 1-2. Волгоград: Парадигма, 2005.
2. *Бельцы и Бельцкий уезд из адрес-календаря Российской империи «Вся Россия», 1902.* Интернетресурс.
3. Вайн А. *Воспоминания* <http://shtetlbelts.ru/meinshtet.html>
4. Вольман О. *Бельцы. Портрет города* http://beltsy.org/fotoalbum/port_vorota/index.htm
5. Власов С. *Всенародная теща, или Добро пожаловать а Бельцы* <http://gzt.md/article>
6. Власов С. *Улица Б.Г.* / Журнал «Наше поколение». Хрестоматия. Кишинев, 2012.
7. Зашук А. *Материалы для географии и статистики России. Бессарабская область.* В двух частях: <http://beltsy.wallst.ru/history.html>
8. Ионова И.А. *Эскизы картины мира русских жителей Молдовы.* Кишинев, 2014.
9. *История Бельц. Улицы города в 1890 году* <http://pinechka.ucoz.ru/blog/2012-07-31-85>
10. *История города и уезда Бельцы. Годы 1910 - 1936* <http://forum.md/ru/617516>
11. Калуцков В.Н. *Ландшафт в культурной географии.* М., 2008.
12. Калуцков В.Н. *Геоконцепты в географии* // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. №1.
13. Калуцков В.Н. *О типах районов в культурной географии* // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 2. №1.

14. Ковлакас Е. Ф. *Особенности формирования топонимической картины мира: лексико-прагматический и этнокультурный аспекты*. Автореф. дисс. доктора филол. наук. 10.02.19. – Теория языка. Краснодар, 2009.
15. *Майн штэтлбелтс Бэлц*. Сайт <http://shtetlbelts.ru/meinshtet.html>
16. Михалевский Р. <http://esp.md/2011/06/13/stefan-sadovnikov-ya-vlyubilsya-v-svoj-gorod-navsegda/>
17. Пицман Виктор. *Город мой Бельцы*. http://samlib.ru/p/picman_w_e/
18. Попова З.Д., Стернин И.А. *Когнитивная лингвистика*. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. (Лингвистика и межкультурная коммуникация. Золотая серия)
19. Садовников С. *Город, которого нет...* beltsyonline.eu/portfolio/sadovnikov/
20. Степанов Ю.С. *Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования*. Москва: Языки русской культуры, 1997.
21. Суперанская А.В. *Общая теория имени собственного*. М.: Наука, 1973.
22. Файн А. <http://shtetlbelts.ru/meinshtet.html>
23. Фомина И. *Рассказы*. <http://shtetlbelts.ru/meinshtet.html>
24. Чубаров Л. *Воспоминания о Бельцах*. <http://shtetlbelts.ru/meinshtet.html>

Coşciug Angela

Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălţi, Republica Moldova

UNELE CONSIDERAȚII ASUPRA NUMELOR DE ACȚIUNE ÎN LIMBILE FRANCEZĂ, RUSĂ ȘI ROMÂNĂ

Prin numele de acțiune, nume abstract, cercetătorii din țară și de peste hotare [3],[4],[5] concep, tradițional, partea de vorbire care servește la nominalizarea imaginii:

- (1) unei *acțiuni* propriu-zise, adică a ceva uman, deoarece doar indivizii umani acționează (animalele fiind cele care se mișcă doar!), acțiunea fiind luată, deci, drept „ceea ce face cineva și prin ce acest cineva își realizează intenția sau doar un simplu impuls” [Micro Robert de Poche, 1988, p. 14]. Ceea ce face cineva poate fi de natură fizică (*laver, мыть, a spăla* etc.), mentală (*réfléchir, думать, a analiza* etc.), sentimentală (*s'attrister, печалиться, a se întrista*⁹ etc.) etc. Numele de acțiune nominalizează, mai cu seamă, două segmente raportate acțiunii, și anume imaginea acestei acțiuni în plină desfășurare (*ajustage, привинчивание, ajustare* etc.) sau imaginea sfârșitului/rezultatului acțiunii (*découverte, открытие, descoperire* etc.);
- (2) unui *proces*, luat drept „o totalitate de acțiuni, dar și de fenomene convergente și succesive, care introduc, în mod obligatoriu, o schimbare, având unitate și scop” [*idem*, p. 1017]; de exemplu, *préparation, подготовка, pregătire*;
- (3) unui *eveniment*, luat drept „ceea ce s-a întâmplat (adică avem un sfârșit și un rezultat), fără participarea directă a individului uman, dar care are importanță pentru el” [*idem*, p. 496]. În acest caz, e vorba de nume de tipul lui *effondrement* (de la mine), *провал* (шахты), *prăbușire* (a minei); *inondation, наводнение, inundare* etc.

Ar mai trebui de inclus aici și numele de acțiune care denumesc mișcări, deplasări, schimbarea locului sau a poziției; de exemplu, *déplacement, glissement, движение, падение, скольжение, alunecare, deplasare*.

După cum o demonstrează exemplele de limbă, numele de acțiune ar mai nominaliza și imaginile unui șir de treceri sau conexiuni (trecerea și conexiunea înscriindu-se în mișcarea care, la rândul ei, se înscrie, deseori, în unele acțiuni de tipul lui *transporter, перевозить, a transporta*). Identificăm, aici:

- trecerea de la o stare la alta/conexiunea unei stări cu alta, a căror imagini sunt nominalizate de nume de tipul lui *amélioration, улучшение, ameliorare*;
- trecerea de la o acțiune la alta/conexiunea unei acțiuni sau a unei părți a acesteia cu alta, a căror imagini sunt nominalizate de nume de tipul *reprise, возобновление, reluare*;
- trecerea de la un proces la altul/conexiunea unui proces cu altul (procesele în cauză realizându-se, de cele mai dese ori, neconcomitent), redată prin nume de tipul *reconstruction, refaite, реконструирование, перделка, reconstruire, refacere*;

---

⁹ Nu împărtășim părerea lui G. Mounin [vezi Mounin, 1976, p. 28] că, în acest caz, este vorba de o stare și nu de o acțiune, deoarece înregistrăm aici o devenire care se înscrie mai mult în acțiune, decât în stare.

- trecerea de la un eveniment la altul/conexiunea unui eveniment cu altul (evenimentele în cauză întâmplându-se nu în același timp), imaginea căreia e redată de nume de tipul *décomposition* (des corps), *разложение* (тел), *descompunere* (a corpurilor vii).

Din cele expuse, se desprind câteva idei și chiar întrebări:

- (1) există, cel puțin, două tipuri de nume de acțiune – *primare* și *complexe* –, ultimele fiind formate prin prefixare (*reconstruction, refaite, décomposition, переделка, возобновление, reconstruire, refacere, descompunere* etc.);
- (2) numele primare și cele complexe înregistrează relații cu alte părți de vorbire care și ele denucesc imaginea acțiunilor, proceselor, evenimentelor, mișcărilor, deplasărilor, schimbărilor de loc sau poziție, trecerilor/conexiunilor menționate. E vorba, mai întâi de toate, de verb (*préparer, construire, s'effondre, inonder, tomber, se déplacer, passer* (dans un autre lieu), *améliorer, reprendre, reconstruire, se décomposer, готовить, создавать, провалиться* (о шахте), *потопить, упасть, передвигаться, перейти, улучшить, возобновить, реконструировать, разложиться, a pregăti, a construi, a se ruina, a inunda, a cădea, a se deplasa, a trece* (în alt loc), *a ameliora, a relua, a reconstrui, a se descompune*) și adjectiv (*provocant, спровоцированный, provocator*), verbul, după Aristotel, fiind partea de vorbire primară sau de bază în denumirea imaginii acțiunii, procesului, evenimentului, mișcării, deplasării, schimbării de loc sau poziție, trecerii/conexiunii de tip diferit¹⁰;
- (3) ar exista nume de acțiune compuse (*remue-ménage, rendez-vous, музодумие, maltratare* etc.) sau chiar locuțiuni nominale de acțiune, formate de la locuțiuni verbale de acțiune (*mise en place < mettre en place, prise de parole < prendre la parole, luare de cuvânt < a lua cuvântul, punere în evidență < a pune în evidență* etc.);
- (4) numele de acțiune transpune seme aspectuale imperfective (*ajustage, привинчивание, ajustare*) sau perfective (*découverte, открытие, descoperire*);
- (5) ar exista dublete atât permanente printre numele de acțiune dintr-o limbă oarecare (mai cu seamă, în limbi ca cea rusă, în care aspectul fiind o categorie gramaticală, contribuie la formarea dubletelor verbale de tipul *пересказать – пересказывать*, de la care s-ar forma și dubletele nominale de tipul *пересказ – пересказывание*), cât și ocazionale (în limbile, în care aspectul nu este circumscris categoriilor gramaticale, nefiind decât un *mode d'action*). De exemplu: *a ruga* de la care sunt formate unitățile *rugă* și *rugămintă* sau verbul *écrire* de la care sunt formate numele *écrit* și *écriture*. În acest caz, putem înregistra nu doar dublete, ci și triplete sau chiar cuadruplete. Astfel, de la verbul *chanter*, sunt formate, în franceză, numele *le chanter, chant, chanson* și *cantique*;

Dezvoltarea ideilor de mai sus, dar și căutarea răspunsurilor la întrebările menționate au fost cheia în care a fost conceput conținutul acestui articol.

Din cercetările materialului de limbă franceză, rusă și română, observăm că numele de acțiune primare sunt unități:

- (a) derivate *progresiv* de la verbe de acțiune fizică (*ajustage < ajuster, сверление < сверлить, citire < a citi*), mentală (*réflexion < réfléchir, peuenie < peуить, gândire < a se gândi*), sentimentală (*attristement < s'attrister, întristare < a se întrista*) etc.¹¹; de la verbe ce denumesc imaginea unui proces (*réparation < réparer, сверление < сверлить, planificare < a planifica*), a unui eveniment (*inondation < inonder, inundare < a inunda*) care, după unii cercetători, ar îngloba și onomatopee (*ruissellement < ruisseler, журчание < журчать, săsăit < a săsăi*), a unei mișcări, deplasări, schimbări de loc sau poziție (*passage < passer, падение < падать, движение < двигаться, cădere < a cădea*), a unei treceri/conexiuni de tip diferit (*amélioration < améliorer, ameliorare < a ameliora*). Numele de acțiune formate prin derivarea progresivă se întâlnesc în toate cele trei limbi supuse analizei în acest articol și nu numai, iată de ce savanții consideră derivarea dată drept mijlocul principal de formare, de la verbe, a numelor de acțiune;

¹⁰ Se atestă și cazuri când numele de acțiune dau naștere verbelor de acțiune. A se vedea, în acest sens, numele de acțiune compuse, prezentate în paginile ce urmează.

¹¹ Dar nu orice verb de acțiune a dat naștere unui nume de acțiune, tot așa cum nu orice verb ce denucesc imaginea unui proces, eveniment, mișcare etc. a dat naștere unui nume. De exemplu, verbul *идти*.

- (b) derivate *regresiv* de la verbe de acțiune fizică (*prise* < *prendre*, *mise* < *mettre*, *атака* < *атаковать*, *joc* < *a juca*, *атак* < *a атака*), mentală (*pensée* < *penser*, *дума* < *думать*, *gând* < *a gândi*), sentimentală (*боязнь* < *бояться*) etc., de la verbe ce denumesc imagini ale proceselor (*attaque* < *attaquer*, *штурм* < *штурмовать*, *asalt* < *a asalta*), evenimentelor (*cutremur* < *a cutremura*), mișcărilor, deplasărilor, schimbărilor de loc sau poziție (*tombée* < *tomber*);
- (c) obținute, uneori, prin conversiune de la verbe: (l') *aller* < *aller*, (le) *chanter* < *chanter*, *rugă* < *a ruga*¹².

Numele de acțiune complexe, adică formate prin prefixare, sunt acelea care cumulează prefixarea cu:

- derivarea progresivă: **reconstruction**, **перевозка**, **refacere**;
- derivarea regresivă: **reprise**, **remise**, **контратака**, **contratac**;
- conversiunea: (le) **rechanter**.

În cazul numelor de acțiune complexe, ne-am propus să determinăm, cu raportare la limbile alese pentru cercetare, care fenomen precede care fenomen, în sensul dacă numele de acțiune complexe provin, prin prefixare, de la nume de acțiune primare (**reconstruction** < *construction*, **перевозка** < *возка*, **reconstruire** < *construire*) sau de la verbe complexe (**reconstruction** < *reconstruire*, **перевозка** < *перевозить*, **reconstruire** < *a reconstrui*). Dacă urmărim formarea numelor de acțiune în limbile menționate, observăm, în urma unui studiu etimologic, bazat pe dicționarele respective, că numele de acțiune complexe descind de la verbe complexe, iar acestea din urmă apar cu 1-2 secole înaintea numelor.

Pe lângă numele de acțiune primare și complexe, limbile franceză, rusă și română mai înregistrează și nume de acțiune compuse. Acestea sunt formate după diferite modele:

- Adverb incorporat + Nume de acțiune primar:
bien + *venue* (< *venir*) = *bienvenue* (verbul *bienvenir* nefiind înregistrat în limba dată);
mal + *nutrition* (< *nourrire*) = *malnutrition* (verbul *malnourrire* nefiind înregistrat în limba dată);
туго + *дума* (< *думать*) = *тугодумие* (verbul *тугодумать* nefiind înregistrat în limba dată);
bine + *facere* (< *a face*) = *binefacere* (verbul *a bineface* nefiind înregistrat în limba dată);
- Verb prezent în limba contemporană, defectiv sau chiar dispărut > Nume de acțiune compus:
faire > *bienfaisance*/*malfaisance* (unitatea *faisance* nefiind înregistrată în franceza contemporană); *seoir* > *bienséance* (unitatea *séance* având, în franceza contemporană, cu totul alt sens decât verbul defectiv *seoir*);
- Verb compus de acțiune (format de la un verb simplu de acțiune) > Nume de acțiune compus:
maudire (< *dire*) > *malédiction*;
maltraiter (< *traiter*) > *maltraitance* (unitatea *traitance* nefiind înregistrată în franceză);
a maltrata (< *a trata*) > *maltratate*.
- Verb + Pronume = Nume de acțiune compus:
rendez-vous;
- Verb + Nume concret sau abstract = Nume de acțiune compus:
remue-ménage, *remue-ménage*;
- Nume de acțiune compus de origine străină (adaptat regulilor limbii care l-a preluat), care, în limba dată, dă naștere, deseori, la un verb de acțiune și care, prin acest fapt, confirmă ipoteza unor savanți că nu toate numele de acțiune provin de la verbe de acțiune:
(în fr.) *pique-nique* > *pique-niquer*; (în rom.) *pick-nick*.

Pe lângă verbele care denumesc acțiuni, procese, evenimente, mișcări, deplasări, schimbări de loc sau poziție, treceri/conexiuni de tip diferit, în limbile franceză, rusă și română, se înregistrează și locuțiuni verbale de tip diferit, de exemplu, *mettre en scène*, *prendre la parole*, *ставитъ в известность*, *взять слово*, *a pune în valoare*, *a pune în discuție* etc. E normal să ne întrebăm, dacă locuțiunile verbale în cauză au dat sau nu naștere, ca și verbele de același tip, unor locuțiuni nominale. Răspunsul este pozitiv, deoarece dicționarele explicative și etimologice ale limbilor menționate

¹² E greu de depistat, în limba rusă, conversiunea verbului la infinitiv (finisat în *-ать*, *-еть*, *-уть*, *-уть*, *-ить*, *-ечь* etc.: *дать*, *иметь*, *пить*, *дуть*, *выть*, *печь* etc.) în nume de acțiune, proces, eveniment, mișcare, deplasare, schimbare de loc sau poziție, trecere/conexiune de tip diferit.

атестază locuțiuni nominale de acțiune, proces, mișcare etc. Astfel în franceză, în care până astăzi savanții nu au ajuns la un numitor comun cu raportare la delimitarea numelor compuse de locuțiunile nominale, putem califica drept locuțiuni nominale cele care derivă de la locuțiuni verbale. Locuțiunile nominale de acțiune, proces, mișcare etc. din limba franceză sunt formate de la locuțiuni verbale după următoarele modele:

- (1) Nume de acțiune + prepoziție (aceeași și în locuțiunea verbală de la care provine locuțiunea nominală în cauză sau adăugată ultimei) + Nume: *mise en pièces* (< mettre en pièces), *mise en valeur* (< mettre en valeur), *mise en scène* (< mettre en scène), *mise en relief* (< mettre en relief), *mise en branle* (< mettre en branle), *mise en place* (< mettre en place), *mise en plis* (< mettre en plis), *mise en état* (< mettre en état), *mise en ordre* (< mettre en ordre); *prise de parole* (dar *prendre la parole*), *prise de contact* (dar *prendre contact*) etc. Modelul dat este cel mai productiv, în franceză, cu raportare la locuțiunile nominale de acțiune, proces etc. Dar, după cum o atestă dicționarele explicative, nu orice locuțiune verbală cu verbul *mettre* dă naștere unei locuțiuni nominale de același tip, de exemplu, *mettre en terre*;
- (2) Nume de acțiune + Articol + Nume: *mise au net* (< *mettre au net*).

În limba rusă, nu atestăm locuțiuni de tipurile care ne interesează. În română, acestea sunt formate după un singur model care nu înglobează articol:

Nume de acțiune + prepoziție (aceeași și în locuțiunea verbală de la care provine locuțiunea nominală în cauză sau adăugată ultimei) + Nume: *punere în valoare* (< a pune în valoare), *punere în discuție* (< a pune în discuție); *luare de cuvânt* (< a lua cuvântul).

Concluzii

Numele de acțiune este partea de vorbire care se cere încă cercetată din perspectiva raporturilor acestuia cu verbele de același tip. Merită o atenție deosebită și locuțiunile nominale de tipul menționat care se cer descrise și ele în acord cu locuțiunile verbale, de la care descind.

Referințe bibliografice:

1. Constantinovici, E. *Semantica și morfosintaxa verbului în limba română*, Chișinău, Editura Știința, 2006.
2. *Micro Robert de Poche*. Paris: Les Dictionnaires Robert, 1988.
3. Mounin, G. *Dictionnaire de la linguistique*, Paris, 1976.
4. Измайлова, Д. Б. *Структурно-семантическая характеристика отглагольных существительных, образованных способом конверсии во французском языке*, Казань, 2007.
5. Коряковцева, Е. Н. *Имена действия в русском языке: история, словообразовательная семантика*, Москва, Наука, 1998.

Болычевская Наталия Андреевна

Государственный университет Молдовы, г. Кишинёв
nbolicevski@mail.ru

СИСТЕМА РУССКОГО ЯЗЫКА И ЕЁ ОТРАЖЕНИЕ В ШКОЛЬНЫХ СЛОВАРЯХ

Аннотация: В статье отмечается, что выпускники школ слабо представляют себе язык как систему. В связи с этим рассматривается строение системы русского языка, отмечаются интересные языковые и речевые факты на разных ярусах системы. Перечисляются школьные словари, призванные улучшить процесс преподавания разных разделов языка в школе.

Ключевые слова: система языка, ярусы языковой системы, школьные словари.

Выпускники лицеев с русским языком обучения, как оказалось, плохо представляют себе язык как систему. В основном помнят какие-то разрозненные правила, необходимость постановки знаков препинания, припоминают перечень частей речи, при этом следом за существительным в большинстве случаев называется глагол... Но язык – это не просто система, а **система систем!** И это не словесная эквилибристика, а отражение глубинной сущности языка, который к тому же является динамической (подвижной, развивающейся) системой.

Несомненно, поступившие на филологический факультет ознакомятся в процессе обучения и со сложным устройством языка как важнейшего средства человеческого общения, и с особенностями уровневого строения именно современного русского языка, и с тем, как разные участки системы языка взаимодействуют друг с другом, какие процессы протекали в

языке раньше, какие происходят в настоящее время... Но и на этапе доуниверситетского образования правильное видение отдельных фактов, явлений и законов языка как частей именно системы представляется исключительно важным, поскольку позволит учащимся лучше понять их, осмыслить, эффективно использовать в своей речи и заложить в память на более длительное и качественное хранение. В противном случае неизбежно описанное Л. Успенским поведение учеников, «которые в свое время фыркали, занимаясь “скучнейшим предметом – русским языком” и у которых от него осталось воспоминание как о бесчисленном множестве непонятно зачем и почему установленных правил и о не меньшем количестве столь же непонятных исключений из них, и только» (1: 10).

Оптимист Лев Васильевич Успенский считал, что «уроки русского языка могут быть не только интересными, но даже и веселыми. Увлекательными!» (1: 13). Согласимся, что не каждый урок русского языка может стать для учащихся весёлым и увлекательным, но сделать познание языка интересным для детей – долг чести учителя-словесника.

Можно ли интересно подать информацию о системе языка?

Обратившись к Лингвистическому энциклопедическому словарю, убедимся, что глубокое содержание словарной статьи о системе языка – это академические сведения, изложенные сугубо научным языком, понятным только хорошо подготовленному специалисту. Естественно, для школьников надо писать иначе – следуя дидактическому принципу доступности, но не отступая при этом от принципа научности. Такую сложную задачу успешно решил изданный в 1984 г. Энциклопедический словарь юного филолога (ЭСЮФ). Это замечательное издание, уже судя по названию, ориентировано на школьников среднего и старшего возраста и призвано в доступной и занимательной форме знакомить их с основами языкознания – науки о языке. В нем рассказывается о законах развития языка, различных языках народов мира, но главное внимание уделяется русскому языку.

В отличие от словарной статьи о системе языка в Лингвистическом энциклопедическом словаре, одноимённая – в ЭСЮФ в первую очередь раскрывает само понятие системы:

«СИСТЕМА ЯЗЫКА. Под системой следует понимать совокупность взаимообусловленных элементов, образующих нечто целое. При изучении системы исследователь выявляет отношения, существующие между элементами системы. Через эти отношения он определяет те элементы, которые входят в систему.

Если тот или иной элемент не обнаруживает никаких отношений к другим, он находится вне системы. ...Но его также можно сделать элементом системы, если мы наделим его определенными отношениями к другим элементам...» (3: 278).

В подтверждение этому чёткому определению системы я обычно привожу такой пример: часы-будильник в рабочем состоянии – и он же, но разобранный на запчасти пытливым ребёнком. Где система, а где несистема, моментально определяют все. Но задание сложнее: надо подтвердить свою догадливость доказательствами (не менее трёх). Таким образом, само понятие системы предстаёт как система трёх признаков: 1) наличие каких-либо элементов (составляющих), 2) их взаимосвязь и взаимообусловленность и 3) единство, целостность. Одновременно здесь представляется возможность ввести понятия **эксплицитный** (явный, выраженный) и **имплицитный** (неявный, скрытый) способы подачи информации, поскольку в словарной статье указывается лишь на **взаимообусловленность** элементов системы. Можно при этом сослаться и на вызывающие поначалу изумление нулевые окончания (и суффиксы!), и на знакомую всем пользователям ПК формулировку «по умолчанию».

Определив, что представляет собой система как таковая, снова обратимся к Энциклопедическому словарю юного филолога: «Иногда язык определяют как систему Элем – фонетической системы, морфологической системы, лексической системы. Было бы неправильно, однако, полагать, что каждая из этих систем независима от других. Хотя каждая из этих систем обладает своими внутренними закономерностями, они также взаимосвязаны и взаимообусловлены». Как видим, ЭСЮФ называет только 3 элемента, входящих в систему языка, оставляя без внимания словообразование и синтаксис. Кстати, вышедший в 1990 г. авторитетный Лингвистический энциклопедический словарь выделяет «следующие основные уровни языка: фонемный, морфемный, лексический (словесный), синтаксический (уровень предло-

жения)», но о словообразовании прямо не упоминает, а использует термин «морфемный» в двух значениях, говоря о сочетаемости морфем в синтагматике и парадигматике.

Такое игнорирование словообразовательного уровня языка вызывает удивление, тем более что и в Грамматике современного русского литературного языка (АГ-70), и в вышедшей десятилетием позже двухтомной Русской грамматике раздел Словообразование по достоинству занимает важное место. Уже в рецензии на АГ-70 отмечается: «Большим достоинством «Грамматики» можно считать объединение в главе о словообразовании всех способов создания новых слов — существительных, прилагательных, глаголов и наречий, тогда как в прежних грамматиках русского языка именное словообразование было принято включать в «Морфологию», а сведения о глагольном словопроизводстве распределять по разным разделам, описывающим систему глагола» (2: 145-146).

В результате осмысления понятий «система» и «система языка» учащиеся готовы к восприятию представления о системе языка, которое само по себе парадоксально, так как, по словам А.А. Реформатского, язык нельзя ни увидеть, ни услышать: «Языком можно владеть и о языке можно думать, но ни видеть, ни осязать язык нельзя. Его нельзя и слышать в прямом значении этого слова» (3: 339). В качестве «образа» системы языка приводится так называемый «слоёный пирог или торт Наполеон» с пятью слоями, каждый из которых соответствует определённому уровню/ярусу языка. Порядок следования ярусов строго закреплён: снизу вверх – фонетический, лексический, словообразовательный, морфологический и синтаксический, что соответствует порядку изучения в вузе дисциплин курса «Современный русский язык». Здесь можно поинтересоваться, как учащиеся воспринимают отсутствие в системе таких разделов, как графика, орфография, пунктуация. Мнения порой высказываются весьма оригинальные.

Осталось раскрыть, почему язык называют системой систем. Здесь к каждому ярусу языка следует применить полученные в школе знания. К чести выпускников, они неплохо разбираются в единицах каждого уровня, видят их взаимоотношения. Правда, часто приходится прибегать к помощи подсказки в виде цифрового обозначения, принятого в школе: цифра «1» указывает на фонетический разбор, «2» на морфемный и словообразовательный анализ и т.д.

Рассматривая каждый ярус языковой системы, можно показать учащимся, как разумно устроен наш язык, как интересно его изучать, раскрывать для себя его тайны. Например, – и об этом сообщает ЭСЮФ – «звуки, находящиеся за пределами фонетической системы данного языка, не имеют для говорящего на этом языке значения. Можно сказать, что он их “не слышит”». И в самом деле, ни один говорящий по-русски не признает «своими» озвончённые [ц], [ч] и [х]. Чтобы сознание улавливало эти звуки в нашей речи, нужна информация об их существовании и определённая тренировка.

Лексический ярус языка формируется словами и фразеологизмами. Сколько в языке слов? Задайте этот вопрос ученикам, и ответ будет: «Много!» А ведь вопрос не простой, и ответ на него не однозначный. Какие слова самые частотные? Обычно отвечают: «Я. Мама. Родина». Но оказывается, что самым частым в русских текстах (!) является предлог В, за ним следуют союз И, частица НЕ, предлог НА, и только на пятом месте местоимение Я. Это данные на 1977 год.

Уже как архаика воспринимается пример из следующего высказывания ЭСЮФ: «Системные отношения, существующие в лексике, можно хорошо показать на примере оценок успеваемости, которые в разное время использовались в школах и в вузах нашей страны. В 20-е гг. употреблялись лишь две оценки: удовлетворительно и неудовлетворительно. Ныне применяется (например, в вузах) четырехчленная шкала оценок: отлично, хорошо, удовлетворительно и неудовлетворительно. Обе шкалы включают “удовлетворительно”, но в этих двух системах она имеет разную “весомость”. Каждая система по-своему определяет значение этой оценки».

Архаичен пример, а системные отношения по-прежнему актуальны: сравним «ценность» отметки «5» в пятибалльной и десятибалльной системах. Сейчас даже неловко признаваться учащимся, что ты учился на круглые пятёрки...

Различие между словами как единицами языка и их речевыми представителями – словоформами выявляется при анализе одной из статистических таблиц, приложенных к Обратному словарю русского языка, – «Распределение слов по конечным буквам». Вопрос, на какую букву чаще всего оканчиваются слова в русском языке, получает обычный, но неправильный

ответ – на букву А. На самом деле А занимает лишь четвертую позицию (на эту букву заканчиваются 11,65% из 125 тысяч слов, отраженных в Обратном словаре). Оказывается, почти четверть слов русского языка (24,78%) имеют на конце мягкий знак! На втором месте (почти 21% слов) – буква Ё, за ней следует Я (почти 14%). Не случайно речь идёт именно о **словах**, которые фиксируются в словарях в начальной форме. Как только проясняется эта подробность, становится понятным, какие части речи дали возможность распределиться словам именно таким образом. На самом деле, этот вот абзац, содержащий более десяти строчек, включает только четыре словоформы с буквой Ё на конце: одна частица (лишь) и три существительных третьего склонения в форме именительного падежа. До 25 процентов – дистанция огромного размера!

Словообразовательная система даёт множество возможностей активизировать мыслительную деятельность учащихся, взглянуть на словарный состав и пути его пополнения свежим взглядом. На чём ещё ярче показать действие закона экономии речевых усилий, как не на образовании слов типа *маршрутка* (маршрутное такси) и *коммент!*

Как действуют и взаимодействуют морфологическая и синтаксическая системы языка, превосходно демонстрирует замечательный приём, применённый на вузовской лекции по языкознанию крупнейшим лингвистом Львом Владимировичем Щербой. Об этом событии и его значении для учителей русского языка рассказал Лев Успенский. «Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокрёнка» – вот та якобы нелепая фраза, которая придумана выдающимся языковедом и одновременно прекрасным преподавателем, настоящим Учителем – Л.В. Щербой. Первая реакция – ничего не понятно, даже язык неизвестно какой. А потом всё становится на свои места, всё становится ясно: кто, какая, что сделала, что продолжает творить, кто уже испытал и кто испытывает это воздействие... Л. Успенский с воодушевлением пересказывает эпизод из книжки учительницы русского языка, завершая повествование словами: «И, – рассказывала Ф. Вигдорова, – дело было сделано: все последующие уроки языка проходили в моем классе оживленно, весело, на большом подъёме...»

Однако практика проведения уроков русского языка в школе показывает, что душевного подъёма, оживлённости и веселья им часто недостаёт; кроме того, обращение учащихся к словарям на уроке – большая редкость, и это понятно, поскольку время урока строго ограничено 45 минутами, а весь учебный материал обязательно должен быть пройден. Тем не менее современный куррикулум предусматривает ознакомление учащихся с определённым перечнем лексикографических произведений.

В настоящее время число словарей русского языка чрезвычайно велико, существуют словари, отражающие систему языка на каждом из его пяти ярусов. Издана и целая библиотека школьных словарей, призванных улучшить процесс преподавания разных разделов языка в школе.

Больше всего внимание лексикографов привлёк лексический ярус языка – в распоряжении учителей и учащихся имеются школьные толковые словари, словари иностранных слов, синонимов, антонимов, школьные фразеологические и этимологические словари, а также специальные – например, Школьный топонимический словарь, содержащий около 1250 названий.

В 1978 г. вышел из печати Школьный словообразовательный словарь А.Н. Тихонова, неоднократно переизданный впоследствии. Этот замечательный словарь представляет собрание комплексных единиц системы словообразования (словообразовательных гнёзд и их компонентов: парадигм, цепочек, пар) и, естественно, самих производных (мотивированных) слов. А.Н. Тихонов в доступном восприятии школьников виде показывает направление и неединственность (множественность) мотивации, в каждом мотивированном слове выделяет словообразовательный формант – показатель способа словообразования.

Наряду с орфографическими словарями эффективно может быть использован на уроках и при подготовке домашнего задания Школьный грамматико-орфографический словарь русского языка.

В конце XX – начале XXI века стали издаваться так называемые комплексные, или универсальные словари, предназначенные для школьников. Так, Универсальный словарь русского языка (М., 2003) – это словарь для начальной школы, он органически соединяет в себе

несколько типов словарей: орфографический, толковый, фразеологический, этимологический, словообразовательный, словари синонимов, антонимов, омонимов.

В отличие от вышеназванного, Большой словарь русского языка (М., 2002) предназначен для широкого круга читателей, в том числе для студентов и школьников. Это «уникальное издание и по структуре, и по полноте лексикографического материала» включает в себя Орфографический, Орфоэпический, Этимологический словари и собственно Школьный словарь иностранных слов. Кроме этого, в разделе «Малые словари» сосредоточены специализированные орфографические словари, с помощью которых проще преодолеть трудности правописания. Это 9 словарей, каждый из которых посвящён определённой проблеме орфографии, например: «Слитно или раздельно? Правописание сложных слов»; «Прописная или строчная?»; «НЕ и НИ. Правописание частиц» и др. Исключительно важным именно для школьников является наличие в каждом словаре перечня правил, целого ряда упражнений с ключами, иногда и тестов.

Заключает издание Словарь терминов и понятий, который «охватывает общие вопросы языкознания, а также сведения по лексике, фонетике, графике, орфографии, морфологии и синтаксису». Немаловажным является тот факт, что «понятия раскрываются на иллюстративном материале русской художественной литературы».

И в самом конце этой замечательной книги в помощь учителям, школьникам и поступающим в вузы расположена информация о многочисленных лингвистических словарях – своеобразная их пропаганда, побуждающая не только узнать, какие словари существуют в природе, но и извлечь для себя максимальную пользу из этих лексикографических произведений.

Bolichevskaya N. A.

The system of the Russian Language and its Reflection in the school Dictionaries

Abstract: The article notes that the high school graduates scarcely imagine language as a system. In this regard, the structure of the Russian language, is considered marked the interesting facts of language and speech on different tiers of the system. School dictionaries, aimed at improving the teaching of different language sections in the school are listed.

Keywords: language, tires of the language system, school dictionaries.

Библиография:

1. Успенский, Лев Васильевич. *По дорогам и тропам языка* / Лев Успенский. – М., 2008.
2. В. Н. Ярцева, Н. Д. Арутюнова. *Рецензия на Грамматику современного русского литературного языка...* – ВЯ, 1972, № 4, с. 144-147.
3. *Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание)*/Сост. М. В. Панов.– М.: Педагогика, 1984.

Мигириня Нина Иосифовна

Бэлцкий государственный университет имени Алеку Руссо, Республика Молдова

ПРИНЦИПЫ ОПТИМИЗАЦИИ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ЯЗЫКА

Аннотация: В аннотируемой статье рассматривается необходимость внести определенные коррективы в традиционное описание единиц синтаксического яруса языка, связанные с необходимостью устранения избыточной терминологии и противоречий между дефинированием отдельных синтаксических понятий и практикой анализа облигаторных и факультативных актантов монопредикативных единиц.

Ключевые слова: оптимизация синтаксической теории на основе принципов отображающей грамматики, трансформация на уровне членов предложения, синтаксические лакуны в структуре высказывания, математический квантор, корреляция сегментов континуума и языковых средств их репрезентации.

Исследования синтаксической системы современного русского языка свидетельствуют о внимании языковедов к самым разным аспектам изучения этого яруса языковой структуры. Но, к сожалению, до сих пор существует необходимость в существенных коррективах в теории синтаксиса, которые призваны устранить избыточную терминологию, нарушения корреляций между дефинированием синтаксической единицы и описанием разрядов в ее рамках, а использования математического квантора позволит уточнить диапазон распространения релевантных признаков на весь класс исследуемых объектов или на определенные сегменты данного класса.

Так, при описании категории однородности традиционный синтаксис рассматривает однородные члены предложения как любую цепочку однотипных, однофункциональных синтаксических позиций. При этом дифференциальными признаками однородных членов предложения называют наряду с однофункциональностью одноименность в их выражении, способность отвечать на один и тот же вопрос, интонационную специфику однородных членов предложения, выражение паритетных отношений между компонентами цепочки однородности с помощью сочинительных союзов, специфику субординативных отношений в синтагмах, включающих однородные члены предложения и др. Однако следует признать, что названные признаки категории однородности не являются инвариантными для всех единиц класса однородных членов предложения. Так, следует уточнить, что маркератором категории однородности является не их однофункциональность, а тождество синтаксической позиции, ведь в предложениях с аппликативными обстоятельствами времени или места, имеющими ту же функцию, что и уточняемые или поясняемые актанты с циркумстантивным значением, при их однофункциональности тождество синтаксической роли данных членов предложения отсутствует, что заставляет внести уточнение с помощью математического квантора: в цепочке однородных обстоятельств не может быть аппликативных актантов с обстоятельственным значением. Традиционно указывают на одноименность выражения однородных членов предложения, но в позиции предиката или обстоятельств частотны слова с разным морфологическим статусом, являющиеся однофункциональными и, следовательно, однородными, и только математический квантор позволяет уточнить, что данный признак категории однородности-одноименность морфологического выражения- не является инвариантным. Актанты высказывания в функции предиката и ряда обстоятельств способны отвечать на серию вопросов, и это также заставляет нас внести коррективы в традиционную теорию однородности, отметив, что без введения математического квантора указание на данный признак категории однородности оказывается некорректным. В рамках монопредикации наличие сочинительных союзов рассматривается как маркератор категории однородности, однако в современном языке в результате действия закона компрессии некомпактных моделей выражения и эллипсиса определенных актантов высказывания сочинительные союзы могут употребляться в простом предложении вне категории однородности. Так, во фразе «он хотел работать, но только начальником» сочинительный союз оказывается в позиции между предикатом и второстепенным членом предложения с синкретичным значением. Указания на отнесенность однородных членов предложения к одному господствующему слову в рамках грамматической субординации противоречит способности входить в цепочку однородности главных членов предложения, оформленных по способу сепаратизации. Все данные противоречия в описании категории однородности легко устраняются с помощью введения математического квантора.

В описании системы членов предложения до сих пор сохраняется их градация на главные и второстепенные, хотя, с точки зрения коммуникативной цели отправителя информации, корректнее выделение облигаторных и факультативных актантов высказывания, и только в практике доуниверситетского преподавания русского языка до сих пор актанты высказывания классифицируют на два класса: главные члены предложения и второстепенные члены предложения, хотя первые могут представлять собой, с точки зрения локуции, «информационный ноль». Совершенно очевидно, что так называемые повествовательные, вопросительные и побудительные предложения некорректно связывать с коммуникативной целью говорящего: «повествовательность», «вопросительность» и «императивность» – это лишь формы реализации категории иллюкутивности.

К сожалению, дефинирование понятия «член предложения» противоречит зачастую практике анализа монопредикативных единиц. Так, если, вслед за академиком Л.В. Щербой, рассматривать члены предложения как слова в его составе, отвечающие на какой-либо самостоятельный вопрос, то придется отказаться от интерпретации количественно-именных сочетаний как способа выражения одного члена предложения. Необходимо внести коррективы и в описание способов выражения дополнений, ведь если дополнения рассматривать как второстепенные члены предложения, отвечающие на вопросы косвенных падежей, то недопустимо квалифицировать объектный инфинитив, лишенный флективной гибкости, как дополнение,

именно поэтому в рамках научного синтаксиса в систему актантов высказывания введено понятие о дополнительном глагольном члене, в роли которого выступают объектные инфинитивы. В рамках традиционной теории синтаксиса, к сожалению, наблюдается и противоречие между интерпретацией разных актантов предложения, выполняющих функцию предиката. Так, традиционно указывают, что в составном именном сказуемом расчлененно передается лексическая и грамматическая информация, при этом связка выступает как репрезентант грамматических категорий, а присвязочная часть выражает лексическое значение, но при этом к классам составных именных сказуемых относят и такие предикаты, в которых оба компонента имеют самостоятельное лексическое значение, что явно противоречит дефинированию понятия «составное именное сказуемое». Введение в научный обиход понятия «двойное сказуемое» и позволяет отказаться от такого противоречия между дефинированием члена предложения и установлением синтаксической роли актантов предложения, не соответствующих такой дефиниции: ведь во фразе «мать пришла домой усталая» оба компонента двойного сказуемого «пришла усталая» выражают самостоятельное лексическое значение, следовательно, глагольный компонент «пришла» не может иметь статуса связки и сочетание «пришла усталая» нельзя рассматривать как иллюстрацию составного именного сказуемого.

К сожалению, до сих пор отсутствует четкая градация таких понятий, как «вариативность языковых моделей репрезентации идентичной секвенции» и возможность разной интерпретации таких моделей с точки зрения получателей информации, что не позволяет нам безоговорочно принять концепцию ряда лингвистов.[2] К сожалению, не всегда корректна интерпретация лакун синтаксической структуры русского предложения. Действительно, «синтаксический нуль, безусловно, многолик» [1]. Но лакуны в рамках монопредикации могут быть связаны и с появлением синтаксических зевгм разных типов (гипозевгмы, мезозевгмы, протозевгмы); они могут возникать в результате эллиптирования отдельных актантов предложения в рамках действия закона экономии речевых средств, а регулярный эллипсис может приводить к процессу трансформации на уровне членов предложения, в результате которого происходит переосмысление неполных предложений, содержащих синтаксические лакуны, в коммуникемы с реализованными облигаторными синтаксическими позициями. При этом вопрос о полноте / неполноте состава синтаксических единиц должен быть ориентирован на корреляцию категории иллокутивности и облигаторности / факультативности синтаксических позиций членов предложения. При этом «изменение системы членов предложения в русском языке осуществлялось в ходе протекания элементарных процессов эллипсиса, интеграции, сегментации (сегрегации), переноса функции с одного члена предложения на другой (метатезы функции), синтагматической метатезы (изменение порядка единиц в синтагме), морфологической и лексической субституции». [4]

К сожалению, в традиционной теории синтаксиса в рамках рубрикации объектов синтаксического стратоязыка нарушается принцип единства основания деления. Так, при описании видов семантических отношений между компонентами синтаксических биномов и способов их выражения в одном ряду рассматриваются такие понятия, как «согласование», «управление» и «примыкание». В этом отношении бесспорным представляется мнение Е.С. Скобликовой, которая считает, что узкое понимание управления ведет к нарушению единого классификационного принципа в разграничении согласования, управления и примыкания: согласование оценивается как особый формальный способ вхождения слова в словосочетание, который заключается в уподоблении зависимого слова главному, а управление утрачивает специфику формального способа и перемещается в сферу синтаксических отношений. Таким образом, согласование и управление оцениваются с различных позиций: как исключительно формальный способ связи (согласование), с одной стороны, и как формальный способ с обязательным учетом синтаксических отношений (управление), с другой стороны. [7] Но нам представляется абсолютно недопустимым и рассмотрение таких видов синтаксической связи, как «согласование», «управление» и «примыкание» в рамках одноуровневой классификации способов репрезентации различных смысловых отношений между компонентами синтаксических биномов. Атрибутивные, объектные, субъектно-предикатные, аппозитивные, циркумстантивные и паритетные отношения между компонентами биномов могут быть выражены с помощью

таких способов, как формы слов, порядок слов, интонация и служебные слова. Согласование и управление относятся к формам слов и должны рассматриваться в одном ряду с такими средствами репрезентации отношений, как корреляция, координация, сепаратизация, а примыкание наряду с локализацией и замыканием представляют собой виды синтаксической связи, имеющие отношение к аранжировке компонентов высказывания, ведь даже элементарная логика запрещает в рамках одной классификации рубрицировать объекты по разным признакам, достаточно вспомнить комический эффект от фразы В. Жириновского «у меня мама русская, а папа- юрист». Описывая виды синтаксических отношений и способов их выражения, в теории таксиса допускают такое же нарушение правила единого принципа классификации объектов. Так, в рамках паратаксиса «соединительные отношения рассматриваются под углом зрения их разновидностей, среди которых отмечаются одновременность, последовательность, причинно- следственная связь и др. Так как соединительные отношения отображают структуру мыслительного процесса, а одновременность, последовательность, причинно-следственная связь- сегментацию реальной действительности, то явно ошибочно одни отношения считать разновидностями других. Смысловые отношения между придаточными и главными предложениями описываются терминами, отображающими сегментацию действительности, а смысловые отношения между сочиненными предложениями- терминами, отображающими структуру мыслительного процесса. Ведь соединение (конъюнкция), разделение (дизъюнкция), противопоставление- это термины, дающие представление о мыслительных актах, а причина, условие, время, место, объект действия, образ действия, выражаемые придаточными предложениями разных типов и членами предложения,- это те различия и связи, которые открываются нами в объективной реальности». [5]

В рамках традиционной теории синтаксиса сохраняется и в научной, и в учебной литературе смешение таких понятий, как обращение, «апеллятивы» и «вокативы». При этом, вслед за профессором А.М. Пешковским, обращения рассматриваются как слова, грамматически не связанные с предложением. Но наряду с обращениями частотны и такие единицы номинации со значением адресата речи, как апеллятивы, которые играют особую синтаксическую роль в предложении, являясь его актантами: они не только несут информацию об адресате речи, но и в рамках грамматической субординации определяют грамматическую оформленность предиката. Вокативы, являясь главными членами односоставных вокативных предложений, совмещают функцию наименования адресата речи с репрезентацией мелиоративного или пейоративного коннотативного значения.

К сожалению, при описании единиц языка существует избыточная терминология, но, «какие бы пирамиды терминов ни надстраивались над одним и тем же референтом, в конечном счете, описывая семантический аспект языка, мы стремимся прийти к реальным различиям и связям, репрезентируемым с помощью разных языковых средств». [3] При этом оптимизация синтаксической теории путем устранения «балластной» терминологии становится возможной на основе принципов отображающей грамматики. Если язык представляет собой категориально знаковую систему репрезентации континуума, классов референтов и отношений между ними, то в рамках языковой модели отображения действительности следует учитывать, что члены предложения или комплексы членов предложения могут выражать признаково-предметную, процессно- объектную, процессно-орудийную, причинно-следственную, видо-родовую, локально-процессную, агентивно-процессную, посессивную и другие виды отношений между референтами разных классов. Следовательно, и квантование речи при выделении предложений, синтагм и актантов высказывания должно быть ориентировано на выяснение корреляции между категориями и знаками их репрезентации в рамках данного языка без использования излишней промежуточной терминологии. Так, традиционно, «характеризуя форму «книгу» мы вначале говорим, что это форма винительного падежа, затем отмечаем, что он выражает прямое дополнение, наконец указываем, что прямое дополнение обозначает прямой объект действия. Между тем, мы могли поступить проще, сказав, что «книгу»- это форма прямого объекта действия». [3] Терминологический аппарат метаязыка лингвистики, построенный на основе последовательного применения принципа отображения дает возможность устанавливать связи между категориями языка и категориями

континуума. Но приходится признать и тот факт, что при описании единиц синтаксического яруса языка может проявляться и «отсутствие четкого терминологического обозначения» для отдельных смысловых уровней в структурной схеме предложений. [6] Но при этом совершенно некорректной представляется нам попытка в рамках семантического синтаксиса рассматривать смысловую сторону предложений как результат реализации грамматических значений актантов высказывания. Партитурное строение единиц речевой коммуникации возникает на основе совмещения секвенции высказывания, представляющей собой не простую сумму значений актантов фразы, ведь локуция высказывания может включать в себя не только эксплицитную, но и имплицитную информацию. Некорректным представляется и указание на предикативность как грамматическое значение каждого предложения, ведь категория предикативности не является универсальной и значение предикативности не реализуется во многих структурных схемах предложений, поэтому следует при описании семантической стороны предложения учитывать корреляцию системы частей речи и членов предложения. Так, существует определенная система координат, в рамках которой и проявляется связь членов предложения и частей речи, при этом совершенно очевиден изоморфизм этих классов языковых знаков, если члены предложения и часть речи рассматривать как способы репрезентации объектов континуума в их связях и выразители таких объектов вне их связи. Специфика связи между компонентами предложения определяется характером отношений между референтами разных классов. Это может быть связь предмета как производителя процесса и процесса; связь объектно- направленного процесса и предмета подвергающегося процессу; связь предмета как носителя признака и его признака; темпоральные связи, локальные, причинно-следственные связи; посессивная связь; видо- родовые связи; условные, уступительные, целевые и др. И, описывая систему актантов высказывания, следует строго разграничивать в значении членов предложения те стороны, которые относятся к специфике референтов разных классов, связанных между собой, и особенности языковых средств репрезентации таких значений.

Таким образом, в описание единиц синтаксического яруса современного русского языка необходимо внести существенные коррективы, позволяющие оптимизировать теорию синтаксиса на основе принципов отображающей грамматики, рассматривающей язык как особую категориально-знаковую систему репрезентации континуума в рамках языковой модели мира.

Migirina N. I.

The Principles of the Optimization of the Syntactic Theory of the Language.

Abstract: The article explores the necessity to introduce certain corrections into the traditional description of the units of the tier of the language concerning the necessity to eliminate the surplus terminology and the contradiction between defining separate syntactic notions and the practice of analyzing the obligatory and optional actants of the mono-predicative units.

Keywords: optimization, the syntactic theory of the language, separate syntactic notions, the practice of analyzing.

Библиография:

1. Гордиевская М. Л. *Лакуны в синтаксической структуре русского предложения.* Вестник Моск. Ун-та, сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2008, №4, с. 38-45.
2. Драгой О.В. *Разрешение синтаксической неоднозначности: правила и вероятности.* Вопросы языкознания, 2006, №6, с. 44-61.
3. Мигирин В. Н. *Гносеологические проблемы знаковой теории языка, фонологии и грамматики.* Изд-во «Штиинца», Кишинев, 1978, с. 125
4. Мигирин В. Н. *Очерки по теории процессов переходности в русском языке (Учебное пособие для стентов).* Бельцы, 1971, с. 123.
5. Мигирина Н. И. *Принципы описания членов предложения и их смешение в учебных пособиях по современному русскому языку.* / Проблемы теории членов предложения, узд-во «Штиинца», Кишинев, 1973, с. 66.
6. Федосюк М. Ю. *Синтаксические значения и синтаксические смыслы.* Вестник МГУ.- сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.- 2008, №4, с. 18-22.
7. Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества государств- участников СНГ, Санкт-Петербургский Государственный университет, Факультет филологии и искусств./ *Синтаксис современного русского языка. Учебник для филологических специальностей университетов государств- участников СНГ,* Санкт- Петербург, 2008, с. 57

IMAGINEA PREOTULUI ÎN MENTALUL ROMÂNESC: ÎNTRE DEFECTE ȘI CALITĂȚI

Rezumat: Articolul descrie imaginea preotului în baza structurilor fixe ale limbii române. Demersul dovedește o existență dublă a acestei realități în viața românului. Una – marcată pozitiv – reflectată în contextele pur religioase. Alta – marcată negativ, reflectată în mentalul popular (proverbe, snoave, legende). În acest mod, limba română selectează doi termeni pentru a desemna slujitorul bisericii – preot și popă – ultimul fiind ironizat și valorificat din plin în tabloul narativ popular și paremic. Popa este caracterizat mai mult cu trăsături negative – este curvar, șiret, hoț, prost (neștiutor de carte), bețiv, mincinos, nemilos cu supușii, șarlatan, ipocrit, afacerist, lacom etc. Această dublă ipostază a imaginii preotului în comunitatea românească e dovedită și de experimentul asociativ, unde, la stimulul POPĂ, au fost selectate, în egală măsură reacții marcate pozitiv și negativ.

Cuvinte-cheie: proverb, mental, tablou lingvistic, tablou religios.

Menționăm chiar din capul locului că imaginea preotului în mentalul românesc, adică în tabloul naiv al vorbitorului de limbă română, este diferită de cea din tabloul religios. Prima este o reflectare infidelă, opusă chiar în unele privințe, a celei din tabloul religios.

Conștientizat de vorbitor ca ceva sfânt, grav, dimensiunea religie este mai degrabă coborâtă în lumea fenomenală, pe alocuri profanată chiar: *Cântă dracu-n casa popii* [4: 110]; *Popa se duce la biserică punând piedici fetelor* [4: 322]; *Popa are mână de luat, nu de dat* (Ibidem); *Popa beat și Ivan nici gustat* (Ibidem); *Popa legat nu face bucluc* (Ibidem); *Popa plânge când nu are morți de îngropat* (Ibidem). Această situație ar putea fi o consecință a unei resemnări în fața neputinței de a corespunde criteriilor impuse de dogma creștină. Sau poate e o apropiere a acestor idealuri de viața cotidiană și de sine. Secularizarea religiei, inclusiv prin imaginea preotului (dar și a lui Dumnezeu, a sfinților sau a bisericii, preotului etc.), e rezultatul scindării aspectelor de viață creștină a omului în două ipostaze: una gravă, care implică direct imaginea lui Dumnezeu, Duhul Sfânt și Fiul acestuia, și alta profană, în care relația cu Dumnezeu este mediată de preot, sfinți, biserică, agheasmă, tămâie, altar etc. Astfel, toate aceste realități intermediare cunosc și o ipostază ironizată sau chiar persiflată în mentalul românesc (reflectat în legende, snoave, ghicitori, proverbe). Și limba, care, după cum afirmă E. Coșeriu, implică „cele mai multe legături cu modul de a fi al omului, cu toate activitățile umane în general” [3: 164], reflectă fenomenul respectiv prin mutațiile metaforice pe care le suferă termenii religioși. Domeniile profane în care sunt aceștia transferați, pot fi identificate în structuri fixe (*a cânta ca un popă aghesmuț; a tămâia pe cineva*) sau în limbaj argotic (*agheasmă pentru băutură alcoolică și derivatele acestuia: a fi aghesmuț, a se aghesmuț; biserică pentru cărciumă; a fi atămâiat, a fi împărțășit pentru a fi beat; călugăr pentru deținut cu termen mare; a boteza, pentru a intra în gașcă; a nu avea molitvă pentru a nu fi în stare sau a nu avea chef să faci vreun lucru etc.*).

Explicația acestei duble ipostaze a slujitorului bisericii o găsim într-un proverb din Albania selectat de Iuliu Zanne [6: 121]:

De vreo unul să nu rătă omul, că vine ceasul, și o pate (pățește) și el, dar de preot poate să și rătă, și se propune explicația: deoarece preot fără voie nu poți să devii deci conștient ți-ai asumat această misiune.

În ipostaza sa pozitivă, sau, cel puțin, neutră din punctul de vedere al opozițiilor profan-sacru sau grav-ironic, slujitorul bisericii este numit de către români *preot*. Acest cuvânt nu este marcat și face parte din limba literară, față de termenul care desemnează cealaltă ipostază, profană, ironizată, persiflată a preotului – *popă*. Prima imagine este mai aproape de predestinația preotului în tabloul religios al lumii, fapt reflectat și de etimologia cuvântului: din latinescul *presbyter*, ce înseamnă: 1) *slujitor din treapta a doua a preoției* (primul fiind episcopul), legat derivativ și cu *preasbiter* (continuare), 2) *păstor, îndrumător de oameni*.

„Preoții-prezbiteri din comunitatea creștină sunt orânduți de Duhul Sfânt ca păstori ... predică și învață, poartă de grijă și cărmuiesc comunitatea ... și îndrumază viața duhovnicească a credincioșilor. Prin urmare, preoții au primit puterea de la apostol și dețin autoritatea în Biserică, îndeplinind funcții sacramentale și pastorale.” [2: 310]

Această ipostază nu este valorificată în paremiile românești, ea păstrându-și nuanța domeniului în care desemnează. Antologia lui George Munteanu nu înregistrează nici un proverb, iar Iuliu Zanne

selectează doar 18 unități, în care acest termen este comutabil cu termenul *popă* într-un context neutru (*Unul iubește pe preot (popă) altu pe preoteasă*), sau face parte din fondul paremiologic român: *Tricu ca preftu cu crucea* (foarte repede); *Vai da cincili a preftului* (= *va da cele cincii (piastre) preotului*), variantă a lui *A da ortul popii*; sau *Gioacă preftu di belea* (*Joacă preotul de nevoie*).

Termenul *popă*, în schimb, are o productivitate foarte intensă în construirea imaginilor în frazeologia românească. Provine din latinescul *pōpa*, „servitor care îngrijea de foc, tămîie, apă, vin și vase la sacrificii” [5]. I se poate atribui acestui cuvânt o vechime precreștină, ca desemnând un subiect al ritualurilor, sens pe care îl are și un sinonim învechit al său – *oltarnic* – deci persoană ce avea funcția să supravegheze altarul (inclusiv și *mensa*, altar din precreștinism). La romani, popa era însărcinat cu înjunghierea vitelor destinate sacrificării [a se vedea 6: 85]. Cealaltă etimologie (grecească, apoi paleoslavă) trimite la nuanțele de *bătrân* sau *tață*, *transmițător (de credință)*, *pravoslavnic*, *îndrumător*. E o dovadă că inițial, acest cuvânt nu era folosit cu valoare ironică, fiind sinonim cu *preot*. Conotația actuală însă a fost determinată de unele aspecte de realitate care au dus la mutațiile imaginii în mentalul românesc, și astfel, în limbă. A devenit repede generală, deoarece, așa cum spune și proverbul, *nu e sat fără popă*.

Fie în legende, fie în snoave sau proverbe și zicători, popa este văzut mai mult cu trăsături negative.

Legende românești descriu un popă lacom, care se transformă în bivol, sau țap în contextul unui obiect al lăcomiei (sac cu bani, pământ, comoară etc.). Ca să sperie pe cel ce deține ceea ce el râvnește, se îmbracă în piele de bivol sau țap, pe care nu o mai poate scoate. Adesea e transformat în capră sau cal ca să poată fura, după care nu mai poate reveni la chipul inițial. Cârțița e fiul popii lacom, care e băgat în groapă să spună că pământul e al popii atunci când va fi întrebat de adevăratul stăpân al cui este. Și basmele îl descriu pe popă ca fiind lacom (un sărac a rugat pe Dumnezeu să îl facă popă. Iar când s-a prefăcut în cerșetor pentru a-l testa, a fost alungat) [1: *assim*].

Tot basmele și snoavele îl descriu ca cel ce încalcă legile creștine, este curvar, șiret, hoț, prost (neștiutor de carte), bețiv, mincinos, nemilos cu supușii etc.

Tot acest set de vicii cu care este descris popa în folclorul narativ este valorificat și în proverbe – ironizat, plin de metehne, însă apriori acceptat de comunitate pentru singurul fapt că e popă. Lui i se iartă când e păcătos *Și popa-i om*, se zice, sau trebuie cinstit, chiar dacă-i prost și nu-i integru: *Și popa prost blagoslovește biserica*; sau *Popa nu are nimic isprăvit* (adică, nu e nimica de el). Inactivitatea sau lipsa unui rost a popii (*a umbla teleleu popii*) este exagerată până la absurd uneori: *Când popii n-au de lucru botează vișei*.

Superioritatea popii este descrisă în frazeologismul *a călca a popă*, imagine desfășurată și într-o snoavă despre măgarul popit de către vlădică, pentru că, după cum spunea stăpânul său, „călca popește” [6: 109]. De fapt, popa este adesea superior vlădicăi: tot ce spune el este axiomatic, e adevărata căpetenie, în schimb, românul consideră drept regulă să nu facă ceea ce face popa. Această situație construiește sensurile proverbelor paremice – *Hopa/hopa/ pin-la popa/că vlădica/nu-i nimica*; căpetenie/stăpân – *Nu te face popă în biserică străină*; *Numai popa are voie să umble cu cădelnița*; și, respectiv, *Fă ce-ți spune popa și nu face ce face el*, cu foarte multe atestări și variante.

În general, popa este recunoscut ca fiind alt fel, în primul rând după straițe: când românul se miră de ceva se spune *Dec, și popa-i cu rochie*. Una dintre singurele trăsături pozitive ale lui e că știe carte. Această calitate însă are un înțeles special în contextul cunoașterii cărților bisericești, cu slove chirilice, pe care numai popa știa să le citească – *Popa-i cu patru ochi* (găsim la Ion Creangă în *Amintiri din copilărie*). La fel, omului care învață prea mult (sau citește mult) i se spune că *N-o să te faci popă*, iar cel deștept, care dă sfaturi, adesea inutile, este caracterizat (ironic) *Parcă-i popă*.

Vrednicia popii este amintită în imaginea *A-și găsi popa*, cu unul dintre sensurile sale – om vrednic pentru vreo afacere, cu care poți să ajungi la final. Prin urmare, această calitate vine să actualizeze realitatea ritualurilor exercitate de către popă, și obligat, de natura lor, să le ducă la capăt.

Popa este un mare afacerist: *Multe grăiește popa, dar fără plată gura nu și-a deschide*. Își face bogăție pe contul oamenilor, căci, spune proverbul, *De popă nu scapi nici mort*, or *Popa mănâncă și de pe viu și de pe mort*. Trebuie să-i dai ortul sau pielea (*a da ortul/pielea popii*). Altă sursă de venit nu are *Nici n-a avut popa porci* (sau *boi*, în altă variantă) *și nici nu trebuie să aibă*. *Popa cu opinici nu se ascultă/crede*. Primește pomană pentru orice: *Rogi pe popa cu colaci*; *Când plânge poporana*,

popa primește pomana. Afacerea e foarte rentabilă, astfel că sunt foarte mulți preoți: *Zvârli cu bățul într-un câine și lovești un popă*.

Ca derivat al acestei trăsături, popa devine prototip al omului lacom. Proverbul *Popa până și-n pridvor, cată să aibă izvor* este explicat de Iuliu Zanne astfel: „Arată lăcomia preotului care, și la ușa bisericii, caută să smulgă banul săracului”. Deoarece nu era folosită, popii i s-a uscat cea de-a treia mână, care era de dat, rămânând cu cele două de luat – *Popa are mână de luat, nu de dat*, spune proverbul, ca imagine sintetizată a unei legende populare, care atribuia popii trei mâini, două de luat și una de dat [6: 95].

Drept simbol al lăcomiei este considerat *sacul popii*, sinonim al *sacului fără fund*. Și *burtă popii sac fără fund este*, adică mare, și caracterizează omul mândăcios, ipostază a omului lacom: *a avea burtă de popă*, sau *a mânca ca un popă în sărbători*, adică mult.

Un alt defect, înrudit oarecum cu cele de mai sus, este hoția: *a face ca popa*, adică a fura sau a face economii. Regula zice că popa nu trebuie să fie hoț: *Cu două nu poți, și popă și hoț*, expresie care se zice, după Iuliu Zanne, „preoților nărăviți”.

Și beția, alături de curvie, este caracteristică popii: *Ziua beu cu popa Ene, noaptea-l port fără izmene*. Iar popilor ce spovedesc neveste tinere li se zice *Haideți să ne spovedim la moș popa Constantin*. Tot aceste trăsături indică și structurile: *A fi botezat de-un popă beat*; *Popa legat nu face bucluc*; *Popa bat și Ivan nici gustat*.

Năravul popii este vestit, așa că *Nu te juca cu năravul popii*, deoarece e foarte ranchiunos și aduce belea, fapt pentru care a fost numit *Popa-belea*. *A fi popă belea* sau *a dat peste popă belea* (adică arțăgos, buclucaș). *A-i cădea cuiva popa belea* (a i se abate vreo supărare). Uneori acesta poate aduce nenorocire sau ghinion: *I-a ieșit un popă în cale / înainte* (când nu îți merge într-o afacere). Această superstiție se pare că este mai veche, deoarece e semnalată de Iuliu Zanne și la italieni: *Îți iese în cale un preot sau un iepure, întoarce-te, că nu-ți va merge bine*.

Nici educație copiilor nu le dă, deoarece fiul popii este prost – *fecior de popă*, sau *prostul mamei preotesei*, iar fiica este curvă – *Bogdaprosti, popă Costi, bună fată mi-ai mai dat, pân-acasă-a și fâtat*; *Are popa șapte fete, toate stau să fete*.

Prin urmare, popa este plin de metehne, foarte păcătos, încât timpul nul este raportat la timpul petrecut de popa în rai. *Cât a stat popa în rai*. A se vedea aici și legenda despre popa care a murit și soția îl căuta în rai. Când a auzit Sf. Petrea ce caută femeia, i-a răspuns mirat: „Popă în rai de când e lumea nu s-a pomenit” și a sfătuit-o să-l caute în iad. Acolo femeia l-a găsit într-o baltă mocirloasă unde i se vedea numai capul. La întrebarea de ce a ajuns așa de rău, el răspunde că, de fapt, a avut noroc, deoarece sub el stă părintele protopop și sub acesta – episcopul [6: 110].

Prin urmare, slujitorul bisericii are o dublă ipostază în comunitatea lingvistică românească: contextul religios îl descrie ca intermediar între transcendență și profan, slujitor, deștept și povățuitor, iar mentalul românesc naiv (din basme, snoave, legende și proverbe) descrie o imagine opusă tabloului religios românesc, ca fiind lacom, păcătos, prost, mincinos etc. În funcție de contextul actualizat, în asemenea mod sunt selectate și reacțiile la stimulul *popă* din *Dicționarul asociativ al limbii române*.

marcat negativ

popă: *hoț* (8); *bani* (5); *corupt* (4); *păcate* (4); *prost* (4); *minciună* (4); *ipocrit* (3); *bogat* (2); *ură* (2); *păcat* (2); *afacere* (2); *Mercedes*; *nimic*; *nebu*; *prostul*; *prefăcut*; *mincinos*; *profit*; 😊; *înșelătorie*; *sur*; *șmecher*; *șarlatan*; *mască*; *cere bani*; *necazuri*; *repulsie*; *rea*; *cerșetor*; *satană*; *băutură*; *peiorativ*; *aur*; *ciorditor*; *minte*; *satan*; *păcătos*; *ninja*.

marcat pozitiv sau nemarcat

popă: *credință* (27); *religie* (23); *rugăciune* (8); *sfânt* (7); *Dumnezeu* (7); *duhovnic* (7); *credincios* (4); *creștin* (4); *bun* (3); *speranță* (2); *învățător* (2); *părinte spiritual* (2); *îndrumător* (2); *sacru*; *smerenie*; *duioșie*; *apărător*; *har*; *respect*; *dreptate*; *sfințenie*; *dăruire*; *slujitor domnului*; *om al lui Dumnezeu*; *bunătațe*; *bunicul*; *sfinte*; *sfătuitor*; *divinitate*; *duhovnicesc*; *curat*; *binecuvântare*; *spirit*; *deșteptăciune*; *înțelepciune*; *sfințire*; *cinstit*.

Lacusta E.

Romanian Priest Image: between Defects and Qualities

Abstract: The article describes the image of the priest under fixed structures of the Romanian language. Double approach proves existence of this reality in the life of Romanians. One – marked positive – reflected

purely religious contexts. Another one – marked negatively reflected in the popular mind (proverbs, anecdotes, legends). This way, the Romanian language selects two terms to designate servant church – priest and clergyman – the last being ridiculed and exploited to the full picture and seem popular narrative. Popa is characterized more negative traits – is immoral, cunning thief, bad (illiterate), drunkard, liar, ruthless with his subjects, charlatan, hypocrite, businessman, greedy etc. This dual aspect of the priest's image is proven by Romanian community and associative experiment, where the stimulus clergyman were selected equally marked positive and negative reactions.

Keywords: proverb, mental, painting linguistic, religious painting.

Bibliografie:

1. Bîrlea, Ovidiu, *Mică enciclopedie a poveștilor românești*, București, Editura științifică și enciclopedică, 1976.
2. Bria, Ion, *Dicționar de teologie ortodoxă*, ediția a II-a revizuită și completată, București, Editura Institutului Biblic și de Misiune al Bisericii Ortodoxe Române, 1994.
3. Coșeriu, Eugen, *Lingvistica integrală*, interviu cu Eugeniu Coșeriu realizat de Nicolae Saramandu, București, Editura Fundației Culturale Române, 1996.
4. *Proverbe românești*, ediție alcătuită, prefața, glosar și indici de George Muntean, Editura pentru literatură, 1967.
5. Scriban, August, *Dicționarul limbii românești*, Iași, Institutul de Arte Grafice „Presa Bună”, 1939.
6. Zanne, Iuliu, *Proverbele românilor din România, Basarabia, Bucovina, Ungaria, Istria și Macedonia*, vol. VII, ediție îngrijită de Mugur Vasiliu, București, Asociația Română pentru Cultură și Ortodoxie, 2004.

Новак Адела Савовна

Бэлцкий государственный университет имени Алеку Руссо, Республика Молдова
adelanovac11@gmail.com

ИМЕННОЕ СКАЗУЕМОЕ В РУССКОМ И РУМЫНСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация: Именное сказуемое в русском и румынском языках представляет собой синтаксическую структуру, выраженную глаголом-связкой и присвязочной частью. В обоих языках в качестве глагола-связки выступает отвлеченный глагол «быть» и полувлеченные глаголы «достигать», «делаться», «вериться», «становиться» и др.

Присвязочная часть варьируется по форме и содержанию. Она может быть выражена именными частями речи (существительным, прилагательным, числительным) и семантически и грамматически нечленимыми словосочетаниями (фразеологизмами).

Ключевые слова: именное сказуемое, глагол-связка, присвязочная часть, простое именное сказуемое, составное именное сказуемое.

Именное сказуемое выделяется как в русском, так и в румынском языках. В обоих языках именное сказуемое состоит из глагола-связки, выражающего грамматическое значение, и именной части. Характерной особенностью, отличающей русский и румынский языки, является средство репрезентации глагола-связки: в русском и румынском языках глагол-связка выражается глаголом *быть*, а также в роли связки могут выступать глаголы *стать*, *называться*, *считаться*, *являться*, *становиться* и др. В отличие от румынского, в русском языке глагол-связка может отсутствовать, например: *Русский язык- международный; Учитель молодой и опытный*.

Большинство исследователей утверждают, что именное сказуемое в русском языке – это структура, в состав которой входит *глагол- связка* и *именная часть*.

В обоих языках глагол-связка делится на соединительный (копулятивный) глагол *быть* (*a fi*) и глаголы -полусвязки: *достичь*, *делать*, *казаться* и пр.

Лингвисты сообщают об особенностях поведения этих глаголов в составе именного сказуемого. Так, в русском языке глагол-связка *есть* отсутствует, если сказуемое имеет значение настоящего времени: *Письмо- фиксация речи; Сибирь – богатейшая страна*.

В румынской грамматике глагол-связка (копулятив) выражается через именную часть. Таким образом, можно выделить следующие определения: «глаголы-связки не могут формировать сказуемое предложения, за исключением случаев взаимодействия с именной частью»; «глагол, который объединяет сказуемое с подлежащим»; «все формы его спряжения могут играть роль связки подлежащего и именной части» и пр.

Глагол-связка охарактеризован в традиционной грамматике как глагол, который «обладает слабым семантическим значением» и «абстрактным пониманием», *быть* (*a fi*) – первый

глагол, который сталкивается с необходимостью находиться в состоянии отсутствия конкретного значения, то есть не выражать следующие семы: *существовать / a exista, присутствовать / a se afla, находиться / a se gasi, жить / a trai* и пр. Наряду с глаголом *быть*, используются и другие глаголы, которые не могут формировать сказуемое предложения, кроме как с помощью именной части. Однако, в отличие от глагола-связки *быть (a fi)*, эти глаголы включают в себя и собственные лексические смыслы при формировании сказуемого. Таким образом, Паула Диаконеску заключает, что в румынском языке существуют глаголы, которые, в отличие от *быть (a fi)*, участвуют в формировании сказуемого, выражая свое лексическое значение, что и позволяет называть их лексико-грамматическими связками. Благодаря этому факту, автор выделяет: *собственно именовое сказуемое*, выраженное с помощью именной части и грамматической связки *быть (a fi)* и *именное-глагольное сказуемое*, выраженное с помощью именной части и лексико-грамматической связки (*стать / a se face, казаться / a se crede, считаться / a se considera*). В русском языке эти связки называются специализированными. Автор настаивает и на распределении характеристик глаголов-связок с лексическим значением: а) не могут сами формировать сказуемое в предложении; б) не могут получить глагольное дополнение и т. д. Д. Иримия классифицирует глаголы на *абсолютные связки (быть / a fi)* и *лексико-грамматические связки (стать / a deveni, хранить / a păstra)*. Профессор А. Чобану установил, что в румынском языке существует более 60 глаголов-полусвязок, которые можно сгруппировать.

В русском языке одни связки допускают употребление только определенных форм именной части, притом может быть ограничен и лексико – семантический круг имен. Это – *неспециализированные* связки. Лексическое значение их не полностью подверглось грамматикализации. Так, связки *отличаться, выделяться, славиться* допускают употребление только существительных с качественным значением, соотносительных с прилагательными, и только в форме творительного падежа: *Общественное мнение здесь не отличалось особенной придирчивостью* – не было придирчивым. С аналогичной лексико- семантической группой существительных сочетается связка *приобретать (обретать)*, но требует формы винительного падежа: *Проблема обучения сотрудников учреждений сейчас приобретает особую остроту – становится острой*. При связке *представлять собой* употребляются только существительны в форме винительного падежа: *Дом представлял собой совершенную развалину*.

В число неспециализированных связок входят аналитические глагольно-именные сочетания *иметь (носить) вид (характер), приобретать вид (характер, положение)* и др. Они имеют целостное грамматизованное значение, аналогичное значению связок *быть, стать, выглядеть* и др.: *Дело было гораздо сложнее и носило отчасти политический и национальный характер - выглядело политически*. Неспециализированные связки выражают те же основные модально-оценочные значения, что и специализированные, хотя проявляются и дифференцируются эти значения менее четко.

Сказуемые со специализированными и неспециализированными связками образуют полную парадигму модально-временных форм.

В румынской грамматике *сказуемое* остается неопределенным [GA, II, 2005] или определяется через сложную единицу – именовое сказуемое [Şerban, 103], которое определяется, в свою очередь, структурой: глагол-связка + имя сказуемое. Поэтому в грамматике *имя сказуемое определяется следующим образом*: «... имя сказуемое – основная часть именового сказуемого; „имя сказуемое - основная часть именового сказуемого, так как через свое содержание приобретает субъектную характеристику" [Şerban, 103]; имя сказуемое является составной частью структуры аналитического предиката, и, по Д. Иримия, может быть: а) простым, б) развитым, с) аналитическим, д) комплексным, е) предложным și ф) множественным [Irimia, 378-379].

1. *Простое имя сказуемое* реализуется через: А) прилагательное: *Студентка умная / Studenta este deșteaptă; Мама любящая / Mama este iubitoare*. В) существительное: *Моя жизнь – поиск / Viața mea este o căutare; Мое украшение – делу / Podoabele mele sînt copiii*. С) местоимение: *Девушка перестала быть собой / Fata nu mai era ea; Ты – тот / Tu ești acesta*. D) наречие: *Он остался тем же / El a rămas așa*. Е) инфинитив: *Жить значит бороться / A trăi înseamnă a lupta; Любить значит мечтать / A iubi înseamnă a visa*.

2. *Развитое имя сказуемое* реализуется через синтагмы, составленные с помощью двух автономных лексических терминов, вступающих в отношения зависимости: *Аралд, молодой*

правитель, - одинокий правитель / Arald, tînărul rege, e-un rege singuratic (M. Eminescu); Он не был таким уж плохим человеком / El nu era om așa de rău (I. L. Caragiale);

3. Аналитическое имя сказуемое формируется с помощью инфинитива глагола-связки и прилагательного, наречия, местоимения: *Все казались задумчивыми / Toți par a fi îngîndurați; Дома казались ветхими / Casele par a fi vechi.*

4. Комплексное имя сказуемое, довольно редко, имеет структуру, аналогичную аналитическому имени сказуемому, за исключением того, что инфинитив глагола-связки вступает в отношения взаимодополнения с предложением:

Ion pare a fi rămas cum îl știam noi în studenție / Ион, кажется, остался таким, каким его знали мы в студенческие годы.

*Ion pare + a fi rămas + cîstit
+ cum îl știam noi + Noi îl știam cîstit*

5. Предложное имя сказуемое (предлог+имя сказуемое) характеризуется через развитие собственно предикативного/предложного ядра: *Падчерица была такой, какой ее никто никогда не видел / Fata moșneagului era cum n-o mai văzuse nimeni; Проблема в том, когда мы вернемся / Problema e cînd ne vom întoarce.*

6. Множественное имя сказуемое состоит из многих компонентов (автономные лексические или предложные единицы) объединенные в отношении соединительного или противительного согласования: *Детство весело и беззаботно / Copilăria este veselă și nevinovată; Падчерица была красивой, но бедной / Fata moșneagului era frumoasă, dar săracă.*

Ссылаясь на актуальность именного сказуемого, необходимо отметить, что оно находится в постпозиции относительно субъекта: *Родители – самые дорогие существа для их детей / Părinții sunt cele mai scumpe ființe pentru copiii lor; Мой дедушка был угрюмым человеком / Bunicul meu era un om ursuz.* Данная позиция именного сказуемого нейтральна относительно стилистического аспекта, так как имя сказуемое явно не выделено.

В практике речевого общения же существует необходимость выделять интонационно знаки или характеристики, относящиеся к субъекту. В таких случаях сказуемое стремится занять первое место, то есть находится в препозиции субъекта (а иногда и всего предложения):

Я говорил вам, что шутником был дед Никуфор... / V-am spus că era șagalnic moș Nichifor... (I. Creangă)

Ссылаясь на актуальность именного сказуемого, необходимо отметить, что между глаголом отношения и именем сказуемым появляются различные члены предложения:

1. Составные компоненты именного сказуемого могут различаться: а) субъектом предложения: *Нам мама – самое дорогое существо / Ni-i tata ființa cea mai dragă; Демон – твоя душа... / Un demon sufletul tău este (M. Eminescu);* б) субъектом и анпозицией: *Он был Серафим, добр, как теплый хлеб / Era el Serafim bun ca pîinea cea caldă (V. Vasilache);* в) косвенным обстоятельством: *Университет – для студентов альма-матер / Universitatea este pentru studenții alma mater,* д) обстоятельством места: *Человек чувствовал себя в нашем обществе чужим / Omul se simțea în societatea noastră ca un străin;* е) обстоятельством образа действия: *Ребенок стал невыносимым в прямом смысле этого слова / Copilul devenise în sensul adevărat al cuvîntului insuportabil;* ф) обстоятельством времени: *Родители называли его сначала Ион / Părinții l-au numit la început Ion;* г) различными типами подчиненных предложений: *И я становлюсь, когда смотрю на тебя, коллекционером звезд на небесном просторе / Și eu, în sporire, devin, cînd te privesc, Culegător de stele pe spațiul ceresc (V. Alecsandri).*

2. Имя сказуемое (выраженное одним или блоком слов) предшествует глаголу отношения (иногда и все предложение). Это отделение имени сказуемого от глагола отношения создает сильный логический акцент и актуализацию отдельного содержания, идентифицируясь с которыми он соотносится: *Благородна и возвышенна миссия нашего искусства / Nobilă și înălțătoare e misiunea artei noastre; Благороден и велик труд учителя / Nobilă și măreață este munca învățătorului.* Во всех вышеперечисленных примерах имена сказуемые, предваряющие связку, начинают предложение, и тем самым получают дополнительный акцент. В то же самое время именное сказуемое со сказуемым, предваряющим связку, может занимать и свое обычное место после субъекта: *И после мачеха и ее любимая дочь все еще недовольны и неблагодарны были... / Ș-apoi baba și cu odorul de fiică-sa tot cîrțitoare și nemulțămătoare erau (I. Creangă).*

Нельзя обойти вниманием препозицию имени сказуемого, выраженного блоком, содержащим степень сравнения: *Но мир меняется, лучше становимся и мы / Dar lumea se schimbă, mai buni devenim și noi; Самым великим человеком искусства остается народ / Cel mai mare om de artă este poporul; Самой большой картинной галереей в мире является Эрмитаж / Cea mai mare galerie de tablouri din lume este Ermitajul.*

3. Предваренное имя сказуемое может быть отделено от глагола с помощью различных членов предложения: *Да, человек Человеком у нас стал, хозяин жизни, хозяин страны / Da, omul Om la noi a devenit, stăpîn pe viață și slăpîn pe țară.*

В поэтическом стиле глаголы отношения могут быть охвачены множественными именами сказуемыми: *Но как прекрасна она стала, как горда... / Dar ce frumoasă se făcu și mîndră, arz-o focul; / Ei, Cățălin, acu-i acu, / Ca să-ți încerci norocul* (М. Eminescu).

Исходя из вышесказанного, мы считаем необходимым отметить, что дистанция элементов компонентов именного сказуемого не приводит к его семантико-функциональному распаду.

Novac A. S.

Compound Nominal Predicate in Romanian and Russian

Abstract: Compound nominal predicate in Romanian and Russian represents a structure formed of a link verb and a predicative. The link verb that forms the compound nominal predicate expresses modal meanings. The predicative can be expressed by parts of speech such as noun, adjective, numeral etc. and compound structures such as phraseological units.

Keywords: compound nominal predicate, link verb, predicative, modality, lexico-grammatical copula.

Библиография:

1. Ciobanu A., *Синтаксис полусвязочных глаголов в молдавском языке*, Опыт семантико-дистрибутивного анализа, часть I, Chișinău, Știința, 1976, часть II, Chișinău, Știința, 1978.
2. Diaconescu P., *Rolul elementului verbal în componența predicatului nominal* // Studii de gramatică, vol. II, 1957, p. 105-120.
3. *Gramatica limbii române*, vol. II. Enunțul, București, Editura Academiei Române, 2005.
4. Irimia D., *Gramatica limbii române*, Iași, Editura Polirom, 2000.
5. Șerban V., *Sintaxa limbii române*, București, Editura ?, 1973.
6. Гвоздев А. Н., *Современный русский литературный язык*, Москва, Изд. Просвещение, 1973.
7. *Современный русский язык*, под редакцией П. А. Леканта, Москва, Дрофа, 2002.

Стич Дина Михайловна

Бэлцкый государственный университет имени А. Руссо, Республика Молдова

СТАРΟΣЛАВЯНИЗМ «ВРЕМЯ» - КОНЦЕПТ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация: В статье исследуется своеобразие русских фразеологизмов с концептом *время* в лингвокультурологическом пространстве. Особенностью этих фразеологизмов является то, что концептом в них выступает только старославянизм *время*.

Ключевые слова: старославянизм, время, концепт, лингвокультурологическое пространство, словари, коннотация, таинство.

Русские фразеологизмы с концептом *время* – важная языковая единица в коммуникативном общении людей, так как основной компонент этих единиц – концепт *время* – является универсальным по своей сути и находит отражение во многих научных сферах: лингвистике, физике, математике, биологии, химии и т.д.

Лексема *время* – старославянизм; русская лексема – *веремя*: обе лексемы возникли в праславянском языке – основе (поздний период, примерно 5 – 7 век) в связи с законом открытого слога. До закона открытого слога в праславянском языке-основе слоги были открытые и закрытые. С действием закона открытого слога в закрытых слогах происходят языковые изменения с целью открытия слога. Однако изменение дифтонгических сочетаний *og, ol, eg, el происходило в закрытых слогах в тот период, когда праславянский язык-основа находился в стадии распада на отдельные три языковые славянские группы, поэтому и процесс открытия слога и результат этого процесса в разных диалектах (запад, юг, восток) были разными:

*vertmen   южн. *vertmen → *vretmen → ВРЪМА

вост. *verьtmen → *veretmen → ВЕРЕМА → ВЕРЕМЯ

Таким образом, появляется две лексемы: *время* и *веремья* – из одной праславянской формы, в которых заложен фонетический признак старославянской и русской лексем: -ре – неполногласие, которое характеризует старославянизм; -ере – полногласие, характерный признак русских лексем.

Старославянский язык, который возник во 2 половине IX века в процессе перевода богослужебных книг с древнегреческого на славянский язык, был первым письменным языком у славян, поэтому его влияние на все славянские языки было велико.

Слова с неполногласными сочетаниями, проникая в русский язык из старославянского, взаимодействовали с соответствующими русскими словами с полногласием. Результаты их взаимодействия были различными: либо сохранились лексемы и русского, и старославянского языков, либо слово одного языка полностью исчезало и в качестве нейтральной лексемы сохранялась лексема одного из этих языков.

Когда взаимодействие не приводило к утрате одного из компонентов пары и когда язык сохранял оба слова, – в этих случаях происходило их лексическое или стилистическое размежевание, т.е. старославянское и соответствующее ему русское слово закреплялись в разных значениях или с разными стилистическими оттенками. Наше внимание привлекли те лексемы, которые фактически утратили в русском языке соответствие старославянизму, и сохранились либо в именах, либо в диалектах: *влага* – *Вологда*, *владеть* – *Владимир* – *Володя*, *глагол* – *гологол* (болтать вздор, балагурить, Пск.гов.).

Анализ словарей показал, что ни в одном из них не описана русская лексема *веремья*: в некоторых словарях словарная справка представлена старославянизмом *время*, а русская лексема зафиксирована мелким шрифтом, после старославянизма без единого примера, в других словарях лексема *веремья* совершенно не зафиксирована.

Проанализируем:

Только «Словарь древнерусского языка» И.И. Срезневского фиксирует две лексемы: старославянскую – *время*, русскую – *веремья*.

В словаре И.И. Срезневского зарегистрировано шесть значений лексемы ВРЪМА, которые иллюстрируются 42 примерами из древнерусской литературы, Библии, различных грамот.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, который является единственным словарем такого объема, где сохраняются тысячи русских слов, в том числе и те, которые до XIX в. уже утратили статус нейтральных слов, в котором не зафиксирована русская лексема *веремья*.

Интересно отметить, что в «Словаре языка Пушкина» старославянизм *время* зафиксирован 923 раза, и нет ни одного случая употребления русской лексемы *веремья*, хотя пространство пушкинских произведений различных жанров могло бы с определенной стилистической целью предоставить употребление и русского слова *веремья*.

Другие словари («Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова; «Малый академический словарь»; «Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный» Т.Ф. Ефремовой) также не отмечают русскую лексему *веремья*. Эта словарная работа была нами проведена для того, чтобы проанализировать русские фразеологизмы с концептом «время», так как выборка фактов фразеологических единиц с данным концептом из произведений А.П. Чехова показала следующее: в произведениях А.П. Чехова фразеологизмы с концептом *время* достаточно частотны, но мы не встретили в его произведениях ни одного фразеологизма, где бы вместо старославянизма *время*, ключевым словом была бы лексема *веремья*. Отсутствие русских фразеологизмов с концептом *веремья* подтверждается и анализом различных фразеологических словарей русского языка.

Российский ученый, лингвист, М.И. Михельсон в первой половине XIX в., обобщая опыт русской фразеологии, издает первый словарь русских фразеологизмов, куда, помимо фразеологизмов, включает пословицы, поговорки под общим названием «Ходячие и меткие слова».

В предисловии к словарю ученый пишет: «Это правдивая, остроумная, то прямо, то иносказательно выраженная мнѣнія перешедшая изъ рода в родъ, которыя составляя какъбы мудрость народную» [Михельсон 1997: 4]. В этом тезисе ключевыми словами, на наш взгляд,

является – *из рода в родъ*, которые можно считать синонимами лексемам современного русского языка – *из поколения в поколения*. В этом тезисе четко прослеживается мысль, что фразеологизмы – это языковые единицы, которые создаются носителями языка веками, воспроизводятся в памяти людей в той структуре, в которой они были созданы человеком на основе какой-то реальной ситуации, либо взяты из библейской или античной литератур и используются в современной речи, отражая совершенно иную картину, выражая иные чувства.

В то же время в исследовании М.И. Михельсона, на наш взгляд, прослеживаются ростки будущей науки лингвокультурологии, которая стремительно заняла ведущее место в исследовательском мире в последние десятилетия.

В словаре М.И. Михельсона зафиксировано в разных словарных справках 27 фразеологизмов с компонентом *время* и ни одного – с русской лексемой *веремья*: время не ждет; время лечит; золотое время; время за нами; время передь нами; время – деньги; время всему научит и т.д. [Михельсон 1997: 4].

Фразеологический словарь А.И. Федорова фиксирует только фразеологизмы с компонентом *время* – 46 единиц.

В «Словаре русской фразеологии» А.К. Бириха, В.М. Мокиенко зафиксированы в разных словарных справках 32 фразеологизма с старославянизмом *время* и нет фразеологизмов с русским компонентом *веремья*.

Таким образом, в фразеологических словарях, проанализированных нами, мы не обнаружили ни одного фразеологизма с компонентом *веремья*, что позволяет предположить, что в русском языке отсутствуют фразеологические единицы с исконно русским словом *веремья*. Если исходить из концепции ученых (В. Виноградов, Н.М. Шанский, В.Н. Телия, В.А. Маслова и др.), которые считают, что фразеологизмы отражают и сохраняют, в определенной степени, обычаи, нравы, традиции того народа, на языке которого они представлены, то есть «фразеологизм – это зеркало», в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание, именно фразеологизмы навязывают носителям языка особое видение мира, ситуаций» [Телия 1996: 144], то почему же в русском языке отсутствуют фразеологизмы с русским словом *веремья*?

Древнейшие русские письменные памятники «Слово о полку Игореве», «Повесть временных лет», которые являются шедеврами древнерусской литературы, характеризуются частотным употреблением старославянизма *время* (даже в заглавии – «Повесть временных лет») и отсутствием русской лексики *веремья*.

Отсутствие исконной лексики *веремья* в русском языке, на наш взгляд, связано с непониманием самого явления, которое необъяснимо до конца и в современной действительности, хотя время является предметом изучения практически всех наук и исследуется с давних времен (Др. Греция, Платон, Анри Бергсон, Кант, Ньютон, лингвисты – Виноградов, Арутюнова, Бондарко и др.).

Изучение литературы по вопросу концепта *время* дает нам основание придерживаться мнения тех ученых, которые в этом явлении усматривают таинство, божью силу, которая совершенно не управляется человеком; это явление у древних людей вызывало религиозные чувства, связанные с непониманием, страхом, суеверием, что нашло отражение в различных языковых структурах, и прежде всего в фразеологических единицах. Непонимание природы явления времени, его сверхъестественной силы, его могущества нашли отражение во многих русских фразеологизмах: *в кои-то времена, в свое время, в скором времени, в то же время, во времена оны, времена царя гороха, времени в обрез, время от времени, до поры до времени, дух времени, не теряя времени, со времен царя гороха, убивать время и др.*

Таинство и сила, непонимание и страх перед этим явлением, восприятие этого явления по отношению к своей жизни, деятельности формируют в человеке особое представление, которое отражает его внутреннее, психологическое состояние, и эти факторы, на наш взгляд, для обозначения этого явления используют носители языка: для обозначения этого явления единственным словом становится старославянизм *время*, которое с момента своего образования являлось лексемой высокого стиля, и сознание людей древней эпохи, их поведение, наивное представление и восприятие этого сложнейшего явления обозначаются именно старославя-

низмом, при этом русская лексема *время* совершенно исчезает из употребления носителей языка, и в процессе исторического развития только старославянизм *время* репрезентирует все аспекты и стороны этого явления и в научной, и в повседневной жизни человека.

На наш взгляд *время* является концептом, а не просто понятием на основании изучения научной литературы: Ю.С. Степанов, А.П. Бабушкин, Г.Г. Слышкин, В.И. Карасик, В.В. Колесов, С.А. Аскольдов и др. Обобщающий характер по определению концепта мы находим в работе В.А. Масловой, которая считает, что «каждый концепт как сложный ментальный комплекс включает, помимо смыслового содержания, еще и оценку, отношение человека к тому или иному отражаемому объекту и другие компоненты: общечеловеческий, или универсальный; национально-культурный, обусловленный жизнью человека в определенной культурной среде; социальный, определяемый принадлежностью человека к определенному социальному слою; групповой, обусловленный принадлежностью языковой личности к некоторой возрастной и половой группе; индивидуально-личностный, формируемый под влиянием личностных особенностей – образования, воспитания, индивидуального опыта, психофизиологических особенностей». [Маслова 2001: 115].

В произведениях А.П. Чехова нам встретились следующие фразеологизмы с концептом *время*: во время оно, в свое время, скоротать время, во времена оны, время уходит, со времен царя Гороха, знамение времени, не теряя времени, незапамятные времена, дух времени, другие.

Проанализируем наиболее яркие фразеологизмы с концептом *время* в лингвокультурологическом пространстве и покажем их роль в контексте писателя.

Знамение времени. На наш взгляд, фразеологизм *знамение времени* ярко отражает то восприятие и непонимание явления, обозначенного старославянизмом *время*. Данный фразеологизм по происхождению является библейским: «Из Библии. В Евангелии от Матфея (гл. 16, ст. 1-4) рассказывается, как однажды фарисеи стали просить Иисуса Христа показать им знамение небесное. Иисус Христос высмеял их, упрекнув в том, что они хотя и умеют предсказывать погоду по небесным приметам, но так и не научились различать знаки, посылаемые самим Богом: «Лицемеры! Различать лицо неба вы умеете, а **знамений времен** не можете?».

Этот фразеологизм состоит из двух старославянизмов. Старославянизм *знамение* В.И. Даль трактует следующим образом: «знакъ, признакъ, примѣта, клеймо, печать; // явление природы или чудо, для знаменованья, доказательства, предвѣщанья чего» [Даль 1980: 687].

Можно предположить, что именно второе значение лексического содержания слова *знамение* заложено в фразеологизме *знамение времени*. Во всех фразеологических словарях русского языка этот фразеологизм обозначен пометой «книжн.». В лингвокультурологическом пространстве этот фразеологизм фактически не утратил своего библейского содержания и высокого стиля, и в произведении А.П. Чехова эта единица фактически содержит ту же коннотацию, которая окрашивает его изначально.

В произведении А.П. Чехова «Невеста» мы находим этот фразеологизм: «О матушка Русь! О матушка Русь, как еще много ты носишь на себе праздных и бесполезных! Как много на тебе таких, как я, многострадальная! И то, что он ничего не делал, он обобщал, видел в этом **знамение времени**».

Нам представляется, что фразеологизм *знамение времени* выполняет в контексте обобщающую функцию. Функция обобщения здесь как бы заложена в самом тексте и указывает на это глагол в прошедшем времени – *обобщал*. Герой произведения понимает, что само время, в котором он живет, создает «праздных», «бесполезных» людей, и фразеологическая единица *знамение времени* усиливает чувство горького сожаления не только конкретного персонажа, но всей Руси.

В анализируемом фразеологизме заложено магическое таинственное начало, которое ярко прослеживается в восприятии древнего человека самого явления времени.

Частотным фразеологизмом в произведениях А.П. Чехова является фразеологизм *во времена оны*.

В старославянском и древнерусском языках этот фразеологизм или различные его вариации были очень распространенными, и объяснялось это, на наш взгляд, тем, что это выражение люди православной веры слышали при Богослужении в церкви, храме. Во время Все-

нощного бдения и во время Литургии священник читает не произвольный отрывок из Евангелия, а определенное чтение. Во время Литургии читается отрывок (по-славянски – зачало), соответствующий для определенного дня. Эти отрывки расположены таким образом, что в течение года прочитывается все Евангелие. Особенностью этих «зачал» является то, что каждый из них начинается с определенных слов, и наиболее значимым является «во время оно». Эти вводные к чтению слова, называются формулами «зачал», и они были введены для того, чтобы чтение не казалось вырванным из контекста, а верующими воспринималось как целостный текст: во время оно, во дни оны.

В древнерусских и старославянских текстах старославянизм *время* наиболее частотным является именно в таком сочетании: «Зографское евангелие», «Остромирово евангелие».

Фразеологические словари русского языка так трактуют значение фразеологизма *во время оно*: «Устар. Когда-то очень давно».

Содержание анализируемого фразеологизма связано с историей местоимения в русском и старославянском языках. В древнерусском языке разряд указательных местоимений был намного разнообразнее, чем в современном русском языке: н, іа ѳ; сь, се, си; ть, то, та; онь, оно, она; овь, ово, ова. Все указательные местоимения различались тем, что они обладали разной степенью определенности, а главное заключалось в том, что указательные местоимения указывали на предмет или на лицо в зависимости от удаленности, и за каждым из них строго была определена степень близости или удаленности. Так, местоимения сь, се, си употреблялись в коммуникативном общении только, если речь шла о лице или предмете, которые находились очень близко к собеседнику; местоимения ть, то, та указывали на предметы, которые находились на небольшом расстоянии от говорящих. Местоимения онь, оно, она семантически отличались от других местоимений тем, что они указывали на предмет или лицо, которое фактически не обладало степенью определенности и указывало на неопределенное время, на давнопрошедшее время. В значении указательного местоимения четко прослеживается связь со значением древнерусского давнопрошедшего времени, которое означало действие в прошлом, которое совершалось раньше другого прошедшего времени. В любом контексте древнерусских памятников выражения *во времена оны*, *во время оно*, *в оное время* прослеживается значение не только давности, но и неопределенности этого события. На синхронном уровне этот фразеологизм имеет значение не просто констатации очень давнего события, времени, но и определенного забвения этих событий, времен.

В лингвокультурологическом пространстве фразеологическая единица *во время оно* практически сохраняет то содержание, которое находится в древнерусских текстах – давность, неопределенность, забвение прошлых реалий, но в то же время на синхронном уровне полностью меняется семантическая и стилевая сторона этого фразеологизма: в общении носители современного русского языка этот фразеологизм употребляют с иронией.

Проанализируем этот фразеологизм в контексте А.П.Чехова «Скука жизни»: *«Генерал говорил весь обед, не умолкая, и обнаружил таким образом чрезмерную болтливость — свойство, какого во времена оны, в молодости, Анна Михайловна не знала за ним.»*

В анализируемом отрывке фразеологизм *во времена оны* выполняет экспрессивную роль, и в контексте эта языковая единица является грамматически немотивированной, а лексическое значение в определенной степени изменяется, и этому изменению способствует сочетание *в молодости*: с одной стороны, фразеологизм *во времена оны* указывает на очень далекие времена, незапамятные времена, с другой, – лексема *молодость* обозначает определенный возраст, когда каждый человек этот период жизни хорошо помнит. Таким образом, фразеологизм в данном контексте благодаря окружению других нейтральных лексем выполняет роль экспрессивного и эмоционального фактора.

Русские фразеологизмы в произведениях А.П. Чехова играют важную роль: фразеологические единицы с концептом *время вне контекста* в большей степени относятся к нейтральному стилю, однако в произведениях писателя эти фразеологизмы приобретают совершенно разные коннотации: отрицательную, комичную, ироничную, сохраняя, безусловно, и положительное содержание, заложенное в них изначально.

Stici D. M.

The Old Slavonic Word “vremea” – the Concept of Russian Phraseological Units in the Linguocultural Environment

Abstract: The article touches upon the distinctiveness of Russian phraseological units with the concept of time in the linguocultural environment. The peculiarity of these phraseological units is that only the old Slavonic word “vremea” serves as their concept.

Key words: old Slavonic, time, concept; linguocultural environment, dictionaries, connotation, sacrament (mystery).

Библиография:

1. Даль В.Н. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1978-1980.
2. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студентов вузов. – М., 2001.
3. Михельсон М.И. Русская мысль и речь. – Спб., 1997.
4. Телия В.Н. Русская фразеология. – М., 1996.

Помельникова Анна Николаевна

Бэлцкий государственный университет имени Алеку Руссо, Республика Молдова
apomelnicova@mail.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ФОНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СИСТЕМ ГЛАСНЫХ НЕМЕЦКОГО, РУССКОГО И РУМЫНСКОГО ЯЗЫКОВ

Аннотация: В данной статье исследуется круг проблем, связанный с изучением эффекта контакта языков. Теоретической основой данного исследования является сравнительно-сопоставительное языкознание. Характерной чертой современной педагогической науки является ориентация на сознательное усвоение учебного материала, что обеспечивает эффективность учебного процесса. Выводы по изучаемой проблематике в первую очередь должны принести практическую пользу изучающих немецкий язык в качестве иностранного.

Ключевые слова: звуковая система, долгота и краткость гласных, губная артикуляция.

Овладение произношением любого иностранного языка требует намного больше усилий, чем это происходит при усвоении грамматики или словарного запаса данного языка. Фонетические (произносительные) навыки служат базой для развития лексических и грамматических навыков. Опыт показывает, что плохие фонетические навыки тормозят общезыковое развитие. Отсюда вытекает первоочередность задачи постановки произношения. Овладение правильным произношением возможно лишь при усвоении фонетической базы иностранного языка, уяснения её фонетико-фонологических характеристик. Сопоставление систем гласных контактирующих языков позволяет создать методическую типологию звуков, которые позволяют осознанно воспринимать и реализовывать звуки немецкого языка в соответствии с их спецификой по сравнению с родным языком.

Несмотря на кажущуюся схожесть звуковой системы языков, именно здесь возникают труднопреодолимые препятствия в изучении иностранного языка. Нюансы различий в реализации единиц сегментного уровня могут провоцировать не только фонетические ошибки, но, что гораздо опасней, способны исказить смысл сказанного, что в свою очередь затрудняет коммуникацию.

Как известно, звуковые единицы неродного языка, а также его супrasegmentные характеристики, учащиеся воспринимают и осмысливают через призму родного языка. Учащиеся «адаптируют» звуки иностранного языка к уже имеющейся звуковой системе родного языка. Данный процесс может иметь как положительную так и отрицательную интерпретацию. Для преодоления отрицательной действия данного процесса нужен творческий подход обучающего, основанный на знании звуковых систем контактирующих языков.

В условиях процесса преподавания нашего учебного заведения такими контактирующими языками являются родной язык – русский или румынский и иностранный язык - немецкий. Надо признать, что, несмотря на тесный контакт названных языков, обучающиеся не свободны от влияния первого иностранного языка, который они изучали до университета и продолжают изучать в качестве второй специальности – английский, французский, испанский. Но в рамках данной статьи мы ограничимся лишь взаимодействием немецкого языка и родного языка.

В ходе первичного знакомства со звуковой системой иностранного (немецкого) языка большое значение имеет опора на знания, полученные обучающимися при восприятии, реализации и характеристике звуков родного языка. Т.е. происходит опора на лингвистические знания, полученные на родном языке: наличие в языке гласных и согласных звуков, специфика их проявлений в речи, возможность их позиционных изменений.

В качестве основы для сравнения систем гласных немецкого и родного языков могут служить следующие показатели: описание фонем по их артикуляционно-акустическим признакам, наличие фонемных оппозиций.

В качестве наглядной презентации гласных систем немецкого и родного языка предлагается сравнить их состав в виде таблиц.

Система гласных русского языка:

участие губ	нелабиализованные		лабиализованные	степень открытости
	передний ряд	средний ряд	задний ряд	
верхний уровень	и	ы	у	закрытые
средний уровень	е		о	средней открытости
нижний уровень		а		открытые

В русском языке существуют 6 гласных звуков, которые противопоставляются по трём дифференциальным признакам: положение языка, подъём языка, губная артикуляция. Губная артикуляция в русском языке значима только для гласных заднего ряда / у /, / о /.

Система гласных румынского языка:

по участию губ	нелабиализованные	нелабиализованные	лабиализованные
по положению языка	Передний ряд	Средний ряд	Задний ряд
верхний уровень	і	ɨ	u
средний уровень	е	ə	o
нижний уровень		а	

В румынском языке существуют 7 гласных звуков, которые также противопоставлены по трём дифференциальным признакам: положение языка, подъём языка, губная артикуляция. Как и в русском языке, губная артикуляция здесь значима только для гласных заднего ряда / u /, / o /.

Система гласных немецкого языка:

участие губ	нелабиализованные		лабиализованные		степень открытости
	нелабиализованные	лабиализованные	нелабиализованные	лабиализованные	
положение языка	передний ряд		задний ряд		
верхний уровень	i:	u:	u:		закрытые
	i	y	ʊ		открытые
средний уровень	e:	ø:	o:		закрытые
	ɛ	ɛ: œ	ɔ		открытые
нижний уровень	а		ɑ:		

Как видно из таблицы, инвентарь немецких монофтонгов включает 15 монофтонгов [7]. Редуцированный звук „ə“ не считают самостоятельной фонемой, что имеет историческое обоснование [2]. Вокализованный звук „v“ - Reduktionsvokal, также обозначен в таблице, он не является самостоятельной фонемой, а лишь представляет фонему /г/ и рассматривается в качестве её аллофона, а также он может выступать в качестве алломорфа морфемы /эг/ [5].

В немецком языке гласные звуки также могут быть противопоставлены по трём дифференциальным признакам: положение языка, подъём языка, губная артикуляция. Только в отличие от вышеприведённых систем вокальных звуков, признак „губная артикуляция“ распространяется в немецком языке как на гласные заднего ряда / u:/, /ʊ/, и на гласные переднего ряда /y:/, / y/, /ø:/, /œ/.

Немецкие гласные звуки различимы также по признаку степень открытости: все долгие гласные – закрытыми / i:/, /y:/, /e:/, /ø:/, /o:/, /u:/, а все краткие гласные являются открытыми

/i/, /y/, /ɛ/, /œ/, /a/, /v/, /ɔ/ (исключение составляют /ɑ:/, /ɛ:/ - открытые гласные). В немецком языке длительность и степень открытости имеют смысловозначительную функцию [3].

Вторым отличительным признаком немецких гласных является напряжённые ненапряжённые, который тесно связан с признаком степени открытости: все долгие гласные – напряжённые, все краткие гласные ненапряжённые [6].

Губы как активный речевой орган в немецком языке принимают большее участие при произнесении гласных, чем это происходит в русском и румынском языках. Это связано с тем, что по сравнению с русским и румынскими языками, вокальная система которых представлена двумя лабиализованными гласными – u и o, система гласных немецкого языка содержит 8 лабиализованных гласных - u: v, y: y, ø: œ, o: ɔ.

С точки зрения долготы и краткости гласных контактирующие языки проявляют наибольшее расхождение. Так, вокальная система немецкого языка делит гласные на долгие и краткие, причём подмена гласных одной категории соответствующими гласными противоположной категории не представляется возможным, т.к. долгота и краткость выполняют в данном языке смысловозначительную функцию: *Beeten* – грядки, а *Betten* – кровати. В русском языке, гласные которого, как известно, не имеют количественного признака, способны под ударением увеличивать время своего звучания, которое может превосходить временное звучание краткого немецкого гласного. Но при этом они не могут сравниться с немецкими долгими гласными.

Немецкие гласные, благодаря наличию оппозиции – долгий/краткий гласный, могут образовывать парные оппозиции. Исключение составляют гласные «е», которые на два долгих гласных имеют в оппозиции один краткий звук: /e:/, /ɛ:/ - /ɛ/. Исследователи утверждают, что непарные члены оппозиции могут вытесняться из оппозиции и вообще из системы.

С точки зрения артикуляционной и акустической характеристик русский гласный «ы [ɨ]» не имеет соответствия в немецкой вокальной системе. В румынском языке есть гласный, подобный русскому «ы [ɨ]», в орфографии передаваемый как «â и î». Отличительной чертой румынского языка по сравнению с другими романскими языками является такой звук в безударной позиции, например в слове *păgân* [1].

Важным параметром при сравнении вокальных систем является специфика реализации различных гласных в ударной и безударной позиции. Если ударная позиция гласного в контактных языках характеризуется как сильная позиция, где гласные произносятся с большим напряжением, более продолжительно. То в безударной позиции гласные данных языков ведут себя по-разному. Румынские гласные в безударной позиции произносятся короче и не так интенсивно, как например, в словах: *gura* и *gubern*, *linie* и *lîman* [4]. Значительным изменениям, по сравнению с немецким языком, подвержены в безударной позиции гласные русского языка. Если ударные гласные русского языка произносятся относительно долгими, с большей интенсивностью выдоха, то безударная позиция гласных влечёт за собой появление позиционного аллофона, например, вол – волы, волна- волны.

Ни русскому языку, ни румынскому языку не знакомо явление твёрдого приступа (за исключением произнесения междометий), для немецкого языка это характерное явление. Это явление встречается вначале слов и на стыке морфем, если они начинаются с гласного, *`unruhig*, *be`unruhigen*. Явление твёрдого приступа способно маркировать границу между морфемами и словами *mit `Arbeitern*.

Только всесторонний анализ изучаемого явления приводит к полному его пониманию. Понимание ускоряет и облегчает процесс запоминания. Поэтому весьма важно развивать способности учащихся к анализу произношения.

Pomelnicova A.N.

A Comparative Analysis of the Phonological System of Vowels in the German, Russian and Romanian languages.

Abstract: This paper examines the range of problems associated with the study of the effect of contact of the languages. The theoretical basis for this study is comparative linguistics. The characteristic feature of the modern pedagogy is to focus on the conscious assimilation of educational material that ensures the effectiveness of the educational process. The conclusions of the research should be of practical use to those who learn German as a foreign language.

Keywords: German vowel phonemes, sound system, long and short vowels, labial articulation

Библиография:

1. Богородицкий, В.А. *Введение в изучение современных романских и германских языков*/ Изд. 2-е. Москва: Издательство литературы на иностранных языках, 1959.
2. Зиндер, Л.Р. *Теоретический курс фонетики современного немецкого языка*: Уч. пособие/ Москва: Академия, 2003.
3. Милокова, Н., Норк, О.А. *Фонетика немецкого языка*/ М Москва: Академия, 2004.
4. Gregor-Chirita, G. *Das Lautsystem des Deutschen und des Rumänischen*/Heidelberg: Julius Groos Verlag, 1991.
5. Hakkrainen, H.J. *Phonetik des Deutschen*/ München: Wilhelm Fink Verlag, 1995.
6. Meinhold, G., Stock, E. *Phonologie der deutschen Gegenwartssprache*/ 2. durchges. Aufl. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1982.
7. Zacher, O. *Deutsche Phonetik*. 2. Aufl. Leningrad: Proswestschenje, 1969.

Сирота Елена Владимировна

Бэлцкий государственный университет имени Алеку Руссо, Республика Молдова
sirotaelena@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЛЕКСЕМ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ КАУЗАЛЬНОСТИ В ТЕКСТАХ ПОЭТОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Аннотация: В статье рассматривается функционально-семантическое поле каузальности, выявляется его лингвистическая сущность, даются дефиниции понятий "каузация", "каузальность". Описываются способы репрезентации данного поля, анализируется их специфика и исследуются особенности функционирования категории "каузальность" в поэтическом дискурсе "Серебряного века".

Ключевые слова: каузальность, функционально-семантическое поле, ядро, морфологические, синтаксические, лексические средства репрезентации, причинно-следственные отношения, дискурс.

Исследование языковой и логико-философской картины мира не может обойтись без рассмотрения категории каузации. Это обусловлено тем, что все существующие в континууме референты диалектически взаимосвязаны. Каузация как категория исследовалась в разных аспектах в трудах таких лингвистов, как А.В. Бондарко, М.В. Всеволодова, В.В. Жданова, Л.И. Камынина, Е.К. Лебедева, И.В. Одинцова, Н.Д. Рыбка, Ю.С. Степанов и др. Разнообразие способов выражения поля каузативности обуславливают интерес исследователей к изучению данной категории.

Цель данной работы – выявить и описать дифференциальные признаки каузативности и способы ее выражения в современном русском языке, а также рассмотреть особенности функционирования каузативных лексем в художественных текстах. Материалом для исследования служат тексты поэзии Серебряного века, которые отличаются новаторством и пристальным вниманием к философской стороне жизни.

Согласно концепции М.В. Всеволодовой, каузация, представляя собой лингвистическое отражение понятийной категории причины, является родовым понятием для каузальности как причинения через обусловленности и каузативности как причинения через понуждение. Каузативность – это функционально-семантическая категория, представляющая собой систему разнородных языковых средств (морфологических, синтаксических, лексических), способных взаимодействовать для выполнения единой семантической функции [3: 8-9]. Необходимо обратить внимание на отличие ФСП каузативности от таких ФСП, как модальность, темпоральность, персональность, аспектуальность. Это отличие сводится к тому, что поле каузативности не имеет морфологического ядра. Тем не менее некоторые исследователи утверждают, что каузативность не следует рассматривать как безъядерное поле в силу того, что роль ядра могут репрезентировать другие языковые средства [2: 4].

Термин «поле» в лингвистике обозначает совокупность языковых единиц, объединенных содержательной общностью и отражающих понятийное, предметное и функциональное сходство обозначаемых явлений [6: 380]. О.С. Ахманова трактует поле как «совокупность содержательных единиц (понятий, слов), покрывающую определенную область человеческого опыта» [1: 334]. Таким образом, мы будем понимать под термином **поле** следующее: совокупность разносистемных единиц, объединенных содержательной общностью.

Причинно-следственная связь представляет собой важнейшую форму взаимосвязи и взаимообусловленности процессов объективной действительности. Все явления, события, процессы в природе, обществе и мышлении вызываются или обуславливаются другими явлениями, событиями, процессами, т.е. более или менее определенными причинами. Необходимо обратить внимание на различное соотношение причины и следствия в онтологическом и гносеологическом аспектах. Бытийный процесс разворачивается от причины к следствию, а процесс познания причинно-следственных отношений идет от следствия к причине. Поэтому естественной оказывается сосредоточенность мыслительного процесса на причине как непосредственном объекте познания. Язык зафиксировал эту особенность, сформировав более широкий круг средств.

Причинно-следственная связь - не изолированный элемент логико-философской картины, мира, а важнейшая составная часть логико-философской картины мира в целом. Доказательством тому служит генетическая связь каузативности с семантикой меры и степени, пространственными и временными отношениями, отношениями действия и его объекта, а также отношениями сравнения. Кроме того, многие конstituенты данного поля сами по себе полисемантичны. Поэтому и существуют зоны пересечения функционально-семантического поля каузальности с другими полями.

Специфика выражения категории каузальности в русском языке заключается в обилии предложно-падежных сочетаний, существующем благодаря развитой падежной системе, широком спектре синтаксических средств (простое предложение, сложные предложения, ССЦ) конституирующих ФСП каузальности, и синкретичности ряда языковых единиц, находящихся на разных уровнях системы языка. Средства выражения каузальности принадлежат разным лингвистическим уровням - лексическому, морфологическому, синтаксическому. Семантическая категория распадается на две субкатегории - причины и следствия. ФСП каузальности поэтому также членится на два микрополя — микрополе причины и микрополе следствия.

Специфика ФСП каузальности в русском языке обусловлена спецификой средств и способов выражения этой категории в русском языке. Характерными средствами выражения являются сложноподчиненные, сложносочиненные, сложные бессоюзные и простые предложения, сверхфразовые единства, предложно-падежные сочетания. Существенным для ФСП каузальности является и ряд лексических единиц, преимущественно существительных и глаголов.

Помимо существительных *причина, повод, основание, мотив*, глаголов каузации *вызывать, порождать, причинять* и др., в русском языке имеется большое количество причинных союзов (*потому что, так как, поскольку, ибо*, союз - частица *ведь* и др.) и особенно причинных предлогов (*из-за, от, из, по, с, за, благодаря, по причине, вследствие, в результате, ввиду, в силу*) и возникших на их основе производных причинных союзов (*из-за того что, благодаря тому что, по причине того что, вследствие того что, в результате того что, ввиду того что, в силу того что*).

Морфологический способ выражения каузативности – аффиксальный. Многочисленность аналитических каузативов в русском языке объясняется тем, что аффиксация не охватывает все необходимые точки грамматического пространства глагола.

На уровне синтаксиса микрополе причины представлено сложным союзным и бессоюзным предложением.

Сложное бессоюзное предложение так же широко употребительно для выражения причинно-следственной связи, как и придаточные части сложноподчиненных предложений: оно встречается в художественных текстах как в речи автора, так и в речи персонажей. Однако выражение причинной семантики у описываемого лингвистического средства отлично от придаточных частей: идея причинной обусловленности выражена имплицитно, в то время как в придаточном предложении ее выражают причинные союзы либо союзные слова с семантическим компонентом причины.

Семантика причины объективируется также на уровне простого предложения, где причинный фактор, выраженный именем в творительном падеже, примыкает к глагольному сказуемому и актуализируется без участия предлога: *Эта книга нравится мне четкостью авторских позиций* [4: 104].

Релевантными для актуализации причинной семантики на уровне простого предложения, наряду с предложным и беспредложным управлением, оказываются причастные и деепричастные обороты, осложняющие простое предложение.

Особую группу внутри лексических единиц представляют глаголы причинно-следственных отношений, выделяемые в исследовании Р.М. Гайсиной как вид глаголов зависимости, конституирующих одно из микрополей лексико-семантического поля глаголов отношения в гиперполе релеяционности: *вести (перен.), влечь (перен.), выводить, вызывать, вытекать, выходить, доводить, исходить, обуславливать, обуславливаться, объяснять, объясняться, определять, определяться, основывать, основываться, повлечь (перен.), повлечься (перен.), породить (перен.), послужить, предопределять, предполагать, предрешать, приводить (перен.), причинять, производить, простекать (книжн.), следовать, сопровождаться* [5: 93].

Постановка проблемы связана со значительной ролью каузативных конструкций и каузативных глаголов, в частности, в различных стилях речи, в том числе в художественном тексте. Особенно показательна эта смыслообразующая роль в поэтическом произведении, где каждый элемент семантики и грамматический аспект лексемы способен стать главной опорой художественного поиска автора.

Наиболее интересной в этой связи представляется поэзия «Серебряного века», экспериментаторский и разностилевой дух которой стал замечательным источником порождения языковых фактов, проливающих свет на многие грамматические аспекты. Поэзия данного периода характеризуется пристальным вниманием к философским проблемам, к поискам взаимосвязи и взаимообусловленности предметов и событий.

Задача анализа фактического материала состоит в том, чтобы выявить те скрытые семантические глубины любого языкового явления, которые способен отразить художественный текст.

С тех пор Незримая, года / Мои сжигаю без следа, / Желанье жить всё жарче будит, / Но нас никто и никогда / Не примирит и не рассудит, / И верю: вновь за мной когда / Она придет — меня не будет. («На пороге» И. Анненский).

В данном стихотворении наблюдается настоящая концентрация каузативных глаголов. На них приходится основная смысловая нагрузка фрагмента. Легко заметить, что каузация, связанная с инициированием изменения физического или душевного состояния, содержит богатый метафорический потенциал. Субъект действия Незримая — снова относится к миру неянному, вновь сообщает источнику причинности черты неизвестного, потустороннего, Рока и т.д.

Глаголы «не примирит и не рассудит» открывают новые стороны каузативности. Оба требуют, как минимум, заполненной позиции двух объектов. Если первое действие означает «приведение к общему знаменателю» – к миру, то второе указывает на «разделение, разведение» каждого по делам его. Такого посредника-судьи в мире стихотворения не находится.

Тошно сердцу моему / От одних намеков шума: / Всё бы молча в полутьму / Уводила думу дума. / Сил и дней гордясь избытком, / Мимоходом, на лету / Хмельно-розовым напитком / Усыплять свою мечту. («В дороге» И. Анненский).

Стихотворение «В дороге» открывается описанием состояния лирического героя, каузируемого внешним шумом. Отрицательно воспринимаемая каузативность выражена предложно-падежным способом, однако затем автор решает прибегнуть к употреблению каузативного глагола, чтобы обрисовать более предпочтительную для него ситуацию. Описывая неспешное размышление, И. Анненский передоверяет волю субъекта некой внутренней инстанции – «уводила думу дума». Мыслящий субъект словно пытается забыть себя, вывести собственное «я» за пределы причинно-следственных связей. Глагол *усыплять*, предполагающий наличие в контексте одушевленного объекта, получает метафорический оттенок употребления за счет семантико-грамматической поправки со стороны автора.

Пока в тоске растущего испуга / Томиться нам, живя, ещё дано, / Но уж сердцам обманывать друг друга / И лгать себе, хладея, суждено. («Черный силуэт» И. Анненский).

На примере данного стихотворения можно наблюдать особую семантическую градацию межсубъектных отношений, связанных с каузацией. Действительно, обманывать – значит делать так, чтобы кто-либо верил, быть причиной создания ложной реальности, а лгать – лишь

произносить неправду, не обязательно с последствиями для воспринимающего ложь объекта. Он обманул меня – он солгал мне и я поверил. Напротив: Он солгал мне – возможно: он хотел обмануть меня, но я-то знаю правду. Нельзя не отметить, что каузативный глагол обмануть/обманывать требует взаимодействия двух субъектов. Таким образом, субъектов обмана на самом деле два. Для осуществления обмана нужна активная мыслительная деятельность субъекта, пошедшего по ложному пути. Роль объекта обмана – это не только грамматическая роль, но и своеобразный акт дискредитации мыслящего субъекта. Таким образом, мы наблюдаем распределение роли каузатора и на субъект, и на объект действия.

Поэзия Серебряного века служит ярким примером того, что в поэтическом дискурсе смены эпох размываются привычные границы между субъектом и объектом, между внешним миром событий и внутренним миром переживаний. Важную роль в выражении причинно-следственных связей событий, предметов, субъектов играют конститuentы функционально-семантического поля каузативности как одного из базовых в философской картине мира.

Sirota Elena

The functional peculiarities of the lexemes of causality functional-semantic field in the texts of the Silver Age poets

Abstract: The article examines the functional-semantic field of causality, reveals its linguistic essence, and provides the definitions of the notions “causation”, “causality”. The research describes the modes of this field representation, analyses its specifics and examines the peculiarities of the functioning of “causality” category in the poetic discourse of “the Silver Age”.

Keywords: causality, functional-semantic field, nucleus, morphological, syntactic, lexical means of representation, causative-consecutive relations, discourse.

Библиография:

1. Ахманова О.С. *Словарь лингвистических терминов*. М., 1966.
2. Бондарко А.В. *Грамматическая категория и контекст*. Л., 1971.
3. Всеволодова М.В. *О подлежащем и категории причинности русского в русском языке (К вопросу о некоторых характеристиках русского языкового сознания в концепции А. Вежбицкой)* // Вести Моск. Гос. Университета. Серия 9. Филология. 1999, №5.
4. Всеволодова М.В., Яценко Т.А. *Причинно-следственные отношения в современном русском языке*. М.: ЛКИ, 2008.
5. Гайсина Р.М. *Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке*. Саратов: Изд-во саратовского ун-та, 1981.
6. *Лингвистический энциклопедический словарь*. М. 1990.

Романтовский Александр Владимирович

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия
rav8732@mail.ru

ПЕРФОРМАТИВЫ КОГНИТИВНОГО ДИССОНАНСА В ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЯХ ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ

Аннотация: В статье рассматривается дискурсная общность речевых конструкций, встречающихся в интернет-комментариях на сайтах электронных СМИ. Как часть дискурса проблематизации, перформативы когнитивного диссонанса отражают многообразие реакции пользователей на новостные поводы и позволяют выявить новую системность речевых конструкций в рамках интернет-коммуникации.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, интернет-комментарий, перформатив, когнитивный диссонанс.

Современные исследования проблем интернет-существования человека опираются на представления об информационном, сетевом или постиндустриальном обществе, которое строится на сетевом объединении индивидуумов и управлении потоками человеческого внимания.

Интернет являет собой технически структурируемое измерение опосредующей, медийной в полном смысле, символической среды, которая преобразует и особым образом структурирует континуум и, прежде всего, общество, аккумулируя все новые виды социальных действий (общение, совершение покупок, обучение и т.д.).

С точки зрения интралингвистической системности русский язык, интегрируясь в интернет-взаимодействия, пестрит лексическими новообразованиями, по-разному осваивает

мыми англицизмами, обилием префиксальных и суффиксальных словообразовательных экспериментов и других «искажений», языковых игр, антинорм, минус-явлений. При этом часто упускается из виду технологическая и социокультурная системность, новая онтология коммуникации, которая позволяет увидеть за этим знаковым хаосом новую упорядоченность.

Изучение интернет-коммуникации заставляет обратиться к процессам порождения особых дискурсов, векторов речевой деятельности, отражающих текущие доминанты социальной интеракции как основы построения социальной системности. Ведь именно адаптация языка к вновь возникающим дискурсам через стратегическую общность речевых конструкций является формой его синхронного существования и индикатором возможных тенденций развития.

Интернет-комментирование текущих событий в настоящее время является инвариантом социального и коммуникативного присутствия пользователя в Сети, при всех его «жанровых» вариациях: и записи в сетевом дневнике – блоге, и твиты с их девизом «Что происходит?», и вспомогательные ключевые слова в сервисе размещения фотографий - «Инстаграмме».

Комментируя какое-либо событие, вернее, сообщение о нем, мы тем самым «проблематизируем» его, т.е. манифестируем непосредственную когнитивно-эмоциональную реакцию и высказываем нашу точку зрения на то, что в этой информации заслуживает внимания (что является «проблемой»), выражаем эмоции, предлагаем решения или описываем развитие событий, совершаем разнонаправленные коммуникативные действия.

Социальная драматургия этих действий, потребность в их воспроизводимости описаны В.И. Карасиком как особое преобразование субъекта в медиадискурсе: «мы всё чаще начинаем ощущать себя участниками некоторого разыгрываемого спектакля и ведём себя так, как будто выступаем перед публикой», «люди позиционируют себя друг перед другом в качестве субъектов медиадискурса в первую очередь» [1: 222].

В этой связи наиболее адекватным обозначением реплики интернет-комментирования нам кажется широкая трактовка В.И. Тюпой термина перформатив, который, по его мысли, «является таким непосредственным речевым действием, которое само оказывается микрособытием в той мере, в какой необратимо меняет коммуникативную ситуацию, предшествовавшую данному высказыванию» [2: 169].

Обратимся к тем перформативам когнитивно-эмоциональной реакции на новостное сообщение, которые правомерно отнести к перформативам когнитивного диссонанса, манифестирующим несоответствие представлений говорящего и поступившей информации. Кроме того, необходимо отметить, что данные конструкции обозначают и некоторые другие соотношения категорий эвиденциальности, эпистемической модальности и адмиратива, выражают неоднозначную реакцию реципиента информации на её логико-модальное построение, обращение в медийном пространстве и функционирование в социокультурном контексте.

Выделяя именно когнитивный диссонанс как основу порождения и основной манифестируемый смысл данных реплик-перформативов, мы исходим из того, что любая эмоциональная реакция, выражаемая даже в коротком междометии, есть результат соответствующего соотнесения когнитивных матриц «возможного / невозможного», «вероятного / невероятного», «обыденного / из ряда вон выходящего».

Разберём примеры подобных перформативов, отобранных из 1123 интернет-комментариев с форумов электронных СМИ (главным образом «РИА Новости»).

Наиболее однородную структурно группу составляют перформативы, начинающиеся с вариантов междометного констатирующего *да* и последующей комментирующей пропозиции, наиболее релевантного комментария, который, как правило, содержит квалификатив, фразу-оценку. По сути, эту конструкцию можно считать классической конструкцией непосредственно-реактивного комментария в русском языке:

Ну да, в стране нет денег, а зарплаты по 4 миллиона в месяц у Якунина и по 20 миллионов в месяц у Сечина.

Да... я столько заработаю за 13 лет(((

Нда)) 5 лет как за кражу из пивного ларька))

Н-да, фэйки про костюмы-невидимки бороздят просторы тырнета уже с десяток лет

Мда... Действительно неожиданно, даже не верится.

Мда.. Каждый человек должен заниматься своим делом!

*Мда.... Макаревич похоже теперь, как Собчак
Да, не Спрингстин он и не Брюс.
Да... "Умом Россию не понять..." - как верно сказано!
Да, отзывы не далёких людишек
Дааа, одна афёра не прокатила, решил затеять другую :) ну ну.
да уж, 100 лямов в год на канал это круто
Да, дороговат для россиян :-(.А затея не чего,надо с чего начинать.
да-да, и в подъездах бандеровцы гадят, и дороги бандеровцы поломали, и на нефть
цены тоже бандеровцы уронили...*

да конечно, прям именно для вас снимут видео секретного прототипа.

Последние два примера содержат конструкции подтверждения, которые однозначно опровергают заявленные пропозиции.

Встречаются и иные вариации данной конструкции, без комментирующей части: или только непосредственная реакция с восклицанием и эмоциональной оценкой, или сразу вопросительная конструкция, выражающая когнитивный диссонанс пользователя, его возмущённое непонимание в отношении того или иного аспекта события:

Ба, да по сравнению с Сечиным он просто нищий.....

Вот это даа!!!

сумма то какая оёй!

Какой бардак в стране а!!!!!!

Ни стыда, ни совести !

Мама дорогая! это что за мракобесие?

Ай да молодец, Рамзан!

и это всё?

а что так мала дали??

Да ну, частный???

Ой, да ладно!

а тут она получает такой срок за миллионы, да смешно.

Смех, да и только!

ну хоть не условно.

он уже и так получает...

а не так ли зарождаются причины для революции?

а на гражданских не убивают что ли?

не знаю, но по-моему зарплата как зарплата. Вот сколько он должен получить? сто тысяч что ли?

а разве как официальное лицо...

разве вандалы не те, кто...

Встречаются конструкции, соотносящие когнитивные ожидания пользователя и свершившееся событие:

я думала спрыгнет. ан нет.

я так и думал что это братья Навальные

Как можно народное достояние взять и "доить" ...

Как можно при таких доходах отменять электрички...

Неверие в возможность события, как содержательное, так и формальное. В этой связи можно говорить о перманентной потенциальной энантиосемии подобных синтаксических конструкций, а скорее, их амбивалентности. Выбор в пользу буквального или противоположного, иронического понимания зависит в конечном итоге не от контекста или адресанта, а от установки адресата:

Не верю! Пока на свидание не схожу, не поверю! Св.ап. Фома.

Не верю. Неужели Анатолий с Вовчиком не смогли дозвониться до Пресненского?

Неужели получение денег на флешках, ДВД, винчестерах, смартфонах, телефонах ему не приносит доход ?.. *Не верю.*

Неужели не престижно и денег мало платят?

Неужели* с Россией?

неужели и все остальные продаются?

Довольно многочисленную группу однотипных в структурно-синтаксическом плане высказываний составляют конструкции с маркером *же*, которые выражают круг модальных оттенков, связанных с тем, что мы бы рискнули назвать настоящей когнитивной потребностью в выяснении информации. Данные конструкции указывают также на когнитивный диссонанс, в них пользователь экспрессивно расставляет акценты в несоответствии или сближении ожидаемого и наличествующего:

Сколько же весит один миллион, подкажите кто держал миллион в руках.

что же такое ДЕЛАЕТ этот человек, что ежемесячно становится миллионером куда смотрит наш всеми уважаемый и любимый гарант? чѐ же не борется за социальную справедливость?

Сколько же лет он себе намерял?

Ай-яй-яй и как же такая тонкая натура выдержит заключение!

Бон Бруевич, где же здесь патриотизм, если мотоциклы приобретены АМЕРИКАНСКИЕ?!

Почему же так сортиры "благоухают" в поездах РЖД?

Что ж они тогда памятник Николаю II не ставят? Историческое наследие же!

Как же афроамериканцев эксплуатируют, при том, что президент -чернокожий Обама?

Никита Сергеевич, вы же читаете РИА-новости?

Если уж профи такую ерунду снимают, то какую же мусть нам преподнесут молодые, у которых ни денег, ни опыта?

а как же тогда денег под проект получить, если все так просто сделать через ютьюб?

Почему же в России звание можно давать за спорт, причем за прыжки с шестом.

А как же скрепы духовные с народом?

А как же с невидимой российской техникой?

Когда же в России людей перестанут делить на пупов земли, и простых смертных.

Блин, да что же он на пмж в Украину не уезжает?!

При всём разнообразии подобных перформативов среди них, безусловно, можно выделить однотипные группы речевых конструкций, которые позволяют говорить об особой системности языковых средств в практике интернет-комментирования. Это указывает на необходимость дальнейших исследований ключевых направлений дискурса проблематизации.

Romantovsky A. V.

Performative Phrases in the Internet Comments on the Media Sites

Abstract: The article touches upon the issue of discursive functionality of verbal units that are used in the internet comments on the media sites. As a part of discourse of problematization the performative phrases that manifest cognitive dissonance reflect the diversity of users reactions to the news. The analysis of such intended phrases allows us to discover a new system of speech units in the internet communication.

Keywords: internet communication, internet comment, performative phrase, cognitive dissonance.

Библиография:

1. Карасик, В.И. Коммуникативная тональность медиадискурса / Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты: колл. монография / под ред. Г.Я. Солганика, Н.И. Клушиной, Н.В. Смирновой. М.: Флинта: Наука, 2014. с. 218-232.
2. Тюпа В.И. Дискурс / Жанр. М.: Intrada, 2013. 211 с.
3. РИА Новости / [электронный ресурс], URL: <http://ria.ru/>

Тукова Татьяна Владимировна

Высшее государственное учебное заведение Украины
«Украинская медицинская стоматологическая академия»
tukovatv@mail.ru

ЗАКОНЫ УНИВЕРСУМА И ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация: Доказывается правомерность исследования эволюции современного русского языка в ракурсе действия законов универсума. Описывается проявление закона отрицания отрицания на

синхронном срезе языка с помощью языковых единиц различных ярусов системы. В ходе смены тезиса антитезисом на стадии синтеза отмечается существование вариантов как презентация отдельных звеньев цепи взаимосвязанных переходов. На лексическом и фонетическом материале демонстрируется действие субъективных и объективных причин появления вариантов различного типа. Показаны наблюдающиеся тенденции выхода из вариативности как проявление действия законов универсума.

Ключевые слова: эволюция языка, законы универсума, закономерность, закон отрицания отрицания, интралингвистические факторы, экстралингвистические факторы, варианты.

Анализ современного состояния русского языка с позиций эволютивной парадигмы приобретает всё больше сторонников [1; 15-19 и др.] при наличии иных позиций в рассмотрении процессов изменения в языке сегодняшнего дня [13; 14]. В конце XX столетия накапливались наблюдения за фактами, свидетельствующими об определённых изменениях не только в речи, но и в языке настоящего поколения [20; 21]. К началу XXI века аккумуляция знаний привела к попыткам найти научное обоснование наблюдаемым процессам, обсудить принципы этого движения, т.к. развитие такой высокоорганизованной сложной семиотической системы как язык даже на синхронном срезе не может не подчиняться в своей динамике определённым принципам и закономерностям. **Целью** настоящего исследования является описание проявления в развитии современного русского языка одного из фундаментальных законов универсума – закона отрицания отрицания.

Плюрализм мнений в современном научном континууме требует от исследователя чёткого определения той оси координат, в которой он проводит собственные изыскания. Материалистический взгляд на предмет исследования не может оставаться в рамках научных парадигм прошлого, необходима его корректировка с учётом новейших достижений в языкознании. Известно, что понятия закон и закономерность как общенаучные категории далеко не однозначно трактуются представителями различных философских школ. Исходя из понимания закона как отражения существенных, устойчивых и объективных отношений и связей между явлениями в природе, обществе и мышлении, считаем, что имеют право на существование и идеалистические представления о законе. Понимание закона как выражения мирового разума, воплощенного в природе и обществе (с позиций объективного идеализма), или чисто логического феномена, которому не присуща объективная необходимость, т.е. закон привносится в реальный мир познающим субъектом (с позиций субъективного идеализма), может давать иную картину описания происходящих в языке изменений.

В своё время Г. Пауль акцентировал внимание на необходимости разграничения подходов к исследованию истории языка в диахронии и синхронии [12]. Как представляется, на уровне синхронии действие всеобщих законов универсума прослеживается лишь в виде закономерностей и тенденций. При сопоставлении понятия закона и закономерности можно найти объединяющие и отличительные параметры. Как закономерность, так и закон «отражают объективно существующие связи между явлениями, их причинами и следствиями, но в законе эти связи более устойчивы и всеобщи. Закономерность же отражает правильность, последовательность в явлениях, относящихся к определенному месту и времени. Она обусловлена, как правило, не одной, а рядом причин, складывающихся под влиянием нескольких законов. Связи, обобщаемые в закономерности, менее устойчивы, чем в законе, и справедливы лишь для данных условий развития конкретных явлений. Закономерность существенно отличается от закона тем, что последний всегда вписывается в строгую, устойчивую систему законов действительности, закономерность же входит в весьма непостоянные текучие системы, изменяющиеся в зависимости от круга обобщенных ею фактов и изменения внешних условий. Закономерность богаче закона конкретным содержанием: кроме глубоких внутренних связей, относящихся к одному или нескольким законам, она отражает черты явлений, порожденные для данной связи причинами. Закон богаче закономерности тем, что относится к большей массе соответствующих явлений, охватывает всю совокупность этих явлений. Кроме того, если закономерность выявляется обязательно вследствие обобщения фактов, то закон может быть выявлен в ходе теоретического анализа и уже в дальнейшем подтвержден (или опровергнут) фактами» [4].

Проявление всеобщих законов диалектики в развитии языка неоднократно становилось предметом наблюдения лингвистов. Закон единства и борьбы противоположностей, закон пе-

рехода количественных изменений в качественные, закон отрицания отрицания с разной степенью разнообразия анализируемого языкового материала и глубины исследования рассматривались в лингвистических изысканиях [10; 11; 22 и др.]. Избрав предметом рассмотрения действие закона отрицания отрицания в развитии современного русского языка, в современном научном дискурсе обнаруживаем и непринятие традиционного подхода к пониманию данного закона. «Если говорить об отрицании отрицания, как о двух отрицаниях, то возникают вопросы к самому отрицанию. Что оно есть? Обычно отрицание понимается как изменение, отличие и противоположность, приводятся соответствующие примеры: зерно и злак, медь и железо, день и ночь. Но вопрос-то в том, что говорится не об отрицании, а об изменении, отличии и противоположности, т.е. о категориях, которые определены сами. *Зачем же подменяются значения?* Или имеется в виду то, что *все изменяется?* Поэтому в этой части рассуждений «закон отрицания отрицания» упирается в неизвестность отрицания вне диалектической философии. В этом случае «закон» отрицания отрицания есть «закон неизвестности» для материализма и диалектического материализма. И о чем тогда говорят? О том, что все изменяется?..» [5].

Гегелевская диалектика представляет развитие как возникновение логического противоречия и его снятие, т.е. зарождение внутреннего отрицания предыдущей стадии, а затем и отрицание этого отрицания. Возникает «...новое понятие, но более высокое, более богатое понятие, чем предыдущее, ибо оно обогатилось его отрицанием или противоположностью; оно, стало быть, содержит предыдущее понятие, но содержит больше, в себе более, чем только его, и есть единство его и его противоположности» [2:108]. Закон отрицания отрицания оказывается всеобщей формой раздвоения единого и перехода противоположностей друг в друга, т.е. всеобщим проявлением закона единства и борьбы противоположностей, вскрывающего источник развития. Механизм развития выявляет закон перехода количественных изменений в качественные. Закон же отрицания отрицания выражает развитие в его направлении, форме и результате [23].

Этот закон вскрывает внутренние связи между разными фазами языкового развития, показывает поступательный характер языковых изменений, «спиралевидную» форму развития языка (тезис – антитезис – синтез). Отрицание в диалектике языковых изменений не означает разрыва в развитии языковых явлений или устранение преемственности между старым и новым. Оно не замыкает всякое развитие в неразмыкаемое кольцо, не прекращает его. Это не восстановление старого. Наоборот, старое порождает новое, а новое удерживает все положительное и жизнеспособное, что было в старом. Новое, таким образом, отрицая предыдущие, тормозящие развитие формы, сохраняет все то, что было достигнуто положительного на предшествующем этапе языкового развития, обеспечивая цикличность и поступательность изменений.

Полностью действие закона отрицания отрицания обнаруживается лишь в целостном, относительно завершённом процессе развития, через цепь взаимосвязанных переходов, когда можно зафиксировать более или менее законченный с точки зрения направления развития результат. На каждой отдельной стадии этот закон обнаруживается обычно лишь как тенденция [23]. Анализ закономерностей изменений на синхронном срезе современного русского языка показывает, что наиболее динамично они протекают на языковом уровне, непосредственно связанном с влиянием экстралингвистических факторов. Лексическая система современного русского языка претерпевает «бум» изменений по всем её параметрам. Когнитивный сдвиг на переломе тысячелетий детерминировал актуализацию архаизмов, обозначающих не утраченные до сих пор, но часто изменившиеся по своей сути реалии. В конце XX – начале XXI столетий этот процесс приобрел лавинообразный характер. Кардинально изменяющаяся коммуникативная среда привела к тому, что из пассивного словаря в активный стали перемещаться названия государственных учреждений, учебных заведений, названия должностей и званий и т.п. в официальной и неофициальной речи: *губернатор, Дума, лицей, гимназия, полиция* и проч. Лексикография на рубеже веков обогатилась двумя словарями активного типа под редакцией Г.Н.Скляревской, в которых зафиксированы многочисленные случаи перехода в активный словарь пассивной лексики [20; 21]. Эти словари констатировали сосуществование тезиса и антитезиса на стадии синтеза (при сохранении нового и прежнего именовании) не очень продолжительное время, т.к. оно подкреплялось административным путём в дискур-

сивной практике. Изменение концептуальной картины мира нашло отражение в актуализации и нравственных понятий (см. в словаре слова типа *милосердие, совесть, гуманитарный* и др.). Однако стадия синтеза в этой лексической группе длится значительно дольше, т.к. связана с семантическими трансформациями, детерминированными морально-психологическими преобразованиями в сознании каждого члена общества.

Наиболее яркое проявление закона отрицания отрицания наблюдается в случаях субъективного влияния на процессы именования. Такой сферой языка в нынешней Украине являются ойконимы и урбанонимы. В новейший период в социуме остро обсуждается вопрос о возвращении старых названий городов и населённых пунктов, улиц и площадей, соответствующих изменяющейся концептуальной картине мира. Экстралингвистическое объяснение всегда находили переименования нынешних городов: *Запорожье (Александровск), Луганск (Ворошиловград), Мариуполь (Жданов), Хмельницкий (Проскуров)* и др. Более длительная стадия синтеза в нынешних условиях переименования объясняется наличием нескольких предшествующих ойконимов, бывших какой-то период в ситуации тезиса и антитезиса, ср.: *Донецк (Юзовка, Сталино), Днепропетровск (Екатеринослав, Новороссийск), Алчевск (Ворошиловск, Коммунарск), Никополь (Минитин Рог, Никитино), Новомосковск (Новая Самара, Самарчик, Новоселица), Бердянск (Кутур-Озлы, Новоногайск, Осипенко), Ивано-Франковск (Заболотив, Станиславив, Станислав), Керчь (Пантикапей, Корчев), Симферополь (Неаполь, Ак-Мечеть), Судак (Солдайя, Сугдея, Сурож), Евпатория (Керкинитида, Гёзлёв, Козлов, Белокаменск), Феодосия (Арданда, Ардабда, Кафа, Кучук-Стамбул)* и мн. др. Направление, форма и результат развития как проявление действия закона отрицания отрицания в таких случаях кроме экстралингвистических факторов могут быть детерминированы интралингвистическими причинами, проявляющимися в тенденции к экономии средств языка. Ср.: *Шаргород (Княжся Лука, Карачаева Пустынь), Жёлтые Воды (Весёло-Ивановский Рудник, Рудник имени Шварца, Рудник имени Чубаря), Марганец (Городищенский Рудник, Рудник им. Коминтерна)* и под. Процесс изменения языкового механизма как внутренний ресурс языка наблюдаем при фонетических трансформациях ойконимов: *Гайсин (Гайшин, Айсин), Ялта (Ялита, Джалита, Галита, Каулита, Калита, Геалита), Коростень (Искоростень, Искорость)* и проч. Взаимодействие экстралингвистических и интралингвистических факторов при параллельном существовании ойконимов приводит к расширению хронологических параметров стадии синтеза. Переименование – это не возвращение к исходной точке, потому что возникает вследствие когнитивных подвижек в мышлении членов социума, стимулируется новыми фоновыми знаниями и мотивировано данными условиями развития конкретного общества. «Характерной чертой развития является то, что существующая структура перестаёт соответствовать новой цели и для обеспечения новой функции приходится изменять структуру, а иногда и всю систему» [6].

Цикличность процесса как проявление определённой тенденции отмечается при рассмотрении заимствований в русском языке (петровская эпоха, война 1812 года, революция 1917, перестройка конца XX века). Находим цикличность и в отношении к заимствованиям в филологической (и не только) среде. Отзвуки борьбы шишковистов и карамзинистов в прошлом наблюдаем в современных публикациях: от пояснения необходимости определённых групп заимствований [8] до утверждения губительности заимствований, приравнивания их к патогенным вирусам, разрушающим «иммунную систему» русского языка [7]. «Слабость русского языка кроется в его словопроизводственной дистрофии», - утверждает автор и предлагает заменить иностранные слова «самопонятными», устранить труднопроизносимые слова (типа инаугурация, рекогносцировка, экземплификация), слова, вызывающие ассоциации, искажающие значение слова (голография - ср. гололёд, голоногий; ретроград – ср. город в стиле ретро; азробика – ср. место, связанное с авиацией и под.). На смену приснопамятным мокроступам (калошам) и шарокатам (бильярдам) в начале XXI столетия приходят новые предложения об искоренении ряда заимствований: самохор (акапелла), ускоретка (акселератор), скакада (батут), термочан (бойлер), пробивалка (вантуз), летанчик (волан), грызунобой (дератизация), цедило (дуршлаг), многосвечник (канделябр), центросуть (квинтэссенция) и т.д. Усиление глобализационных процессов, развитие цивилизации во всех её проявлениях

создают новый «рынок понятий», для именованя которых невозможно обойтись без интернациональных языковых ресурсов. Наряду с мощными экстралингвистическими факторами на стыке тысячелетий вступают в действие и внутриязыковые принципы экономии, аналогии, тенденция к точности высказывания и проч. Так, в 60-е годы XX века вследствие социальных и политических преобразований стали возникать контакты с Западом. Бурный интерес к заграничным во время «железного занавеса» явлениям массовой культуры повлек изменения в концептуальной картине мира носителя русского языка. Наряду с произведениями, обладающими художественной ценностью, стали приходить эстрадные мелодии, песни, имеющие особый успех у публики нередко благодаря господствующей моде, а не художественным качествам. Вместе с модной, популярной песней, мелодией в русский язык из немецкого вошло слово *шлягер*. Фактор моды был поддержан мощным принципом экономии в языке: вместо словосочетания существительных *песня, мелодия* с прилагательными *популярная*, знаменитая, известная, модная, распространенная, общераспространенная, наделавшая шума, на шумевшая, ходкая приживается слово, его успешно заменившее. К концу столетия в силу изменения векторов мирового развития возрастает популярность английского языка. При именовании очень модной песни возникает конкурентный *шлягеру* параллельный способ именованя английского происхождения - *хит*. Ставшие синонимами слова объединили смысы «успех, спрос, популярность». Постепенно у них развивается общее переносное значение - «то, что пользуется наибольшим успехом, спросом, широкой популярностью (фильм, книга, спектакль и т.п.)». Ряд синонимов расширяется, дифференцируясь по сферам употребления – бестселлер, боевик. Сема «модный товар» позволила появиться новейшему в этом ряду синониму эвэгрин (из английского «вечнозелёный», следовательно, всегда пользующийся спросом). Такой ход развития синонимического ряда оправдан креном современного общества к удовлетворению материальных потребностей, получению удовольствия. Культ успеха в современном социуме упрочивает позиции нового заимствования в современном лексиконе. [9]. Однако витальность обоих лексем в современном русском языке была обеспечена дальнейшей смысловой и функциональной дифференциацией. Лексему *шлягер* чаще используют в случаях, когда речь идёт о популярной музыке. Так обычно называют песню на шаблонный, как правило, любовный лирический, текст или в переносном смысле любое популярное, но легковесное по содержанию музыкальное произведение. Более позднее время заимствования лексемы-конкурента не повлияло на освоенность её системой русского языка. У лексемы *хит* отмечается развитие деривационных связей с привлечением известных словообразовательных моделей: *хитовый; хитюльник*; видеохит, кинохит, телехит, суперхит; хит-группа, хит-оркестр, хит-парад, хит-песня, хит-пластинка и проч. Интралингвистический принцип аналогии позволяет вербализовать пополняющийся «рынок понятий» современного общества.

Как видим, «весьма непостоянные текущие системы, изменяющиеся в зависимости от круга обобщенных ею фактов и изменения внешних условий» формируют определённые закономерности развития языка на его синхронном срезе [4].

Связь нового и старого репрезентируется на стадии синтеза наличием вариантов, тип эволюции которых по-разному систематизируют лингвисты [ср. 3 и 24]. Варианты, детерминированные прежде всего интралингвистическими факторами, представлены в фонетической сфере. Появление в русском языке буквы Ё обуславливалось и регламентировалось известными историческими фонетическими законами. В современном русском языке фиксируется около 12,5 тысяч слов с Ё (150 слов ею начинается, 300 – заканчивается). Оказалась существенной дифференцирующая функция Е и Ё, особенно в официально-нормативной и юридической сфере (ср. в фамилиях *Дежнев – Дежнёв, Козел – Козёл, Демина – Дёмина, Лежнев – Лежнёв* и проч.). На современном этапе развития языка Е или Ё может разграничивать слова одной части речи с разным лексическим значением (*нёбо - небо, желёзка – железка, лёт - лет, падёж – падеж, истёкший – истекший* и под.) или разные формы различных слов одной части речи (*киёв – Киев, лён – Лен; узнаём – узнаем, признаётся – признается* и т.д.). Они могут выступать дифференциаторами различных частей речи (*отсёк – отсек, падёж – падеж, заём – заем, слёз – слез, мёл – мел, осёл – осел, вёсел – весел, лётном – летом, нём – нем, совершённый – совершенный* и проч.). Обоснованием важности функции Е и Ё в русском

языке могут служить тексты типа *Поют все, абсолютно все; Все поем; При таком-то государстве передохнем* (А.К.Толстой. Пётр Первый).

Однако наличие в современном русском языке различного рода фонематических вариантов, связанных с употреблением Е и Ё, соответствующих звукам [э] и [о]: (*белёсый – белесый, блёклый – блеклый, жёлчь – желчь, манёвр – маневр, гололёдица – гололедица, шофёр шофер, молодёжь – молодежь* и мн. др.), вызвано к жизни и интралингвистическими причинами. Субъективным фактором послужило элементарное отсутствие в типографиях достаточного количества литеры Ё, заменявшейся на Е. Не предусмотрена была Ё и при передаче радиосообщений, в азбуке Морзе. Выборочное употребление буквы Ё как норма русского письма было закреплено в 1956 году. В расчетной сети Центробанка Российской Федерации буква Ё была запрещена в текстовых полях до 15 мая 2009 года. В результате исчезла Ё из фамилий: художника и философа Н.К.Рериха, киноактёра Депардьё, философа и писателя Монтескье, математика П.Л.Чебышева, физиков Рентгена и Ангстрема, нацистских руководителей Геббельса и Геринга, поэта Фета, дворянина Левина, микробиолога и химика Луи Пастера, в которых традиционно произносилось среднеевропейское [э] - среднее между русскими [о] и [э]. В начале XX века разгорелась активная борьба за восстановление утрачивающейся в русском языке буквы. Ей даже стали ставить памятники. Прочность её позиций в русском языке проявилась в тенденции к закреплению Ё или Е в определённой группе именовании со сходной структурой – механизмов или названий профессий: *танкер, планер, глссер – комбайнёр, вахтёр, шофёр* и проч. Так в процессе смены тезиса антитезисом складывается различная направленность развития, обусловленная не одной, а рядом причин внешнего и внутреннего порядка.

Как видим, проявление всеобщих законов развития в виде определённых закономерностей в современном русском языке объясняется взаимодействием объективно действующих интралингвистических факторов и экстралингвистических причин. Закон отрицания отрицания на синхронном срезе языка действует как цепь взаимосвязанных переходов, когда можно зафиксировать более или менее законченный с точки зрения направления развития результат. Сосуществующие на стадии перехода от тезиса к антитезису языковые варианты наглядно демонстрируют отдельные моменты развития. Раздвоение единого и переход противоположностей друг в друга на качественно новом витке развития острее всего проявляется в тех сферах языка, которые подвержены субъективному влиянию человека.

Tukova T.V.

The Laws of the universe and Evolution of Modern Russian Language System.

Abstract: The author considers the evolution of modern Russian language from the perspective of the laws of the universe. With the help of different language units the manifestation of the law of statute of negation in the synchronic section of language is described. During thesis antithesis change the existence of options as the presentation of the individual links in the chain of interconnected. The effect of subjective and objective causes of the appearance of various types of options is demonstrated on lexical and phonetic material. The observed exit tendencies from variability as the manifestation of operation laws of the universe are shown.

Keywords: evolution of language, the laws of the universe, regularity, law of negation of negation, intralinguistic factors, extralinguistic factors, options.

Библиография:

1. Валгина, Н.С. *Активные процессы в современном русском языке*. М.: Логос, 2001.
2. Гегель, Г. *Наука логики*, т.1. М., 1970.
3. Граудина, Л.К., Ицкович, В.А., Катлинская, Л.П. *Грамматическая правильность русской речи: стилистический словарь вариантов*. М.: Наука, 2004.
4. «Закон», «закономерность», «зависимость» как общенаучные категории. Режим доступа: <http://www.kylbakov.ru/page205/page224/index.html>.
5. *Закон отрицания отрицания: такового нет*. Режим доступа: <http://dialectics.ru/378.htm>.
6. Кабкова, Е.Н. *Теория организации*. Режим доступа: <http://be5.biz/ekonomika/t002/18.htm>.
7. Колегов, А.В. *Русификация русского языка*. Режим доступа: http://miresperanto.com/o_russcom_jazike.
8. Крысин, Л.П. *Русское слово, своё и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике*. М., 2004.
9. Левонтина, И. *Новые слова, новые люди, новые ценности*. Режим доступа: <https://vimeo.com/46620976>.
10. Меликян, В.Ю. *Лингвокреативная функция языка как проявление фундаментальных законов универсума (на примере фразеосхем русского языка)* / Вопросы филологии. 2011. №2 (38).

11. Мигирин, В.Н. *Марксистско-ленинская методология и лингвистика. Эвристические и конструктивные возможности марксистско-ленинской методологии в языкознании*. Кишинёв: Штинца, 1974.
12. Пауль, Г. *Принципы истории языка*. М.: Изд-во иностр. лит, 1960.
13. Пиотровский, Р.Г. *Лингвистическая синергетика: исходные положения, первые результаты, перспективы*. СПб: Филол. фак-т СПбГУ, 2006.
14. Пригожин, И. *Кость ещё не брошена. Послание будущим поколениям* / Наука и жизнь. 2002. №11.
15. *Русский язык и советское общество: лексика современного русского литературного языка* / под ред. М. В. Панова. – М.: Наука, 1968.
16. *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)* / отв. ред. Е.А. Земская. М.: Языки русской культуры, 2000.
17. *Русский язык сегодня. Активные процессы конца XX века* / отв. ред. Л.П. Крысин. Вып. 2. М.: Языки славянских культур, 2003.
18. *Современный русский язык. Активные процессы на рубеже XX–XXI веков* / отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Языки славянских культур, 2008.
19. *Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация* / отв. ред. Л.П. Крысин. М.: Языки славянских культур, 2006.
20. *Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика* / под ред. Г.Н. Складчиковой. М.: Эксмо, 2007.
21. *Толковый словарь русского языка конца XX столетия. Языковые изменения* / под ред. Г.Н. Складчиковой. СПб., 1998.
22. *Тукова, Т.В. Современный русский язык в зеркале перехода количественных изменений в качественные / Учёные записки Таврического национального университета. Филология. Социальные коммуникации. Т.26(645). №1. Симферополь, 2013.*
23. *Философский энциклопедический словарь* / гл. ред.: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983. Режим доступа: http://enc-dic.com/enc_philosophy/Otrichahya-otrichahya-zakoh-3994.html.
24. Хруцкая, Н.В. *Конкуренция сосуществующих вариантов языковых единиц в процессе эволюции литературной нормы (лингвопрогностический аспект)*. К.: Освита Украины, 2008.

Бабюк Александра Петровна

Теоретический лицей имени В.В. Маяковского, Бэлць, Республика Молдова
sasha_savch@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВСТАВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В СИНТАКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация: В статье рассматриваются структурно-семантические особенности вставных конструкций как средства осложнения предложения; анализируются основные функции, выполняемые вставными конструкциями в художественных дискурсах современных писателей.

Ключевые слова: вставные конструкции, экспрессивный синтаксис, художественный дискурс, аналитизм, фрагментарность дискурса.

Синтаксис современного русского языка в XX веке претерпел значительные изменения, связанные с внеязыковой действительностью. Революции, мировые и гражданские войны, глобальные процессы миграции, интеграции, глобализации в значительной степени повлияли на русский язык и на синтаксис, в частности. Синтаксис русского языка конца XX – начала XXI века характеризуется тенденцией к аналитизму и расчлененности, что проявляется в активизации таких процессов и явлений, как развитие вставных конструкций, сегментация, парцелляция, именная представления и др.

Как синтаксиса, осложняющее общую структуру предложения, вставные конструкции неоднократно становились предметом исследования лингвистов. В традиции ученых-лингвистов середины XX столетия вставные конструкции рассматривались как разновидность вводных предложений. Термином парантеза назывались «вводные единицы», которые в настоящее время рассматриваются как вставные. «В отличие от вводных вставные конструкции не передают возможных значений субъектной модальности, главное назначение вставных конструкций – передавать семантически неограниченный круг сведений, дополнительных к содержанию основной части предложения или какого-либо его компонента» [4: 62].

Если вводные предложения своим назначением напоминают реплики от лица говорящего только по поводу содержания и формы сообщаемого, то вставные единицы ближе к авторским ремаркам самого различного содержания.

В русском языке появились разнообразные средства осложнения предложения; среди которых вставные конструкции выделяются отсутствием специально выраженных показателей связи со стороны включающего их предложения. Это затрудняет их теоретическое осмысление с точки зрения синтаксиса предложения, и, тем не менее, конструкции со вставными компонентами уже на протяжении длительного времени привлекают к себе внимание исследователей (Щеболева И.И., Аникин А.И., Студнева А.И., Шаймиев В.А. и др.) [2: 12]. Но несмотря на это, статус и семантико-синтаксические особенности этого синтаксического явления недостаточно полно изучены и описаны в научной литературе и не выработано общепризнанное теоретическое осмысление вставных конструкций. Это привело к тому, что вопрос о статусе, строевности, формальных и смысловых особенностях, функциях вставных конструкций в современном русском литературном языке сохраняет свою научную актуальность в русском языкознании.

Цель данного исследования – выявить особенности функционирования вставных конструкций. Материалом для наблюдения и исследования послужили фрагменты из художественных дискурсов русских писателей конца XX в.: Л. Петрушевской, Т. Толстой.

В литературе по специальности вставные конструкции понимаются по-разному. Так в «Грамматике русского языка» (1960 г.) отмечается, что вставными «могут быть, например, вызванные содержанием всего предложения или отдельного слова дополнительные сведения о чем-либо; замечания, имеющие характер сопоставления или противопоставления чего-либо тому, о чем говорится в основном предложении; уточнение названного в основном предложении общего обозначения места, времени действия и т.п.» [1: 167].

Под вставными конструкциями, вслед за В.П. Малащенко, мы понимаем любые синтаксические единицы, независимо от структуры, имеющие смысловую, интонационную и пунктуационную автономность, отделяющиеся от базового предложения скобками или знаками тире. Они располагаются в середине или конце предложения, не являются строевыми элементами базового предложения, что подчеркивается особой интонацией включения [4: 367-369]. Данная дефиниция представляется нам наиболее адекватно отражающей суть данного понятия. Вставные конструкции в современной лингвистике изучаются с различных точек зрения: природы вставочности, истории их возникновения и развития в языке, связи с базовым предложением, функционированием в предложении, их модальной роли, экспрессивно-стилистических возможностей, интонации, связи с широким (помимо базового предложения) контекстом.

По-видимому, вставные конструкции оформились как один из способов пунктуационного выделения в письменной речи синтаксически различно оформленных единиц для специального отделения их от основного предложения. Из этого вытекают две взаимосвязанные проблемы – синтаксическая и пунктуационная. Синтаксическая состоит в том, что под влиянием устной речи появляется возможность двупланового повествования: первый план отражен в основном предложении (или в тексте), а второй – во вставке.

Разговорной основой вставных конструкций являются вставки, распространенные в устном говорении, самоперебивы, возникающие по ассоциации, часто для уточнения или разъяснения основной информации.

Широкое распространение вставных конструкций во всех функциональных разновидностях современной письменной речи свидетельствует о выполнении ими целого диапазона функций. В языке художественной литературы наиболее полно реализуются те функции вставок, которые не являются обязательными с точки зрения понимания содержания основного предложения. Дополнительный план повествования в виде особой вставочной конструкции становится узаконенным книжным средством.

В художественных дискурсах вставки выполняют преимущественно экспрессивные функции, в то же время сохраняя возможность дополнения базовой информации [3: 158].

На основе проанализированного фактического материала нами выделены следующие функции вставных конструкций в художественных дискурсах:

1) Вставные конструкции создают фрагментарность, расчлененность дискурса. В первую очередь, это интонационная расчлененность. Нарушается свойственный предложению интонационный рисунок: вставная конструкция произносится более низким и ровным тоном, с большими паузами до и после. Формально-семантическая расчлененность возникает в том

случае, когда вставная конструкция структурно не связана с базовым предложением. Так, в художественном тексте расчлененность синтагматически связанных компонентов – один из способов представить фрагментарную, дисгармоничную картину мира в сознании писателя:

«Вот это повезло! Такое бывает раз в сто лет. Потому что единственный доступный обозрению голый -- в учебнике анатомии -- ненастоящий. Содрав по этому случаю кожу, нагловатый, мясной и красный, похваляется он ключично-грудино-сосковой мышцей (все неприличные слова!) перед учениками восьмого класса Когда (через сто лет) мы перейдем в восьмой класс, он нам тоже все это покажет» (Т. Толстая «На золотом крыльце сидели»).

2) Вторая функция вставных конструкций в художественном тексте – усложнение восприятия текста (перцептивно-усложняющая функция). Современные писатели не только активизируют читательское сознание, пользуясь, к примеру, эффектом обманутого ожидания, но и делают читателя соавтором, предлагая неоднозначные конструкции. Синтагматически не связанная с базовым предложением вставка может быть весьма объемной, и тогда фрагменты базового предложения сильно дистанцируются друг от друга, связи теряются в сознании читателя, а на слух такие примеры достаточно тяжело понять без возврата к началу предложения:

«Над умирающим заламывала руки омерзительно красивая женщина с трагически распущенными волосами (потом, правда, оказалось, что ничего особенного, всего лишь Агния, школьная подруга Гришуня, неудавшаяся актриса, немножко поёт под гитару, ерунда, не с той стороны грозила опасность) – да, да, она вызывала врача, спасите!» (Т. Толстая «Поэт и муза»).

3) Третья функция – интимизация текста. Вставные конструкции часто выражают субъективную модальность, авторскую оценку предмета повествования, степень достоверности, оценку стиля:

«Но молодежь, что самое опасное, именно на ночь глядя созревала для решительных дел, и по утрам в подъезде очень ругалась уборщица, которая вообще приходила только когда имела свободное время (а кто в наше время его имеет?)» (Л. Петрушевская «Две сестры»).

4) Вставные конструкции имитируют спонтанность, характерную неподготовленной разговорной речи; так создается иллюзия непосредственного, спонтанного разговора автора с читателем:

«Игнатов прикрыл ее пледом, потоптался, посмотрел на разинутый рот, изможденное лицо, отросшую черноту лица – давно уж не притворялась блондинкой, - пожалел ее, пожалел хилого, белого, опять вспотевшего Валерика, пожалел себя, ушел, лег и лежал теперь без сна, смотрел в потолок» (Т. Толстая «Чистый лист»).

В короткой аллегоричной сказке Л. Петрушевской «Репетиция хора» основная информация содержится именно во вставных конструкциях, куда автор заключила детали, необходимые для понимания содержания:

«Он все уходил к зеркалу с колготками и наконец после скандала объяснил, что он желает сам надевать их как двусторонний колпак (у Валентина были роскошные рога).

Гиена Зоя, пока это все с криком обсуждалось, гуляла поблизости, потому что ей очень хотелось получить от кого-нибудь в подарок колготки (не себе, а дочери к свадьбе, Зоя знала, что на свадьбе единственные дочерины колготки обязательно порвут)...

Гиена взвyla (она была солисткой хора), Валентин кинулся прочь и, конечно, уронил попку на пол, чем Зоя мгновенно воспользовалась, она схватила их одной рукой (помятой), а здоровой рукой взяла барана и отвела его в милицию к младшему лейтенанту медведю Володе».

Такая частотность в употреблении вставных конструкций, заключенных в скобки, в цикле «Настоящие сказки» говорит о том, что для писательницы важно показать как можно разностороннее своих персонажей – и их характер, и привычки, и действия, и их мысли, и собственное отношение к своим поступкам, и многое другое. Л. Петрушевская прибегает к вставным конструкциям для интимизации текста, а также для его намеренного придания тексту фрагментарности.

Итак, вставные конструкции, являясь средством интимизации, расчленения, усложнения понимания текста, широко используются современными писателями, позволяя придать тексту характер спонтанности, живого разговора с читателем.

Таким образом, тенденция к развитию аналитизма проявляется в активном употреблении вставных конструкций. Информативная двуплановость повествования стремится к экономным способам выражения, и в наибольшей степени в письменном языке этому требованию отвечает такой сильный знак, как скобки, который может дать соответствующий результат даже при формальном сохранении синтагматических связей между вставным и основным предложениями.

Babiuc A. P.

Features of parenthesis Functioning in the Syntactic System of the Russian Language

Abstract: The article discusses the structural and the semantic features of the parenthesis as a means of proposal complication; it analyzes the main functions performed by the parenthesis in the discourse art of contemporary writers.

Keywords: parenthesis, expressive syntax, artistic discourse, analytism, fragmentary discourse.

Библиография:

1. *Грамматика русского языка*, Т. 2, М., Изд-во Академии наук СССР, 1960.
2. Гусаренко, С.В., *Синтагматический и семантико-прагматический аспекты функционирования вставных конструкций в современном русском языке*, Дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. Наук, Ставрополь, 1999.
3. Покровская, Е.А., *Динамика русского синтаксиса в XX веке (Лингвокультурологический анализ)*, Дисс. на соиск. уч. степ. доктора филол. Наук, Ростов-на-Дону, 2001.
4. *Современный русский язык*, М., Высшая школа, 1991.

Буров Александр Архипович

Пятигорский государственный лингвистический университет, Россия

Бурова Галина Петровна

Пятигорский медико-фармацевтический институт, Россия

professorburov@rambler.ru

ФРАЗОВАЯ НОМИНАЦИЯ КАК АНТРОПОГЕННЫЙ ФЕНОМЕН В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация: Фразовая номинация является собой гибкую предикативную структуру, пространство которой интересно не только с точки зрения лингвистической, но и когнитивной, психологической – с позиции осмысления присутствия личности говорящего с его индивидуальным восприятием фрагментов картины мира. При этом очевидна уникальность самой возможности наполнения внутренней формы синтаксической единицы как номинационно-аналитического знака теми атрибутами, которые представляются говорящему наиболее актуальными в плане выражения не только знания о предмете номинации в тексте, но и экспрессии метатекстового уровня.

Ключевые слова: атрибуция, внутренняя форма, фразовое наименование.

Одним из создателей теории фразовой номинации является выдающийся отечественный лингвист В.Н. Мигирин, связавший ее с исследованием аналитизма в русском языке [9] и определивший группы придаточных, «способных называть денотаты по комплексу признаков благодаря тому, что различные отношения одних референтов к другим стали осознаваться как сложные признаки их» [10: 191]. В его работах рассмотрены относительные придаточные как «окказиональные сложные наименования», возникающие вследствие отсутствия устойчивых обозначений или необходимости придать высказыванию максимальную конкретность. В дальнейшем эти придаточные получили название фразовых наименований (ФН) – описательных единиц номинации, обладающих способностью выражать любые грамматические категории в отличие от лексических наименований, в сфере действия которых находится словарный состав языка. Усложняя внутреннюю форму наименования [14; 11], ФН дополняют лексическую номинацию, внося в нее различные семантические оттенки, поскольку «почти не зависят от контекста, позволяя избежать выражения обязательной грамматической информации» [13: 11].

В лингвистической науке имеют место различные взгляды на природу фразовой номинации. Одни исследователи видят главную особенность в том, что она выступает как компонент простого осложненного предложения, обладающий обладает предикативностью [1;7;13]. Данный подход отражает предикативную природу фразовой номинации, но игнорирует конкретные структурные и семантические условия употребления придаточных местоименно-

соотносительного типа нерасчлененных сложноподчиненных предложений [8], на базе которых формируется фразовая номинация, позволяющая своим употреблением автору решить самые разнообразные функциональные задачи [2; 3; 4]. Употребление ФН связано с решением сложных индивидуально ощущаемых задач обозначения, что особенно ярко выражается в художественном тексте, позволяющем автору как языковой личности раскрыть антропологический потенциал динамического взаимодействия номинативного и предикативного планов, способствующего прагматической дифференциации номинативной функции и ее осложнению другими функциями в составе полипредикативной единицы и связного текста [2; 4]. Приведем ряд примеров: *Я ничего не сказал, только посмотрел на дорогу, так отчетливо вывисялся в раме окна: всякий, кто захотел бы злоупотребить моим доверием, нашел бы в этом окне отличнейший наблюдательный пункт* (В. Набоков. *Лолита*). *А Данилов во всем желал своего, то есть того, что бы делало его личность личностью* (В. Орлов. *Альтист Данилов*). Мы видим, что формирование и употребление фразовой номинации в составе полипредикативной единицы и связного текста не позволяет говорить о тождестве предикативных частей лексическому наименованию, ведь и план выражения, и план содержания в случае соотнесения предсказуемого признака с аналогичными признаками в пространстве высказывания значительно усложняются. Подобный подход, в отличие от рассмотрения предикативных единиц в качестве полупредикативных осложнений простого предложения, безусловно заслуживающего внимания, придает аналитическим номинативным единицам определенный синтаксический статус, который помогает шире и глубже взглянуть на природу фразовой номинации.

Изучение ФН синтезирует несколько языковедческих принципов: лексикоцентрический, синтаксический, структурно-семантический, прагматический. В данном случае интересен взгляд на номинацию В.М. Никитевича, который в своих работах обобщил ряд основополагающих лингвистических принципов анализа фразовой номинации как члена номинативного ряда, включающего словообразующую номинацию (*смельчак*), детерминирующую (*смелый человек*), транспонирующую (*смелый*) и предсказующую (*/тот/ кто смел*) [12]. Однако в данной системе не учтены коммуникативные условия употребления выделенных номинативных единиц.

Коммуникативный аспект в исследовании фразовой номинации оригинально представлен в трудах П.В. Чеснокова [16 и др.], который, рассматривая взаимодействие языка и мышления, приходит к мнению, что не всякое понятие может быть выражено словом. Исследователь выделяет три типа номинации: 1) лексическую, осуществляемую посредством знаменательного слова; 2) синтагматическую, которая выражается при помощи словосочетания; 3) фразовую, когда акт номинации представлен сочетанием знаменательного слова и зависимого придаточного предложения [16]. Данный взгляд на природу номинации позволяет соотнести сразу несколько важных аспектов во фразовой номинации. Во-первых, логическая и грамматическая стороны соотнесены там друг с другом и представляют собой структурную систему, способную осуществлять номинацию на разных лингвистических уровнях. Во-вторых, придаточное, принимая самое активное участие в номинации, связывает номинативную функцию с синтаксисом и способствует выходу в связный текст на уровне *лексиктактики* (термин П.В. Чеснокова).

Синтаксический контекст употребления фразовых наименований как средств, предполагающих возможность осмысления субстантивной синтаксической номинации [4], предопределяет участие так называемых квазипредложений (придаточных) вместе с коррелятами главных в описательном обозначении. Ср.: *Весь свет ругал: и тех, кто вызвал меня по этому глупому делу, и себя за то, что поехал, и собак, существование которых в этой местности я предполагал, и дождливое лето, и ночной мрак, который уже царил всюду, особенно сгущаясь в узеньких путаных переулках, пролежавших между дачами.* (Л. Андреев. *Рассказ о Сергее Петровиче*). В определенных случаях наблюдается осложнение местоименно-соотносительного блока интерпозитивными субстантивами, в том числе с зависимыми словами, вносящими добавочные оттенки в значения, важные для говорящего: *То женственное и нежное, что было в его любви к Иисусу, и сблизило его с ним* (Л. Андреев. *Иуда Искариот*). *Это и было то нечто в высшей степени странное, о чем мне так долго и нудно рассказывал старик* (В. Маканин. *Отставшие*). Подобные моменты употребления (в данном случае - грусть, нежность, удивление) способствуют тому, что позволяют дать более точную и развернутую характеристику денотата, отражая потенциал ментальной системы личности автора.

Представляется возможным разделение функций фразовой номинации на функции, не осложненные экспрессией, и функции, осложненные экспрессией [см.: 2; 3; 5; 15 и др.]. Прежде всего отметим употребление ФН в собственно номинативной функции. Основное назначение данной функции – это описательное обозначение предмета через модально-временное развертывание признаков наименования. Как правило, сказуемое, употребляющееся в данной функции, имеет актуальные временные значения. Ср.: *Это была пустая форма, которая уже давно не значила того, что должна была значить по номиналу* (В.Пелевин. *Generation «П»*). Другая функция рассматриваемых нами наименований – номинативно-синонимическая. Выполняющие ее придаточные характеризуются развертыванием признака наименования и модально-временным соотношением его с соответствующим признаком главной части. Причем данное явление характерно как для русского, так и для английского языка. Ср.: - *Разве тот, кто строит дома, не напоминает вам муравьев, создающих свои строения* (В. Пелевин. *Generation «П»*). Наряду с этими функциями можно выделить и функции эмоционально окрашенные, т.е. осложненные экспрессией. При употреблении ФН в собственно номинативной и номинативно-синонимической функциях данные сочетания могут приобретать экспрессивную окрашенность в тех случаях, когда сказуемое предидирует признаки, образно характеризующие предмет или явление: *В свою очередь эта богиня также должна была умереть. А ей этого не хотелось и тогда не то, что не хотелось умирать* (В. Пелевин. *Generation «П»*). Номинативно-экспрессивная функция позволяет наряду с собственно описательным обозначением предмета выразить субъективное отношение к нему, дать ему авторскую экспрессивную оценку. При этом возникают условия для метатекстового употребления ФН, когда автору необходимо дать внутреннюю психологическую характеристику какого-то лица – обычно это персонаж, внутренний мир которого интересует или просто занимает говорящего. Сравним микропортретную зарисовку внешности доктора Вернера: *Его наружность была из тех, которые с первого взгляда поражают неприятно, но которые нравятся впоследствии, когда глаз выучится читать в неправильных чертах отпечаток души испытанной и высокой* (М.Лермонтов. *Княжна Мери*). Пространство ФН дает возможность писателю словами Печорина варьировать разными деталями и ракурсами смысловых оттенков. В данном случае проявляется когнитивно-метаоценочный план, который формируется за счет контекстной контрпозиции («в неправильных чертах отпечаток души испытанной и высокой»). Следовательно, ФН выступает в художественно-литературном тексте одним из самых богатых и интересных изобразительных средств *метатекстового самораскрытия* языковой личности автора. Лермонтов уже почти 200 лет назад сумел обозначить для русского языка, его языковой картины мира и языковой личности автора определенные психолингвистические приоритеты [5]. Благодаря автору романа «Герой нашего времени» они позволяют сегодня анализировать и структурировать пространство художественного текста как многослойный феномен, характеризующийся в том числе и метатекстовым слоем.

Употребление ФН в составе сложноподчиненного предложения и связного текста свидетельствует о дифференциации номинативных функций предикативных средств обозначения в русском языке, что позволяет автору (говорящему) полнее и глубже взглянуть на денотаты, денотативные состояния и ситуации окружающего мира.

Burov A.A., Burova G.P.

Phrase Nomination as an Anthropogenic Phenomenon in the Russian Language

Abstract: Phrase nomination is a flexible predicative structure where space is of interest not only in linguistic terms, but also in cognitive, psychological; from a position of understanding of the presence of the speakers personality with his individual personality, world view. At the same time becomes evident the very possibility of filling the inner form of a syntactic unit as a nominative-analytical sigh with those attributes that seem most appropriate to the speaker in terms of expressing, not only the knowledge of the subject category in the text, but also the expression of a metatextual character.

Keywords: attribution, inner form, phrase name.

Библиография:

1. Бойченко, Г.Е. *Предикативные структуры как наименования предметов в русском языке*. Автореферат дис... канд. филол. наук. Киев, 1974.

2. Буров, А.А. *Функции субстантивных местоименно-соотносительных придаточных в тексте*. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 1979.
3. Буров, А.А. *«Души изменчивой приметы...» (Фразовые наименования в прозе И.А. Бунина) / Русская речь. 1984, №2. С. 57-61.*
4. Буров, А.А. *Субстантивная синтаксическая номинация в русском языке*. Автореферат дис. ... д-ра филол. наук. Ставрополь, 2000.
5. Буров, А.А. *Фразовая номинация как средство выражения метатекста в художественном тексте*. Волгоград. <http://Logos2015.listbb.ru/index.php>
6. Гак, В.Г. *Языковые преобразования*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
7. Гершкович, Д.С. *Фразовая номинация в сфере обозначения лиц в современном молдавском языке*. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Кишинев, 1974.
8. Максимов, Л.Ю. *Многомерная классификация сложноподчиненных предложений (на материале современного русского литературного языка)*. Автореферат дис. ... д-ра филол. наук. М., 1971.
9. Мигирин, В.Н. *Эволюция придаточного и разные виды трансформации главного и придаточного предложений в русском языке*. Автореферат дис. ... д-ра филол. наук. Симферополь, 1954.
10. Мигирин, В. Н. *Язык как система категорий отображения*. Кишинев: ШТИИЦа, 1973.
11. Мигирин, В.Н. *Внутренняя форма как важнейший узел системных связей в языке. (На материале способов представления статусов лица в номенклатурной сфере языка)*. Кишинев: ШТИИЦа, 1977.
12. Никитевич, В.М. *Субстантив в составе номинативных рядов (К проблеме деривационной грамматики)*. Автореферат дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1974.
13. Пельтихина, Н.И. *Фразовая номинация в сфере обозначения лиц в языке русской художественной литературы XIX века*. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Днепропетровск, 1971.
14. Потебня, А.А. *Из записок по русской грамматике*. Т. 1-2. М.: Учпедгиз, 1958.
15. Фрикке, Я.А. *Фразовая номинация как средство выражения языковой личности автора (на материале языка художественной литературы)*. Автореферат дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2003.
16. Чесноков, П.В. Спорные проблемы курса «Общее языкознание». Таганрог, 1996.

Патроева Наталья Викторовна

Петрозаводский государственный университет, Россия
 nvpatr@list.ru

ВКЛАД В. Н. МИГИРИНА В РАЗВИТИЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ¹³

Аннотация: Статья посвящена изложению грамматических взглядов Виктора Николаевича Мигирин. Излагаются основные идеи В. Н. Мигирин, связанные с созданием и обоснованием важнейших направлений лексико-морфологических и морфолого-синтаксических трансформаций в истории русского языка. Грамматическое наследие В. Н. Мигирин представляет собой значительный с теоретико-методологической точки зрения вклад в развитие русистики, актуальный в аспекте современных поисков лингвистики в области описательного и диахронического синтаксиса, а также разработки новейших подходов к анализу эволюции грамматического строя русского языка.

Ключевые слова: история языкознания, синтаксис, строгая модель отображающей грамматики.

Виктор Николаевич Мигирин, на протяжении многих лет заведовавший кафедрой русского языка и общего языкознания Бельцкого государственного педагогического института им. А. Руссо, вошел в историю лингвистической науки как создатель «строгой модели отображающей грамматики» (СМОГ), специалист в области диахронического словообразования, питавший особый интерес к проблеме внутренней формы слова, исследователь процессов лексической, морфологической и синтаксической переходности.

В монографии «Гносеологические проблемы знаковой теории языка, фонологии и грамматики» В. Н. Мигирин много внимания уделяет сопоставлению традиционной и постклассической грамматики, отмечая, что первая ориентировалась прежде всего на синхронное изучение языка, правда, с элементами историзма, описывая язык с точки зрения слушающего-читающего, однако не всегда последовательно разграничивала свойства разноуровневых единиц и не систематизировала методы языкового анализа. Указанные недостатки традиционной грамматической теории не умаляют несколько ее несомненных достижений, на кото-

¹³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Синтаксический словарь языка русской поэзии XVIII – первой половины XIX века», № 15-04-00180.

рые следовало бы основательнее опираться новейшим направлениям лингвистики. Между тем среди представителей современной науки, к сожалению, имеются люди, пренебрежительно относящиеся к классической грамматике, хотя она «не заслуживает такой оценки. Усовершенствованная модель этой грамматики будет всегда сохранять теоретическое и практическое значение, используя в преподавании языка и в теории познания» [1: 82], - в этом В. Н. Мигирин был твердо убежден и в качестве такой усовершенствованной модели традиционной грамматики разработал методологические основы и терминологический аппарат «строгой модели отображающей грамматики» (СМОГ).

К общим свойствам СМОГ автор относит «строгость избранной модели описания, адекватность (объективность), оптимальность, рациональную систему кодирования, прагматическую целесообразность» [1: 91], а методологические принципы СМОГ определяет следующим образом: «1. Форма называется по содержанию категории: запрещается использовать один термин для обозначения формы, другой – для обозначения содержания категории. 2. Видовое понятие обозначается при помощи термина родового с добавлением слов, указывающих на видовые отличия. 3. Терминология формируется так, чтобы ясно видны глубокие внутренние связи между понятиями, их иерархические отношения. 4. Термин разъясняется с учетом референтной соотнесенности и сохранения гомогенности отображаемого объекта. 5. Исключаются лишние термины, противоречащие друг другу номенклатурные единицы и несвязанные обозначения, которые в понятийном плане соотносятся друг с другом» [1: 90-91]. Таким образом, строгость предложенной В. Н. Мигириным модели грамматического описания проявляется, по мысли автора, в последовательном соблюдении единых принципов описания однотипных языковых феноменов и непротиворечивости самой теории.

Целый ряд привычных морфологических и синтаксических терминов представляется В. Н. Мигириным избыточным и даже бессмысленным: например, это касается терминов «простые» и «сложные» сказуемые, «прямые» и «косвенные» дополнения, «сложносочиненное» и «сложноподчиненное» предложение. Так, гораздо более последовательной и непротиворечивой оказывается, по мнению автора СМОГ, бинарная классификация, разграничивающая сказуемые «связочные» и «бессвязочные» с точки зрения формы манифестации предиката, не затрагивающая семантического аспекта деления, предложенного представителями логико-грамматического направления (Ф. И. Буслаевым, И. И. Давыдовым и др.) еще в середине XIX столетия. Классификации и терминологическая системы-оппозиции необходимо подчинять единому логическому основанию: опираясь либо на формальный, либо на семантический, либо на функциональный аспекты типологии языковых единиц, не смешивая разные принципы деления. Например, «при описании членов предложения чаще всего применяются два принципа: во-первых, используется ряд терминов, отображающих структуру мыслительного процесса; во-вторых, применяется класс выражений, отображающих сегментацию действительности. Во многих учебных пособиях главные члены характеризуются на основе их корреляции с субъектом и предикатом, а второстепенные описываются в терминах, отображающих сегментацию действительности. Смешение принципов описания значений приводит к созданию эклектических концепций, от которых строгая наука стремится избавляться, и к неправильным представлениям о значении форм языка» [1: 99-100]. В связи с этим перед создателем СМОГ встает задача использовать специальную терминологию, которая позволила бы четко дифференцировать разноплановые аспекты: «1) информационное значение; 2) форма мышления; 3) форма коммуникации; 4) смысловое акцентирование (актуальное членение, применяемое по отношению к главным членам, и обособление, применяемое по отношению к второстепенным членам)» [1: 101]. При этом, например, классификация членов предложения по принципу «противочлена» в бинарной оппозиции приобретает следующий вид: подлежащее – сказуемое, определение – определяемое, причина – следствие, условие – обусловленное, господствующее слово – приложение и т.п. В отношении последней оппозиции добавим, что она, впрочем, вполне покрывается рубрикой «определение – определяемое», поскольку приложение – частный случай атрибута.

В. Н. Мигирин предлагает свое видение стратификации языковой системы:

Предложение
Предложение глагольного типа   Предложение именного типа
Части речи
Члены предложения
Лексико-грамматические разряды частей речи
Типы внутренних форм
Грамматические формы слов [1: 125]

При этом словосочетание, по традиции включаемое многими исследователями в систему синтаксических единиц, представляется создателю СМОГ терминологической фикцией: «словосочетание является не единицей языка, а искусственным образованием, теоретическим конструктом, созданным для того, чтобы облегчить изучение языка» [1: 126], поскольку словосочетанию не соответствует особая единица мышления, в отличие от слова и предложения, соотношенных с понятием и суждением как логическими категориями.

Применение новых терминологических рубрик, по мысли В. Н. Мигирова, позволило бы в будущем «измерить глубину взаимодействия между отдельными членами гибридных по своему характеру высказываний, которых очень много в языке и речи». Вообще, проблема переходности, гибридности языковых феноменов, динамический и диахронический аспекты их анализа всегда привлекали внимание В. Н. Мигирова. Так, в 1971 г. выходит в свет по-своему уникальное учебное пособие «Очерки по теории процессов переходности в русском языке» [2], в котором автор комплексно, подробно и последовательно, применительно к разным уровням языковой системы, описывает феномены переходности в области частей речи, членов предложения и синтаксических конструкций, выявляет межуровневую взаимосвязь процессов переходности на разных ярусах языковой иерархии (от фонемного через морфологический и лексический к синтаксическому) в процессе эволюции разноуровневых единиц.

По замыслу создателя СМОГ, новая грамматическая теория благодаря строгому разграничению категорий языка и сознания «прольет свет на эволюцию человеческого мышления. Таким образом, изыскания, планируемые в рамках программы по созданию СМОГ, приведут к результатам, важным для разных наук: лингвистики, логики, философии, психологии и др.» [1:123]. Не все, что было задумано, В. Н. Мигиринов и его научная школа успели осуществить, однако вклад Мигириновской грамматической концепции в развитие теории и методологии современной грамматики и русистики оказывает и сейчас влияние на умы исследователей-морфологов и синтаксистов, продолжается в ряде новейших работ по общему и русскому языкознанию [3], [4].

Patroeva N. V.

V.N. Migirin's Contribution to the Development of Grammar Theory

Abstract: The article is devoted to Viktor Migirin's views on grammar. The article shows the basic ideas of V.N. Migirin connected with the creation of "" and explanation of the most important areas of lexical-morphological and syntactic-morphological transformations in the history of the Russian language. The grammatical heritage of V.N. Migirin represents a significant (from theoretical and methodological point of view) contribution to the development of Russian studies, the contribution that is still valuable in modern researches of linguistics in the area of descriptive and diachronic syntax, as well as the development of new approaches of the analysis to the evolution of the grammatical structure of the Russian language.

Keywords: history of linguistics, syntax, exact model of represented grammar.

Библиография:

1. Мигиринов В. Н. Гносеологические проблемы знаковой теории языка, фонологии и грамматики. Кишинев: Штиинца, 1978.
2. Мигиринов В. Н. Очерки по теории процессов переходности в русском языке: Учеб. пособие для студентов. Бельцы, 1971.
3. Мигирова Н. И. Внутренняя форма как важнейший узел системных связей в языке (на материале способов представления статусов лица в номенклатурной сфере языка). Кишинев: Штиинца, 1977.
4. Петрова Н. Е. Грамматикализация внутренней формы слова как номинативный ресурс языка. Н. Новгород, 2009.

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИЙСКОМ МЕДИЙНОМ СЛОВОТВОРЧЕСТВЕ

Аннотация: Статья посвящена анализу активных словообразовательных процессов в текстах современных российских массмедиа: описанию тенденций к интернационализации и демократизации. Активизация деривационных процессов приводит к появлению большого количества новообразований, широко представленных в текстах современных массмедиа и отражающих различные стороны жизни российского общества.

Ключевые слова: активные процессы в словотворчестве; тенденции к интернационализации и демократизации; окказиональное словотворчество.

На современном этапе функционирования русского языка все большее влияние на особенности его развития оказывает публицистический стиль. Тексты газет, телевидения, интернет-СМИ не только отражают активные процессы в русской лексике, словообразовании, морфологии и т.д., но и выявляют дальнейшие векторы развития языка. Социально обусловленная активизация деривационных процессов в последние десятилетия привела к появлению большого количества новообразований, широко представленных в текстах разнообразных российских массмедиа. Инновации отражают различные стороны жизни российского общества, являются инструментом распространения массовой культуры и идеологического воздействия на массовое сознание носителей языка. По мнению Е.И.Коряковцевой, на данном этапе развития русского языка прежде всего факторы социокультурного характера определяют рост продуктивности одних словообразовательных типов и моделей и способствуют снижению активности других [2]. Наблюдения над современными деривационными процессами «позволяют, с одной стороны, выявить наиболее активные звенья словообразовательного механизма, а с другой – установить способы, приемы освоения языковым сознанием новых реалий общественной жизни» [6: 71].

Отмечаемая исследователями тенденция к интернационализации в области русского массмедийного словообразования проявляется в активизации использования аффиксальных морфем иноязычного происхождения, которые сочетаются с основами иноязычного и славянского происхождения, а также в трансформации иноязычных слов и корневых морфем в особые словообразовательные элементы (аффиксоиды).

Так, например, в русском языке возрастает активность форманта *-изация(я)*, посредством которого активно образуются существительные, называющие общественно-политические течения, направления, актуальные социальные явления: *Всеобщая компьютеризация и интернетизация страны принесла с собой массу новых проблем* (Национальный корпус русского языка, www.ruscorpora.ru – далее НКРЯ // «Культура», 2002.04.01); *Он потребовал прекратить «дебилизацию населения» – прежде всего на телевидении, но не только: «Чернуха заполнила книжные прилавки и библиотеки»* (НКРЯ // «Эксперт», 2004.12.20); *Третья причина в том, что малый бизнес средних и малых городов переживает вторую волну криминализации* (НКРЯ // «Русский репортер», № 34 (212), 1 сентября 2011, 2011); *Никаких личных вопросов, как это было еще год назад. За исключением, пожалуй, двух. Первый был о механизмах принятия решений. Второй – как президент относится к «путизации» всей страны. И тут стало заметно, как под конец двухчасового общения Путин хочет отойти от жанра «разъяснения позиций» и сказать просто что-то человеческое* (НКРЯ // «Известия», 2002.06.25).

Исследователи отмечают, что «формант *-изация* обладает поистине безграничными деривационными возможностями – на современном этапе развития русского языка нет ни экстралингвистических, ни интралингвистических (морфонологических, грамматических и стилистических) ограничений, препятствующих образованию отыменных процессных имен на *-изация*» [3: 123].

Рассмотренный выше элемент имеет достаточно давнюю историю функционирования в русском языке, а на современном этапе он лишь расширяет свои синтагматические возможности. Однако в русском языке новейшего периода фиксируются морфемоподобные элементы

иноязычного (англоязычного) происхождения, которые ранее не выделялись в морфемной структуре слова: *-инг* и *-гейт*. Элемент *-инг*, ранее встречавшийся только как финаль заимствованных слов типа *митинг* или *маркетинг*, начинает функционировать как словообразовательная морфема: с его помощью создано, например, новообразование *псакинг* (от имени собственного Дж. Псаки): *Есть даже такое слово, как псакинг, – это когда человек несет чушь* (НТВ, 2015.02.22), *Но когда кто-то занимается псакингом, выходит куда грубее* (телеканал «Россия 1», 2015.02.22). Впрочем, «лингвисты пока осторожно говорят о будущем компонента *-инг* в русском языке. Выделение его в качестве самостоятельной морфемы, по-видимому, возможно, поскольку многие «инговые» слова являются мотивированными единицами <...> В то же время окказиональное словотворчество уже включило в свой репертуар этот формант» [4: 454]. Тем не менее, «формант *-инг* позволяет создать множество оригинальных полифункциональных дериватов, но «пока, по-видимому, на первую роль у «ингов» выходят именно их каламбурные потенции, которые могут стать хлебом для публицистики и журналистики, публичной речи и прессы»» [Григорьев В.П., цит.по: 3: 122].

Англоязычная морфема *-гейт* (*-gate*) – искусственно созданный суффиксоид, имеющий значение «политический скандал» (или просто «скандал»), - используются в окказиональном словообразовании современных «лингвокреативных» (Е.И. Коряковцева) журналистов: *«Компромастные войны только-только начались, а уже сложно представить, что может быть страшнее этого «Педофилгейта», – заявил в интервью РИА «Новый Регион» директор Международного института политической экспертизы Евгений Минченко* (НКРЯ // Новый регион 2, 2009.10.19); *САМАРА-ГЕЙТ – СКАНДАЛ ВОКРУГ МАТЧА «ТЕРЕК» – «КРЫЛЬЯ СОВЕТОВ»* (НКРЯ // Советский спорт, 2009.06.17); *Разнообразить политический сезон также сможет хорошо организованный спикергейт* (НКРЯ // Новый регион 2, 2005.10.04); *Итак, масштабный скандал в Украине, иногда называемый "Кучмагейтом", набирает обороты* (НКРЯ // Труд-7, 2001.01.23); *Похоже, однако, что после «Гонгадзегейта» этот прием уже не срывает* (НКРЯ // «Неприкосновенный запас», 2004.01.15). «Степень продуктивности моделей с элементом *-гейт* / *-gate* отчасти обусловлена экстралингвистическими причинами: лингвокультурной модой, «англо-американоманией», неподсудностью власти имущих» [2: 195].

Активно используются сейчас и иноязычные элементы *-мани(я)* и *-фоби(я)*, указывающие на социальные пристрастия и антипатии: *А бабушка постепенно не только смирилась с футболоманией, но и сама стала поклонницей «Зенита»* (НКРЯ // Комсомольская правда, 2011.05.04); *Зачастую основными предметами шопоголизма становятся одежда, обувь, различные аксессуары, а также продукты. Есть также и особые формы этой болезни, которые развились вместе с рекламой. Например, сейломания, признаки которой время от времени может обнаружить у себя каждый: <...> Именно поэтому сейломанию называют еще и манией распродаж и скидок. Недалеко от нее ушли брендомания – навязчивое желание приобрести изделия или услуги конкретных брендов...* (Экстра-Н, 2014.10-11.27-02); *Штрафомания и штрафофобия. Наша власть увлеченно вводит все больше различных штрафов и наказаний* (Литературная газета, 2014.11-12.26-02) и др.

Весьма широко в современном медийном словотворчестве реализуется и префиксация / префиксоидация с использованием таких иноязычных морфем, как *медиа-*; *мега-*; *пост-* и др.: *Потери от одного-двух менее успешных продуктов компенсируются сверхприбылями от мегахитов* (НКРЯ // РБК Daily, 2011.04.22); *Медиакороль умер. Смерть Михаила Лесина превращается в детектив «времен холодной войны»* <...> *Пока официально не названа даже причина внезапной кончины одного из главных российских медиадеятелей* (<http://www.profile.ru/politika/item/101295-mediakorol-umer>); *В этом отношении Украина периода постмайдана уже вернулась к смутным девяностым* (Постмайдан. Криминализация // Антифашист. URL: <http://antifashist.com/item/postmajdan-kriminalizaciya.html>); *Новая постмайданная власть за полгода умудрилась набрать долгов больше, чем все предыдущие правительства за 10 лет!* (Майдан. Оно того стоило? // Аргументы и факты. aif.ru. URL: <http://www.aif.ru/euromaidan/maidanonline/1384846>).

Усиление демократических тенденций в обществе и языке привело к укреплению позиций разговорной речи, к усилению разговорной составляющей вербальной коммуникации.

Наблюдается актуализация жаргонной, арготической и просторечной лексики. Проявлением демократического начала в медийном словотворчестве становится активное вовлечение в деривационные процессы стилистически сниженной лексики и сниженно-маркированных словообразовательных средств, а также деривационных моделей, характерных для разговорной речи: *Однако в отличие от них фильм практически лишен депрессухи, чернухи, бытовухи и ненормативной лексики* (НКРЯ // Комсомольская правда, 2004.02.24); *В культовой для нашей диссидентщины книге Александра Солженицына «В круге первом» дипломат Володин звонит в американское посольство, чтобы разоблачить советского агента* (Культура, 2015.02.06-12); *От майданищины к антимайданищине. Украина стремительно теряет остатки государственности* (Свободная пресса, 2015.02.03); *Даже наши желторотые артистишки этим грешат* (Собеседник, 2014, №44); *Либералишки несчастные* (Московский Комсомолец, 2015.04.06); *Все понимают, что идея завиральная, что проблематично даже "майданчик" организовать, но пододить спонсоров под это дело очень охота* (НКРЯ // Известия, 2005.10.07) и др.

В русле тенденции к демократизации оказывается и отмечаемый исследователями рост личностного начала, проявляющийся в деривационной активности суффиксов со значением лица –*ец*; –*щик*; –*атор* и под.: *И «Национальный Фронт» Марин Ле Пен не случайно ведущая партия Франции. Но тамошнюю политическую систему специально перекроили так, чтобы при наибольшем количестве голосов левенюцы получали наименьшее число мест в парламенте* (http://ruskline.ru/opp/2015/ноуабр/14/zhestokij_urok_francuzskogo/); *Спрашиваем, где можно найти Матвея: в конце августа, когда дэнэровцы только вошли в Старобешеново, он был назначен командиром поселка* (Новая газета, 2014.11.05); *Также распространена еще одна формулировка: 300 стрелковцев – стальные русские с известным билбордом, выдержанным в стиле фильма «300 спартанцев»* (<http://iamruss.ru/300-iron-russians/>); *Зато залипание цены нефти ниже 50 долларов за баррель не исключают многие эксперты, часть из которых верит в 45\$, а завязтые «армагеддонщики» пророчат и 30\$ за баррель* (Собеседник, №30, 2015); *«Консерватизм» варяга Карбаускиса, самоотверженно обороняющего «большой стиль» русского театра от полчищ актуализаторов <...>* (Литературная газета, №11, 2015.03.18-24).

Одна из характернейших черт публицистического стиля – сочетание экспрессии и стандарта. Экспрессивизация медийного текста может создаваться разными путями, в том числе – и за счет окказионального словотворчества. Окказиональные способы словообразования и новообразования нетиповой структуры становятся ярким экспрессивно-оценочным средством. «На рубеже XX-XXI вв. особую активность проявляет неузואльное словообразование. Оно связано с раскрепощением языка, ослаблением границ между разными сферами языка. Неузואльное словообразование характерно для всех сфер языка <...>, но наиболее интенсивно оно живет в СМИ...» [1: 249]. Среди неузואльных способов деривации наибольшую активность проявляют разные виды гибридизации – контаминированного словообразования. Особенно широко представлено междусловное наложение и графическое словообразование. При междусловном наложении (термин Н.А. Янко-Триницкой) происходит произвольное совмещение формально тождественных частей производящих слов (с возможным усечением морфемных и неморфемных частей): *Снегодня<...> Но когда же снег начнут нормально, качественно убирать с городских дорог и из дворов?* (Патриоты Нижнего, 2015, №5) ← *снег + негодья*; *Грефоводник* (Завтра, 2015, №8) ← *Греф + греховодник*; *Интервру* (Аргументы и факты, 2015.04.15-21) ← *интервью + вру*; *ПерельМальчик. Достойный наследник всемирно известного Григория Перельмана (решил «проблему тысячелетия» - гипотезу Пуанкаре) учится в школе №564 и занимается в Лаборатории непрерывного математического образования* (Комсомольская правда, 2015, №55) ← *Перельман + мальчик*. В качестве одного из исходных слов может выступать аббревиатура: *Экономика боевиков: Смерть на кончике нефтяной ИГлы* (<http://www.msk.kp.ru/daily/26442/3313068/>) ← *нефтяная ила + ИГ*.

Одним из самых распространенных игровых словообразовательных способов является заменительная деривация, при которой в узואльных словах заменяется та или иная морфема, например: *С Красномэрском покончено. Руководить Красноярском будет сити-менеджер* (<http://www.kommersant.ru/doc/2854449>); *Уже сейчас Кличко наглядно объяснили, что майдан плавно переходит в июньдан* (Политонлайн. URL:<http://www.politonline.ru/comments/16559.html>).

Окказионализм может создаваться по конкретному образцу узуального слова, воспроизводя формант последнего: *На секретной службе Его ГАИшничества. В дальнейшем помогать автоинспекторам в целях безопасности будут молодежные отряды* (<http://www.zagolovki.ru/article/14Nov2015/gai>) (Ср. образец: Его величества).

Кроме контаминации, в текстах СМИ используются и иные окказиональные способы. Среди новообразований отмечены и голофрастические конструкции, «проявляющиеся в «непогащенности» синтаксических связей между компонентами своего синтаксического аналога» [5: 130], например: *После публикации статьи «Анижедети» <...> меня неожиданно начали упрекать в ненависти к «евромайдану» и «евромайдаунам»* (Анижедети, Скачко жалуется // Свободная фора. URL: <http://fora.forumbb.ru/viewtopic.php?id=4583>); *А ничего, что эти самые «онижедети» издевались над захваченным главой Волынской обл администрации («Онижедети...»* // Сегодня.ру. URL: <http://www.segodnia.ru/content/135445>). Средством привлечения внимания читателей оказывается графическая гибридизация, которая часто представлена в заголовках в виде капитализации: *ГОЛОСуем за победителя* (Российская газета, 2014.12.19); *МИССия выполнима* (Комсомольская правда – Нижний Новгород, 2014.29.08); *КРЫМсота по-американски* (Комсомольская правда, 2014.09.05).

Новообразования в СМИ демонстрируют гибкость, мобильность словообразовательной системы русского языка, ее готовность мгновенно обслуживать актуальные социополитические процессы. В середине 2015 года в Армении проходили массовые выступления граждан против повышения тарифов на электроэнергию. Освещавшие данные события СМИ активно использовали словообразовательные потенции русского языка, сконструировав новообразования типа *электромайдан* или *киловатт-майдан*: *Теперь же, с началом второго этапа киловатт-майдана, организаторы выдвинули властям ультиматум и требуют до 21.00 следующего понедельника удовлетворить все требования электромайдана* (http://ruskline.ru/opp/2015/7/6/uzhe_majdan_kak_pererodilsya_socialnyj_protest_i_chno_teper_budet/).

Новообразования в современных российских СМИ, демонстрирующие продуктивность тех или иных словообразовательных способов, моделей и словообразовательных средств, отражают политические и социально-экономические изменения в России начала XXI века: развитие рыночных отношений, изменений ценностных ориентаций, расширение сферы массовой культуры и др.

Raciburskaya L.V., Zhdanova E.A.

Active Processes in the Russian Media Word-creating

Abstract: The article is devoted to the analysis active of word-creating processes in the modern Russian mass media texts: describing linguistic tendency of internationalization and democratization. The activation of derivational processes lead to the appearing of neologisms and occasional words, which are extensively represented in the mass media texts. These lexical innovations mirror various sides of Russian reality.

Keywords: active processes in word-creating, internationalization, democratization, occasional word-creating.

Библиография:

1. Земская, Е.А. *Литературная норма и неузальное словообразование*, / Современный русский язык: Система – норма – узус. М., 2010.
2. Коряковцева, Е.И. *Интернациональноев. национальное в словообразовательной системе: к постановке вопроса*, / *Przejawyinternacjonalizacji w językachsłowiańskich*. Siedlce, 2009.
3. Коряковцева, Е.И. *Nomina abstracta в современном русском языке: социокультурные факторы роста продуктивности словообразовательных моделей*, / *Активные процессы в современном русском языке: Сборник научных трудов, посвященный 80-летию со дня рождения профессора В.Н. Немченко*. Нижний Новгород, 2008.
4. Маринова Е.В., *Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования*. М.: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2008.
5. Намитокова, Р.Ю. *Авторские новообразования: словообразовательный аспект*. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1986.
6. Попова Т.В., Рацибурская Л.В., Гугунава Д.В. *Неология и неография современного русского языка*. М.: Флинта, 2005.
7. Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А., Шумилова А.В. *Специфика современного медийного словотворчества*, / *Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: Коллективная монография*. Нижний Новгород, 2014.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СИНТАКСИЧЕСКОЙ НАУКЕ И В УЧЕБНИКАХ ПО СИНТАКСИСУ

Аннотация: Статья посвящена семантической организации предложения. Рассматриваются различные подходы к изучению и описанию синтаксической семантики. Обращается внимание на проблему представления синтаксической семантики в учебниках по синтаксису.

Ключевые слова: синтаксическая структура, семантика, аспекты предложения, учебник по синтаксису.

Семантическая организация предложения стала предметом пристального внимания лингвистов во второй половине XX в. Внимание к семантической организации как к одному из аспектов анализа предложения потребовало решения вопросов о том, как понимать смысл предложения, каковы единицы его измерения и описания, как дифференцировать компоненты семантической организации предложения.

Проблема описания семантики предложения – один из дискуссионных вопросов синтаксической науки. Описывая семантику предложения, исследователь должен принять принципиальное решение по следующим двум вопросам.

1. Следует ли рассматривать семантику как самостоятельный уровень предложения и описывать его отдельно от формальной организации или же исходить из признания неразделимости синтаксической структуры и ее значения и нецелесообразности описания семантической организации предложения в отрыве от его структуры? О взаимосвязи между структурой и семантикой пишет Г.А. Золотова, раскрывая понятие модели предложения: «Элементарные единицы синтаксиса – синтаксемы с предметным и синтаксемы с признаковым значением, вступая в предикативную связь, образуют модель предложения с определенным типовым значением» [6: 104]. Выделенные Г.А. Золотовой основные модели представляют собой определенным образом оформленный предикативный минимум, выражающий то или иное типовое значение: *Сестра шьет; Сестре скучно; Сестра добрая; Сестер три; Сестра – врач* [6: 105].

2. Если исходить из того, что семантическая организация требует описания в качестве одного из уровней предложения, следует решить вопрос об отношении семантики предложения к его формальной организации. Является ли семантическая организация результатом интерпретации синтаксической структуры, одним из ее аспектов, либо речь идет о семантике как о «допредложенческом» уровне, допускающем воплощение в различных синтаксических структурах?

Первый вариант решения этого вопроса мы находим в «Русской грамматике» 1980 г., которая при описании простого предложения опирается на понятие структурной схемы. Здесь выделяются три ступени синтаксической семантики: 1) предикативность как значение, свойственное всем структурным схемам предложения и каждой в отдельности; 2) семантика структурной схемы (например, схема N1 Vf выражает отношение между субъектом и его предикативным признаком); 3) семантическая структура предложения, построенного по определенной структурной схеме. Так, например, и предложение *Мальчик бежит*, и предложение *Мальчик веселится* построены по указанной выше структурной схеме, однако в первом случае выражается отношение между субъектом и его действием (*бежит*), а во втором случае – отношение между субъектом и его процессуальным состоянием (*веселится*). В формировании семантической структуры предложения участвует, таким образом, лексическая семантика слов, занимающих позиции компонентов структурной схемы (а в некоторых случаях и распространителей) [9: 123-124].

Описание семантики предложения в «Русской грамматике» 1980 г. критически оценивается Г.А. Золотовой, которая пишет: «Когда уже нельзя отречься от семантики, ее впускают на чердак, в мезонин, строят двухэтажные, даже пятиэтажные схемы. Но это самообман, иллюзия признания. Ведь у семантики нет средств выражения на другом «уровне», она вся тут, в предложении, в единстве формы и значения» [5: 9].

Второй вариант решения вопроса о соотношении семантической организации и синтаксической структуры представляет концепция А. Мустайоки. Автор различает два уровня лингвистического анализа: семантический и формальный [7: 120]. Исходным пунктом для построения высказывания является определенная ситуация, которая ограничивается говорящим с учетом его коммуникативных потребностей. Образуется «положение дел» – основа семантической структуры. Затем говорящий выбирает языковое выражение семантической структуры, то есть происходит переход от смысла к языковым средствам. Таким образом, семантический уровень получает самостоятельное описание. В частности, выделяются ядерные семантические структуры: физическое действие и деятельность (*Петя открыл окно; Нина отдыхала на юге*), передвижение и локация (*Нина уже пришла домой; Все вещи были уже в сумке*), социальное действие и деятельность (*Мы встретились с гостями у входа в дом; Петя очень нравится учителю*); интеллектуальная деятельность (*Нина все знает; Виктор вспоминает свое детство*); существование (*У нас в доме гости; Вокруг города леса*) и др. [7: 203-204].

Итак, в синтаксической науке представлены различные решения вопроса о том, как понимать семантику предложения и как ее описывать. В связи с вышесказанным перед авторами современных вузовских учебников по синтаксису стоит трудная задача определения того, каким образом должен быть отражен в учебнике соответствующий аспект анализа предложения. Ответ на вопрос о том, должна ли быть представлена в учебнике семантическая организация предложения, кажется, не вызывает сомнений. Однако степень отражения в учебниках семантики предложения, а также содержание соответствующих разделов существенно различается, в том числе по той причине, что тот или иной автор берет за основу определенную модель описания.

Так, в учебнике «Современный русский язык» под ред. Л.А. Новикова есть раздел «Семантика простого предложения», автор которого, Е.Н. Ширяев, опираясь на концепцию Н.Д. Арутюновой, выделяет четыре логико-синтаксических типа предложения: 1) предложения характеристики (*Этот парк очень популярен у горожан*); 2) предложения именованности (*Этот циклон называется Марта*); 3) предложения тождества (*Багровый – это темно-красный*); 4) бытийные предложения (*В этом оперном театре есть хорошие солисты*) [8: 699-701]. Опора на авторитетную концепцию [3] – безусловное право автора учебника; правда, описание семантики предложения не соотносится с представленным в этом же учебнике описанием конструктивно-синтаксического уровня [8: 619-654].

То обстоятельство, что за основу описания семантики предложения берется одна из концепций, может рассматриваться одновременно и как преимущество, и как недостаток. Студент знакомится с одним из подходов к описанию семантической организации, который, по мнению автора учебника, является оптимальным в учебных целях. Автор учебника делает в этом случае сознательный выбор, объясняя, по возможности, преимущества избранной концепции. В то же время студент, читая учебник, не имеет возможности познакомиться с различными подходами и сопоставить их, осознать дискуссионность вопроса о семантической организации предложения. Постановка такого рода «сверхзадач» – это тоже возможный выбор автора учебника, который, не отдавая предпочтения тому или иному подходу, знакомит студентов с различными вариантами решения проблемы и объясняет логику того или иного подхода. Такой принцип лежит в основе описания семантики предложения в подготовленном в СПбГУ учебнике «Синтаксис современного русского языка» [1].

Выходу в свет указанного университетского учебника по синтаксису предшествовал анализ изданной к тому времени учебной литературы и обсуждение первого варианта учебника со специалистами. В учебнике обобщен опыт чтения лекций по курсу «Синтаксис русского языка» Г.Н. Акимовой и ее учеников. Глава «Семантическая организация простого предложения» построена следующим образом. В первых трех параграфах речь идет о различении модуса и диктума, связанного с именем Ш. Балли [4: 43-44], и о специфике модусных и диктумных значений. Выделение модуса и диктума как составляющих предложения – не только важный этап истории изучения синтаксической семантики. Это одно из тех общих положений, которые, на наш взгляд, обязательно должны быть отражены в вузовском учебнике по синтаксису. В последующих параграфах главы кратко характеризуются основные подходы к изучению смысла

предложения: логико-синтаксические типы предложения в концепции Н.Д. Арутюновой, синтаксическая семантика предложения в «Русской грамматике» 1980 г., синтаксическая семантика в концепции Г.А. Золотовой, теория функционального синтаксиса А. Мустайоки.

Обсуждение учебника показало, что глава «Семантическая организация простого предложения» относится к числу наиболее дискуссионных. При этом высказывались порой противоположные замечания. С одной стороны, под сомнение ставилась необходимость такой главы в учебнике по синтаксису. С другой стороны, предлагалось ее расширить и дополнить. Нельзя не согласиться с тем, что указанный выше принцип описания семантики предложения представляет определенные трудности при изучении материала в вузе, требует подготовленной аудитории. Изучение данной темы предполагает самостоятельную работу студентов – изучение источников с последующим обсуждением на семинарских занятиях. Заметим, что наряду с рассматриваемым учебником была опубликована хрестоматия с учебными заданиями, являющаяся частью учебно-методического комплекса по курсу «Синтаксис современного русского языка» [2]. Задания, сопровождающие представленные здесь тексты, призваны способствовать активному усвоению учебного материала. Один из разделов хрестоматии посвящен семантической организации простого предложения.

Мы далеки от мысли, что в указанном выше учебнике представлена оптимальная модель описания того, как синтаксическая наука понимает семантику предложения. Очевидно, что семантическая организация предложения должна найти свое место в вузовском учебнике. Поиск наиболее подходящей модели описания остается актуальной задачей.

Kazakov V.P.

Semantic Organization of the Sentence in Syntactic Science and in Syntax Textbooks

Abstract: The article is devoted to the problem of semantic aspect of the sentence. Various approaches to the study and to the description of syntactic semantics are considered. Attention is given to the problem of presentation of syntactic semantics in syntax textbooks.

Keywords: syntactic structure, semantics, aspects of the sentence, syntax textbook.

Библиография:

1. Акимова Г.Н., Вяткина С.В., Казаков В.П. и др. Синтаксис современного русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / под ред. С.В. Вяткиной. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013.
2. Акимова Г.Н., Вяткина С.В., Казаков В.П. и др. (сост.) Синтаксис современного русского языка: хрестоматия с заданиями / отв. ред. С.В. Вяткина. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013.
3. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976.
4. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. 2-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
5. Золотова Г.А. О традициях и тенденциях в современной грамматической науке // Вопросы русского языкознания. Вып. XII. Традиции и тенденции в современной грамматической науке / под ред. Г.А. Золотовой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005.
6. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / под ред. Г.А. Золотовой. М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998.
7. Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. М.: Языки славянской культуры, 2006.
8. Новиков Л.А., Зубкова Л.Г., Иванов В.В. и др. Современный русский язык: Учебник: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис / под ред. Л.А. Новикова. 3-е изд. СПб: Изд-во «Лань», 2001.
9. Русская грамматика / гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т. 2. М.: Наука, 1980.

Глазунова Ольга Игоревна

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
glazunova@hotmail.com

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация: Субъективный характер категории состояния противостоит объективности грамматического строя языка, но не исчерпывается оценочными значениями. Функция категории состояния сводится к синтезирующему восприятию субъектом множества наиболее важных характеристик и показателей системы и выбору языковой единицы, которая этим показателям соответствует. В этом процессе

находят отражение результаты обобщения объективных данных, полученных на основе органов чувств, и индивидуальных, соотносящихся с личностью отправителя речи.

Ключевые слова: семантика, предикатив, субъект восприятия, оценка, безличное предложение.

Под состоянием обычно понимается осознанная реакция человека на характер существования или функционирования объекта (объектов) в той или иной ситуации. При этом в качестве субъекта состояния может выступать как сам воспринимающий, так и любой другой объект или субъект, обладающий набором характеристик, которые сосуществуют в течение какого-то времени.

Состояние – категория внутренняя, семантическая, а не грамматическая, поэтому вполне естественно, что средства её выражения не могут ограничиваться только одной частью речи, объединяя лексемы разного категориального статуса: прилагательные, существительные, наречия, причастия. С помощью категории состояния выражается оценка самочувствия человека, его настроения или устойчивого впечатления, сложившегося по отношению к положению дел в действительности.

Так как природа эмоций вторична и обусловлена характером протекающих в организме физиологических процессов, основу категориальных значений, связанных с состоянием, составляют физические ощущения человека: *холодно, тепло, больно, душно, жарко, слышно, тошнит, нездоровится* и т.д. Они имеют комплексное значение, выражая сложившееся в сознании человека обобщенное представление о функционировании системы в целом.

По аналогии со значениями, имеющими отношение к физическому состоянию человека, в языке сформировались лексемы, предназначенные для описание внутреннего мира: эмоций (*весело, грустно, спокойно*), квалификационных оценок (*хорошо, плохо*), волевых установок (*надо, необходимо*), морально-этических принципов (*стыдно, жаль, грешно, неправильно*).

Присутствующие в сознании психологические, морально-этические, религиозные, общественно-социальные установки оказывают непосредственное влияние на формирование сложных по своему значению чувств, которые обуславливают существование человека в природе и обществе. Стоит отметить, что категория состояния подразумевает иной тип верификации, чем обычные существующие в языке части речи. Являясь комплексной структурой, она не опирается на данные, полученные непосредственно от органов чувств. Это ментальная категория, которая имеет непосредственное отношение к аналитической работе сознания по обобщению, систематизации и описанию протяженных во времени характеристик какого-либо явления, как внутри человека, так и во внешней среде, а также к исходящим от сознания волевым и модальным импульсам. Например, стыдно может быть тому, кто знает, что в обществе предпринятые им действия вызовут отторжение (ощущение вины возникает по той же причине).

В языкознание категорию состояния ввёл Л.В.Щерба¹⁴. В статье «О частях речи в русском языке» (1928) он писал: «Может быть, мы имеем здесь дело с особой категорией состояния (в вышеприведенных примерах никому и ничему не приписываемого – безличная форма) в отличие от такого же состояния, но представляемого как действие: *нельзя* (в одном из значений) / *запрещается*; *можно* (в одном из значений) / *позволяется*; *становится холодно* / *холодает*; *становится темно* / *темнеет*; *морозно* / *морозит* и т. д. (таких параллелей, однако, не так много)» [4: 90].

Вслед за Л.В.Щербой В.В.Виноградов включил в категорию состояния утратившие склонения и укрепившиеся в позиции сказуемого краткие прилагательные: (быть) *рад, должен, намерен, прав, здоров*; краткие страдательные причастия с ослабленной или полустёртой глагольностью: *взволнован, рассеян, угнетен*; безлично-предикативные слова на -о: *грустно, весело, радостно*, и бывшие существительные: *охота, недосуг* и др., которые ранее относились к категории предикативных наречий [2: 347].

---

¹⁴ Во второй половине XX века чешскими лингвистами параллельно с категорией состояния был введён термин «предикатив» по аналогии с предикативными наречиями, о которых писал Д.Н. Овсяннико-Куликовский в 1912 году.

Споры о том, имеет ли категория состояния право на самостоятельное существование в языкознании, ведутся до сих пор. Не вдаваясь в подробности (они описаны в лингвистической литературе), обратим внимание на принципиальный характер данной проблемы. Деления лексических единиц по частям речи опирается, в первую очередь, на их морфологическое и синтаксическое сходство, и лишь затем – на семантику. Получив в словаре тот или иной статус, оказавшись приписанным к определённому лексико-грамматическому разряду, слово в соответствии с ним начинает «жить» в речи.

Принадлежность группы лексем к одной части речи диктует наличие у них общности морфологического строения и грамматических значений, включая особенности словообразования и синтаксических функций. «Если я напишу: *она его ... рукой*, – писал Л.В.Щерба, – то всякий расшифрует точки как глагол» [4: 80], так как контекст предложения предполагает постановку в этом месте соотносящегося с глаголом действия. Таким образом, при построении речи содержание может превалировать над формальными признаками, которые определяют синтаксическую структуру предложения в целом.

Синтаксическая функция лексемы опирается на принадлежность её к определённому лексико-грамматическому разряду, но этим не ограничивается, так как здравый смысл человека обычно диктует обратный порядок верификации: от смысла – к форме. «Едва ли мы потому считаем *стол, медведь* за существительные, что они склоняются: скорее мы потому их склоняем, что они существительные» [4: 79].

Если обычно использование лексемы в предложении в несвойственной её разряду позиции или переход лексем из одного разряда в другой является, скорее, исключением, так как структура предложения ориентирована на определённые части речи и свойственные им синтаксические функции, то категория состояния объединяет слова по иному признаку: при употреблении их в речи на первом месте стоит не форма, а содержание, исходя из которого к этому разряду относятся слова из разных частей речи.

Комплексность и взаимообусловленность характеристик, составляющих основу состояния, ограниченность их по времени существования, а также основополагающая роль индивидуума в выборе и квалификации исходных признаков и характере их обобщения значительно сокращает шансы этой категории на отображение объективных данных. С другой стороны, состояние является философской категорией. Понятие состояние входит в набор терминов, которые используются для познания объективной реальности. В процессе изучения тех или иных явлений действительности выделяются наиболее характерные или значимые для них фазы существования вещества: механические, тепловые, электрические, магнитные, квантовые.

Исследование данной категории берёт начало в античной философии. Аристотель под состояниями понимал качества, которые следуют линейному принципу развития между полярными значениями: тепло и холод, болезнь и здоровье, «белое и чёрное, сладкое и горькое, тяжесть и лёгкость и всё другое в этом роде» [1: 171]. Таким образом, состояние для него было результатом количественных преобразований внутри какой-то одной семантической категории – температуры, цвета или чего-то другого. И в настоящее время к категории состояния не относятся лексемы, выражающие однокомпонентные качества или свойства (*белый, сладкий, тяжёлый, быстрый*), информация о которых поступает непосредственно от органов чувств. Однако если данные лексемы употребляются в переносном значении (*Тяжело на душе*), то принадлежность их к категории состояния не вызывает сомнений.

Состояние можно рассматривать как пребывание в некотором положении (*она беременна, он был образован*), в определённых условиях существования (*в комнате накурено*), в некоем расположении духа (*на душе радостно*), в ментальной или физической форме (*он умён, меня знобит*) или под воздействием внутренних и внешних обстоятельств – желания/необходимости что-то сделать, склонности к чему-то и т.д.

Даже морфологический состав существительного *со-стояние* предполагает пребывание (стояние) в одних и тех же обстоятельствах вместе с кем-то или чем-то. *Стояния* – ‘нахождение в чём-то’, внутри какой-то позиции, точки зрения, мнения, убеждения или утверждения. Кроме того, одним из значений приставки *с (со)*, как и предлога, является обозначение совместного действия: *собрать соединить, съехаться, сосуществовать; гулять с ребёнком*.

Неслучайно в качестве дополнения к предлогу *с* в предложениях используется наречие *вместе*: *гулять вместе с ребёнком*.

Таким образом, определяющим значением для категории состояния является совместное пребывание в определённых условиях. Эта совместность может касаться взаимодействия разума и чувств (если субъект оценивает своё собственное состояние) или проявления внимания, эмоционального отклика (например со-переживания, со-чувствования) по отношению к другому субъекту, объекту или сложившейся ситуации: *Вечереет; Пора ехать; Недосуг разбираться*.

Образующие категорию состояния лексемы, в целом, опираются на органы чувств, возникая как непосредственная реакция на то, что происходит вокруг человека. Однако в отличие от слов признаковой семантики, которые предназначены для выражения единичных понятийных или ситуативных характеристик предмета, категория состояния имеет комплексный характер и включает целый ряд семантических составляющих.

Если обычное восприятие объекта базируется на операции мысленного расчленения целого (совокупности свойств объекта) и выделении на этой основе одного из его признаков значений (большой, круглый, жёлтый и т.д.), то средства выражения категории состояния образуются с помощью синтеза. Отбрасывая второстепенные, не значительные для данной ситуации, характеристики, сознание выделяет то общее качество или свойство, которое характерно для существования объекта (объектов) в течение какого-то времени (*Мне спокойно*); определяющий признак ситуации (*Вечереет; Моросит*) или указывает на непосредственное отношение субъекта восприятия к ситуации в целом: *Душно; Поздно* и т.д.

Категория состояния часто выражается с помощью безличных конструкций. Действительно, при комплексном, синтетическом, характере восприятия признаков, обуславливающих некое состояние, часто бывает затруднительно или даже невозможно выделить субъект – производителя действия. Например, в предложении *В комнате душно* эксплицитно представлен субъект-носитель состояния (*комната*) и имплицитно – субъект восприятия (тот, кто произносит фразу); но грамматический субъект определить невозможно.

При выражении категории состояния основу обобщённого интегрального признака составляет характер восприятия субъектом ситуации, его отношение к тому, что он описывает. Наличие внутренней оценки со стороны субъекта восприятия составляет основу всех средств, которые входят в состав категории состояния. Эта оценка может производиться по отношению к самому воспринимаемому субъекту или по отношению к окружающему его миру. В отличие от статических, понятийных, характеристик предметов, присутствующих в каждом объекте, принадлежащем к определённому виду, категория состояния включает динамические свойства, которые проявляются при взаимодействии объектов друг с другом.

Субъективный характер категории состояния противостоит объективности грамматического строя языка, но не исчерпывается оценочными значениями. Данная категория включает в себя объективные показатели состояния системы, представленные на синтетическом уровне. Функция категории состояния сводится к синтезирующему преобразованию множества наиболее важных для субъекта характеристик и показателей системы в едином обобщённом акте их восприятия и выбору языковой единицы, которая этим показателям соответствует: если кого-то знобит, значит состояние человека характеризуется повышенной температурой и другими симптомами, позволяющими сделать этот вывод. У категории состояния единство проявляется только на семантическом уровне. В отношении морфологии и синтаксиса средства выражения данной категории весьма разнообразны.

Безусловно, состояние – категория семантическая, а потому все попытки унифицировать её в языке в соответствии с правилами, распространяющимися на части речи, не увенчались успехом. При описании категории состояния Л.В.Щерба выделяет состояние-признак, выраженное кратким прилагательным: *я весел, он грустен*, и «состояние в виде действия», выраженное глаголом: *я веселюсь, он грустит*. Если исходить из семантических критериев, под категорию состояния можно с полным правом подвести не только глагольные и именные сказуемые (*Я думаю; Он спит; Он стал героем*), но и прилагательные (*Он вежливый и внимательный*) и номинативные предложения: *Зима; Любовь; Ожидание праздника* и т.д. В любом случае, если категория состояния опирается на семантику, опору на формальные критерии для её отбора нельзя считать убедительной.

Однако если сопоставить предложения с именными сказуемыми: *Он стал героем. – Он стал инженером*, очевидно, что последнее предложение, в отличие от первого, к категории состояния не относится. Инженер – это профессия, а не состояние души или тела. Аналогично, в предложении *Он справедлив* (в отличие, например, от предложения *Он образован* указывающим на ментальное состояние), категория состояния отсутствует, так как понятие справедливости выступает в качестве результата не внутреннего состояния субъекта, а внешней оценки тех или иных его действий. Таким образом, в зависимости от значения, лексемы составляют средства выражения разных смысловых категорий и формальный подход в этом вопросе не всегда бывает оправдан.

Основное семантическое значение категории состояния – выражение непроцессуального признака. Однако в отличие от прилагательных и наречий средства выражения категории состояния изначально обладает предикативностью, т.е. способны соотносить сообщаемое с действительностью. В словах *сплю, нельзя, стыдно, богат, умна, жаль*, по мнению А.М. Пешковского, «мы ясно ощущаем отдельную мысль, и притом совершенно независимо от того, каким голосом мы их произносим (и произносим ли вообще) или только думаем про себя. Вот этот оттенок в слове, показывающий, что слово соответствует не представлению только, а целой мысли, называется в синтаксисе сказуемостью», или предикативностью, которая выступает в качестве важнейшей из категорий, «так как в ней тесно сцепляются речь с мыслью» [3: 165-166]. Субстантивные модификации категории состояния (*стыд, ум, богатство, жалость*) в позиции главного члена номинативных предложений тоже обладают предикативностью, следовательно, они могут быть отнесены к средствам выражения категории состояния.

Категория состояние в языке создаёт предпосылки для осознания возможности линейных переходов от одного состояния к другому (от грусти к веселью, от печали к радости и т.д.) и формирует представление о значении глагольного вида, который отвечает за характер протекания действия. Действия, как и состояния, могут быть продолженными или повторяющимися во времени.

Состояние напрямую связано с сознанием. Определить своё состояние может только сознающий субъект, одних чувств и ощущений для оформления данной категории недостаточно. Являясь одним из способов осуществления рефлектирующей деятельности сознания, состояние предопределяет способность человека к взаимодействию с внешним миром, итогом которого является создание языка.

К категории *состояния* в языке относятся лексемы, в которых отражаются результаты обобщения внутренних процессов: физических, психических, ментальных, эстетических и т.д., имеющих отношение к сознанию. Таким образом, внесистемная языковая категория – категория состояния – совмещает в себе возможность для выражения как объективных (ориентированных на органы чувств), так и субъективных (ориентированных на субъекта восприятия) значений. Заложенные в основе семантики категории состояния свойства: внутреннее восприятие отправителя речи, обобщённый синтез, процессуальность, предикативность, связаны с формированием в языке целого ряда грамматических категорий.

Так как категория состояния ориентирована на субъекта восприятия, она обязательно включает личностный компонент значения. Состояние – это всегда отношение, субъективная реакция, отсюда возникает возможность для выявления причинно-следственной зависимости возможной реализации категориальных значений не только на уровне объективной реальности, но и с точки зрения личностных ощущений.

Кроме того, состояние выступает в качестве рамки по отношению к бытию, т.е. к тому, что происходит вне сознания человека. А эта внешняя сфера характеризуется наличием как процессуальных признаков, так и событийно-точечных ситуативных значений.

Взаимодействие формы и содержания в языковых структурах отображает общий закон развития, согласно которому окружающий нас мир выступает как результат меняющихся пространственно-временных отношений, в которых пространство выступает в качестве формы, а время, благодаря определяющим его причинно-следственным связям, наделяет окружающую среду содержанием. Связать смысл и форму, выяснить механизмы взаимодействия семантики и грамматики – задача не из лёгких. Однако на практике, т.е. в языке, мы повсеместно наблюдаем результаты этого совмещения.

Glazunova O. I.

On the Category of State in Russian

Abstract: The subjective character of the Category of State in Russian resists to objectivity of the grammatical system, but it isn't settled by the meaning of estimate. The function of the Category of State consists of transforming a great number of the most important characteristics and indicators of the system into the uniform perception of reflecting the results of synthesis of internal processes: objective, focused on sense organs, and subjective, focused on the subject.

Keywords: semantics, predicate, subject of perception, assessment, impersonal sentence.

Библиография:

1. Аристотель. *Сочинения в четырёх томах*. Т. 1. Ред. В.Ф. Асмус. М.: Мысль. 1976.
2. Виноградов В.В. *Русский язык. (Грамматическое учение о слове)*. Под ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. М.: Русский язык. 2001.
3. Пешковский А.М. *Русский синтаксис в научном освещении*. 8 изд., доп. М.: Языки славянской культуры. 2001.
4. Щерба Л.В. *О частях речи в русском языке / Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность*. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС. 2004.

Акопян Ануш Вагановна

Ереванский государственный университет, Армения
hakobyananoush@yahoo.com

КЛАСТЕРИЗАЦИЯ ИМПЛИКАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ОТНОСИТЕЛЬНО ОТРИЦАНИЯ

Аннотация: Взяв за основу имеющиеся в традиционной грамматике две группировки простых предложений относительно отрицания, нами проведены соответствующие классификации сложно-подчиненных двучленных предложений с условным значением относительно отрицания.

Ключевые слова: импlicative высказывание, отрицание, кластеризация, группа, класс.

Среди сложноподчиненных конструкций русского языка определенное место занимают двучленные импlicative языковые высказывания *если А, то В*. В импlicative высказываниях языковых высказываниях компоненты *А* и *В* являются простыми предложениями и, как правило, отличаются друг от друга. Импlicative высказывания характеризуются системой отношений, в формировании смысловой структуры которых могут участвовать различные грамматические средства, выражающие отрицание. В зависимости от наличия или отсутствия негации в составляющих простых предложениях *А* и *В* проведем кластеризацию, т.е. выделим определенные классы импlicative высказываний относительно отрицания. При такой кластеризации мы возьмем за основу уже имеющиеся в традиционной грамматике две следующие группировки простых предложений.

(I) Первая группировка простых предложений относительно отрицания основана на модальности [4: 290], и в результате были выделены три группы простых предложений:

I-1) общеотрицательные, где отрицание распространяется на все предложение в целом;

I-2) частноотрицательные, где отрицается лишь один из семантических компонентов предложения;

I-3) утвердительные, т.е. предложения, в которых утверждается смысл выраженной мысли (они бедны грамматическо-структурными формами выражения).

(II) Вторая группировка простых предложений относительно отрицания основана на различных средствах выражения отрицания и грамматических свойствах составляющих предложение слов [3: 403; 5: 71], в результате чего простые предложения подразделены на следующие три группы:

II-1) собственно отрицательные, где отрицание является обязательным и постоянным элементом передачи информации (без отрицательного элемента не существуют);

II-2) с факультативным отрицанием, где наличие или отсутствие отрицания зависит от характера передаваемой информации (таких в русском языке большинство);

II-3) собственно утвердительные, вообще не принимающие отрицания, где отсутствие отрицания есть утверждение противоположного.

Отметим, что для выделенных группировок **I** и **II** выполняются следующие утверждения:

а) все собственно отрицательные предложения являются общеотрицательными, поскольку отрицание в них находится при сказуемом или главном члене, выражающем предикативный признак, т.е. группа предложений **II-1** входит в группу **I-1**;

б) все собственно утвердительные предложения являются утвердительными, т.е. группа предложений **II-3** входит в группу **I-3**;

в) все частноотрицательные предложения являются предложениями с факультативным отрицанием, т.е. группа предложений **I-2** входит в группу **II-2**;

г) все общеотрицательные предложения группы **I-1**, не являющиеся собственно отрицательными, входят в группу предложений с факультативным отрицанием **II-2**;

д) все утвердительные предложения группы **I-3**, не являющиеся собственно утвердительными, входят в группу предложений с факультативным отрицанием **II-2**.

Итак, взяв за основу выделенные выше две группировки простых предложений, нами проведены две кластеризации языковых имплицативных высказываний относительно отрицания. В каждой из этих кластеризаций были выделены по девять классов, в которые входят все сложноподчиненные двучленные предложения типа *если А, то В*, удовлетворяющие указанным ниже свойствам.

Первая кластеризация I(1 – 9).

I(1) Оба предложения *А* и *В* являются общеотрицательными: *Если он не позвонит ей, то встреча не состоится. Если холода не наступят, то листья не опадут.*

I(2) Придаточное предложение *А* является общеотрицательным, а главное предложение *В* – частноотрицательным: *Если ничего не было видно, то мы могли войти не в ту дверь. Если рано утром не пойдем в лес, то не мы первыми соберем грибы.*

I(3) Придаточное предложение *А* является общеотрицательным, а главное предложение *В* – утвердительным: *Если ночью заморозков не было, то яблоневый сад спасен. Если завтра не пойдет дождь, то мы выйдем погулять.*

I(4) Придаточное предложение *А* является частноотрицательным, а главное предложение *В* – общеотрицательным: *Если лодка причалит не к пристани, то они не смогут сойти на берег. Если он решит не свой вариант, то преподаватель не аттестует его.*

I(5) Оба предложения *А* и *В* являются частноотрицательными: *Если она сядет не на свое место, то не все заметят этого. Если не все вещи были разложены по местам, то и нужная книга лежала не на полке.*

I(6) Придаточное предложение *А* является частноотрицательным, а главное предложение *В* – утвердительным: *Если студенты участвовали в конкурсе не в этом году, то мы можем дать им новые задания. Если не мне делать тебе замечания, то с сегодняшнего дня ты будешь жить самостоятельно.*

I(7) Придаточное предложение *А* является утвердительным, а главное предложение *В* – общеотрицательным: *Если калитку открыли очень тихо, то никто ничего не услышал. Если наступят сумерки, то я не смогу вести машину.*

I(8) Придаточное предложение *А* является утвердительным, а главное предложение *В* – частноотрицательным: *Если на празднике будет очень скучно, то не все гости останутся. Если праздничный концерт состоится, то он запоет не своим голосом.*

I(9) Оба предложения *А* и *В* являются утвердительными: *Если я полюблю тебя, то ты точно об этом узнаешь. Если зазвенели колокола, то служба в церкви уже началась.*

Отметим, что придаточное предложение *А* в классах **I(1, 2, 3)** является общеотрицательным, в классах **I(4, 5, 6)** – частноотрицательным, в классах **I(7, 8, 9)** – утвердительным; главное предложение *В* в классах **I(1, 4, 7)** является общеотрицательным, в классах **I(2, 5, 8)** – частноотрицательным, а в классах **I(3, 6, 9)** – утвердительным.

Вторая кластеризация II(1 – 9).

II(1) Оба предложения *А* и *В* являются собственно отрицательными предложениями: *Если выводов из сложившейся ситуации не было сделано, то друзей у него не осталось. Если денег не появилось, то и счастья не прибавилось.*

П(2) Придаточное предложение *A* является собственно отрицательным, а главное предложение *B* – предложением с факультативным отрицанием: *Если их не переубедить, то я (не) соглашусь с приговором. Если соседей не выселить, то мы (не) отремонтируем квартиру.*

П(3) Придаточное предложение *A* является собственно отрицательным, а главное предложение *B* – собственно утвердительным: *Если улики не было найдено, то как нам дальше быть. Если силой его не остановить, то так ему и надо!*

П(4) Придаточное предложение *A* является предложением с факультативным отрицанием, а главное предложение *B* – собственно отрицательным: *Если он (не) пришел на свидание, то нам этого не понять. Если музыка так и (не) заиграла, то нас там больше на задержать.*

П(5) Оба предложения *A* и *B* являются предложениями с факультативным отрицанием: *Если я сейчас (не) поймаю такси, то они (не) дождутся меня. Если мячик (не) подпрыгнет высоко, то дети (не) смогут продолжить начатую игру.*

П(6) Придаточное предложение *A* является предложением с факультативным отрицанием, а главное предложение *B* – собственно утвердительным: *Если он (не) отдал долг, то и Бог с ним. Если любимая футбольная команда (не) выиграла кубок, то что с них взять!*

П(7) Придаточное предложение *A* является собственно утвердительным, а главное предложение *B* – собственно отрицательным: *Если бы денег, то нет никаких проблем. Если экзамен как экзамен, то нам не выдержать такого испытания!*

П(8) Придаточное предложение *A* является собственно утвердительным, а главное предложение *B* – предложением с факультативным отрицанием: *Если это всем подаркам подарок, то я (не) буду упаковывать его. Если б воды глоток, то я (не) попросил бы большего.*

П(9) Оба предложения *A* и *B* являются собственно утвердительными предложениями: *Если машина как машина, то наш папа водитель так водитель! Если муж как муж, то и жена как жена!*

Заметим, что первое предложение *A* в классах **П(1, 2, 3)** является собственно отрицательным, в классах **П(4, 5, 6)** – с факультативным отрицанием, в классах **П(7, 8, 9)** – собственно утвердительным; второе предложение *B* в классах **П(1, 4, 7)** является собственно отрицательным, в классах **П(2, 5, 8)** – с факультативным отрицанием, в классах **П(3, 6, 9)** – собственно утвердительным.

Таким образом, наличие или отсутствие определенного типа отрицания в обусловливающей и обусловленной частях имплицативных высказываний позволяет выделять их в отдельные классы с общими показателями, играющими важную роль в соотношении высказывания и составляющих его частей с действительностью. Проведенная кластеризация может быть использована для дальнейшего логико-лингвистического анализа рассматриваемых конструкций. Отметим, что ранее нами была проведена группировка бессоюзных условных соединений относительно наличия отрицательной частицы *не* [1] и разработаны некоторые кластеризации имплицативных высказываний по различным формально-содержательным признакам [2].

Накобыан А.В.

Clustering of Implicative Statements with respect to Negation

Abstract: Based on the two groups of simple sentences with respect to negation, available in traditional grammar, we have carried out the appropriate classification of complex two-member sentences with conditional meaning with respect to negation.

Keywords: implicative statement, negation, clustering, group, class .

Библиография:

1. Акопян А.В. *Отрицание в бессоюзном сложном предложении с условно-следственным значением* / Лингвистические исследования. Ереван, Изд. ЕУ, 2002. С. 18-23.
2. Акопян А.В. *Кластеризация имплицативных высказываний по формальным и содержательным признакам* / Вестник Российского университета дружбы народов. Серия – Теория языка. Семиотика. Семантика. Москва, 2014, № 14. С. 57-64.
3. *Русская грамматика*. М., Наука, 1980, Т. II.
4. *Современный русский язык*. Ч. II. Морфология. Синтаксис. Под ред. Галкиной-Федорук Е.М., изд. МГУ, М., 1964.
5. Степанов Ю.С. *Современные связи лингвистики и логики. Категории функции, пропозициональной связки, синтаксического отрицания* // Вопросы языкознания. М., “Наука”, 1973, № 4. С. 62-75.

МИКРОПАРАДИГМА НАЗВАНИЙ ПРИЁМОВ ПИЩИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ВРЕМЕННОГО КОНТИНУУМА

Аннотация: В исследовании систематизированы глаголы, с учетом их денотативно-референциального пространства. Нами выделены экзистенциально-темпоральные, качественно-темпоральные глаголы, глаголы социальной деятельности, проанализированы словообразовательные возможности глаголов со значением времени в образовании суффиксальных и префиксальных единиц, указаны особенности реализации словообразовательных потенций этих глаголов в литературном языке и языке диалектной подсистемы.

Ключевые слова: дериват, глагольная темпорлексема, лексико-семантическое поле времени, функционально-семантическое поле темпоральности, словообразовательное гнездо, подгнездо, словообразовательное значение.

Проблема обогащения словаря является одной из наиболее существенных в контексте определения путей развития языка. Общеизвестно, что деривационным подсистемам современных языков принадлежит ведущая роль в расширении их словарного состава. Достижения современной лингвистики подтверждает продуктивность подхода, основанного на определении деривационной мощности презентантов онтологически и когнитивно значимых категорий. Время, как и пространство, является важнейшей категорией, что объясняет стабильный интерес лингвистов разных поколений (от М.В. Ломоносова до А.В. Бондарко, Ю.С. Маслова) к её всестороннему осмыслению.

В данной работе сосредоточим внимание на микропарадигме названий приемов пищи, соотносимых с темпорлексемами, обозначающими части суток.

С утром соотносится глагол с событийно-темпоральной семантикой, синонимичный глаголу *утренничать*, – слово *завтракать*. Оно мотивировано событийно-темпоральным существительным *завтрак* – «время утреннего принятия пищи; утренняя еда или еда, предшествующая обеду» [1: 315].

Название *завтрак* этимологически связано со словом *утро*, поскольку «образовано от др.-рус. за утра с помощью суф. -ок(ъ), реже – -ык(ъ)» [17, т.1: 314]. Последующая трансформация *за утра* в *завтра* очевидна. Анализируя же наречие *завтра*, М. М. Маковский отмечает, что оно, «вероятно, соотносится с лит. *aušrà* "заря"..., динд. *usras* "утренняя заря", н. *Ost* "восток"; ...ср. также **aues-* "светить" (особенно о рассвете): ср. с ирл. *fair* "восход солнца", кимр. *gwaig* "утренние лучи"» [5: 66].

В XI в. фонетическое оформление глагола *завтракать* более прозрачно отображало его словообразовательную структуру: *заутрока/ти* [9, III: 289]. Давность функционирования данной лексемы подтверждают памятники славянской письменности – Лаврентьевская летопись, Владимирский летописный свод, Повесть временных лет. К XIX в. глагольная единица *завтракать* утвердилась в языковой практике как основной носитель значения «ѣсть что-либо по утрам, до обѣда» [2, I: 564]. Возникает вопрос: как между собой соотносились глаголы *утренничать* и *завтракать*, параллельно функционируя в языке? Безусловно, они должны были отражать различия в особенностях времени принятия пищи, обозначенного словами соответственно *утренник* и *завтрак*.

Глагол *утренничать* фиксируется В. И. Далем в значении «завтракать рано утром; ѣсть натошак» [2, IV: 522], а субстантив *утренник* – в значении «завтрак, закуска». Обе дефиниции позволяют сделать вывод, что утренником называли «закуску». Слово *закуска* в данном случае мотивируется глаголом *закусить* в значении «1. Поесть немного, наскоро» [1: 330], то есть утренник – это была первая еда после ночи («ѣсть натошак»), на заре, на рассвете («рано утром»), когда, видимо, крестьянин вставал для того, чтобы покормить скотину, подоить корову и т.д. Управившись со всеми делами, на что требовалось некоторое время, можно было поесть более основательно, но это уже было «за утром», то есть с наступлением дня (ср. *завтра* – «1. На следующий день (выделено нами – Т.Я.) после сегодняшнего» [1: 315]). В этом отношении показательна и дефиниция к слову *утренничать*: «завтракать утром» [16, IV: 1025], где, видимо, более точным было бы определение «принимать пищу утром», поскольку

слово *завтрак* толкуется как «еда между утренним и обеденным временем» [16, I: 907]. Русский глагол *завтракать* («есть в утренние часы» [1, IV: 321]) не имеет однокоренных параллелей в близкородственных языках: украинский и белорусский глаголы *снідати* [14, Т. 9: 426] и *снедаць* [8: 141] этимологически восходят к слову *еда* и соотносимы с русским глаголом *снестать* – «есть, употреблять в пищу» [13, IV: 366]; «насыщать голод свой» [2, IV: 25]. Они не содержат указания на время совершения указанного действия, в то время как в неблизкородственном немецком языке слово *Frühstück* (завтрак) дословно переводится как «утренний кусок».

Таким образом, в истории русского языка существовало два событийно-темпоральных глагола, обозначавших принятие пищи утром: один – *утренничать* – обозначал, что едят первый раз в этот день (в известном смысле соотносится с англ. (have) breakfast, значение которого «завтракать» подается именно с пометой «натошак» [7: 181]), а второй – *завтракать* – употреблялся, когда надо было указать, что пищу принимают в начале дня (ср. англ. (have) lunch – «завтракать» с пометой (среди дня) [там же] или (have) brunch – «принимать пищу поздним утром вместо завтрака и ланча» [19: 92]).

От слова *завтракать* образуются два кодеривата – глаголы совершенного вида *позавтракать* и *отзавтракать*.

Слово *позавтракать* – нормативная стилистически нейтральная единица современной русской лексической системы: «*Пока позавтракали и уложились – рассвело. Синими переливами играл утренний свет*» (Шолохов). МАС фиксирует его в значении «поесть утром, до обеда; съесть завтрак» [11, III: 236]. Фактически так же это слово определял В. И. Даль: «поѣсть передь обѣдом» [2, III: 224]. Словообразовательным оператором в создании производного является префикс *по-*, который характеризуется как «регулярная и продуктивная, чаще формо-, реже – словообразовательная единица, образующая глаголы совершенного вида со значением конечного предела (в словообразовании) или доведения до результата (в формообразовании) действия, названного мотивирующим словом» [3: 384].

Префиксальный производный глагол *отзавтракать* демонстрирует больший семантический объем, однако оба его ЛСВ стилистически маркированы. МАС характеризует ЛСВ₁ как разговорный, имеющий значение «кончить завтракать» [11, II: 678], то есть по значению он совпадает с глаголом *позавтракать*. В этом случае префикс *от-* реализует свое значение «завершить действие, названное мотивирующим словом» [3: 355]. Близок по значению и ЛСВ₂ (с пометой *устар.*) со значением «принять участие в завтраке; позавтракать» [11, II: 678], однако в этом случае у форманта актуализируется иное деривационное значение: «окончить длительное действие, прекратить его вследствие истощенности» [3: 355].

В значении «обедать» в диалектах используется глагол *дневать*. В этом случае логично продолжается ряд названий приема пищи по времени этого действия: *утренничать* (есть первый раз, немного, как правило, до рассвета или на рассвете), *завтракать* (есть, когда уже рассвело, утро уже не только наступило, но и заканчивается) и *дневать* (= *полудневать*) (время естественного перерыва в работе, поскольку солнце (если это летом) стоит высоко и греет максимально).

Однако в литературном языке закрепилось название *обедать* – «принимать дневную, после завтрака, пищу; есть обед» [12, VIII: 70]; ср. укр. *обідати* [14, V: 503], белор. *абедаць* [8: 331]: «*Обедали на-скорях. Сало и казачья присяга – откидное кислое молоко, привезенное из дому в сумке, – весь обед*» (1 кн., с. 48). Событийно-темпоральный глагол *обедать* мотивирован названием *обед* – «1. Принятие пищи, обычно в середине дня в отличие от завтрака и ужина» [12, VIII: 69]). БТС уточняет: «1. Основной прием пищи...» [1: 664], а также «3. Разг. Время такого приема пищи» (там же).

Русское *обед*, равно как и украинское *обід* (подобные слова есть практически во всех славянских языках), восходит к псл. *obědъ*, образованному с помощью префикса (исторически предлога) *ob-* от глагольной основы *ěd-* «есть» [17, I: 584], а *ěd-ti > *ěsti*. В русском языке корень *ed-* выделяется в существительном *еда* и глаголе *едать* (коллоквиализм, означающий многократное действие). Последнее наблюдение кажется не вполне убедительным при сопоставлении русского *обед / обедать* с украинскими словами *сніданок, снідати* (завтракать), где *сн* – по происхождению предлог *сън*. А.А. Кретов убедительно доказывает, что в

парадигме слов, обозначающих прием пищи в определенное время и само это время, слово *обед* занимало иное место, имея, по сути, значение «завтрак» [4: 69], то есть *обед* = *снeдь* = *снiданок*. Префикс *об* в этом случае синонимичен префиксу *с* (ср. *Идти рука об руку*).

Парадигма названий действий, связанных с суточным приемом пищи, в этом случае расширяется: *утренничать* – *завтракать* – *обедать* – *полудневать* (*дневать*).

В системе русского языка слово *обедать*, по сравнению с глаголом *завтракать*, обладает большим набором производных, уточняющих способ данного действия: *обедать* → *пообедать*, *отообедать*, *прообедать*, *дообедать*.

Производные *пообедать* и *отообедать* полностью соответствуют девербативам *позавтракать* и *отзавтракать*.

Глагол *пообедать* употребляется в значении «съесть обед, принять пищу в обед» [1: 919]: «Они пообедали у известной в городке бригадирской вдовы-поварихи» /Паустовский/.

Производное *отообедать* имеет два значения: «1. Кончить обедать. 2. Принять участие в обеде; пообедать» [1: 754].

При интегративном подходе к пониманию способов глагольного действия ЛСВ₁ относится к результативному способу, что при дифференцирующем подходе позволяет рассматривать его как аспектную пару глагола *обедать*, то есть его видовую форму: «Сергей Иванович давно уже отообедал и пил воду с лимоном и льдом» /Л. Толстой/. ЛСВ₂ в этом случае характеризуется как финитивный СГД, то есть имеет место акциональная пара как результат словообразования: «Я прошу вас и ваших дочек отообедать у меня по-приятельски» /Пушкин/.

То, что слово *обед*, равно как и другие слова, обозначающие прием пищи, номинируют событие, которое происходит в течение определенного временного отрезка, позволяет предположить возможность образования от этих слов акциональных пар временного типа СГД.

Дериват *прообедать* представлен в лексической системе русского диалектного языка в значении «прообъдать цѣлых три часа, просидѣть за обѣдом // прообѣдался, проѣлъ состоянье, разорился обѣдами» [2, III: 501]. Данное производное в невозвратной форме относится к терминативным глаголам специально-результативного способа действия и эксплицирует общее значение «завершенность действия, продолжавшегося какое-то время» [6, I: 601]. В литературном словаре данная единица отсутствует, но отсутствие ее значимо, то есть имеет место лакуна.

Дериватор *про-* является многозначным, и в глаголе *прообедать* при его переносном употреблении он реализует себя как «регулярная и продуктивная словообразовательная единица, образующая глаголы совершенного вида со значением: истратить, израсходовать что-либо на действие, названное мотивирующим словом, например, *проесть*, *прожить*, *проспать*» [3: 423]. В семантической структуре глагола *прообедать* в этом случае происходит рокировка сем, в результате чего периферийные семы становятся ядерными и, следовательно, требуют экспликации, что находит выражение в производном *прообедаться*.

Это слово допускает множественность мотивации, позволяющей рассматривать его как кодериват глагола *прообедать*, образованный префиксально-постфиксальным способом. В этом случае словообразовательный оператор *про-+ся* – «достаточно регулярная и в разговорной речи продуктивная словообразовательная единица, образующая непереходные глаголы совершенного вида со значением: причинить себе ущерб ошибочным или невольным совершением действия, которое названо мотивирующим глаголом» [3: 424] – и является экспликатором перемещенной семы в слове *обедать*. Исходя из толкования В. И. Далека слова *прообедать* («проѣлъ состоянье, разорился обѣдами» [2, III: 501]), эта сема – ‘стоит денег’. Вспомним уточнение в БТС дефиниции слова *обед*: «1. Основной прием пищи...» [1: 664], то есть в этот прием пищи ее больше, она более разнообразная и уже в силу даже только этого более дорогая. Кроме того, в описываемый лексикографом период состоятельные люди имели обыкновение приглашать на обеды достаточно много гостей, и, наконец, обед отнимает больше (по сравнению, например, с завтраком) времени, нужного, в том числе, на продуктивную деятельность, направленную на получение прибыли.

В девербативе *дообедать* – «окончить обед» [1: 275] – детерминантом является префикс *до-*. В исходном мотиваторе, имеется в виду слово *обед* (не случайно даже словарное толко-

вание построено на отсыле именно к существительному *обед*, а не к глаголу *обедать*), ядерной является сема 'событие', наличие которой, предполагает расчлененность на начало, середину и конец. Действие, связанное с началом такого события, в русском языке не имеет специального названия. «Середина» номинируется глаголом *обедать*, а завершение – словом *дообедать*, в котором «значение достижения результата осложнено значением завершенности, законченности, доведения действия до его конечной фазы» [6, I: 601]: *«Мы позволяли себе опаздывать, приходило ко второму блюду, ... вставать не дообедав и тому подобные вольности»* /Л. Толстой/; ср. укр. *дообідати* – «закінчити обідати» [14, II: 368].

Из событийно-темпоральных глаголов, соотносимых с понятием «вечер» по названию приема пищи в это время, в современном русском языке представлены нормативный глагол *ужинать* и разговорный *вечерять*.

Глагол *ужинать* образуется от мотивирующего его слова *ужин*, у которого есть несколько значений: «1. Вечерняя еда, последний прием пищи перед ночным сном. 2. Пища, предназначенная для вечерней еды. 3. Вечерний прием гостей с угощением» [1: 1377]. Фактически только от ЛСВ2 и ЛСВ3 может быть образован глагол *ужинать*, поскольку ЛСВ1 по сути является процессуальным существительным типа *ужинанье*, приводимое В. И. Далем [2, IV: 478]. Словарное определение глагола *ужинать* подтверждает это: «1. Есть вечером, съедать ужин (2 зн.). 2. Принимать участие в званом ужине» [1: 1377]. У слова *ужин* (ЛСВ1) в истории язык были синонимы *вечерение* и *вечерюе*.

В отношении этимологии слово *ужин* неоднозначно. П. Я. Черных отмечает, что «обычно рассматривают (впервые – Желтов, 1876 г.) это слово как произв. от о.-с. * *jugъ* > рус. юг. Ср. др.-рус. *угъ* – «юг», «полдень» [15, III: 1141]). Старшее знач. – «принятие пищи в полдень». Ср. общерус. *полдник* – первоначально «еда в полдень». Впоследствии значения этих слов сместились: *полдник* получило значение «еда между обедом и ужином» (в говорах *паобед* – [2, III: 16]), а *ужин* – современное значение» [17, II: 286].

А.А. Кретов полагает, что «имеются веские основания усомниться в традиционной этимологии, производящей слово *ужин* от слова *юг*» [4: 69]. Исследователь рассматривает существительное *ужин* в акцентологическом варианте *ужѣн* как отглагольное от *ужинать*, считая, что «в словообразовательном отношении *ужин* сближается с *у-лов*, *у-дой*, *у-кос*, *у-молот*. Учитывая тесную связь со срезанием злаков, можно предположить, что первоначально имелось в виду подведение дневных итогов не только охоты (мужчины), но и собирательства (женщины) с дележом добытого между членами племени» [там же]. Этимологическая версия исследователя «предполагает глубокую праиндоевропейскую древность слова, ибо отражает отношения первобытнообщинного строя», а «сближение со словом *юг* возможно только как позднейший народно-этимологический процесс» [4: 68].

Мы не ставим целью настоящего исследования включение в дискуссию по поводу этимологии рассматриваемого слова, отметим лишь, что «в других славянских языках значение „ужин“ выражается словом *вечеря*» [17, II: 286] в соответствующем каждому языку фонетическом оформлении. В русском языке с XII в. также фиксируется слово *вечеря*, а кроме того, *вечерняя*. При этом для обозначения процесса принятия пищи вечером, то есть *вечери*, использовались глаголы *вечеревати/вечеровати* («ужинать; совершать вечернюю трапезу, пиришествовать» [10, вып. 2: 130] и *вечеряти* (у последнего был дериват *вечеря-ние*).

В литературном русском языке употребляется только форма *вечеря*, которая словарями определяется как устаревшее слово в значении «вечерний приём пищи; ужин» [1: 123] и используется, как правило, в устойчивом сочетании *Тайная вечеря*: «В христианской религии: последний ужин Иисуса Христа с апостолами, на котором было установлено таинство причащения» (там же). Однако в народно-разговорной речи глагол *вечерять* по-прежнему употребляется в значении «ужинать» [1: 123].

От глагола *вечерять* образуется несколько производных, конкретизирующих способ данного действия, это *девербативы* *повечерять*, *обвечеряти*, *подвечерять*. От последнего глагола образуется *девербатив* *под-вечеривать*.

Глагол *повечерять* образует коррелятивную по виду пару с глаголом *вечерять*, то есть префикс *по-* указывает на «доведение до результата действия, названного мотивирующим словом» [3: 384].

Словообразовательная и лексическая семантика глагола *подвечер'ять* де-терминированы словообразовательным оператором под-, имеющим деривационное значение: «с незначительной интенсивностью, в ограниченных размерах совершить действие, названное мотивирующим словом» [3: 396].

В украинском языке в сходном значении употребляется глагол *підвечерювати*, *підвечеряти* – «легко, нашвидкуруч, вечеряти» [14, VI: 403], который функционирует наряду с десубстантивом *підвечіркувати* – «істи підвечірок» [14, VI: 404]: «Під вечір косарі почали підвечіркувати» /Нечуй-Левицький/.

Таким образом, можно утверждать, что объективация языковой практики, подтвержденная выборкой из словарей русского литературного и диалектного словоупотребления, позволяет определить микропарадигму названий приёмов пищи, мотивированных номинациями времени их употребления.

Yaremenko T. G.

Microparadigm of the Names of Meals as a Reflection of time Continuum.

Abstract: The research classifies verbs taking into consideration their denotative – referential space. Existential – temporal, qualitative – temporal verbs, verbs of social activity are selected. Derivational – possibilities of the verbs with time meaning in the formation of suffix and prefix units building are analyzed, special features of word – formulation potency implementation of these verbs in literary language and the language of a dialect subsystem are pointed out.

Keywords: derivative, verbal temporal lexeme, lexical – semantic field of time, functional – semantic field of temporality, derivational family, subfamily, derivational meaning.

Библиография:

1. Большой толковый словарь русского языка. / [гл. ред. С.А. Кузнецов]. – СПб.: Норинт, 2003. – 1536 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. – М.: Рус. яз., 1981-1982.
3. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка / Т.Ф. Ефремова. – 2-е изд., испр. – М.: АСТ: Астрель, 2005. – 636 с.
4. Кретов А.А. Из славянских этимологий: ужинать, ужин / А. А. Кретов // Вестник ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2003. – № 1. – С. 68-70.
5. Маковский М.М. Удивительный мир слов и значений: Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике: учебное пособие. Изд. 2-е, стереотипное / Марк Михайлович Маковский. – М.: КомКнига, 2005. – 200 с.
6. Русская грамматика: В 2 т. – Т. 1. – М.: Наука, 1980. – 783 с.
7. Русско-английский словарь: Ок. 55000 слов. С приложением кратких сведений по английской грамматике и орфоэпии, сост. А.И. Смирницкий. – 16 изд., испр. [под ред. О.С. Ахмановой]. – М.: Рус. яз., 1992. – 768 с.
8. Русско-белорусский словарь / [под ред. Я. Коласа, К. Крапивы, П. Глебки]. – Гос. изд. иностранных и нац. словарей. – М., 1953.
9. Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.). В 10 т. /АН СССР, Ин-т рус. яз.; [И.В. Андрианова и др.]; [гл. ред. Рубен Иванович Аванесов]. – М.: Рус. яз., 1988.
10. Словарь русского языка XI-XVII вв. / [ред. Г.А. Богатова]. – М.: Наука, 1975-1991. – Вып. 1-17.
11. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; [под ред. А.П. Евгеньевой]. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1981-1984.
12. Словарь современного русского литературного языка: В 17-ти томах. – М.: Изд-во АН СССР, Ин-т рус. яз., 1948-1965.
13. Словарь церковнославянского и русского языка / [сост. II-м отделением Импер. Акад. наук: Изд. 2-е]. – СПб., 1867–1868. – Т. 1-3.
14. Словник української мови в 11-ти тт. – К.: Наук. думка, 1970–1980. – Т. 1-11.
15. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка: В 3 т. / [предисл. Т.А. Богатовой]. – М.: Книга, 1989.
16. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / [под ред. Д.Н. Ушакова]. – М.: Сов. энциклопедия, 1935-1940.
17. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – М.: Русский язык, 1993. – Т. 1-2.
18. Шевчук С.В. Назви місяців у російській та українській мовах / С. В. Шевчук // Культура слова. – Вип. 16. – К.: Наук. думка, 1979. – С. 32-40.
19. Dictionary of Contemporary English /The living /New edition /Longman, 2003 – 1950 s.

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Л. БУЛАХОВСКОГО

Аннотация: В статье анализируется одно из направлений (лингводидактическое) научных поисков выдающегося украинского ученого Л.А. Булаховского. Исследуются работы языковеда, в которых освещается вопрос методики преподавания языков как отдельной дисциплины, рассматривается научная концепция преподавания языков в учебных заведениях разного типа. Изучаются взгляды на проблему параллельного изучения языков – родного и неродного, которое базируется на использовании приёмов сопоставления и противопоставления языковых явлений.

Ключевые слова: Л. Булаховский, Харьковская филологическая школа, лингводидактика, методика, компаративистский подход.

На межі тисячоліть в Україні активізувалися різні напрями лінгводидактичних досліджень, що пов'язано із розширенням сфери використання мови як засобу пізнання й засобу комунікації. Зважаючи на це, вивчення всіх мовних явищ підпорядковується поглибленню знання рідної мови, ефективному користуванню нею, досягненню результатів спілкування, що й складає завдання лінгводидактики. Науковці окреслюють лінгводидактику як функціональну частину методики, “в якій досліджуються закономірності засвоєння мови, розв'язуються питання змісту курсу на основі лінгвістичних досліджень, вивчаються труднощі засвоєння мовного матеріалу та їх причини, визначаються принципи і методи навчання, шляхи і засоби формування комунікативної компетенції» [9: 7]. Українська лінгводидактика – наука, що досліджує зміст, форми, принципи, способи і засоби навчання української мови як рідної та як державної [8: 123]. Українська лінгводидактика започаткована нещодавно, однак мистецтво навчання мов в Україні має глибокі й багаті традиції, які варто вивчати й сьогодні. Значною мірою ці традиції пов'язані з Харківською філологічною школою [ХФШ] – першою науковою лінгвістичною школою в Російській імперії – та її представниками [І Срезневський, О. Потебня, М. Сумцов, Д. Овсяннико-Куликовський, О. Горнфельд, В. Харциев, Б. Лезін, Т. Райнов та ін.]. Її натхненник О. Потебня, учені ХФШ зосереджували увагу на проблемі походження українського народу та його мови, визначенні вихідних рис української мови, її взаємодії зі спорідненими мовами. На початку ХХ ст. активізовано практичний аспект мовознавчих досліджень, реалізований у працях Л. Булаховського, О. Курило, О. Синявського, М. Сулими, О. Фінкеля та ін.

Леонід Арсенійович Булаховський – український і російський мовознавець, учений-славист, педагог, видатний представник Харківської філологічної школи ХХ ст. Багатогранну лінгвістичну й науково-методичну спадщину вченого досліджують науковці: Л. Березовська, Й. Багмут, Л. Дядюшка, М. Карпенко, Л. Король, Л. Лисиченко, Т. Лисиченко, К. Лісковацька, Т. Лукінова, Г. Мацюк, Ю. Митникова, Т. Путій, Т. Фролова, Л. Черкун, В. Ярмак та ін. Мовознавці відзначають, що саме «Харківська лінгвістична школа, вплив О.О. Шахматова виховали Л. Булаховського як лінгвіста-славіста широкого профілю» [2: 6].

Життєвий шлях, науково-педагогічна діяльність ученого пов'язані з Харковом, з Харківським університетом, історико-філологічний факультет якого на початку ХХ ст. «являв собою один із передових і найсильніших університетських лінгвістичних центрів Росії, здатних дати широку лінгвістичну освіту» [2: 5]. Після закінчення університету Л. Булаховський набуває педагогічного досвіду спочатку в гімназії, а згодом – на посаді приват-доцента Харківського університету. З великою теплотою і сердечністю згадують свого Вчителя його не менш видатні учні, що є свідченням педагогічної зрілості й викладацької майстерності Л. Булаховського. Академік І. Білодід визначає такі риси Булаховського-педагога, як натхнення й самовідданість: «Л. Булаховський працює у Харкові викладачем робітфаку, різних курсів, в Університеті, з натхненням навчаючи мови і літератури молодих робітників..., які з величезною пристрасстю і завзяттям почали оволодівати наукою. ... Мовознавчій науці й викладацькій діяльності Л.А. Булаховський присвятив майже 50 років життя, розробляючи наукові проблеми в різних галузях мовознавства і виховуючи молоді кадри» [1: 4].

Т. Лукінова відзначає високі духовні якості вченого: «Для мене Л.А. Булаховський був не тільки директором установи, у якій я працювала й працюю. Він мій учитель і в Київському університеті, де викладав історію чеської мови (знайомлячи з азами порівняльно-історичного вивчення мовних фактів), керував усіма моїми курсовими роботами й дипломним дослідженням – тобто визначав, по суті, моє студентське життя й входження в науку. Л.А. Булаховський був дуже добрим і уважним учителем, його похвала надихала й стимулювала на подальшу роботу ...Один із небагатьох учених старого гарту, професор з дореволюційним стажем, чудом уцілілий у роки репресій, Л.А. Булаховський відіграв велику роль у розвитку вітчизняного мовознавства і в піднесенні грамотності, мовної культури в Україні. За його підручниками й посібниками вчилися кілька поколінь студентів вищих навчальних закладів, що потім стали вчителями української й російської мов. Як найавторитетніший учений України, він протягом багатьох років визначав напрями досліджень з мовознавства, теми багатьох кандидатських і докторських дисертацій. Він є автором проекту «Українського правопису», затвердженого в 1946 р.» [6: 57-58].

Як слушно зауважують учені, «У той час, коли жив і працював Л. А. Булаховський, методиці викладання мов не приділялася належна увага, вона була лише ділянкою поверхових узагальнень досвіду середньої школи, не кажучи вже про те, що теорія цієї науки була мало розробленою й потребувала вдосконалення, в тому числі й в експериментальному плані» [10: 241], однак напрацювання мовознавця в цій сфері заклали міцну основу для створення української лінгводидактики як науки.

У праці «Значення мовознавства» Л.А. Булаховський обґрунтовує необхідність методики викладання як окремої науки: «Мовознавство не належить до тих наук, практична користь яких всім зрозуміла і зовсім або майже зовсім не потребує доказів. ...Практичне значення науки про мову не потребує докладного обґрунтування насамперед щодо основної її мети – служити широкому виявленню фактів окремих мов, що, як усім відомо, відіграють величезну культурну роль у житті народів, – їх систематизації, врегулюванню, застосуванню, потрібному виплеканню відповідно до найрізноманітніших проблем життя. Стихійне користування навіть рідною мовою не може забезпечити народам ні належної точності, ні великої гнучкості мови, яку їм доводиться вживати на різних ділянках їхньої діяльності та спілкування... Ще більше, звичайно, потрібна допомога організованої науки для засвоєння чужих мов, опанування якими вимагає витонченого інтелектуального інструменту саме наукового характеру» [6: 5-6].

Учений обґрунтовує необхідність виокремлення як окремої ділянки мовознавства методики викладання мов, оскільки вона «практично довго була в нашій школі ділянкою поверхових узагальнень досвіду елементарної школи (початкової і середньої) із зовсім мало і неглибоко розробленою теорією, з дуже мало застосовуваним експериментом... Із спеціальних галузей роботи над методикою викладання мови годиться зазначити, крім питань, звичайно панівних серед відповідної продукції, – питань, що стосуються найдосконалішого та найлегшого опанування рідною мовою в початковій і середній школі, – коло питань, скерованих на засвоєння чужих мов» [5: 91].

Початок науково-практичної діяльності вченого припадає на 20-ті роки. У цей період розпочався інтенсивний розвиток української літературної мови в нових умовах: засновано «Інститут української наукової мови» Всеукраїнської академії наук (1921), який спочатку було зосереджено у Харкові, створено кафедри української та інших мов у вищих навчальних закладах, що сприяло активізації мовознавчих досліджень. У 20 – 30-ті рр. Л. Булаховський багато уваги приділяв проблемам методики викладання російської та української мов у середній школі й вищих навчальних закладах. Велика за обсягом науково-педагогічна спадщина вченого харківського періоду: статті, лекції, програми, методичні розробки: «Грамматика в новій школі» (1926), «Кілька уваг до програми рідної мови для 2-го концентру шкіл соцвиху» (1926), «Лінгвістика на факультеті профосу ІНО» (1926), «Методичні уваги для учителя старшого концентру трудшколи» (1927, у співавторстві з О. Білецьким), «Наголос. Лекція X для вчителів старшого концентру трудшколи. V, VI, VII роки навчання» (1927, у співавторстві з О. Білецьким). Ці праці, в основному, присвячені майстерності вчителя, питанням розвитку мови дітей. Учений брав участь у написанні підручників для середньої й

вищої школи, для системи заочного навчання учителів: «Українська мова. Підручник для старшого концентру трудових шкіл» (1927).

Свого часу був відомий підручник Л. Булаховського з української мови для трудових шкіл. V, VI, VII роки навчання (у співавторстві з О.І. Білецьким та іншими авторами; вийшов двома виданнями – в 1927 і 1928 рр.). Деякі підручники виходили за редакцією Л.А. Булаховського: Підвищений курс української мови. Лекції. – Х., 1929; Загальний курс української мови. Лекції. – Х., 1929–1930; Курс української мови для службовців. Лекції. – Х., 1930 – та ін. Учений виступав також рецензентом праць відомих дослідників і викладачів: Йогансен М. Украинский язык. – К., 1923 // Шлях освіти, 1923. – № 11–12; Синявський О. Короткий нарис української мови. – Х., 1918 // Шлях освіти, 1923. – № 6; Наконечний М. Українська мова. Програма-конспект. – Х., 1928 // Шлях освіти, 1928. – № 11.

Заслужують на увагу видані за редакцією і участю Л. Булаховського «Підвищений курс української мови» (1931), «Загальний курс української мови» (1929–1930), та ін., які поряд із працею О. Синявського «Норми української літературної мови» (1936) створили на той час ґрунтовну основу університетської освіти для викладачів української мови і мовознавчої славістики.

Наукова концепція Л. Булаховського щодо методики навчання мови, викладання мовних дисциплін обумовлювалася його розумінням літературної мови як високого історично-культурного надбання, важливого чинника розвитку культурно-освітнього життя суспільства. Учений вважав, що середовище не завжди може бути для учня школи джерелом оволодіння досконалою літературною мовою. Володіти літературною мовою повинна навчити школа і навчити добре, що школа не може випускати у світ своїх вихованців беззбройними щодо володіння мовою.

Мовознавець не визнавав формального заучування граматичних правил. Головне при вивченні граматики полягає в тому, підкреслював він, щоб розкрити зміст, функцію граматичного правила в мовному акті, в процесі мовлення і потребу в його знанні. Л. Булаховський надавав великого значення методичній організації різного характеру вправ у постановці мовної практики – усної і писемної (для орфоепії, виразного читання, збагачення словника, словозміни і слововживання, побудови фрази та ін.). Для цих вправ слід добирати цікавий матеріал, а це значить, що вчитель повинен знати кращі зразки слова, вміти майстерно дібрати із писемних і усних джерел такі зразки, які «гнали б» і самі вносили певне граматичне правило в свідомість і душу учня (звичайно, це не зменшує ваги вивчення правил з підручника).

Цікавими є погляди вченого щодо паралельного вивчення мов у ситуації двомовності, висловлені у статті «Порівняльне вивчення української і російської мов» (1924), підручнику «Учебник русского языка для школы с украинским языком преподавания» (1930). Мовознавець рекомендував вивчати нерідну російську мову на рівні теоретичних узагальнень, а не дублювання початкового курсу російської мови для учнів російських шкіл [4]. Л. Булаховський стверджував, що перехід з однієї мови на іншу має кілька наслідків, найістотнішим з яких є пристосування елементів однієї лінгвістичної системи до іншої. На думку дослідника, для успішного вивчення споріднених мов необхідно не тільки враховувати специфіку кожного з них, але й не забувати про головний принцип, який полягає у тому, що засвоєння системи близькоспорідненої мови базується на системі рідної мови, оскільки в умовах двомовності у свідомості постійно відбувається подвійна робота – порівняння й віднаходження відмінностей. Так, паралельне вивчення російської та української орфографії вимагає обов'язкового використання прийомів зіставлення при збігу правил і прийомів протиставлення при оволодінні орфографічними нормами, які частково або повністю відрізняються. Л. Булаховський стверджує, що необхідно уникати хибних асоціацій, а кращий спосіб для цього – акцент на відмінностях, наприклад: укр. береш, несеш – рос. берёшь, несёшь; рос. утерян, купленный – укр. загублений, куплений [3].

Мовознавець вважав, що, працюючи над лексикою, варто порівнювати матеріал двох мов. Л. Булаховський звертає увагу на доцільність виконання вправ на переклад, які сприяють виробленню умінь та навичок використовувати мовне багатство, уникаючи копіювання при механічному перекладі. Вивчаючи морфологію, варто, на думку вченого, акцентувати увагу

на тих особливостях, які зумовлені впливом граматичної аналогії, де розбіжності не є наслідком фонетичних відмінностей. Місце і значення інтерференції і транспозиції при вивченні двох мов залежать не лише від співвідношення систем рідної та досліджуваної мов, а й від рівня знання рідної мови.

Упродовж усієї своєї наукової і науково-педагогічної діяльності академік Л. Булаховський акцентував увагу на проблемах методики викладання російської та української мов у середній школі й вищих початкових закладах. Погляди вченого щодо методики як окремої науки та методики вивчення мов сприяли розвитку цієї галузі мовознавства. Актуальною є концепція викладання мовних дисциплін, що ґрунтується на засвоєнні літературної мови. Науково-практичне значення має компаративний підхід до вивчення мов у ситуації двомовності.

Cheremka O. S.

L. Bulakhovskyi's Linguodidactic Views

Abstract: The article analyzes one of scientific research directions (linguodidactic) of outstanding Ukrainian scientist L.A. Bulakhovskyi. The linguist's works, which highlight the issue of language teaching methodology as a discipline are explored, the scientific concept of language teaching in educational institutions of different types the considered. Views on the problem of parallel language learning – native and non-native, that is based on the use of methods of comparison and contrast of linguistic phenomena are studied.

Keywords: L. Bulakhovskyi, Kharkiv philological school, linguodidactics, methodology, comparative approach.

Бібліографія:

1. Білодід І. К. Наукова діяльність Л. А. Булаховського // Леонід Арсенійович Булаховський (До 70-річчя з дня народження і 50-річчя наукової і науково-педагогічної діяльності) – К., 1958. – С. 3-13.
2. Білодід І.К., Лукінова Т.Б. Леонід Арсенійович Булаховський / Булаховський Л.А. Нариси з загального мовознавства. Серія друга. Вибрані праці: В 5-ти т. Т.1. Загальне мовознавство. – К., 1975. – С. 5-25.
3. Булаховський Л. Учебник русского языка для школы с украинским языком преподавания. Учебник для трудовой школы. Второй концентр. V год обучения / Л. Булаховский, А. Феоктистов, А. Финкель. – Х., 1930.
4. Булаховський Л. А. Порівняльне вивчення української і російської мов // Шлях освіти. – 1924. – № 11-12. – С. 74-85.
5. Булаховський Л.А. Нариси з загального мовознавства. Серія друга. Вибрані праці: В 5-ти т. – Т. 1. Загальне мовознавство. – К., 1975.
6. Булаховський Л. А. Значення мовознавства. – К., 1962.
7. Лукінова Т.Б. Так це було... (Інститут мовознавства в повоєнні роки й пізніше) // Мовознавство, 2010, № 4-5. – С. 56-65.
8. Пентилюк М. Розвиток української лінгводидактики в контексті державного стандарту базової і повної освіти в Україні / Вісник Львів. ун-ту. – Серія філол, 2010. – Вип. 50. С.123-130.
9. Методика навчання української мови в середніх освітніх закладах / За ред. І. М. Пентилюк. К., 2009.
10. Ярмач В. І. Питання методики викладання мови та теорії перекладу в науковій спадщині академіка Л.А. Булаховського у контексті актуальних проблем сьогодення // Компаративні дослідження слов'янських мов і літератур. 2009. Випуск 10. – С. 239-249.

Акперов Гашим_Лалахан оглы

Ленкоранский государственный университет, г. Ленкорань, Азербайджан
hashimakbarov@gmail.com

РЕЛЯТИВНАЯ СИНТАГМА В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ

Аннотация: В русской лингвистической школе XX века релятивная синтагма получила описание в общих разделах синтагматики и комбинаторики. Синтагматика и комбинаторика ориентированы на реализацию двух основных функций языка: коммуникативной и когнитивной. Структурная лингвистика русского языка формировалась на основе кибернетики и математики. Русская синтаксическая наука в середине XX в. изучала «статический», зарубежная лингвистика изучала «динамический» синтаксис. Исследования русских учёных подготовили почву для открытий Ф. де Соссюра. С момента открытия им «синтагматических ассоциативных» отношений языковых единиц значимость изучения линейных связей в языке признавалась представителями русской лингвистики и зарубежных лингвистических школ XX века.

Ключевые слова: структурная лингвистика, комбинаторика, релятивная синтагма.

Вопрос о релятивной синтагме в русской лингвистике связан с формированием языкознания как самостоятельной науки. Он не выделялся в отдельную область исследования, а определялся как проблема сочетаемости словосочетаний на разных уровнях разделов грамматики. В период выделения лингвистики в самостоятельную область происходило размежевание между исследованием сочетаемости в риторике, теологии, философии. Известно, что многие аспекты языка и сегодня исследуются на интегрированном уровне, что затрудняет определение конкретного раздела грамматики в автономную область исследования. Аналогичные процессы происходят и в азербайджанской лингвистике. Развитие национальных языков сопоставимо с языковой картиной мира, предопределено темпами этого развития. В русской лингвистической школе XX века релятивная синтагма получила описание в общих разделах синтагматики и комбинаторики, наиболее интенсивно развивающихся сегодня разделах лингвистики. Синтагматика и комбинаторика направлены на реализацию двух основных функций языка: коммуникативную и когнитивную. Не случайно предпосылки появления науки о связях языковых знаков соотнесены с изучением языка и речи. Предпосылки зарождения синтагматики в русской лингвистике возникли еще в давние времена. Уже в 17-18 веках русские языковеды ставили задачи о сочетаемости. Совершенствование этого учения стало одной из задач синтагматики, которая выделилась из синтаксиса в самостоятельную теоретическую дисциплину.

Историко-типологический обзор проблемы показал, что в истории досоветского учения о сочетаемости выделяют пять периодов, характеризующихся разными подходами к осмыслению природы и функционирования языковых единиц. В то время «сочинение слов» рассматривалось преимущественно в рамках синтаксиса. **Релятивистская теория языка** в русской лингвистике основывалась на общенаучных подходах и зачастую зависела от политических тенденций, которые мешали ее развитию. Только с 90х годов XX века русские лингвисты получили возможность разрабатывать эту теорию, восстанавливать имеющиеся в данной области исследования, которые отрицала официальная наука. Исследование релятивной теории сегодня переживает такие же изменения, как и другие области языкознания в период реорганизации и освобождения от идеологического диктата. Грамматический строй русского языка представляет собой определенную систему отношений, релятивные словосочетания являются частью этой общей системы. В XXI веке усложнились все сферы жизни, которые повлияли и на изменение аналитических форм речи, установившиеся языковые нормы становятся более разнообразными, аналогичные процессы наблюдаются в отношении к релятивным синтагмам. Синтагма в русском языке опирается на традиционные исследования ее природы в работах Л.В.Щербы, В.Виноградова, С.П.Боброва, А.Н.Гвоздева, а также на теоретические аспекты определения синтагмы, которые разработали западные лингвисты. Ф. де Соссюр предлагает формулу синтагмы: T+ T1, T - стержневое слово, T1-зависимое; таким образом формула показывает, что нет резкого противопоставления ее составляющих.

Несмотря на многочисленные работы по данной языковой проблеме в настоящее время существует противоречивое отношение к ее определению, как в германистике, так и в русских лингвистических теориях. Так, Щерба подчеркивает семантические, фонетические и синтаксические признаки синтагмы. При этом определяет два подхода по отношению к синтаксису: активный и пассивный. Активный синтаксис, по его классификации, занимается исследованием коммуникативных единиц, пассивный же изучает словосочетания в их реальном употреблении; какую функцию они выполняют с точки зрения порядка слов, фразового ударения, интонационной нагрузки в цепи синтаксического членения предложения. Таким образом, задача активного синтаксиса намного сложнее, так как он направлен на выявление динамики процессов в языке, которые происходят в потоке речи, подверженной изменениям, меньшей стабильности, чем в теоретических определениях связности. Л.Щерба приходит к выводу, что активный синтаксис, следовательно, и релятивная синтагма как его составляющая, остается самой неразработанной областью в грамматике не только русского, но и других языков. Это замечание Щербы также касается английского и азербайджанского языков. Необходимо отметить, что уже Л.Щерба указывал на то, что для структуры предложения большое значение имеет не только деление на синтагмы, но и разные типы взаимоотношений

между синтагмами внутри предложения. Такое перераспределение оказывает влияние на различные значения синтагмы в единстве предложения, важную роль играет интонация обособления или перечисления, долгота пауз.

Деление на синтагмы зависит от словосочетаний, но входящие в одну синтагму слова являются звеньями единой цепи, с подчинением одних звеньев другим. Слова, не связанные в словосочетания, не могут входить в одну синтагму. Словосочетания и синтагмы тесно связаны друг с другом; дополняют друг друга, разбивка на синтагмы зависит и от ударения. Обычно в данном случае работает закон обратной связи, когда последующее слово влияет на предшествующее. Однако возможна и в данном случае вариативность. Таким образом, вопрос о видах синтагмы, ее делении, способах и методах описания остается мало разработанным. Между тем, он особенно важен, особенно при изучении русского языка как неродного.

Воззрения на природу синтагмы Л.Щербы и В.Виноградова, который также обстоятельно изучал это явление, совпадают лишь частично. В.Виноградов рассматривает синтагму как «семантико-синтаксическую единицу». Ученый различает словосочетание и предложение, считает, что они имеют разную семантическую и стилистическую нагрузку, так как соответствуют разным формам мышления. Предложение самостоятельно, словосочетание же только в предложении приобретает функцию коммуникативной связности. Из сказанного никак не следует делать вывод, что для предложения совсем не имеет значения конструктивный момент, что учение о предложении может быть сведено к правилу интонационного оформления высказываний. В. Виноградов считает основным признаком предложения предикативность, без которой высказывание не имеет практической, действенной ценности в общении людей. Обязательной предпосылкой должно явиться ясное различие следующих двух понятий: «сочетание слов в предложении и его правила» и «словосочетание», причем последнее не в качестве продукта любого сочетания или соединения слов, а как особого рода соединения, специфика которого и должна быть определена в отдельности для каждого языка. Это в высшей степени плодотворное различие, сделанное В. В. Виноградовым, занимает важное место в той синтаксической теории, которая в деталях разрабатывается и в настоящее время. Важной частью синтаксического учения В. В.Виноградова является четкое разграничение понятий словосочетания и синтагмы. «Синтагма — это семантико-синтаксическая единица речи, отражающая «кусочек действительности», наполненная живой экспрессией и интонацией данного сообщения» [Виноградов:1950, 253]. «Словосочетанию — в отличие от синтагмы — вообще не присуща «интонация сообщения». Словосочетание имеет интонацию лишь в том смысле, в каком интонация... свойственна сложному слову или фразеологической единице типа железная дорога, яблоко раздора и т. п.» [Виноградов:1950, 41]. «Понятие синтагмы не устраняет понятия словосочетания. Напротив, оно предполагает его...Синтагма и словосочетание — понятия разных синтаксических планов. Учение о словосочетании – необходимое восполнение грамматического учения о слове и предложении. Оно тесно связано с лексико-семантическим изучением фразеологических единиц в составе русского языка. Учение о словосочетании необходимо для понимания конструктивных своеобразий разных видов синтагм...». [Виноградов:1950,254]. Теоретик считает синтагму словосочетанием, но синтагма и словосочетание мыслятся им как понятия разных синтаксических планов. Учение о словосочетании необходимо для понимания конструктивных определений разных видов синтагм. В.В.Виноградов закладывает теоретическую базу под разграничение таких понятий, как слово и словосочетание. Но расхождения в подходе к определению синтагмы все же существуют. С.П.Бобров отвергает эти стороны синтагмы, рассматривает ее как **литавриду** - смысловую единицу. Определение синтагмы Щербой более широкое, Соссюр же определяет синтагму на низком и на высоком уровнях, предпринимает попытку поиска общего закона связей составных частей в целом. Наиболее исследованными в русской синтагматике являются ритмико-структурная составляющая синтагмы.

Менее разработаны синтагматические сочетания в синтаксисе, в них также выделяется несколько подходов в зависимости от интонационно-ритмического строения предложения. Для структуры предложения большое значение имеет не только деление на синтагмы, но и возможные варианты взаимосвязей между синтагмами. Эту проблему наиболее подробно

исследовал А.Гвоздев. Он также указывает на природу синтагмы и ее изменчивость в зависимости от ударения, изменения места ударения и т.д. Тот же исследователь констатирует, что «...словосочетания и синтагмы взаимно дополняют друг друга. Он считает, что недопустимо однотонное прочтение текста с паузами после каждого слова, так как чтение зависит от существующих между словами отношений. Поэтому синтагму он определяет как наименьшее единство слов, тесно связанных по значению и следующих одно за другим внутри предложения. При этом отмечается фонетическая неизученность синтагм, а также указывается на разнообразие мелодической стороны, в зависимости от места в предложении и от взаимоотношения с другими синтагмами. Объединение слов внутри синтагмы осуществляется с помощью произношения. Строя предложения по потребностям мысли, мы устанавливаем необходимые для этого сочетания слов, идущие непрерывной цепью, а кроме того, группируем их в известные единства смыслового характера посредством разбивки на синтагмы» [Гвоздев: 1961:43]. Таким образом, Гвоздев не ставит знака равенства между синтагмой и словосочетанием. Однако вопрос о синтагматических словосочетаниях в таком контексте рассматривается лишь в общей цепи соподчинения внутреннего структурного единства предложения. Тем более, что и в этом значении синтагматические сочетания рассматривались только в письменной речи, только под одним углом исследования многомерной природы синтагмы – ее места и роли в предложении. Современные лингвистические теории синтагматики предполагают, что синтагматические словосочетания можно исследовать не только в непрерывной цепи словосочетаний в синтаксисе, но и рассматривать их на уровне более низкого синтаксического ряда – релятивных сочетаний, которые обладают автономной природой связности. Подобный подход исследования углубляет представление о природе релятивности внутри общего синтаксического целого и независимо от него. В синтаксической синтагматике также наблюдается противоречие: смещение синтагматики форм и значений, что приводит к противоречиям, так как предполагает невнимание к функции каждого отдельного уровня. К специфике синтагматики форм относится выбор вида синтаксической связи, который принадлежит целиком компетенции зависимого слова и в этом смысле всегда с равной степенью вероятности предсказуем. В случае описания релятивной синтагмы на уровне значений вид связи не играет существенной роли. Семантически определяющее слово и семантически определяемое легко можно объяснить в условиях примыкания. Кроме того, синтаксические отношения в словосочетании предполагают взаимодействие двух и более слов, семантически более или менее тесно связанных между собой. Однако именно примыкание, формой которого чаще всего выражается релятивная синтагма в синтаксисе, менее изучено. Особую трудность при рассмотрении данной проблемы составляет то обстоятельство, что существует разное общенаучное терминологическое определение релятивности. В лингвистике релятивность осуществляется по нескольким направлениям, об этом свидетельствуют исследования современных лингвистов (А.Реформатский, Т.Канделаки, В.Даннлейко). В рамках направления «категория отношения в языке» релятивные словосочетания рассматриваются, прежде всего, как лексико-грамматическая категория, большое внимание уделено рассмотрению релятивных сочетаний на материале общеупотребительной лексики. Релятивная терминология и ее системные связи все еще малоисследованны, что затрудняет выделение исследуемого нами объекта – релятивных синтагм – в отдельную область, так как они рассматриваются в общих проблемах современной синтагматики. Трудность описания релятивных синтагм заключается также и в том, что отношения внутри синтагмы не являются равными, но функциональный аспект остается неизменным: один член является определяемым, другой – определяющим. Определяемое слово может существовать и автономно. Исследователи сходятся во мнении, что отличительной особенностью релятивной синтагмы является наличие в качестве определяемого глагольное слово: отдыхает активно, говорит медленно, гуляя, думает. Релятивными называются такие отношения, при которых определяемое слово – глагол, а определяющее указывает на место, время и образ действия. Формулировка предельно проста, но сложность описания заключается в разных подходах к функции этих сочетаний в потоке речи: интонировании, ритмике, мелодике, стилистике и так далее. На данном этапе изучения синтагматики все еще не определен эквива-

лент общего подхода к ее природе. В то же время такая классификация связей внутри синтагмы необходима, так как систематизируются грамматические связи в языке. Долгое время вопрос о разнице между природой синтагмы и объемом словосочетаний не был предметом внимания теоретиков синтаксиса. Предложение рассматривалось в качестве разновидности словосочетаний (А.М.Пешковский, А.А.Шахматов). Вопрос об объеме словосочетания и его границах рассматривался в совокупности с другими проблемами синтаксиса.

Akbarov H. L.

Relative Syntagma in the Contemporary Russian Language School

Abstract: Relative syntagma in the Russian language school of the twentieth century was described in general sections of syntagmatics and combinatory. Syntagmatics and combinatory focus on the realization of two main language functions: communicative and cognitive. The structural linguistics of the Russian language was formed on the basis of cybernetics and mathematics. The Russian syntax science in the middle of XX century studied the "static" syntax, while foreign linguistics studied the "dynamic" syntax. Researches of Russian scientists have prepared the basement for Ferdinand de Saussures discovery. Since the moment of discovery of the "syntagmatic association" relationship of the language units, the importance of studying linear relations in the language was recognized by the representatives of Russian linguistics and foreign language schools of the XX century.

Keywords: structural linguistics, combinatory, relative syntagma.

Библиография:

1. Виноградов В.В. Вопросы синтаксиса современного русского языка. - М.: Учпедгиз, 1950, - 414 с.
2. Гвоздев А.Учеб. пособие. - 3-е изд. / Под ред. С. Г. Бархударова. - М.: Просвещение, 1965. - 408 с.

Минина Нина Сергеевна

Харьковский национальный педагогический университет имени Г. С. Сковороды, Украина
minina.nina2010@rambler.ru

АКТУАЛИЗАЦИЯ ЧАСТИЦ В СИЛЬНЫХ ПОЗИЦИЯХ СТИХОВОЙ СТРУКТУРЫ

Аннотация: Статья посвящена проблеме актуализации частиц в сильных позициях стиховой структуры. Отмечается, что частицы в поэтических текстах могут выделяться в позиции абсолютного начала и конца стихотворения, позиции рифмы. Выделение частиц в позиции конца стиха часто связано со стилистическим приемом переноса (анжамбемана), нередко такая позиция совмещается с локализацией слов этой части речи в эллиптических конструкциях, что также способствует их выделению.

Ключевые слова: частица, актуализация, поэтический текст, сильная позиция, перенос.

Исследование проблемы эстетического потенциала грамматических форм в структуре поэтического текста является одной из актуальных задач современной лингвистики. Отдельные описания языка поэзии отражены в трудах нескольких поколений исследователей, среди которых В. В. Виноградов, М. Л. Гаспаров, С. Я. Ермоленко, И. И. Ковтунова, Н. О. Кожевникова, Ю. М. Лотман, Ю. М. Тынянов, В. М. Русановский, Н. А. Фатева и другие ученые.

Вместе с тем, современные исследования поэтики грамматических форм, как правило, направлены на рассмотрение потенциала знаменательных частей речи, в то время как потенциал служебных частей речи нуждается в более тщательном рассмотрении. Настоящая статья посвящена вопросу актуализации частиц в сильных позициях стиховой структуры. Необходимо отметить, что в структуре поэтического текста «единица любого уровня языка способна приобретать выразительность, становиться экспрессивной, вступать во взаимодействие с другими единицами, служить средством передачи поэтического смысла и быть использованной для решения той или иной поэтической задачи» [6: 3]. Это высказывание в полной мере относится и к частицам, функционирующим в стихотворных текстах.

Существует ряд универсальных приемов и способов выделения языковых единиц в поэтическом тексте, которые способствуют актуализации лексической и грамматической семантики полнозначных слов. Среди них современные исследователи отмечают три наиболее регулярные: отбор (селекцию), аттракцию и соположение [5: 421]. Эти способы характерны как для знаменательных, так и для служебных частей речи. Для последних, по нашим наблюдениям, одним из основных способов выделения в поэтическом тексте является локализация

в сильных позициях стиховой структуры, к которым традиционно относят позицию абсолютного начала и конца стихотворения, начала и конца стиха, а также позицию рифмы.

Исследование ряда русских поэтических текстов показало, что наиболее частотным способом выделения частиц является их локализация в позиции абсолютного начала стихотворения. В инициальной позиции могут находиться не все частицы (например, для частиц *же, ж, бы, б* эта позиция невозможна), вместе с тем, она характерна для указательной частицы *вот* и отрицательной частицы *не*. Эта позиция способствует не только актуализации самой частицы, но и служит для выполнения ряда других стилистических задач. Это отчасти определяется спецификой первой строки (зачина) стихотворения: с точки зрения А. К. Мойсиенко, «эмоциональная стихия первой строки стихотворения часто влияет на общеконнотативную доминанту, существенно отражается на содержании всего произведения» [3:39] (*Перевод наш – Н.М.*). Так, например, частица *не* в позиции абсолютного начала стихотворения часто примыкает к глаголам в повелительном наклонении и служит способом проявления обращенности к неопределенно широкому адресату; выражения отрицательной заклинательной формы, повторения Библейских заповедей.

Анализ поэтических текстов XIX-XXI вв. показал частотность употребления инициально локализованной частицы *не* перед глаголами в повелительном наклонении (стихотворения «Не подражай: своеобразен гений...» Е. Баратынского, «Не рассуждай, не хлопчи!..» Ф. Тютчева, «Не плачь и не думай...» В. Брюсова, «Не впадай ни в тоску, ни в азарт ты...», «Не грусти» В. Высоцкого и многие другие). В данном случае, на наш взгляд, проявляется свойство поэтического текста представлять единичное как всеобщее. В поэтическом тексте адресат, к которому обращаются в форме повелительного наклонения, является неопределенным, это может быть как один конкретный человек, так и неопределенное множество людей: «для читателя появляется потенциальная возможность воспринять смысл высказываний с формами повелительного наклонения как обращенный непосредственно к нему» [2:80-81].

Инициально локализованные частицы *не* при глаголах в повелительном наклонении часто являются частью так называемой заклинательной формулы. По мнению И. И. Ковтуновой, «заклинательные формулы в поэзии представляют собой условнообразную трансформацию соответствующих формул в заговорах и заклинаниях. В поэзии воспроизводятся особенности жанра. Отсюда появляются и характерные для жанра значения повелительного наклонения» [2:125]. К таким текстам можно отнести следующие стихотворения: «Не исчезай», «Не надо...» Е. Евтушенко и «Заклинание» Б. Ахмадулиной. С точки зрения И. И. Ковтуновой, «отчетливо выраженное значение заклинания обычно вытекает из общего смысла или стиля поэтического произведения или создается определенной синтаксической структурой, чаще всего – повтором, усиливающим волевое начало в повелительной формуле [2:125]. В стихотворении Б. Ахмадулиной «Заклинание» также наблюдаем подобный прием – заклинательная формула *Не плачьте обо мне – я проживу* начинает стихотворение и далее повторяется в начале каждой строфы.

Библейские заповеди, оформленные отрицательными конструкциями с частицей *не*, в ряде случаев также являются началом стихотворений (стихотворения «Не убий! – в полумраке грошовой свечи горят...» Р. Рождественского, «Не сотвори себе кумира...» Ю. Визбора). Стихотворение Б. Кенжеева «Двадцать лет прошло»: **Не убий** – *учили, – не спи, не лги*; начинается с сочетания *Не убий*, которая является прямой отсылкой к одной из десяти Библейских заповедей [4:22]. Далее следуют глаголы 2-го лица, единственного числа в повелительном наклонении с отрицанием *не спи, не лги*. За счет уподобления форм глагола происходит отсылка к заповеди «Не убий», таким образом, понимаем, что для автора – *не спать, не лгать* также являются «заповедями».

Иногда с помощью инициально локализованных частиц передается значение отрицания от начала до конца стихотворения, либо какой-то части стихотворения: «семантика заглавной строки лирического текста может определять смысловую и экспрессивно-эмоциональную доминанту всего произведения, представлять определенный тезис, который подтверждается или опровергается <...> быть точкой опоры для многочисленных ассоциативных идей. При этом немаловажную роль играет грамматический статус первой строки (с учетом <...> отдельных морфологических факторов» [3: 34] (*Перевод наш – Н.М.*). Например, в стихотво-

рении Б. Пастернака «Не волнуйся, не плачь, не труди...» ощущение отрицания передается различными способами в первой половине стихотворения. В начале стихотворения – ряд глаголов в повелительном наклонении с отрицанием: **Не волнуйся, не плачь, не труди** / *Сил иссякших и сердца не мучай*. Далее – ряд конструкций с местоимением *ты*: **Ты жива, ты во мне, ты в груди**.... Затем следует ряд сравнений: **Как опора, как друг и как случай**. Вторая строфа и начало третьей содержат слова с негативной семантикой: *обман обрubaем, тифозная тоска тюфяков*, которые также поддерживают общую «негативную» семантику стихотворения и семантику отрицания.

Частицы оказываются выделенными и в других сильных позициях стиховой структуры – в конце стиха и позиции рифмы. Локализация частицы в конце стиха часто сопровождается несовпадением ритмического и синтаксического членения строфы – переносом (анжамбемном). Рассмотрим стихотворение В. Полозковой, где частица *не* локализуется в конце строфы и оказывается в позиции рифмы. Здесь частица *не*, которая обычно является энклитикой при полнозначных частях речи и, как правило, является безударной, становится интонационно выделенной, происходит ее актуализация: *Но в любви не как на войне, / А скорее всего как в тайной / Агентуре: предатель не / Осуждается, а случайной / Пулей потчуете во сне; / Ты рискуешь собой ввойне*. (В. Полозкова. «Целоваться бесшумно...»). Приведем некоторые случаи актуализации частицы *не* в поэтических текстах при помощи данного приема: *А коль придут вызволять – ты не / Откроешь. / – Спасайся! / – Ой, / Оставьте девку наедине / С ее молодой бедой*. (В. Полозкова. «Берет гитару, глядит в глаза...»); *Но простушка-душа, дожидаясь в передней, / обмирает - и этого не / передать никому, никогда, ни на средней, / ни на ультракороткой волне*. (Б. Кенжеев. «Шелкопряд, постаревшей ольхою не узнан...»); *Я привык исходить из данностей, так что мне не / Привыкать выбирать меж двумя сортами дерьма* (Д. Быков. «Нет, уж лучше эти, с модерном и постмодерном...»). При помощи локализации в конце стиха и позиции рифмы, а также за счет приема переноса актуализируется и указательная частица *вот* в поэзии XX-XXI вв. Примером служат стихотворения В. Маяковского, С. Гандлевского: *А если сегодня мне, грубому гунну, / кривляться перед вами не захочется – и вот / я захохочу и радостно плюну, / плюну в лицо вам / я – бесценных слов транжир и мот*. (В. Маяковский. «Нате!»); *Слава богу, на дачной веранде, / Где жасмин до руки достает, / У припадочной скрипки Вивальди / Мы учились полету – и вот / Пустота высоту набирает... <...>* (С. Гандлевский. «Есть в растительной жизни поэта...»).

Локализация частиц в позиции конца стиха либо абсолютного конца стихотворения часто совмещается с их локализацией в эллиптических конструкциях, что также дает возможность дополнительного выделения этих служебных слов. Отсутствие соотносительного знаменательного слова в предложении приводит к приобретению частицами значения полнозначности. Как правило, это характерно для отрицательных частиц, которые могут приобретать глагольную семантику и выступают в качестве предиката. Н. М. Азарова определяет такие слова как *предикатное не* [1: 38]. По мнению ученого, «концептуализация *не* и попытка передать семантику чистого отрицания как номинации (как имени) требует дополнительных графических и грамматических средств обособления *не*» [1:35]. К способам выделения *не*, в частности, исследователь относит *конечное отрицание*: «предпринимаются различные попытки усиления позиции отрицания в тексте, придания отрицанию текстообразующей роли». Частным случаем конечного отрицания (*не*) Н. М. Азарова называет явление переноса (анжамбемана) в поэтическом тексте [1: 35]. По мнению исследователя, «отрицательный анжамбеман» в русском языке способен передавать значение незавершенности: «*не*, завершающее строчку, все равно оставляет впечатление незаконченности» [1: 40]. Как и другие виды анжамбемана, отрицательный анжамбеман характерен для поэтических текстов И. Бродского и «маркирует ритмический разрыв» [1: 41]. Так же, как и другие виды переносов, отрицательный анжамбеман стал продуктивным приемом и в поэзии авторов конца XX – начала XXI вв. Например, в стихотворении В. Полозковой «Если ты про мать – редко видимся, к радости обоюдной...» частица *не* локализуется в эллиптическом предложении и репрезентует отрицательный анжамбеман: *Вероятно, ты то же самое ощущаешь, / Где-то в самой чертовой глубине – / Хотя дай тебе Бог, / чтоб не* (В. Полозкова). Актуализация частицы, таким образом, про-

исходит за счет приобретения ею значения знаменательности и предикативности. Кроме этого, выделение частицы *не* в данном примере осуществляется и за счет стиховой локализации (позиция конца стиха и стихотворения в целом). На наш взгляд, частотность использования этого приема может быть частично объяснена экспансией английского языка, где использование отрицательной частицы *не* в условиях незамещенной синтаксической позиции является нормативным, в отличие от русского языка.

Локализация частиц в сильных позициях стиховой структуры способствует их актуализации, является одним из основных приемов их выделения в поэтических текстах. Позиция абсолютного начала стихотворения одновременно актуализирует саму частицу, которая в ней находится, и способствует выполнению этими словами ряда других функций. Позиция конца стиха также характерна для выделения частиц, часто при этом отмечается несовпадение ритмического и синтаксического членения строфы – стилистический прием переноса, который позволяет интонационно выделить данные слова. Локализация в позиции конца стиха и стихотворения у частиц часто совмещается с локализацией в эллиптических конструкциях, что также дает возможность дополнительного выделения этих служебных слов. Отсутствие соответствующего полнозначного слова в этом случае приводит к приобретению частицами значения полнозначности. Перспективой настоящего исследования нам видится рассмотрение других способов актуализации частиц и служебных слов в поэтическом тексте.

Minina N.S.

Actualization of Particles in the Strong Positions of a Verse Structure

Abstract: The actualization of the particles in the strong positions of a verse structure is researched in the article. It is stated that in the poetic texts particles can be actualized in the position of absolute beginning and absolute end of the poem, the position of rhyme. Accentuation of particles in the position of the end of the poem is often associated with the stylistic device called enjambment; this position is often combined with the localization of the words of this part of speech in elliptic structures, which also contributes to their accentuation.

Keywords: particle, actualization, poetic text, strong position, enjambment.

Библиография:

1. Азарова, Н.М. *Язык философии и язык поэзии – движение навстречу (грамматика, лексика, текст): Монография.* М.: Логос / Гнозис, 2010
2. Ковтунова, И.И. *Поэтический синтаксис.* М.: Наука, 1986.
3. Мойсієнко, А.К. *Слово в апперцептивній системі поетичного тексту. Декодування Шевченкового вірша: Монографія.* К.: Сталь, 2006.
4. *Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа.* М.: Московский Сретенский монастырь; «Новая книга», 1997. Т. 1
5. Скоробогатова, Е.А. *Грамматические значения и поэтические смыслы: поэтический потенциал русской грамматики (морфологические категории и лексико-грамматические разряды имени): Монография.* Харьков: НТМТ, 2012.
6. Скоробогатова, Е.А. *Грамматические значения и поэтические смыслы: поэтика именных категорий в текстах и идиостиллях: Монография.* Харьков: Харьковское историко-филологическое общество, 2014.

Ковалёв Николай Сергеевич

Пятигорский медико-фармацевтический институт
филиал Волгоградского государственного медицинского университета
Российская Федерация
hotstone1992@rambler.ru

К ВОПРОСУ О СИСТЕМАТИЗАЦИИ СЛОВ-ПРЕДЛОЖЕНИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация: в статье говорится о проблемах систематизации слов-предложений (коммуникем, релятивов и т.д.) современного русского языка, а также об авторской позиции в отношении данных синтаксических конструкций.

Ключевые слова: слова-предложения, систематизация, структурный подход, коммуникативное пространство.

В XX веке учёным-лингвистам удалось зафиксировать, проанализировать и систематизировать многие составляющие русского языка в области грамматики. В трудах В.В. Виноградова, Л.Ю. Максимова, Н.Ю. Шведовой и др. описаны основные грамматические вари-

ции русского языка. Но необходимо указать на то, что в XXI веке язык претерпел определённые изменения, которые произошли на всех его уровнях, включая и синтаксический.

Русский язык обладает признаками синтетического языка. В нём присутствует развитая система склонения и спряжения. Но в современном русском языке существует и ярко выраженная тенденция – стремление к аналитизму. В частности, активнее стали использоваться служебные слова, частицы, междометия, звукоподражания, что относится к «аналитическому способу выражения грамматических значений»[5].

В современном русском языке наблюдается динамическое сосуществование литературно-книжной и разговорной форм плана выражения. Стоит отметить, что уже в течение более ста последних лет активно формируется разговорный русский язык, отличающийся от литературно-книжного. Ему свойственны отклонения от литературной нормы, стремление к аналитизму, рост вариативности, упрощения разного рода. Наряду с этими коммуникативными тенденциями современному русскому языку присущи такие процессы, как индивидуализация общения, клишированность, стилевая консервация средств обозначения. Можно констатировать, что в русском языке происходит постоянное столкновение разговорной формы, претендующей на свой узус, и литературной, что приводит к постоянному дисбалансу нормы [1: 28].

В этой связи актуальным выглядит вопрос об употреблении синтаксических конструкций, которые характеризуются нерасчленённостью и зачастую состоят из одного слова с модальным – утвердительным, отрицательным и др. значением. В.В. Виноградов обобщил конструкции подобного типа, охарактеризовав их как **слова-предложения** [2]. С точки зрения В.В. Виноградова, специфика данных синтаксических конструкций заключается в том, что они являются необходимой составляющей диалогической речи. В плане грамматическом В.В. Виноградов отмечает возможность анализа таких предложений при помощи особого метода: без учета их членения и без выявления их участия в выражении предикативных отношений.

Синтаксические конструкции, которые В.В. Виноградов охарактеризовал как *слова-предложения*, по-разному рассматриваются и классифицируются учёными-лингвистами. Существуют не только различные позиции относительно данного термина, но и дифференцированные подходы к тому, какие именно синтаксические конструкции относятся к данному типу.

В настоящий момент для обозначения синтаксических конструкций, которым свойственно отсутствие номинативности и способности к членению, предлагаются следующие термины: слова-предложения (В.В. Виноградов, Д.Э. Розенталь, Е.И. Диброва, В.В. Бабайцева), нечленимые предложения (Н. Ю. Шведова и большинство лингвистов), коммуникативы-релятивы (Л.А. Новиков), релятивы (Н.С. Валгина), коммуникемы (О.Б. Сиротина), конструкции подобного типа в английском языке – речевые клише (В.В. Стрибижев). Главная причина образования полемики в области изучения рассматриваемых синтаксических конструкций – дискуссионность вопроса о принадлежности слов-предложений (коммуникем, релятивов и т.д.) к понятию «предложение». Отсутствие единой точки зрения по вопросам синтаксиса, связанным с понятием «предложение» и «предикативность», создаёт известные проблемы при формировании единой системы и классификации рассматриваемых синтаксических конструкций.

Также рассматривается вопрос о возможности распространения слов-предложений. Хотя сам термин предполагает, что подобная синтаксическая конструкция состоит из одного слова, это происходит не всегда. Само слово-предложение может состоять из нескольких слов («*Айда гулять!*» «*Вряд ли*»), но по поводу его способности к распространению в научных кругах существуют разные точки зрения. Так, В.В. Виноградов отмечает, что слова-предложения занимают особое место в синтаксисе русского языка; они должны анализироваться особым способом, но составные части таких синтаксических конструкций нередко в диалогической речи берут на себя функции сказуемого, и в этом контексте следует их рассматривать как «заместитель глагольного сказуемого» [2]. В.В. Виноградов приводит в подтверждение этой точки зрения следующий пример: «*А в прошлом году вы имели отпуск? — В прошлом году да; А с мамой ты согласна остаться? — С мамой да, а с Петькой нет*».

Несколько иную позицию в этом вопросе имеет Н.Ю. Шведова, считающая, что рассматриваемые конструкции как нечленимые обладают индивидуальной семантикой и индии-

видуальными отношениями, с идиоматической связью между компонентами, что не распространяется на нечленимые синтаксические конструкции, состоящие из междометий, частиц, местоименных и служебных слов [6].

Говоря о распространении слов-предложений, В.Ю. Меликян разграничивает понятие «нечленимое предложение» с понятием «коммуникема». Под коммуникемами исследователем понимаются не только слова-предложения В.В. Виноградова, но и фразеологизированные синтаксические конструкции, не обладающие лексической проницаемостью. Такие конструкции, как «*Шут его знает!*», «*Батюшки светы!*» В. Ю. Меликян относит к коммуникемам-единствам, допуская присутствие у них морфологической, синтаксической, стилистической вариативности лексических компонентов [5: 292]. Но несмотря на такую вариативность составных частей коммуникем-единств, они обладают лексической непроницаемостью и нераспространяемостью [5: 293]. Интересно, что среди всех рассматриваемых конструкций В.Ю. Меликян выделяет особый разряд нечленимых элементов, которые учёный обозначил как «коммуникемы-выражения». Ярким примером конструкций такого разряда может служить синтаксическая конструкция «*Благослови тебя Бог!*» [4 : 374]. В.Ю. Меликяном отмечается наличие у этой фразы нечленимости по признаку её фразеологизированности.

Следовательно, существует разница во взглядах на связь схожих по семантике фразеологизированных синтаксических конструкций и слов-предложений в классическом понимании. Можно констатировать, что семантический подход к этому языковому явлению обязательным образом связывает синтаксис и фразеологию. Нам думается, что следует рассматривать отдельно слова-предложения и фразеологизированные элементы, сходные по значению с ними, и применять для анализа следует структурный подход. Но для того, чтобы рассмотреть структуру рассматриваемых синтаксических конструкций, следует проанализировать особенности их употребления.

Слова-предложения – это явление, свойственное диалогической речи, которая периодически проявляет себя и в монологах (риторические средства языка). Необходимо отметить и контекстуальную обусловленность данных синтаксических моделей. Вне контекста слова-предложения не несут в себе никакой определяющей функции, в то время как в конкретной речевой ситуации они имеют определяющее значение, становясь при этом важнейшим элементом диалогического цикла. Для систематизации синтаксических конструкций рассматриваемого типа необходимо проанализировать их как неотъемлемую часть коммуникативного пространства, которое обязывает язык быть более динамичным, демократизированным, доступным, жертвуя ради этих принципов литературными нормами. И если в синтаксисе литературного языка слова-предложения стоят на периферии синтаксического ядра, то в коммуникативном синтаксисе они становятся центром этого ядра, поскольку экспрессивность и динамичность – важнейшие составляющие речевого взаимодействия.

Для XXI века характерно новое уникальное языковое явление, которое стоит отметить при рассмотрении феномена слов-предложений. Речь идёт о компьютерно-опосредованной коммуникации, которая осуществляется посредством глобальной сети «Интернет». Особенность языка общения посредством компьютеров заключается в его «гибридности» [8 : 92]. Язык социальных сетей и электронной почты вбирает в себя черты языка литературного, свойственного письменной речи, и активного речевого общения. Структура и семантика слов-предложений в электронном коммуникативном пространстве в настоящий момент является малоисследованной областью. Хотя в настоящий момент язык (стиль) «компьютерного общения» необходимо проанализировать для создания единой системы слов-предложений русского языка.

Можно констатировать, что проблематика систематизации слов-предложений (коммуникем и т.д.) базируется на следующих аспектах:

- развитие языка; появление новых, отличных от литературной, языковых форм (разговорная форма, компьютерно-сетевая коммуникация);
- контекстуальная обусловленность слов-предложений, непосредственно влияющая на семантику;
- дискуссионность вопроса о том, что считать предложением;

- различные взгляды на проявление предикативности в синтаксических конструкциях;
- структурные особенности фразеологизированных конструкций, близких по значению словам-предложениям;
- наличие способности к распространению у слов-предложений.

Учитывая все вышеперечисленные дискуссионные вопросы в области синтаксиса и фразеосинтаксиса, мы считаем актуальным структурное основание при систематизации слов-предложений. На данном этапе нами используется термин «слово-предложение», хотя в перспективе и возможна его замена. В систему слов-предложений по структурному признаку следует включить:

- 1) синтаксические конструкции, состоящие из слов с утвердительным и отрицательным значением (*Да!*; *Конечно!*; *Нет!*; *Ни за что!*);
- 2) экспрессивно-вопросительные слова-предложения (*Неужто?*; *А?*);
- 3) слова-предложения с модальным значением (*Едва ли. Возможно...*);
- 4) эмоционально-оценочные (*Ух ты! Вау!*);
- 5) формулы приветствия и прощания (*Привет! Бай!*);
- 6) формулы благодарности и ответа на неё (*Спасибо! Не за что!*);
- 7) экспрессивные изолированные обращения-призывы (*Мама! Брат!*).

В этот список не были включены фразеологизированные синтаксические конструкции, сходные по своей семантике со словами-предложениями вышеперечисленных типов, поскольку предполагается их отдельное рассмотрение в аспекте фразеосинтаксиса.

Необходимо также дифференцировать слова-предложения по их составу. Компонентами могут быть местоимения, служебные слова, частицы, междометия, звукоподражания. Предполагается выделять слова-предложения, состоящие из междометий и звукоподражаний в отдельную группу. Кроме того, состав слов-предложений может быть русского происхождения, а может быть заимствованным. Причём даже в тех случаях, когда основу для данной синтаксической конструкции составляют междометия (*Вау, Оу, Иииииххххааа!*).

Думается, немаловажным моментом характеристики слов-предложений является и сфера их употребления [3]. Мы уже упоминали о том, что в настоящий момент выделяют три сферы употребления, в которых слова-предложения функционируют, причём проявляют себя при этом по-разному, – это литературный язык, разговорный язык, компьютерно-сетевой язык. Предполагается проанализировать особенности проявления рассматриваемых синтаксических моделей в каждом из этих пространств коммуникации, поскольку в XXI веке только глубокое исследование употребления языковых форм на всех уровнях позволит адекватно оценить происходящие в грамматической системе изменения.

Таким образом, в настоящее время существуют различные подходы к систематизации слов-предложений. Нам видится актуальным использование структурного подхода при анализе слов-предложений, употребляемых в литературной, разговорной и компьютерно-сетевой речи. Это позволяет зафиксировать изменения в языке XX – XXI вв., которые вызывают к жизни новые попытки систематизации сложных периферийных явлений русской грамматики.

Kovalev N. S.

On the Issue of Systematization of Sentence Words of the Russian language

Abstract: The article refers to the problems of systematization of sentence words (communication units, expressive remarks ,etc.) of the modern Russian language, it also reflects the author's position in relation to the data of syntactic constructions.

Keywords: wordsentence, systematization, structural approach, communicative space.

Библиография:

1. Буров, А.А. Субстантивная синтаксическая номинация в русском языке. – Ставрополь – Пятигорск: Изд-во СГУ «Академический проект», 2012.
2. Виноградов, В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения (на материале русского языка) [электронный ресурс] // URL: <http://project.phil.spbu.ru/lib/data/ru/vinogradov/syntax.html>
3. Костомаров, В.Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики [Текст]/В.Г. Костомаров. – М.: Гардарики, 2005.

4. Меликян, В.Ю. Коммуникемы-выражения во фразеологическом аспекте// Актуальные вопросы филологии и педагогической лингвистики. – 2014. – № 16. – с. 374-378.
5. Меликян, В.Ю. Коммуникемы-единства: экспрессивный и фразеологический аспекты// Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2011. – № 13. – с. 289-296.
6. Русская грамматика. Т. 2 / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980.
7. Современный русский язык: Учебник / Под редакцией Н.С. Валгиной. 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Логос, 2002.
8. Щипицина, Л.Ю. Гибридность как характерное свойство компьютерно-опосредованной коммуникации // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2012. – № 3. – Т.1. – С. 91-95.

Урядникова Елена Владимировна

Московский педагогический государственный университет, Россия

lena-prima@mail.ru

ОДНОКОРЕННЫЕ И ОДНОАФФИКСАЛЬНЫЕ СЛОВА КАК ЧЛЕНЫ АНТОНИМИЧЕСКИХ ПАР (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ Б.А. АХМАДУЛИНОЙ)

Аннотация: Статья посвящена словам с повторяющимися морфемами, выражающим отношения антонимии в художественном тексте. Различные типы антонимических отношений рассматриваются на материале поэтических произведений Б.А. Ахмадулиной. В статье собственно антонимия отграничивается от такого явления, как оксюморон.

Ключевые слова: повторяющиеся морфемы, антонимы, типы антонимических отношений, контекстуальные антонимы.

В поэтическом тексте однокоренные и одноаффиксальные лексемы часто используются для создания различных тропов и стилистических фигур. В произведении экспрессивно-эмоциональной нагрузкой могут также обладать слова, не образующие различных образных средств, но вступающие между собой в системные отношения. Так, лексемы с повторяющимися морфемами могут представлять собой антонимы, среди которых в тексте встречаются как полные (симметричные), так и неполные (несимметричные). В однокоренных и одноаффиксальных словах с «общей логической основой для противопоставления» [4: 101] противоположные значения могут выражаться соответственно за счёт аффиксов (точнее, префиксов) (*зацветать* – *отцветать*) или корней (*влево* – *вправо*). При этом следует отграничивать собственно антонимию от такого близкого к ней явления, как оксюморон (*несозданные создания*)¹⁵.

Материалом для нашего анализа различных типов антонимических отношений [3: 481-485], возникающих между зафиксированными в словаре М.Р. Львова антонимами с повторяющимися морфемами, служат поэтические произведения Б.А. Ахмадулиной. Поэтесса в различных жизненных ситуациях иногда даже сама противопоставляла себя окружающим. Так, в статье «Фотографии разного времени» она отмечает: «Одной из важных примет начала шестидесятых годов считаются выступления поэтов, привлекавшие неисчислимое множество публики, многие люди и теперь по ним скучают, я – нет. Лишь последующие замкнутые уединения были для меня трудно-отрадны и плодотворны. Не общее – таинственное, пространное, непроглядно-бледное – лицо зала, а чудные, доверчивые, как у той девочки с ландышами, лица остались мне на память о том времени» [1: IV]. Быть может, поэтому в некоторых стихотворениях Б.А. Ахмадулиной, написанных, в частности, в семидесятые годы, и ощущается некое противопоставление себя окружающим.

При **повторе корней** в антонимах противоположные значения реализуются за счёт префиксов, при этом в одном из членов антонимической пары префикс может быть материально выраженным, а в другом – вообще отсутствовать. В поэтических текстах Б.А. Ахмадулиной однокоренные антонимы могут обозначать **противоположно направленные действия**:

Этот ад, этот сад, этот зоо –
там, где лебеди и зоосад,
на прицеле всеобщего взора
два гепарда, обнявшись, лежат.

¹⁵ Примеры антонимов и оксюморона даны из словаря М.Р. Львова [3].

<...>

Прихожу ли я к ним, *ухожу* ли –
не слабее с той давней поры
их объёте густое, как джунгли,
и сплошное, как камень горы.

1974

(Два гепарда)

В данном поэтическом тексте глаголы-антонимы с повторяющимися корнями *приходить* – *уходить*, обозначая «противоположно направленные действия, перемещения» [3: 310], рисуют образ лирической героини, подолгу наблюдающей за двумя гепардами, выбитыми из камня. Их привязанность друг к другу после смерти, кажется, стала ещё сильнее, чем была при жизни. Глаголы *приходить* – *уходить* создают в стихотворении ощущение протяжённости во времени и пространстве.

В поэзии Б.А. Ахмадулиной могут встречаться также однокоренные антонимы, реализующие **контрарную противоположность**, «выражающуюся видовыми понятиями, между которыми есть средний, промежуточный член» [2: 36]:

– Лену Д. Вы не помните? – Лену?

Нет, не помню. Но вижу: вдали
кряжист памятник павшим за Плевну.

Нянчит детство и застит аллею
грузный траур часовни-вдовы.

<...>

– Лена Д. не забыла Вас. – Лена?

К моему забытью причтены,
если прямо – Варварка, то слева –
липы лета, кирпичность стены.

Близь китайщины, рдяность, родимость,
тарабарских времён имена.

– Что же Лена? – Она отравилась.

Десять лет, как она умерла.

– Нет! Вы вторите чьей-то ошибке!

Кто допустит до яда реторт
расточающий блики улыбки
привередливо маленький рот?

Вижу девочку в платьице синем,
в черном фартуке. Очи – в очках
трагедийны, огромны. Что с ними
станет, знать бы заране. Но как –

хитроумных, *бесхитростных*, *хитрых*,
простодушных, не любящих средь –
яда где раздобыть? – Лена – химик.
Лютость жизни – и кроткая смерть.

1975

(Памяти Лены Д.)

В этом стихотворении соотносятся антонимы с повторяющимися корнями *хитрый* – *бесхитростный*. Они рисуют образ окружающего общества, которому совершенно безразлична судьба другого человека. Данные антонимы обозначают «качественную противоположность свойств, признаков» [3: 437] и выражают противопоставленные друг другу качества, черты характера, присущие тем или иным людям.

При **повторе аффиксов** в антонимах противоположные значения реализуются за счёт корней. В поэтических текстах Б.А. Ахмадулиной одноаффиксальные антонимы также могут реализовывать **контрарную противоположность**:

Мне говорят: который год
в твоём доме идет ремонт,
и, говорят, спешит народ
взглянуть на бодрый ход работ.

<...>

Неужто столько мастеров
ты утруждаешь лишь затем,
созвав их из чужих сторон,
чтоб тень мою свести со стен?

Да не любезничай, чужак!
Ату ее, гони взащей –
из вечной нежности собак,
из краткой памяти вещей!

<...>

Не позабудь про дрожь перил:
дуб изведи, расплавь металл –
им локоть столько говорил,
покуда *вверх* и *вниз* летал.

1974

(Воспоминание)

В данном поэтическом тексте однопрефиксальные наречия-антонимы *вверх* – *вниз* характеризуют суетный, беспокойный образ жизни лирической героини и обозначают «противоположность направлений в пространстве, векторную противоположность» [3: 36]. Душа лирической героини после смерти продолжает находиться в доме. И само здание, и различные предметы в нём хранят память о лирической героине, и потому её душа как бы «вселяется» в них, становится с ними единым целым.

Интересным в связи со способом словообразования антонимов и их функционированием в тексте представляется следующее стихотворение Б.А. Ахмадулиной:

Так, значит, как вы делаете, други?
Пораньше встав, пока *темно-светло*,
открыв тетрадь, перо берете в руки
и пишете? Как, только и всего?

Нет, у меня – всё хуже, всё иначе.
Свечу истрачу, взор сошлю в окно,
как второгодник, не решив задачи.
Меж тем в окне уже *светло-темно*.

1973

(Так, значит, как вы делаете, други?)

В данном поэтическом тексте контекстуальные антонимы *темно-светло* и *светло-темно*, образованные чистым сложением, характеризуются обратимостью их компонентов «светло» – «темно», представляющих собой антонимы с контрарной противоположностью. Антоним *темно-светло* символизирует утро – время суток, когда у других начинается «кипеть» творческая работа, а лексема *светло-темно* – вечер, завершающий творчески неплодотворный день для лирической героини.

В поэзии Б.А. Ахмадулиной встречаются также антонимы с повторяющимися аффиксами, выражающие отношения **противопоставленности**:

Борису Мессереру

Я вам клянусь: я здесь бывала!
Бежала, позабыв дышать.
Завидев снежного болвана,
вздыхала, замедляла шаг.

<...>

Как опрометчиво, как пылко
я в дом влюбилась! Этот дом
набит, как детская копилка,
судьбой людей, добром и злом.

<...>

Любовь к любимому есть нежность
ко всем *вблизи* и *вдалеке*.
Пульсировала бесконечность
в груди, в запястье и в виске.

1974
(Дом)

В этом стихотворении соотносятся однопрефиксальные наречия-антонимы *вблизи* – *вдалеке*. Они, обозначая в тексте «противопоставленность пространственных координат, пространственных оппозиций» [3: 25], характеризуют лирическую героиню, которой хочется быть равнодушной ко всем и каждому на земле, что связано с вселившейся в её сердце любовью к близкому человеку.

Таким образом, в рассмотренных поэтических произведениях Б.А. Ахмадулиной представлены полные (симметричные) и контекстуальные антонимы с повторяющимися морфемами. В тексте полные антонимы реализуют отношения противоположно направленных действий, контрарной противоположности, противопоставленности и их частных разновидностей. В стихотворениях антонимы могут создавать или характеризовать художественные образы, способны усиливать эмоциональную нагрузку произведения, находясь в пределах одной поэтической строки и являясь однородными членами предложения.

Uryadnikova E.V.

Derivatives and Words with Recurrent Affixes as Members of Antonymous Pairs (based on the poetry of B.A. Akhmadulina)

Abstract: The article is dedicated to the words with recurrent morphemes, which express the relationship of antonymy in the literary text. Different types of antonymous relationships are examined on the material of the poetry of B.A. Akhmadulina. In this article antonymy properis distinguished from oxymoron.

Keywords: recurrent morphemes, antonyms, types of antonymous relationships, contextual antonyms.

Библиография:

1. Ахмадулина, Б.А. *Фотографии разного времени* // Б.А. Ахмадулина. Фотографии (60-е / 90-е годы). М.: ПАН, Корона-Принт, 1997. С. III – IX.
2. *Лингвистический энциклопедический словарь* / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
3. Львов, М.Р. *Толковый словарь антонимов русского языка*. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 512 с.
4. Солодуб, Ю.П., Альбрехт, Ф.Б. *Современный русский язык. Лексика и фразеология (сопоставительный аспект)*. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2003. 264 с.

Полищук Светлана Сергеевна

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова, Украина
samajchuk@rambler.ru

КОНЦЕПЦИИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Аннотация: Статья посвящена вопросам дефиниции, основных свойств, структуры, составляющих элементов и взаимосвязей между ними, границ распространения лексико-семантического поля. Сделан обзор работ известных лингвистов, которые затрагивали рассматриваемую проблематику (А. И. Бондаря, Ю. Н. Караулова, И. М. Кобозевой, М. П. Кочергана, Йоста Трира и др.). Внимание сосредоточено на основных концепциях лексико-семантического поля в отечественном и зарубежном языкознании.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, лексико-семантическая группа, тематическая группа, слово.

Виробленню концепції лексико-семантичного поля (далі – ЛСП), у той чи інший період часу, присвячували наукові розвідки українські й зарубіжні мовознавці: Ю. Д. Апресян,

І. В. Арнольд, А. К. Башаріна, О. І. Бондар, Лео Вайсгерберг, В. Н. Денисенко, Ф. Т. Жилко, Гюнтер Іпсен, Ю. М. Караулов, Н. Я. Ключка, І. М. Кобозєва, М. П. Кочерган, В. В. Левицький, С. І. Липка, Вальтер Порциг, С. В. Семчинський, Йост Трір, А. А. Уфімцева, Ф. П. Філін, Г. С. Щур та ін.

Мета нашої статті – репрезентація основних концепцій ЛСП у лінгвістичних студіях. Для реалізації поставленої мети опрацьовано теоретичний матеріал із вказаної проблематики та окреслено основні аспекти вивчення ЛСП у вітчизняній і зарубіжній лінгвістиці. **Об’єкт** дослідження – праці мовознавців, присвячені розгляду ЛСП. **Предмет** – аспекти вивчення ЛСП мовознавцями.

Лексична мікросистема – група лексем, об’єднаних структурно-семантичними відношеннями. Такими мікросистемами є лексико-семантичні групи (далі – ЛСГ), семантичні поля, синонімічні ряди тощо [8: 66]. Відсутність чітких теоретичних напрямів призводить до того, що в практиці семасіологічних досліджень одні і ті ж групи слів позначаються трьома вищезгаданими термінами. Ю. М. Караулов складність класифікації лексичних груп вбачає в термінологічній плутанині [8: 67]. У книзі «Загальна і російська ідеографія» (1976) учений робить спробу вирішення цієї проблеми, пропонуючи низку визначень семантичного поля. Зібрані дефініції автор класифікує за ознаками і відносить до розділів із відповідними назвами: «Загальні визначення поля як «одиниці» лексико-семантичної системи», «Визначення за властивостями», «Визначення за принципами внутрішньої організації» [4: 23-32]. В. В. Левицький, не заперечуючи міркувань Ю. М. Караулова стосовно термінологічної плутанини, вказує ще на деякі об’єктивні причини: предмети і явища зовнішнього світу пов’язані між собою складними, часом переплетеними відношеннями, які в зовнішньому світі проєктуються «по вертикалі» на лексичну систему мови, членуючи її на взаємопов’язані лексичні блоки; елементи лексичної системи мови з’єднані «по горизонталі» своїми внутрішньомовними відношеннями, визначеними конкретними умовами розвитку й функціонування мови. Зовнішньо- і внутрішньомовна системи зв’язків, накладаючись одна на одну, взаємодіючи між собою, створюють складну сітку парадигматичних відношень між словами і варіантами слова [8: 67]. А. К. Башаріна зазначає, що критеріями взаємозв’язку лексичних одиниць і включення їх до тієї чи іншої групи виступають «лексичні значення в цілому», «значеннева ознака», «семантична ознака», різні значення якого-небудь слова, компоненти значення тощо. Таким загальним елементом може бути також поняття, тема, певна ситуація [1: 93]. Твірні ознаки семантичного поля дослідниця поділяє на дві групи (пов’язані з лексичним значенням, тобто лінгвістичні, та орієнтовані на поняттєву, предметно-тематичну та ін. сфери, тобто екстралінгвістичні), які є підґрунтям виокремлення лінгвістичного і екстралінгвістичного підходів як основних аспектів дослідження семантичних полів [1: 93-94].

Термін «поле» в лінгвістику ввів Гюнтер Іпсен у 1924 році. У Йоста Тріра ідея «поля» виникла дещо раніше – ще в 1923 р. [8: 67], майже на десять років випередивши реальні праці вченого з цього питання. За теорією Йоста Тріра під час вживання будь-якого слова у свідомості мовця і слухача (або читача) виникає відчуття іншого слова або інших слів, у семантичному відношенні «сусідніх» із цим словом. Таке сусідство слів спричинене подібністю чи протилежністю їх значень і позначуваних ними понять. За подібністю чи протилежністю всі поняття поділяються на більш або менш замкнуті групи, кола чи «блоки». Кожне поняття (або значення) існує тільки завдяки наявності в нього зв’язку, співвіднесеності з іншими поняттями (значеннями) певної групи. Втрата поняття чи будь-яка його зміна призводять до перебудови відношень між поняттями і, як наслідок, зміни та навіть зникнення інших понять (і відповідно слів) цієї групи, а також появу нових понять (слів). Коло понять і діючий у ньому механізм співвідношень і змін був названий «семантичним полем» [12: 228]. Йост Трір розрізняв «словесне поле» і «поняттєву сферу», але мовним полем називав групу споріднених значень або деяку значеннєву сферу. Прикладом такого поля слугувала поняттєва сфера інтелекту, заповнена словами зі значенням “розум”, “глузд”, “мудрість”, “хитрість” тощо. Одним із численних недоліків цього методу вивчення лексики вважається логічний, а не мовний підхід до процесу вичленування поля [8: 67]. Теорія Йоста Тріра знайшла своє продовження в студіях Лео Вайсгербера, який прагнув відобразити за допомогою мови духовний світ та особливості національного характеру мовців [9: 256].

Гюнтер Іпсен розглядав лінгвістичне поле, яке базується саме на лінгвістичних відношеннях, обравши предметом вивчення групу слів, споріднених за значенням та формальними ознаками – індоевропейське поле металів. Проте ця теорія виявилася обмеженою у використанні, оскільки подібних груп слів, які б репрезентували семантичну й формальну спорідненість небагато [1: 94]. Німецький філолог Вальтер Порциг, представник лінгвістичного підходу, розглядаючи поняття «семантичне поле» висуває на перший план слова як самостійні мовні одиниці та основні, найхарактерніші зв'язки їх значень, що виявляються у словосполученнях і деривації слів. Його «семантичне поле» ґрунтується на валентних властивостях слів і є синтагматичним утворенням, на противагу парадигматичним полям Йоста Тріра [9: 256].

У книзі «Сучасна російська мова. Теоретичний курс. Лексикологія» (1987) за редакцією Л. А. Новікова семантичне поле розглядається як численність мовних одиниць, об'єднаних загальним значенням [11: 73]. З огляду на це названо такі ознаки семантичного поля: вимір поля; семантичні відношення його одиниць; центр і периферія; взаємозв'язок конкретного поля з іншими суміжними полями. Семантичне поле містить одиниці, які можуть відноситися до різних частин мови [11: 76]. Межі вказаного парадигматичного утворення відносні і можуть варіюватися залежно від обраного принципу класифікації. Семантичне поле охоплює різноманітні мікрополя. Елементарним мікрополем є ЛСГ – відносно замкнутий ряд лексичних одиниць однієї частини мови, об'єднаних спільною семою, а саме архісемою конкретнішого змісту й нижчого порядку, ніж архісема поля [11: 73-74]. На противагу семантичному полю, ЛСГ містить одиниці, які можуть відноситися лише до однієї частини мови [11: 76].

Дещо інакше визначає семантичне поле С. В. Семчинський. У його концепції розглядуване поняття є угрупованням лексем, яке створює «тематичну» групу, що стосується якоїсь вичленовуваної людською свідомістю частини фізичної чи психофізичної дійсності [10: 194]. У поля наявне ядро, яке часто тотожне з його назвою. Ядерний елемент поля складають морфологічно прості слова з широкою сполучуваністю і з широким спектром значення [10: 195]. Указану дефініцію мовознавець ілюструє семантичним полем спорідненості людей, яке об'єднує різні назви родинних зв'язків, розподілених між підполями кровної та шлюбної спорідненості [10: 194]. Разом із тим дослідник наводить цікаві міркування «окремих лінгвістів» стосовно розрізнення тематичних груп (далі – ТГ) і ЛСГ. Скажімо, ТГ залежать від позамовних чинників, а саме від рівня знань певної людської спільності, тоді як ЛСГ є наслідком розвитку лексичної семантики мови. Однак наведених роздумів недостатньо для чіткого протиставлення цих утворень. Учений зауважує, що інколи семантичне поле номінують лексичним, оскільки це поле є підмножиною тієї множини, якою є лексика [10: 194]. Розрізняючи одномірні (прості й лінійні) та багатомірні (складні) поля, він доходить висновку, що лексика мови – це не плоский простір, а багатопверхова будівля [10: 195].

І. М. Кобозева теж торкається розглядуваної проблематики, визначаючи семантичне поле як сукупність мовних одиниць, які об'єднані спільністю змісту і які відбивають понятійну, предметну чи функціональну схожість позначуваних явищ. На її думку, основні ознаки такого поля: наявність семантичних відношень (кореляцій) між його складниками; системний характер цих відношень; взаємозалежність і взаємозумовленість лексичних одиниць; відносна автономність поля; безперервність позначення його смислового простору; взаємозв'язок семантичних полів у межах всієї лексичної системи (усього словника) [5: 99].

В. Н. Денисенко зауважує, що функціональне структурування семантичного поля базується на низці положень, які є підґрунтям його побудови [3: 44]. Зокрема це елементи поля (мінімальні одиниці – лексико-семантичний варіант або все однозначне слово), які не перетинаються і розташовуються ієрархічно на основі гіпонімії. Елементи поля, крім вихідних гіпонімічних (класифікаційних) семантичних відношень, можуть вступати в інші категорійні відношення: еквівалентності (синонімія); протиставлення (антонімія); протилежності (конверсія); асоціативності (полісемія); враховуючи їх різний частиномовний склад, спостерігається і відношення словотворчої деривації. Також це ЛСГ, комбінації яких складають підкласи і все поле. Загальна структура поля має ієрархічний характер. Дослідник підтримує концепцію, за якою складниками поля є ядро, центр і периферія [3: 44-45].

О. І. Бондар визначає ЛСП як відносно автономну сукупність лексем, об'єднаних спільною гіперсемою [2: 220]. Якщо слово внаслідок своєї багатозначності може входити до кількох ЛСП, то семема завжди належить лише до одного поля [2: 220-221]. Професор відзначає, що ЛСП характеризується такими ознаками, як: присутність; безперервність; цілісність; історичність. Будучи найбільшою одиницею лексичної системи ЛСП об'єднує менші семантичні одиниці – ЛСГ (автономні в межах ЛСП сукупності лексем, об'єднаних спільною гіперсемою меншого ступеня узагальнення, ніж польова гіперсема). ЛСГ, у свою чергу, можна поділити на підгрупи (далі – ЛСПГ) [2: 222]. У межах ЛСГ і ЛСПГ учений виокремлює найменші парадигматичні об'єднання, основою яких є відношення гіпонімії, партитивності, еквонімії, синонімії, антонімії та конверсії [2: 223]. Серед складників ЛСП О. І. Бондар виокремлює центр (слова з високим ступенем уживаності, семемами яких є носіями домінантних сем) і периферію (рідковживані слова, семемами яких не є домінантними) [2: 221]. Ми підтримуємо запропоновану концепцію ЛСП, використовуючи її у дослідженні сільсько-господарської лексики Середнього Надбужжя.

Схожими є погляди М. П. Кочергана. Вчений визначає ЛСП як сукупність парадигматично пов'язаних лексичних одиниць, які об'єднані спільністю змісту (іноді й спільністю формальних показників) і відображають поняттєву, предметну та функціональну подібність позначуваних явищ. Кожне поле має у своєму складі архісему – спільну (інтегральну) ознаку, виражену лексемою з узагальненим значенням, яка об'єднує всі одиниці поля [6: 211]. Мовознавець зазначає, що ЛСП не є ізольованими об'єднаннями. Вони пов'язані між собою, зокрема, за допомогою багатозначних слів, що окремими своїми значеннями належать до різних полів. ЛСП має ієрархічну будову. Воно складається з ЛСГ, які вміщують менші за обсягом мікросистеми – синонімічні ряди, антонімічні пари, гіперо-гіпонімічні відношення, конверсивні відношення тощо [6: 212].

Т. М. Куренкова визначає ЛСП як складну лексичну мікросистему, що об'єднує слова за семантичним принципом і має специфічну польову структуру. До основних структурних ознак ЛСП вона уналежнює: взаємозв'язок елементів, їх упорядкованість та ієрархічність. Серед диференційних ознак ЛСП дослідниця виокремлює: відсутність чітких меж, континуальність, відкритість, взаємозв'язок з іншими полями, атракцію, наявність лакун, асиметричність побудови, автономність, самостійність у лексико-семантичній системі, специфіку в різних мовах [7: 176].

С. І. Липка тлумачить ЛСП як різночастиномовне лексико-семантичне угруповання, компоненти якого перебувають у синтагматичних, парадигматичних та епідигматичних відношеннях. На основі низки досліджень, присвячених трактуванню суті семантичного поля, вона визначає його складники: ядро (родова сема – компонент, навколо якого розгортається поле); центр (складається з одиниць, які мають інтегральне значення, спільне з ядром і між собою); периферія (вміщує одиниці з найвіддаленішим від ядра значенням); фрагменти поля, які є вертикальною ядерною і центропериферійною побудовою, що за своєю семантикою утворює окрему гіперо-гіпонімічну структуру однотипного / різнотипного складу [9: 256].

Узагальнюючи, зауважуємо, що ЛСП, здобувши популярність ще на початку ХХ ст., продовжують приваблювати мовознавців і посідають чільні місця в сучасних лінгвістичних студіях. Насамперед, учених цікавлять питання номінації, дефініції, основних ознак, структури, складових елементів і їхніх відношень, меж поширення ЛСП тощо. У колі цієї проблематики лінгвісти аналізують і інші лексико-семантичні угруповання – ТГ, ЛСГ, ЛСПГ та ін. Звертаємо увагу також на те, що нині актуальним стало дослідження різноманітних груп лексики як ЛСП, що теж передбачає звернення до основних аспектів вивчення цього поняття. Поширення таких розвідок підтверджується позицією Т. М. Куренкової, згідно з якою ЛСП відкриває широкі можливості для опису лексики будь-якої мови [7: 177]. Так чи інакше, відносно більшості розглянутих теорій, доречною буде думка про те, що лексико-семантична система являє собою ієрархію семантичних полів, об'єднаних, з одного боку, у великі групи лексики, а з іншого – таких, які охоплюють менші за обсягом і цілком доступні для розгляду мікрополя [11: 74].

Окресливши концепції ЛСП в лінгвістичних студіях вітчизняних та зарубіжних учених, маємо на меті структурувати ЛСП «Сільське господарство» в семантичному просторі говорів середньонадбузького ареалу.

Polishchuk S. S.

Concepts of a Lexical-semantic Field in Linguistic Studies

Abstract: The article is devoted to the questions of definition, features, structure, components and the relations between them, borders of distribution of a lexical-semantic field. Other lexical-semantic groups – lexical-semantic and thematic groups are also considered. Works of famous linguists who investigated these problems are studied (O. I. Bondar, Y. M. Karaulov, I. M. Kobozeva, M. P. Kochergan, Yost Trir, etc.). In general the attempt to define the main concepts of a lexical-semantic field in Ukrainian and foreign linguistics is made.

Keywords: lexical-semantic field, lexical-semantic group, thematic group, word.

Бібліографія:

1. Башарина А. К. *Понятие «семантическое поле»* // Вестник ЯГУ. Якутск, 2007. Том 4. № 1.
2. Бондар О. І., Карпенко Ю. О., Микитин-Дружинець М. Л. *Сучасна українська мова: Фонетика. Фонологія. Орфоенія. Графіка. Орфографія. Лексикологія. Лексикографія*. К.: Академія, 2006.
3. Денисенко В. Н. *Семантическое поле как функция* // Филологические науки. М., 2002. № 4.
4. Караулов Ю. Н. *Общая и русская идеография*. М.: Наука, 1976.
5. Коболева И. М. *Лингвистическая семантика*. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
6. Кочерган М. П. *Вступ до мовознавства*. К.: Академія, 2008. Вид. 2-ге.
7. Куренкова Т. Н. *Лексико-семантическое поле и другие поля в современной лингвистике* // Вестник СибГАУ имени академика М. Ф. Решетнева. Красноярск, 2006. Вып. 4 (11).
8. Левицкий В. В. *Типы лексических микросистем и критерии их различия* // Филологические науки. М., 1988. № 5.
9. Липка С. І. *Лексико-семантичне поле як фрагмент мовної картини світу* // Наукові записки Національного університету «Острозька академія». Острог, 2015. Серія «Філологічна». Вип. 51.
10. Семчинський С. В. *Загальне мовознавство*. К.: Вища школа. Головне вид-во, 1988.
11. *Современный русский язык. Теоретический курс. Лексикология*. Под ред. Л. А. Новикова. М.: Русский язык, 1987. Часть 2.
12. Филин Ф. П. *Очерки по теории языкознания*. М.: Наука, 1982.

ОТРАЖЕНИЕ ФИТОСИМВОЛИКИ В ФОЛЬКЛОРНОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Аннотация: Русский песенный фольклор, бытующий на территории Республики Молдова (в селах Кунича, Покровка, Старая Добруджа, Егоровка и др.), отличается широким использованием фито-символов. Они встречаются значительно чаще, чем анималистические символы. Чаще представлены такие фитосимволы, как *береза, дуб, калина, осина, яблоня, груша, виноград, полынь, мак, лен, мята* и др. В статье подчеркивается, что при анализе символики песен необходимо учитывать контекст в целом, всю совокупность образов.

Ключевые слова: русский фольклор, Республика Молдова, фитосимволы, фольклорное сознание.

В русском песенном фольклоре, в том числе на территории Республики Молдова (были проведены полевые исследования в селах Кунича, Покровка, Старая Добруджа, Егоровка и др.), отмечается широкое использование фитосимволов. В песнях фигурируют как дикие, так и домашние растения. «Еще шире, чем из мира птиц и животных, в традиционных лирических песнях в качестве символов выступают предметы растительного мира. Например, очень часто символом девушки в них являются белая береза, калина, малина и сладкая вишня <...>. Птица клюет вишню — молодец сватает девушку <...> и т. д. Символом женщины в народных лирических песнях, как правило, являются груша <...>, сосна <...>, рябина и осина <...>. В качестве символа молодца в народных песнях чаще всего выступает дуб, а иногда хмель или виноград» [2].

Из деревьев и кустарников (их принято именовать «дендрологические фитонимы») наиболее частотно представлены такие, как *береза, дуб, калина (калина-малина), смородина, осина, яблоня, груша, виноград* и т. д.; из травянистых – *травя-мурава, полынь, жито, ячмень, мак, лен, василек, рута, мята, роза* и др. В народном устнопоэтическом творчестве большое значение придается растительным массивам, местам, где произрастают деревья, трава и т. п., – это *сад, лес, луг, огород* и др.; каждое из этих слов также обладает своим символическим значением. Кроме того, рассматриваются слова, обозначающие *части растений*, так называемые «партитивные фитонимы» (корень, цветок, лист и т. д.), которые также обладают особыми символическими характеристиками. Например, вершина дерева, тонкие веточки выступают как его слабая часть, отданная во власть ветров, следовательно, это закрепилось в фольклорном сознании как символ слабости, невладения ситуацией, ненадежности, неустойчивости:

Соезжала ж она красна девочка со двора. Что <i>сломила ж она да берёзушку со верха,</i> – Ты <i>расти-ка, расти, берёзушка, без верха,</i> Ты живи-ка, живи, родна маменька, без меня... [4, 32]	С <i>винограда веточка</i> , куда ты летишь? Со крутого бережка к морю прилетишь, Со крутого бережка ветром-й оборвёт, Ой, доля ж моя горькая, де поделася? [1, 46]
--	---

Вот что пишет об этом А. А. Потебня: «Верх – самая гибкая часть дерева, почему и сравнивается с девицей-дочерью: „Стой, яблонька, век без верха; Живи, моя матушка, век без меня” <...>; „Стой, рябина, без верху: Живи, батюшка, век без меня”» [3, 91-92). Этими формулами подчеркивается факт, что дочь после свадьбы уходит из отчего дома в чужую семью, что она своей семье не помощница, так что сравнение девушки с верхушкой дерева, с ненадежными тонкими ветками, которые можно легко отломить, было символическим, а следовательно, значимым для фольклорного сознания.

В песне «Бежит реченька», записанной нами в с. Покровка в 2011 г. от информатора Бельченковой Инны Митрофановны, 1978 г.р., девушка, отданная замуж в другое село, на третий год замужества, истосковавшись по родителям, превращается в кукушку и летит к родному дому:

Летела-летела и в сад залетела,
На калину села, (2 раза)
Стала куковати.
Села на калину,
На самую вершину,
Стала куковати.

Отмечается, что она села не на любое дерево, какое-нибудь первое попавшееся, а именно на *калину*, и не просто села на калину, а *на самую вершину*, то есть на тонкие ветки. Этим подчеркивается состояние неустойчивости, кратковременности, проводится мысль о том, что она в родительском саду (доме, семье) долго не продержится: выданная замуж девушка здесь уже только гостья, что данное пространство для нее *не свое, а чужое*.

Также учитывается и состояние растения. Цветение является символом счастья, в первую очередь – счастливой любви, а увядшее растение обычно символизирует безысходную ситуацию, в которую попадает герой/героиня, чья судьба погублена житейскими испытаниями и невзгодами. Осыпающийся сад имеет ту же символику. Ранняя любовь оборачивается для девушки горем и разлукой (*Не вовремя сад зацвёл!; Ой сад, ты мой сад, Ой, зачем рано цветёшь?!/*).

Если посмотреть на проблему шире, то можно увидеть, что подобные коннотации (цветение связано с позитивными моментами, увядание – с негативными) пронизывают не только фольклорное сознание, они в целом характерны для русского этнокультурного мировосприятия. И, думается, что не только для него, скорее всего, эти образы являются архетипичными. Это отражается, в том числе, и в языке: цветущий вид, цветущая женщина, увядшее лицо, увядшая кожа и т. п.

Значение имеет и характер действия (это касается не только фитосимволики). Обычно символичным является само движение: движение по горизонтали (идти, бежать, плыть, ехать и т. п.) символизирует любовное чувство, отсутствие движения или движение по вертикали (стоять, сидеть, падать, скатываться, срываться и др.) – символ негативных эмоций: тоски, печали, ревности. Усиление их значения происходит за счет и других символических образов (крутая гора, рев волн, Дунай-речка и др.), различных символических действий (спускаться, гнаться, красть и др.), вплетенных в общий контекст.

Однако надо принимать во внимание, что важен контекст в целом, вся совокупность образов. Например, если на дереве сидит кукушка, то это тоже символ печали, который придает всей песне соответствующую эмоциональную направленность. Иное мы видим в веселой свадебной песне о яблоньке (в тексте она называется «яблочка»), которая «над яром стояла». В ней молодожены изображены в виде двух плодов-яблочек, которые с нее «скатились», «свалились». Несмотря на все, казалось бы, негативные показатели (действие по вертикали, движение вниз), действие «расцветала» сообщает общему контексту позитивный настрой:

Яровая яблочка (2 раза)
Над яром стояла, (2 раза)
Сильно расцветала – (2 раза)
Немножко родила: (2 раза)
Всего **два яблочка**, (2 раза)
И тыи (те – авт.) свалились, (3 раза)
И с места скатились,
А Мария с Иваном
Не вместе родились, (2 раза)
А вместе случились. [1, 71]

Рассмотрим более подробно такой фитоним, как виноград. Данный символ является одним из самых излюбленных у носителей русского фольклора Молдовы. Различные исследователи пытались выдвинуть свое толкование этого символа, однако далеко не каждое из них можно безоговорочно принять, некоторые вызывают сомнения.

Этимологический словарь русского языка дает такое объяснение: «Виноград – заимств. из цслав.; <...> Заимствование из гот. *weinagards*» [6]. Таким образом, это словообразовательная калька готск. *weinagards* (*wein* «вино», *gards* «город»). То есть первоначальное значение слова *weinagards* – сад, где растет растение, из которого делают вино. В песнях нередко встречается выражение *сад-виноград* (ср. *путь-дорога*). В бессарабский период существовало такое понятие, как «виноградный сад» (об этом говорят многочисленные архивные свидетельства).

В первую очередь следует отметить, что образ винограда у славян олицетворял богатство, любовь, благополучие и плодородие (множество ягод в одной грозди), а у восточных славян был еще и символом новобрачных (вспомним, что они тоже сравнивались с ягодами). Видимо, поэтому венчальные и свадебные сюжеты часто включались в тексты виноградий. Кроме того, существовала также старинная традиция славянской культуры – Виноградье на Святки, с исполнением такого вида колыбельных песен, главной особенностью которого было величание хозяев приходившими к ним веселыми компаниями девушек и парней. Но у русских, проживающих в Молдове, эта традиция или хотя бы какие-либо ее элементы нами не были обнаружены.

Это один из наиболее загадочных символов в русском песенном фольклоре. Он вызывает множество споров и точек зрения. Вот что пишет об этом Сидельников: «Очень редки в протяженной песне образы розы, кипариса, лавра, винограда и чернослива. Они не характерны для русской песни и вошли в нее из восточной поэзии» [5, 65]. «Нам кажется, – рассуждает он далее, – что в русских песнях упоминается не южный виноград, а так называемый „дикий виноград“, который рассаживается возле домов в центральных и других районах России наряду с плющом, хмелем и другими вьющимися декоративными растениями. В одной из песен чулковского сборника говорится, что „стояла светла светлица“ в саду „во вишенье, во зеленом виноградыце“ (ч. II, № 157). Виноград обвивал эту „светлицу“, рос вокруг стен ее. Южный виноград, как правило, растет небольшим кустарником, и в виноградушке вишня не сажается. Ягоды у „дикого винограда“ мелкие и черные, а листья с обратной (внутренней) стороны зеленовато-красноватые. И когда поется в песне „виноградье красно-зеленое мое“, то, видимо, имеются в виду листья этого винограда. Этот вид винограда встречается и в русской народной вышивке (в скатертях, на платках, на шалях), и в кружевах» [5, 65].

А. Т. Хроленко выражает сомнение в том, что частое в русской лирике сочетание *сад-виноград* правомерно воспринимать как «сад, в котором растет виноград», хотя некоторые примеры заставляют так думать. Он приводит примеры песен (из сборника А. Шейна и др.), которые свидетельствуют об отсутствии у носителей фольклора России (северных и центральных областей) мало-мальски реалистичного представления о том, как выглядит растение виноград, виноградный куст (*Бережки были хрустальны, / Стоят древы виноградуны*) [7].

Даже если это и было так до приезда переселенцев в Молдову, то в здешних краях с вековыми традициями выращивания виноградной лозы и занятия виноделием образ «песенного» винограда, каким бы экзотическим и непривычным до этого он ни был, получает в их сознании вполне реалистические характеристики. Они, разумеется, смогли здесь увидеть, как выглядит «с винограда веточка», «спелый/зеленый виноград» и тот же «сад-виноград», то есть образ винограда утратил свою неопределенность и обрел зримые черты. Однако символика осталась прежней (см. выше):

Ходила, гуляла, ходила, гуляла,
Ходила, гуляла **в зелёном саду**.
Щипала, ломала, щипала, ломала,
Щипала, ломала **спелый виноград**.
Кидала, бросала, кидала, бросала,
Кидала, бросала милому в кровать
– Чи ты, милый, спишь, что так лежишь?
И слова не промолвишь, и слова не промолвишь,
И слова не промолвишь, и ответ не дашь.
Задумал жениться, задумал жениться,
Задумал жениться – мене не берёшь. [1, 43].

Идти в сад – хорошо расти, входить в пору совершеннолетия. В данной песне важно, что ягоды созрели («спелый виноград») – следовательно, девушка созрела для замужества, любовь ее окрепла, и она сама прямо об этом говорит.

Нередко, впрочем, виноград бывает в песнях зеленым, что говорит о неготовности девушки к любви или о том, что чувству между юношей и девушкой по тем или иным причинам не суждено развиваться. Вот один такой пример – песня из категории, которую Р. А. Богомольная назвала «солдатские песни и песни о солдатах»:

При долине, да при широкой
Брала, расстилала лен.
Не нашла ж она парня молодого,
Которого сполюбила.
Сполюбила парня молодого,
А его в рекруты взяли.
*Ходила-гуляла в зелёном саду,
И всё щипала-рвала зелёный виноград.*
И отдала милому в терем
Всё: гостинчик дорогой и пряничек медовый.
Вот тебе, мой миленький. [1, 25]

В ней говорится о несостоявшемся замужестве девушки на выданье, жениха которой забрали в солдаты (см. и другие символы, представленные в тексте песни).

Таким образом, весь проанализированный (насколько позволили рамки статьи) в данной публикации материал – записанные у носителей русского фольклора в Молдове произведения – говорит о том, что фольклорное сознание их исполнителей и слушателей, в основном, сохранило свойственную им фитосимволику, основывающуюся на растениях, во многом характерных для нескольких иных географических широт. Это касается, в том числе, нечасто встречающейся в здешних краях, но милой русскому сердцу березы. Однако относительно хвойных следует отметить, что эти символы практически не зафиксированы в песенном фольклорном фонде русских Молдовы. Зато, следует думать, образ винограда, который до приезда сюда был несколько неопределенным («сад-виноград», «виноградье мое красно-зеленое»), обрел зримые, реалистические черты в восприятии местных носителей русского фольклора. Данный символ является у них одним из самых излюбленных. В целом, следует отметить, что фитосимволика составляет самый богатый пласт символов фольклорного сознания и отличается разнообразием.

Zaikovskaya T. V.

Reflection of vegetative characters in the folk consciousness of native Russians living in the Republic of Moldova

Abstract: Russian folk songs, which are presented on the territory of the Republic of Moldova (in the villages Cunicea, Pokrovka, Old Dobrogea, Egorovka etc.), have a wide use of vegetative symbols. They occur much more frequently than animalistic symbols. Such vegetative symbols, as *birch, oak, viburnum, aspen, apple, pear, grapes, tarragon, poppy, flax, mint, rose* and others. The article notes that the analysis of the symbolism of songs should be considered in the context of the whole, the entire set of images.

Keywords: Russian folklore, the Republic of Moldova, vegetative symbols, folk consciousness.

Библиография:

1. Богомольная Р. А. *Русская народная песня в Молдавии*. Кишинев, 1968.
2. Лазутин С. Г. *Поэтика русского фольклора*. М.: Высшая школа, 1981 // www.libs-web.ru/philol/lazutin/2_2.html
3. Потебня А. А. *О некоторых символах в славянской народной поэзии*. Изд. 2-е. Харьков: Мирный труд, 1914.
4. Савельева Н. М. *Народные песни русских поселений Молдовы и Украины*. Вып. I. Песни и хороводы села Егоровка // *Русская традиционная культура*. М.: Родник, 1998, № 6-8.
5. Сидельников В. М. *Поэтика русской народной лирики*. М., 1959.
6. Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. В 4-х тт. Т. I. 1986.
7. Хроленко А. Т. *Введение в лингвофольклористику*. М., 2010.

РАССКАЗ А. П. ЧЕХОВА «У ЗНАКОМЫХ»

Аннотация: В статье осуществляется попытка целостного анализа рассказа А. П. Чехова «У знакомых» и представлено его сюжетно-композиционное построение.

Ключевые слова: история создания произведения, развитие действия, «эпизод», двойственный характер героя, размышление, воспоминание.

Этот рассказ относится к периоду творческой зрелости писателя (1898 г.) и открывает X том полного собрания его сочинений и сочинений в 18 томах. Автор примечаний к тексту рассказа, известный чеховед В. Б. Катаев, отмечает, что топография и хронология рассказа во многом совпадают с тем, что было известно самому Чехову по его пребыванию в подмосковном имении Бабкино у его знакомых Киселевых. [2: 356] К 1897 году их усадьба была так же разорена, как и Кузьминки в рассказе «У знакомых», а тема разорения дворянских гнезд становится одной из ведущих в чеховском творчестве.

«Вместе с тем рассказ остался незамеченным русской критикой». [2: 360] Ему уделялось гораздо меньше внимания, чем таким прославленным шедеврам поздней чеховской прозы, созданным в конце 90-х годов, как, например, «Ионыч», «Душечка», «Маленькая трилогия» или «Дама с собачкой».

Сам Чехов был недоволен рассказом, писал об этом А. С. Суворину 6 февраля 1898 года: «... рассказ далеко не глазастый, один из таких, которые пишут по штучке в день». [2: 360] В. Б. Катаев полагает, что у писателя могли быть причины для неблагоприятного мнения о своем произведении: «необходимость выполнения обещания перед издательством «Космополис» прислать рассказ и пожертвовать каким-то замыслом («Крик»). К тому же, возможно, он не хотел привлечь внимание к рассказу, в котором содержались намеки на определенных лиц. Вероятно, эти причины оказались решающими, когда Чехов отказался включить рассказ в собрание сочинений». [2: 360] В дальнейшем текст рассказа «У знакомых» рассматривался в его соотносительности с пьесами «Три сестры» и «Вишневый сад». Назовем труды С. Д. Балухатого о чеховской драматургии и книгу Э. А. Полоцкой «Движение художественной мысли». Уподобляя пьесу «Вишневый сад» морю, в которое вливались воды, наполнявшие все предыдущее творчество Чехова, исследователь сравнила рассказ «У знакомых» с самой большой и полноводной «из рек, питающих это море». [3: 258]

В конце концов рассказ занял свое место в собрании сочинений, а в свете сказанного обращение к целостному анализу рассказа «У знакомых» представляется оправданным.

Понимая, что целостность произведения определяется «взаимопроникновением всех его частей», мы, вместе с тем, согласимся с теми исследователями, которые полагают возможным осмысление целого через его часть, где часть оказывается «исходным материалом» анализа, «а целое – его конечной целью». [1: 19-22] « В зависимости от общего характера стиля тот или иной элемент имеет значение организующей доминанты, господствуя над остальными и подчиняя их себе». [6: 332]

Роль такой доминанты в рассказе Чехова «У знакомых», по нашему мнению, выполняет сюжетно-композиционное построение текста с его кольцевой композицией и развернутым сюжетом.

Повествование начинается с четко построенной завязки действия. «Утром пришло письмо: «Милый Миша, вы нас забыли совсем, приезжайте поскорее, мы хотим Вас видеть. Умоляем Вас обе на коленях, приезжайте сегодня. Ждем Вас с нетерпением. Та и Ва. Кузьминки, 7 июня». [5: 7] Завершение текста явно перекликается с его началом. «Дома у себя на столе он увидел прежде всего записку, которую получил вчера». [5: 23] Описание одного дня, проведенного вместо трех задуманных в имении Кузьминки, и составило содержание всего произведения.

Акцентируя, таким образом, временной план рассказа, повествователь вместе с тем растягивает до мельчайших подробностей основную часть текста, которая представлена как пространственное обозначение событий и диалогов, заполнивших пребывание адвоката Михаила Подгорина у друзей своей юности. Это и упоминание о том, как он чуть не женился

на Надежде, сестре владелицы усадьбы Татьяны Алексеевны Лосевой, подробности вплоть до букета роз, которые в темной комнате Татьяны казались одноцветными, или любимых изречений Сергея Сергеича Лосева. Основное же содержание текста составили рассуждения обитателей усадьбы о возможности ее спасения. Обращают на себя внимание также великолепные описания природы.

Таковы «ворота хронотопа», через которые читатель «вступает» в произведение.

В структуре рассказа нет авторских цифровых обозначений, которые бы указывали на его части или фрагменты, отделяющиеся друг от друга, однако они могут быть легко прослежены. В. И. Тюпа подобные фрагменты назвал «эпизодами», анализируя другой рассказ А.П. Чехова («Володя»). В рассказе «У знакомых» будем понимать каждый эпизод как единицу построения чеховского рассказа, «отрезок текста, характеризующийся единством места, времени и ролевого состава действующих лиц; перенос во времени или пространстве, перемена персонажей знаменует границу эпизода». [4: 50] 14 эпизодов именно такого рода и представляется возможным выделить в анализируемом рассказе.

Первый из них включает в себя экспозицию повествования, знакомит нас с действующими лицами произведения сквозь воспоминания Подгорина об обитателях когда-то прекрасного, уютного уголка помещицкой усадьбы. Обратим внимание на тот факт, что слова «вспомнилось» и «думал» повторены в этом эпизоде неоднократно и окрашивают воспоминания Подгорина добрым и благодарным чувством. Например, «Милая Ва, – думал Подгорин, отдаваясь воспоминаниям, – какая она славная!» Но неожиданно для самого себя Михаил вдруг почувствовал, что, любя их всех, «...больше, кажется, любил их в своих воспоминаниях, чем так. Настоящее было ему мало знакомо, непонятно, чуждо. Было чуждо и это короткое, игривое письмо, которое, вероятно, сочиняли долго, с напряжением, и когда Татьяна писала, то за ее спиной, наверное, стоял ее муж, Сергей Сергеич..., разоривший эти Кузьминки. Очевидно, и теперь хотели от него совета или денег». [5: 7]

Во втором эпизоде происходит смена настроения главного героя: «Грустно там. Нет уже ни смеха, ни шума, ни веселых беспечных лиц, ни свиданий в тихие лунные ночи, а главное, нет уже молодости». [5: 8] Отношение Подгорина к своим знакомым таким образом можно определить как двойственное. Оно осложняется еще и тем, что Миша когда-то был влюблен в Надежду, собирался сделать ей предложение, но «вот уже двадцать четвертый год, а он все еще не женился». Таким образом, сюжетная ситуация приобретает еще один план – женитьба Нади и Подгорина как одна из возможностей спасения Кузьминок наряду с дружеским визитом и консультацией специалиста. Ведь Подгорин – адвокат.

В третьем эпизоде представлено описание встречи Подгорина на железнодорожном вокзале в Москве. Встречали его Сергей Сергеич и Надя, и этот момент сюжетного действия служит толчком в его развитии. Здесь как бы переплетаются две его линии: личная, связанная с образом Надежды, еще влюбленной в Подгорина, и деловая, связанная с обликом Сергея Сергеича, который ведет себя в высшей степени развязно и эгоистично. У него была манера неожиданно для собеседника произносить в форме восклицания какую-нибудь нелепую фразу. «Он, когда говорил, дышал собеседнику в лицо», у него «упитанное тело» и «надменный вид». Рядом с ним Надежда, стройная, с добрыми ласковыми глазами, «казалась воздушной». Но тут же сказано: «Красивая или нет, Подгорин понять не мог, так как знал ее с детства». Более того, «теперь она была в белом платье с открытой шеей, и это впечатление белой, длинной голой шеи было для него ново и не совсем приятно». [5: 9]

Тем самым сблизжаются два противоположных персонажа: антагонист Подгорина Сергей Сергеич и девушка, которую считали его невестой.

Начиная с четвертого эпизода повествователь как бы проводит своего героя по знакомым ему местам дворянской усадьбы. Воспоминания Подгорина вновь оживают, и на какое-то время он погружается в забытую уже атмосферу распорядка усадебной жизни, с одной стороны, и радостной надежды на будущее – с другой. Это и «шумная встреча» на террасе (эпизод четвертый), и страстные монологи в комнате Татьяны, которая убеждает всех, что готова ехать за мужем в Сибирь, но надрывно, даже истерично заявляет, что рано или поздно должна вернуться в Кузьминки. «Без Кузьминок я не могу. И не могу и не хочу. Не хочу, –

крикнула она и топнула ногой». Ей вторит подруга Татьяны Варя: «Выручайте, Миша, выручайте». [5: 9]

Подгорин – один из задумавшихся чеховских героев. Он в очередной раз считает, что «надо бы подумать, надо подумать, может, придумаю что-нибудь». И вновь почему-то его смущало, что Надежда сидела у его ног, а «ее голая шея ему не нравилась, даже хотелось уехать домой...». [5: 9]

В пятом эпизоде описано, как все пошли гулять в сад, потом в поле. Когда зашло солнце и стало темнеть, «по линии железной дороги там и сям зажглись огни, зеленые, красные...» Варя стала читать строки из стихотворения Некрасова «Железная дорога», когда забыла текст, Подгорин напомнил ей, и почему-то «после ее чтения зеленые и красные огни стали казаться печальными». Так движение сюжета, в котором столкнулись настоящее и прошлое, достигает своей высокой точки, выходя за пределы личной жизни героев. В дальнейшем о Варе будет упомянуто Подгоринным еще дважды. «Спойте, Варя, что-нибудь... Ну, из Некрасова прочтите», – просит он. Уединившись лунной ночью в башне, он скрывается от Надежды, и ему хочется, чтобы вместо нее здесь была бы Варя, которая опять прочла бы «Железную дорогу», или другая женщина, «которая стоя на виду, там, где стоит теперь Надежда, рассказывала бы что-нибудь интересное, новое, не имеющее отношения ни к любви, ни к счастью, а если бы о любви, то чтобы это было призывом к новым формам жизни, высоким и разумным, накануне которых мы уже живем, быть может, и которые предчувствуем иногда». [5: 22-23]

Получается, что указанные подробности раздумий Подгорина так или иначе оказываются связанными с «Железной дорогой» Некрасова и, складываясь в единое целое, формируют лейтмотив всего повествования.

В итоге Подгорин, глядя теперь на печальное, уже поблекшее лицо Вари, думал, что в сущности следовало бы помочь не Кузьминкам и не Сергею Сергеичу, за которых она хлопочет, а ей самой. [5: 16]

«Элегический драматизм» (В, И, Тюпа) таким образом пронизывает текст рассказа и становится его художественной основой. При этом иронический подтекст также очевиден. Если теперь продолжить наблюдения над характером и последовательностью намеченных эпизодов, с помощью которых описываются все события, происходящие в рассказе, то окажется, что их характеристики связаны с пространственными и временными приметам, обозначенными в начале каждого из фрагментов.

Так, шестой эпизод начинается словами: «Вернулись домой и сели ужинать», седьмой выделяется пометой «Пожинали». Восьмой звучит как приглашение: «Пойдемте в сад, – сказала она. – Мне нужно с Вами посоветоваться». Девятый эпизод начинается обозначением: «В гостиной за роялем сидела Татьяна», а в десятом и одиннадцатом действие переносится во флигель, где Подгорин жил когда-то. Именно здесь состоится «сердитый» разговор между Подгоринным и Сергеем Сергеичем.

Повествователь выстраивает четкие указания, где, когда и что происходит в Кузьминках не только в день приезда долгожданного гостя, но и ежедневно, всегда. Создается настроение скуки и какой-то болезненной нервозности, порожденное атмосферой постоянных диалогов, просьб и рыданий. Кульминацией такого времяпрепровождения становится столкновение между главным героем рассказа и его антагонистом: «Всю жизнь ничего не делать, всю жизнь эта праздная ребяческая болтовня, ломание, кривляние... Тяжело с вами, скучно с вами до одурения». [5: 20]

Заметим также, что двенадцатый и тринадцатый эпизоды представляют собой не диалоги или полилоги персонажей, а сосредоточенные размышления Подгорина наедине с тихой ночной природой, пленяющей его лунным светом. И когда он разглядел в лунном сиянии Надежду и спрятался от нее, то затих в своей башне и понял, что она «ждала ласки... и вся ее фигура, и блеск глаз, и застывшая счастливая улыбка выдавали ее сокровенные мысли..., а ему было неловко, он сжался и притих... и думал только о том..., что эта поэзия отжила для него так же, как и та грубая проза. [5: 22]

Четырнадцатый эпизод посвящен решению Подгорина утром уйти из Кузьминок. Он завершает все повествование и является концовкой сюжетного конфликта. Здесь, как и в

других чеховских рассказах об «уходе», важно, «не куда уйти, а от чего уйти». [2] Вот и Подгорин, уходя из усадьбы Лосевых, уходит от изжившей себя праздной жизни, выразив тем самым протест Сергею Сергеичу с его «старыми дурными привычками, которые вьелись в организм, и уже неизлечимы». Уходит от когда-то милых ему женщин, испытывая смущение, страх и скуку. «Ему было стыдно своей нервности. Он чувствовал, что в Кузьминках он уже последний раз и больше сюда не приедет, и, уезжая, оглянулся несколько раз на флигель, в котором когда-то было прожито так много хороших дней, но на душе у него было холодно, не стало грустно». [5: 23]

Это «не стало грустно» не только выражает новое состояние главного героя, но и звучит как оптимистическая нота, замыкающая грустно-ироническое повествование о разорившемся имении и несостоявшейся любви.

Poh L.I.

Anton Chekhov's story "The Familiar"

Abstract: The article attempts to analyze integrally Anton Chekhov's story "У знакомых". Its plot structure is presented.

Keywords: the work's creation story, plot development, "episode", a personage's dual character, reflection, reminiscence.

Библиография:

1. *Восприятие, анализ, интерпретация*. Выпуск 1-ый. Вильнюс, 1992.
2. Катаев, В. Б. *Примечания*. В: А. П. Чехов. Сочинения в 18-ти томах. Т. X, М, 1985.
3. Полоцкая Э. А. *А. П. Чехов. Движение художественной мысли*. М., 1979.
4. Тюпа, В. И. *Художественность чеховского рассказа*. М., 1989.
5. Чехов, А. П. *Сочинения в 18-ти томах*. Т. X. М., 1985.
6. Эйхенбаум, Б. М. *О поэзии*. Л., 1969.

Leahu Nicolae

Universitate de Stat „Alecru Russo” din Bălți

Republica Moldova

nicolae_leahu@yahoo.com

GRIGORE CHIPER. CĂRȚILE ÎNCEPUTURILOR

Rezumat: Parte a unui studiu mai amplu, articolul de față examinează modul în care se constituie poezia lui Grigore Chiper în cărțile începuturilor, *Abia tangibilul* și *Aici, în falset*, autorul acreditând în lirica românească din Basarabia a anilor '80 ai secolului trecut două căi de manifestare a modernității în poezie: poezia notației și poezia fragmentarismului.

Cuvinte-cheie: poezie, poezia notației, optzecism, poezia fragmentaristă, poetică personală etc.

Timid în viață și mereu prudent în modul cum scrie și ce scrie, Grigore Chiper poartă pe dedesubtul scrobilor lucidității toga gri a apostolilor ezitării între a spune și a lăsa să se înțeleagă că și-așa e clar, fără prea multe cuvinte. Universitarizând, scriitorul ține aproape trei decenii cursuri de gramatică, încalcă intermitent și un nărăvaș doctorat în probleme de lingvistică, pentru a scrie, în cele din urmă, vijelios, o teză cu subiect istorico-literar, dedicată începuturilor optzecismului din Basarabia.

Observația (referitoare la ezitare, desigur) ar trece ca superficială dacă nu am aminti că, la momentul debutului, viitorul scriitor încerca să forțeze ușa (deschisă) a propriei sale biografii literare cu numele de Grigore Ralian. Tripla etalare a lichidei *r* din acest demipseudonim părea să profetească un destin artistic vibrând de emoțiile nerăbdării. De pildă, astfel semna dipticul cu incolorul titlu „Secvențe” în nr. 10 pentru 1988 al revistei „Moldova”. Când constatăm însă că însuși titlul în cauză este un semn de nesiguranță denominativă, înțelegem că readoptarea numelui de Grigore Chiperi (cum vor fi semnate volumele de poeme „Abia tangibilul”, 1988 și „Aici, în falset”, 1991), iar apoi, nu mai puțin, eliminarea semnului moale (chirilic) și, implicit, a i-ului final din... plural –... singularul Chiper(i), pentru a se relegea drept Chiper (când vine și *Perioada albastră*, 1997), au fost, în realitate, decizii extrem de dificile, implicând descărcări de energii identitare mult mai profunde și mai complexe. Că este anume așa, ne-o sugerează până și titlurile volumelor *Abia tangibilul* și *Aici, în falset*, ambele răspunzând aceleiași logici, subliminale, a febrei căutări a unor linii de demarcație sigure între o corporalitate mustind de sine și ...tangentele ei, iar, pe de cealaltă

parte, un univers (sovietic!) perpetuându-și existența în... deșertăciunea (falsetul!) unei ideologii falimentare. Oricum, o indeterminare suverană învăluie ambele titluri, stimulând autorul să exploreze vagul și flexibilul unor norme în funcție de care să se proiecteze visata, dar sobra, totuși, abatere *personală* de la genul proximal al discursului poeziei anilor optzeci.

Până la primele două cărți ale lui Grigore Chiper și la cele ale malițiosului său emul Vasile Gârneț („Peisaje bolnave”, 1990 și „Personaj în grădina uitată”, 1992) lirica optzeciștilor basarabeni e sau umil rurală, cochetând cu amintirile – stilizate – ale copilăriei și adolescenței, ca în „Timpul probabil” (1983) al lui Nicolae Popa, sau zgomotos-histrionică, iconoclastă și tragic apocaliptică, la trioul Galaicu-Păun, Cioclea și Ciornei.

Ca și Vasile Gârneț, Grigore Chiper nu are vocația improvizației și spontaneității, a efervescenței erudite sau a calamburului casant. Cu lectorul în față, care nu poate fi decât unul *ideal/avizat/competent*, ca la Umberto Eco sau Hans Robert Jauss, acești poeți înalță scrisul la plăcerea de a (se) comunica *direct*, chiar dacă eliptic sau sincopat, escaladând imperturbabili denivelările emisiei și montând în interstițiile textului „capcane” și „mine”, neologisme sau profesionalisme „exotice”, ironii și aluzii livrești. Ținta ultimă a gestului creator pare a fi instituirea unui ritual al convocării sub aceleași auspicii a celor doi agenți esențiali ai actului de comunicare: scriptorul și cititorul. Prins în mrejele jocului, cel din urmă își cultivă iluzia că decriptând textul, îl și recrează, instituindu-se în coautor cu drepturi egale. Nu e decât un reflex al esteticii receptării, al noilor hermeneutici din care încet-încet începe să se nutrească arta – postmodernă – a poemului. Suficient de apropiați stilistic la ora debutului, ambii poeți mizează pe recuperarea evenimentelor memoriei subiectului rostitor, singurul care contează în jocul comunicării, decupând „episoade” inevitabil fragmentariste, pe care le încolonează în fluxuri senzoriale obligate să se supună coerenței dicțiunii. „Fluxul conștiinței”, gândește asociativ-proustian Grigore Chiper, „curg fragmentele”, îi răspunde meditativ-programatic Vasile Gârneț, niciunul nelăsând însă „fluxurile” (de fragmente) sau „fragmentele” (colate în flux) să curgă de capul lor, ci dirijându-le în conformitate cu planul de instaurare a viziunii.

Parcimonios editorial, ca și toți ceilalți congeneri ai săi (între care nu aflăm niciun campion al fecundității textuale precum șaptezeciștii Nicolae Dabija, Iulian Filip etc.), cu un bilanț la zi de șapte volume de poeme, două volume de nuvele și un studiu critic, Grigore Chiper este mai cunoscut astăzi ca titular al rubricii de cronică literară din revista „Contrafort”. Oricât de corectă formal, pentru că are în vedere o contribuție lunară de două decenii, această recunoaștere publică defavorizează poetul, pe care, altădată, Andrei Țurcanu și Mihai Cimpoi, de pildă, îl considerau emblematic pentru definirea demersului a ceea ce ei numeau generația „abia tangibilului”.

Debutând într-o perioadă de maximă expansiune a ideii naționale în Basarabia, Grigore Chiper alegea, de la început, să-și forjeze din cuvinte o insulă de refugiu cât mai îndepărtată de zumzetul tot mai greu de diferențiat al viespilor și albinelor prozodiei patriotice. Fără a ignora actualitatea, pe care o semnalează – discret, doar punctându-i frontierele de la vuietul necuten al străzii la tragicele ecouri ale războiului transnistrian, poetul își revendică un ton și un teritoriu conforme cu sensibilitatea sa, o sensibilitate refuzând gesturile largi, spectaculare. Nebunia politică pervertește poeticul, sugerează atitudinea lui Grigore Chiper, ea îi mutilează simțurile, orientându-i-le către *practic* și *imediat*, obligându-l la o nefirească alianță între gazetă și metafizică, istorie și atemporalitate, economie și religie, demografie și baionetă. Ceea ce reprezintă un dublu abuz, pentru că recuperează, involuntar, împrăștiata pulbere a proletcultismului. Intuiția, altfel zis, îi cere poetului să-și exprime epoca pornind de la individ, de la singura instanță pe care s-ar putea întemeia coerența realului. Aruncată în aer, cu toată ideologia (comunistă) și miturile ei, lumea nu-și mai poate găsi temeiul decât în *celula suferin-dă* (sintagmă brevetată de Andrei Țurcanu), decât în recăștigata – de la impersonalizantul discurs modernist – persoană biografică a auctorelui, a scribului, cum îi relativizează statutul unii optzeciști tocmai pentru a-l re-pune în discuție, pentru a-i face posibilă reontologizarea, risipită în exaltat-programaticile texte ale marilor moderni, de la Baudelaire și Rimbaud la Pound, Pessoa și Eliot.

Un misterios confident (cititorul, însăși instanța auctorială ghidată-interogată-penalizată de mâna invizibilă a eului/sinelui sau a „maestrului”, cum o insinuează un vers) consemnează-evocă-ascultă-admiră:

„Zidul vechi din oraș ne va servi drept hotar
Când marea va fi alături.

Îl vezi? Apusul de soare
răstoarnă orice părere de rău,
grămezile înalte de rumeguș,
din depărtare, par a fi piramide.
Acolo, îți arăt, pe banca de la soare
era locul meu,
cel mult vorbea tăcerea,
colinele ne aduceau tot alte valuri –
un timp cald se contura fără motive.
Totul pare să fie venit de undeva,
e ca un ecou, spune maestrul.
Și trecem de semnele
ce le-ar putea naște moda culorilor stridente
sau chipul cu ațele tăiate.
Iradiază ochii tăi redeșteptând speranța
ca o nepieritoare linie
ce înconjoară marea, zidul. (I, 89) 1

Am citat integral acest text fără titlu, ca și toate celelalte de altfel, din „Abia tangibilul”, pentru a lua act dintr-o scurtă ochire de modul cum se anunțau la începuturi datele de fond ale poezicii lui Grigore Chiper. O voce calmă, emanând dintr-o entitate vagă, care își regizează cu răbdare ieșirile la rampă, rostește conspectul – fragmentarist – al unor stări derulându-se sub zodia părelnicului („Gestul meu lasă doar urme vagi...”, I, 34; „Totul pare să fi venit de undeva / e ca un ecou, spune maestrul” (I, 89)). Nimic nu mai amintește aici ipostazierile bicepsial-eroizante ale eului romantic, dar nici furia distructivă și împănările celui avangardist. Conflictul eului cu „lumea” s-a volatilizat, lumea însăși topindu-se în rostire ca o esență volatilă. Vorba vine: „Apusul de soare / răstoarnă orice părere de rău”. Materialitatea lumii atâră de „ecoul” pe care îl lasă lucrurile în cuvintele care le numesc. Cu certitudine, pentru Grigore Chiper poetul nu mai este un transmitător de „haruri”, un „savant”, un „guru”, cum nu este niciun inițiat în știința „transformărilor revoluționare”, ca Maiakovski și atâția alți creatori devorați de propriile lor fantasme social-politice. Scuturat de iluziile pe care le implică, acest mod de poezire e ca și îmbălsămat și expus în mausoleul literaturii moderne. Aventura poetică, deci, abia de aici poate reîncepe, de la conștiința muzealizării formelor poeziei și nevoia de a-ți regăsi vocea, vocea ta de om viu în apocalipsa discursurilor.

*

Purtînd un motto din „Ulise” al lui Joyce („ – I fear those big words, Stephen said, which make us so unhappy”), dar neavînd un „Cuprins”, ceea ce „organizează” materia cărții într-un poem în lanț, pretinzînd cel puțin o unitate convențională, fie și una secvențial-fragmentaristă, volumul „Abia tangibilul” debutează cu enunțul „E vară, atîta mi-am zis”, încheindu-se cu versul-aluzie „Martie închide livada cu vișini a lui Cehov”. Între cele două versuri aflăm traiectul parabolic al arderii lumii/eului până la stingere și amortire la gradul zero al sensibilității, cu șansa minimă a reluării livrești a aventurii trecerii, a *marii treceri* blagiene, prin miracolul regenerării. Iar dacă ne amintim că Grigore Chiper va scoate mai târziu o carte de poeme care invocă iarăși numele lui Cehov (de această dată, în însuși titlul volumului, „Cehov, am cerut obosit”, 2001), înțelegem cât de importantă este pentru poetica sa înalta discreție lirică a prozei și dramaturgiei cehoviene. Grigore Chiper vrea mereu să ne spună o poveste care se ascunde îndărătul cuvintelor/ vorbelor, acolo unde colcăie, de exemplu, *oboseala*, care nu poate fi stinsă decât cu o ... pagină de Cehov.

Programatic desentimentalizant și deliricizant, „extrem de sărac, de sobru, de reținut” (2), cum definea Mariana Codruț stilul lui Gr. Chiper (adevărat că în legătură cu „Aici, în falset”), volumul „Abia tangibilul” anunța un lirism al stărilor latente, al convulsiilor intelectual-domestice ale personalului, stimulat activ de o energie secretă să reacționeze mental/scriptural la evoluțiile fantomelor realului și ale memoriei.

Rostită cu un fel de lentoare calculată, vîscoasă adeseori, cu indiferența sau spaima camuflată a unui Mersault (sau chiar a unui Akaki Akakievici, Gogol fiind invocat și el ca pretext de lectură),

poezia este, pentru Grigore Chiper, „abia tangibilul, primul semn. / Restul e ușoară înlănțuire de vocale și de consoane, / valuri ce nu răzbat dincolo de hotarele verii” (I, 80). Ca un „mers de păianjen obosit”, emisia mai mult *articulează* decât stimulează apatica propulsie a comunicării poetice. De aici rezultă o colocvialitate estompând frontierele temporale și malformând spațiul poetic, instaurând sau anulând imagini, amestecând textualist vârstele („Cade frunză de arțar tocmai din vârful / din septembrie, / peste malul arâmiu al unui alt septembrie”, I, 34) sau edictând definiții memorabile („Lună de aur – octombrie”, I, 49; „Iarna înseamnă cameră și calorifer”, I, 68). Cenzura severă a poezii patetice și a elanurilor căutat-expresive apropie discursul de un punct în care *poeticul* se dizolvă în vorbire, iar rostirea începe să se încarce de greutatea semnificației lirice.

Temperamental bacoviană, fără a se dezvălui, totuși, ca la Vsevolod Ciornei, în „Atemporală”, într-un cronotop suspendat („În casa fără calendare, / în spațiul fără de timp”), meditația asupra condiției crono-spațiale a omului culminează, la Grigore Chiper, în metafora existențialistă a claustrării și așteptării: „Spațiul e odaia, / timpul – așteptarea”.

Disponibilitățile pentru pictural ale poetului, semnalate și de Mariana Codruț în legătură cu volumul „Aici, în falset”, unde cromatismul acuarelat este mai puțin vizibil decât în „Abia tangibilul”, dau imagini de o neobișnuită forță de sugestie și virtuozitate ludică a liniilor desenului, multe din ele constituindu-se, în limbajul lui Marin Mincu, în autentice *stampe spiritualizate*, „făcute cu bețișorul în țărână”, fără echivalent în întreaga poezie a generației '80. Prin această calitate a sa, „Abia tangibilul”, cea mai bună carte a autorului de până acum, se situa de la început dincolo de atât de des invocatul deziderat al *sincronizării*:

„A câta oară,
fără să vreau,
firul tău nevăzut mă apropie
de misterioasele ruguri arzânde pe apă.
E sărbătoare. Solzii valurilor molcome adie
a tristețe...” (I, 40)

În continuare, alte pete de culoare sau aglomerări de imagini, încurajând privirea să lungece direct din real în imaginar, acroșând când secvențe de *peisaje*, livrești, *ale sufletului*, când freamătul viu al naturii: „peisajul tău preferat / cu prima zăpadă / învăluită încă de frunze, vânt sau altceva”, „amurgul adună razele în noi / sloiuri de întuneric se zăresc peste păduri”, „rafale, frunze sângerii, luna prăvălită peste pomi”... Cu reflexe de haiku, acest pictural din decupaje impresioniste va licări arar în volumul „Aici, în falset”, ceea ce nu-i va împiedica pe unii exegeți să-i constate abundența chiar dincolo de poetica fragmentarismului, adoptată doctrinar anume în această carte:

„și s-a dat să prinzi
numai fragmente
vârful bastonului ciocănind
pe asfaltul concret
ființa marginală
a culorilor (s.n. – N.L.)
în repaos”
(„numai fragmente”, II, 14)

Recenzând volumul „Peisaje bolnave” de Vasile Gârneț, Alex. Ștefănescu lămură în următorii termeni cauzele și mobilurile fragmentarismului, specifice și lui Grigore Chiper, dar și altor cultivatori de „secvențe”: „Vasile Gârneț are, desigur, ca toți moldovenii un sentimentalism de fond, irepresibil. Însă, o acută conștiință estetică îl determină să-și regândească înclinația spre reverie și duioșie, să o valorifice de pe o poziție emancipată. El supune sentimentalismul unui „tratament tehnic”, pentru a-l „moderniza”. Exact ceea ce fac și la noi mulți dintre poeții ieșeni. Soluția la care recurge V. Gârneț este fragmentarea fluxurilor anamnezice. Reconstituirea trecutului își pierde acea cursivitate care îi face pe poeții sentimentali să semene cu niște povestitori și capătă un ritm alert, o discontinuitate provocatoare. Poemul se compune din secvențe eterogene și alogice; în mentalitatea comună, ele nu sunt „reprezentative” (de exemplu, n-ar putea figura într-o autobiografie convențională), însă din punct de vedere poetic se dovedesc expresive”(3). Explicația este valabilă numai pe jumătate, în ceea ce privește „sentimentalismul” moldovenilor, mai dezinteresându-se și de voința

poetilor basarabeni de a experimenta variate tipuri de rostire, de a cola enunțuri și expresii sau de a fractura violent registrele comunicării, după modelul interferării libere a pasajelor culturale în însuși actul gândirii. Moldovenii sunt sentimentali, ce mai!, iar atunci când vor să proustianizeze, n-o pot face până nu scot de sub limbă pastila vierian-druțiană care le dă atât de recunoscutibilul parfum regional, ca să nu spunem provincial și să fie și adevărat așa cum sunt și „defazarea” sau contemplanța prăpăstiilor de pe drumurile naționale din postura celei de-a cincea roți la căruța lui Moș Nechifor, coțcariul, care, schimbând-o până la Neamț de oricâte ori îi venea inspirația, roata ajunse pur și simplu de nerecunoscut, mai exact, ca singura din cele cinci numărabile. Așa-i Malca?

Dar, trecând peste deloc șugubeața noastră digresiune, să urmărim cum funcționează această „tehnică”, adunând așchii de real, comparații, fantasmе, bruioane sub coaja imaterială a poemelor lui Grigore Chiper:

„Brusc îți amintești de primăvara
ce curge pe coarnele de taur
oțelul din ochi strălucește mai
viu decât drumețiile noastre ipotetice
umbra e întinsă pe pământ
cum haina roșie pe trup de femeie
printre clătănări pronunțate e drumul maicilor
dai de câteva ori cu piciorul într-o tulpină
stârnești de sub ramuri
melancolii cioturoase
ne plimbăm în veșminte de păsări captive
și e perioada să se încheie un ciclu
boala, înțeleg, e humorul morții
imaginile noastre se scurg cu tot
cu cai în băltoacele timpului
umed și rece și zgârcit (II, 114)

Refuzând coerența de broderie meșteșugită a narațiunii poetice (4), poemul pare să ignore și ideea de incipit (motiv!) și pe cea de culminație. Fragmentele imită mișcarea haotică a unor nuclee de sens ce acceptă mai degrabă o formă de vecinătate curtenitoare decât utopia solidarității „indestructibile” a acestora. Înfățișând în „Abia tangibilul” („Orașul e tot mai mic, e fragmentul în care exist”) o lume ce se resoarbe progresiv în convenția semnificantului sau în zvâcnetele sintagmatice ale unui emitent închis în universul propriilor sale certitudini, rezultat al devitalizării cosmosului (5) și al dispersiei în conștiința individului a unității fenomenale a lumii, în „Aici, în falset” viața fragmentului, locuit de personaj dimpreună cu memoria *lucrurilor văzute* (6), se reduce la fixarea unor vagi impresii (7), care întrețin nesigur legătura interiorului cu exteriorul. Astfel, cărțile liminare consacră un dicteu fragmentat, deschis reveriilor melancolice și autoreferențialității, jocurilor intertextuale și de limbaj. Pentru o revoluție literară e prea puțin, dar pentru trecerea poeziei românești din Basarabia la un alt tip de rostire este suficient, cu atât mai mult cu cât – în vacarmul elanurilor emancipatoare – critica nu s-a prea grăbit să-i recunoască poetului această întăietate.

Leahu N.

Grigore Chiper's First Books

Abstract: Being part of a larger study, this article examines the way in which Grigore Chiper's poetics is constituted in his first two books *Abia tangibilul* and *Aici, în falset*. The author has accredited two ways of manifesting modernity in poetry: notation poetry and fragmentaristic poetry, in the Romanian lyrics in Bessarabia of the 1980s.

Keywords: poetry, notation poetry, eighties, fragmentaristic poetry, personal poetics, etc.

Note și bibliografie:

1. Aici și în continuare cifra romană trimite la numărul volumului în ordinea apariției cărților autorului (I. *Abia tangibilul*, 1990; II. *Aici, în falset*, 1991; III. *Perioada albastră*, 1997; IV. *Cehov, am cerut obosit*, 2001; V. *Turnul de fildes înclinat*, 2005; VI. *Roman-simulacru*, 2010; VII. *Absintos*, 2015), în timp ce cifra arabă semnaleză pagina corespunzătoare a ediției citate.
2. Mariana Codruț, **Tristețe și lume**, România literară, Anul XXIV, nr. 34, 22 august 1991, p. 9.
3. Cf. Alex. Ștefănescu, **Valoarea fragmentului**, România literară, Anul XXIII, nr. 34, 1990.
4. Cf. Rodica Zafiu, **Narațiune și poezie**, București, Editura All, 2000, 366 p.

5. Vezi prefața lui Andrei Țurcanu la volumul **Abia tangibilul**, Chișinău, Editura Literatura artistică, 1990, p. 4.
6. Aluzie la evocarea pe care o practică Alexandru Mușina în volumul **Lucrurile pe care le-am văzut** (București, Editura Cartea Românească, 1992) și de care Grigore Chiper pare să se detașeze discret, printr-un boicot programatic al spectacularului de tip caragialesc, chiar dacă poemele ambilor autori datează din anii '80.
7. „Impresionismul” lui Gr. Chiper este valorizat poate cel mai convingător în recenzie (la vol. **Turnul de fildes înclinat**, 2005) lui Mircea V. Ciobanu „Impresioniste poeme, în minor”, Semn, Anul VIII, nr. 1-2, 2005, pp. 56-59.

Vrabie Diana

Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova
dianavrus@gmail.com

JURNAL DE FRANZ KAFKA: O MITOLOGIE A PLÂNGERII ȘI A TRĂIRII PRIN / ÎNTRU SCRIS

Fire introvertită și refractară, Franz Kafka are o relație specială cu literatura de mărturisire, refugiindu-se în ea ca într-un mediu predilect, reconfortant, în care energiile epuizate își potolească temporar zbaterea, în care sinceritatea se devoalează nestingherită, iar autenticitatea irumpe, sfidând prejudecățile. Atât în literatura de ficțiune, cât și în cea de mărturisire, Kafka își manifestă disponibilitatea pentru prelungirea existenței în operă, întreaga sa creație fiind dominată de tentația întoarcerii spre sine, în spațiul trăit în strictă intimitate. „Fiecare om poartă o încăpere în el însuși”, afirma scriitorul, referindu-se la funcția terapeutică a confesiunii prin scris.

Indiferent de forma pe care o îmbracă, mărturisirile sale sunt o perpetuă revenire la propriile trăiri interioare, la tumultosul labirint al autocunoașterii. În mod evident, nu toate scrierile kafkiene relevă experiențe de viață identificabile într-o realitate concretă, unele traducând, în manieră simbolică, complexe și frustrări personale sau codificând în varii chipuri întâmplări și situații din viața privată a autorului. Viața lui Kafka, „săracă în evenimente exterioare, lipsită de spectaculos, modestă și retrasă, a dus însă, prin contrast, la o hipertrofiere a existenței sale lăuntrice, chinuită de disperări și temeri disproporționate, obsedată până la tragism de propriile sale probleme de conștiință, analizate cu o scrupuloasă cazuistică” [4: 13], atât în opera sa intimă, cât și în cea de ficțiune. În literatura sa de mărturisire se conturează „poate cel mai „kafkian” personaj din seria, atât de puțin diversă în fond, a eroilor din romanele și povestirile sale. Și acest personaj este poate cel mai trist și mai solitar din câte le-a înregistrat literatura universală vreodată. Se spune că a fost întrebat o dată de o jurnalistă: „Sunteți chiar atât de singur, domnule Kafka?”, la care el a aprobat. „Precum Kaspar Hauser?” Kafka a râs: „Mult mai singur decât Kaspar Hauser. Sunt singur precum Franz Kafka”. Acesta e dramaticul destin al hiperlucizilor, care privind peste timpuri, nu se regăsesc în universul prea claustrat, prea limitativ, al prezentului. „Pentru a putea scrie, se confesează Kafka lui Felice, am nevoie să mă izolez, dar nu „ca un ermit”, lucru care nu e suficient, ci ca un mort. Scrisul, în acest sens, e un somn și mai profund, altfel spus, e moartea, și așa cum nu poți scoate un mort din groapă, nici pe mine nu mă poți lua de la masa de scris noaptea. [...] numai așa pot să trăiesc” [5: 17].

Singurătatea sa proverbială este tragică, determinând anxietatea și disperarea. Ea este practic forțată de împrejurări să-și găsească un refugiu, un spațiu de evadare cu efect terapeutic compensator. Și avea să-l găsească în literatură. Toată opera kafkiană este o litanie pe tema singurătății sinelui, o pledoarie pentru trăirea autentică. Din moment ce viața lui Kafka se identifică cu literatura, autenticitatea kafkiană devine, în fapt, trăirea prin și întru scris.

Așa cum Franz Kafka face parte din categoria ghibelinilor, adică din tagma scriitorilor care nasc în suferințe atroce, creatori pentru care arta nu este delectare, ci trăire, facere, întreaga sa literatură poartă pecetea trăitului durut, frământat, torturat de gândul ratării, de inutilitatea manifestării prin scris, de eșecul uman, finalmente. Astfel se explică faptul că Franz Kafka și-a lăsat neterminată și, în consecință, nepublicată, opera. Toate marile sale romane vor fi publicate postum: *America*, *Procesul*, *Castelul*, ca și culegerile de povestiri *Un artist al foamei*, *Descrierea unei lupte*, *Marele zid chinezesc* etc. Doar la insistențele lui Max Brod povestirile din *Contemplare*, cu care debutează Kafka vor vedea lumina tiparului. Max Brod mărturisește că ultimele caiete de jurnal care reflectau ultimii ani de viață ai lui Kafka au fost distruse de autor. Ba mai mult, spre sfârșitul vieții va solicita să-i fie arsă opera în întregime.

Spiritul său revoltat își asumă această aventură „la limita gândirii umane” (după expresia lui Camus), cu alte cuvinte, aventura mărturisirii prin literatură sau, mai degrabă, corvoada spovedaniei. Pentru Kafka, scrisul este înainte de toate confesiune, plângere convertită în spovedanie. „Orice artă adevărată e document, mărturisire”, o spune franc în *Jurnal*. Mai mult, afirmă că are un mandat, o misiune, calificând scrisul drept o formă a rugăciunii. E vorba de un scris izvorând din cea mai adâncă intimitate, angajat față de propria sa dramă cu care nu e permis să te joci la modul iresponsabil și fără grijă. „Lumea monstruoasă pe care o am în cap. Cum să o eliberez însă, cum să mă eliberez, fără să mă sparg în bucăți. De o mie de ori mai bine să mă sfășii astfel decât să o țin sau s-o îngrop în mine. Pentru asta sunt aici, e limpede”, se confesează în paginile *Jurnalului*. Terapeutică iluzorie, „tentativă disperată de a restabili un echilibru interior iremediabil zdruncinat, scrisul înseamnă, în ultimă instanță, un abandon al sinelui, fatal, anihilant” [2: 142]: „ca o spărtură lărgindu-se încet, într-un dig, lucrare după un plan bine calculat”.

Plecând de la devoratoarea misiune a scrisului, care eliberează și sufocă în egală măsură, Kafka se regăsește în jurnal. Văzut ca o supapă necesară construcției eului, acesta devine un spațiu privilegiat pentru supraviețuirea individualității amenințate în epocă. Pentru autorul *Procesului*, literatura constituie „o modalitate de salvare individuală, sau, mai bine zis, singura speranță la o astfel de salvare” [10: 15]. Totodată, întregul său jurnal este conceput în proxima intimitate a literarității, îmbrăcând o formă eseistică, în care reflecția se întâlnește cu practica, fără ca sinceritatea să fie sacrificată în favoarea *facerii*.

Atipic, greu încadrabil, recalcitrant, *Jurnalul* scriitorului praghez a provocat la data apariției numeroase întrebări, nedumeriri, polemici, devenite deja firești, atunci când autorul vizat e Kafka. Mulți au găsit jurnalul lacunar, discontinuu, incoerent, dificil de clasificat, dezlănat, stufos etc. Cu atât mai mult cu cât rațiunile conceperii unui jurnal sunt formulate extrem de contradictoriu de însuși Kafka. Pentru acesta, a scrie un jurnal presupune un exercițiu de plăcere și dezgust, de tenacitate și lehamite, antrenând reacții de euforie și frustrare, în același timp. Jurnalul nu reprezintă pentru el „decât o stare de așteptare, un fel de *via purgatoria*, susținută de speranța inspirației unei „istorii sănătoase”, o modalitate de a nu-și ieși din mână, cu conștiința că forma de scriitură diaristică nu este altceva decât un succedaneu de scriitură” [8: 59], refuzând în același timp ideea jurnalului ca „operă de rezervă”. Pentru Kafka, „a recurge la jurnal constituie în general simptomul unei crize a creativității sale de scriitor” [8: 62], dar în același timp scriitura sa diaristică oferă mărturie esențiale pentru studiul formației unui artist. Kafka își ține jurnalul dintr-o acută necesitate psihologică de exhibare a eu-lui profund și de confruntare cu un nevăzut alter-ego.

La Kafka jurnalul nu mai are importanță „ca prilej de regăsire și așezare reală de sine și nu prezintă garanția unei ordini oarecare a propriului destin” [3: 20]. Jurnalul este ținut mai degrabă din rațiuni estetice, reprezentând o explozie a eului, o listă de tranzitorii fragmente lăuntrice. Înainte de toate avem de a face cu un jurnal de idei ce ignoră succesiunea minimă: „Realitatea este că putem constata la Kafka o derutantă lipsă de dorință, ba chiar o neputință, în cele din urmă asumată și convertită în forță, de a pune în relație lucrurile și faptele între ele, o mărturisită incapacitate de a se readuce pe sine din trecut ori a se proiecta în viitor, din teamă și tristețe” [7: 6]. Așa se face că numeroase alte proiecte, vizând tentația de a ține un jurnal, vor fi năruite în fașă. Într-o scrisoare către Felice, datând 13 spre 14 martie 1913, Kafka lansează provocarea: „Ce-ai spune, draga mea, dacă, în loc de scrisori, ți-aș trimite pagini de jurnal? Faptul că nu țin un jurnal îmi lipsește, deși nu mi se întâmplă mare lucru, iar acest puțin este frivol și de altfel iau totul cu frivolitate...” Proiectul de a ține un jurnal pentru Felice rămâne, finalmente, fără urmări: „Cât despre jurnal, nu prea mă trage inima să-l scriu, Felice [...]. Până la urmă nu ar cuprinde decât lucruri insuportabile, lucruri cu totul imposibile...”

Cele 13 caiete formând partea esențială a *Jurnalului* (convențional numite „caiete în cvarto”) – și care încep cu anul 1910 și sfârșesc în 1923, cu un an înaintea morții lui – ca și așa numitele „caiete albaste în octavo”, precum și cele trei caiete – *Jurnalul unei călătorii spre Friedland și Reichenberg*, *Călătoria Lugano – Paris – Erlenbach*, *Călătoria Weimar – Jungborn* – conținând însemnări de călătorie din anii 1911-1912) sunt rezervate în ceea ce ține de amănuntele unei biografii privită în datele ei exterioare. Altminteri, Kafka nici nu și-a propus să ofere o imagine a biografiei sale în jurnal, ci mai degrabă să configureze o *mitologie a plângerii și a trăirii prin / întru scris*. Dacă admitem că literatura a fost chiar viața lui Kafka, atunci jurnalul este mărturia cea mai conclu-

dentă a ceea ce a reprezentat omul Kafka. Chiar și stilistic, jurnalul amintește de sinuozitățile destinului său, cu urcușuri și povârnișuri, cu închideri progresive și zvâcniri acute. Așa cum Kafka ne scapă tot mai mult pe măsură ce înaintăm spre esența lui, jurnalul se depărtează de percepția comună odată cu înaintarea lecturii. Nimic mai paradoxal s-ar părea, dacă nu ar fi vorba de Kafka, care este însuși paradoxul suprem. Au observat-o și alții: „Jurnalul de față, neobișnuit, paradoxal, după cum neobișnuit și profund contradictoriu a fost Franz Kafka însuși, acest *Jurnal*, așadar, descumpăneste cu violență de la bun început, pentru ca apoi, încetul cu încetul, pe măsură ce se revelează logica stringentă și fără cusur a raportului dintre expresie și existență, să se impună cu evidența proprie faptului de viață de un adevăr exemplar” [7: 11].

Dincolo de varietatea registrelor abordate, se remarcă, chiar de la primele pagini, ostentația cu care este formulată relația sa cu *literatura*, cu *scrisul* în general: „În sfârșit, după cinci luni de viață, în care nu am putut să scriu nimic de care să fi fost mulțumit și pe care nu mi le va mai compensa nici o putere, deși toate ar avea obligația să facă acest lucru, îmi vine ideea să mai stau de vorbă cu mine însumi” [6: 12]. Fără a fi un adept al scriiturii aride, telegrafice, așa cum ne-am așteptat, cunoscându-i lipsa de volubilitate, Kafka se definește în perimetrul literaturii, luându-și drept măștri pe Goethe și Flaubert. Punându-și propria viață pe altarul literaturii, el s-a contopit în definitiv cu masa gelatinoasă a cuvântului: „Nu pot să înțeleg și nici măcar nu pot să cred. Trăiesc doar aici și acolo în câte un mic cuvânt, în câte un mic sunet (de pildă, mai sus „momești”), unde îmi pierd într-o clipă capul acesta inutil. Prima și ultima literă sunt începutul și sfârșitul sentimentului acesta al meu care mă face să mă simt asemenea unui pește” (20 august 1911). Unele notații mărturisesc afinități pe care Kafka și le descoperă cu Kiekegaard și Grillparzer: toți trăiesc în singurătate, acesta este prețul plătit de ei pentru a-și putea dedica existența scrisului.

În mod cert, Kafka „a cerut de la literatură și a obținut mai mult decât alții. Dar mai întâi a avut onestitatea s-o accepte sub toate formele, cu toate servituțile ei, atât ca meserie cât și ca artă, ca sarcină cât și ca activitate privilegiată” [1:8], croindu-și propriul destin în inima ei. Kafka se arată disperat când e împiedicat să se afle în intimitatea literaturii, care, pentru el, este locul tuturor contradicțiilor și elucidărilor, a tuturor concilierilor și dezacordurilor. Toate activitățile sale converg, finalmente, spre literatură. Sacrificându-se întru totul pentru a o putea exercita, Kafka nu poate însă nici să se mulțumească, nici să se mențină în limitele ei: „Starea în care mă aflu nu este nefericire, dar nici fericire, nici indiferență, nici istoveală ... atunci ce este în fond? Că nu știu, asta se leagă poate de neputința mea de a scrie... Adică, toate lucrurile care îmi vin în minte nu vin pornind de la o rădăcină, ci de-abia de undeva de la mijloc... Poate că unii pot s-o facă, de exemplu, saltimbancii aceia japonezi, cățărați pe o scară care nu se sprijină pe pământ, ci de tălpile unuia din noi”.

Gestul cu insistență comentat în jurnal este *scrisul*, sub toate aspectele sale, întrucât acesta se confundă cu existența însăși, în cazul lui Kafka. El își identifică rostul de timpuriu, pentru că într-un anume sens, posibilitatea altor opțiuni este estompată: „Când pentru organismul meu a devenit limpede că scrisul reprezintă direcția cea mai productivă a firii mele, totul din mine s-a grăbit să se îndrepte în acea direcție, lăsând neumplute toate însușirile ațintite înspre bucuriile sexului, ale mâncării, ale băuturii, ale meditației filosofice, ale muzicii, mai ales. Am slăbit în toate aceste direcții” (3 ianuarie 1912). Altminteri, va începe să scrie încă din anii de liceu. Din păcate, încercările acestea nu s-au păstrat, după cum nu s-au păstrat nici primele caiete ale *Jurnalului*, începute în a doua jumătate a studiilor sale de drept (1904-1905), la care face nu o dată aluzie. Aceste începuturi de jurnal au fost distruse probabil dintr-o extremă scrupulozitate, proprie lui Kafka și așa s-ar fi întâmplat și cu restul operei, dacă Max Brod își onora obligațiunile testamentare.

Franz Kafka își va continua consemnările pe parcursul a mai bine de zece ani, întrucât scrisul are pentru el o funcție inclusiv terapeutică. Scrisul înseamnă eliberare, dar și posibilitate de a depăși singurătatea sinistră, șansă de salvare din deruta cutremurătoare a istoriei și posibilitate de transcendere prin spiritul literei. Cea mai mare parte a jurnalului se învârtă în jurul luptei zilnice împotriva lucrurilor, împotriva celorlalți și a lui însuși pentru a ajunge la același rezultat: să lase câteva cuvinte în jurnalul său. „Vreau să scriu, vreau asta cu o încordare constantă care-mi zvâcnește fruntea”. Scrie greu, chinuit, dar nu renunță: „nici un cuvânt din ce scriu nu se potrivește cu altul... îndoielile îmi înconjoară fiecare cuvânt înainte ca eu să-l conjur, ce tot spun, cuvântul acesta îl inventez eu acum”.

De remarcat felul în care Kafka folosește, cel mai adesea, în locul cuvântului „literatură”, pe cel de „scris”. O observație subtilă în aceste sens este formulată de exegetul Al. Șahighian: „Pe sine se

desemnează, în mod curent, începând cu 1912, și apoi, din 1914, drept scriitor, a cărui conștiință, în această privință, este pe deplin fixată. Dar sensul pe care îl atribuie cuvântului trebuie înțeles în mod literal, adică „cel care scrie”, Kafka, având de-a lungul vieții mari rezerve în a se desemna drept artist, drept creator” [7: 21].

Kafka se arată sceptic față de capacitatea sa de a scrie, nutrind totodată o mare încredere în literatură și în forța acesteia de a ne transmite esența. În 1910 notează în jurnal: „În sfârșit, după cinci luni de viață în care n-am putut scrie nici un rând care să mă mulțumească, și pe care nici o putere din lume nu mi le poate reda, chiar dacă toate puterile astea s-ar strădui s-o facă, mi-a venit ideea să mai stau o dată de vorbă cu mine însumi. Ori de câte ori am stat să mă cercetez cu adevărat, a existat un răspuns, întotdeauna era ceva să țâșnească din mine, din căpița asta de paie care sunt eu însumi de cinci luni încoace...” Chiar și în situațiile de aparentă ușurință cu care a fost scris, de pildă, *Verdictul* („în noaptea de 22 spre 23, de la orele zece până la șase dimineața, dintr-un suflu”) denotă gestația îndelungată, a labirinticilor frământări, condiționate de o multitudine de necunoscute, până la a se combina în formula fastă a „inspirației”. Fiecare pagină e dominată de febrilitatea viermuitoare, de autoobservarea hiperlucidă, înspăimântător cu adevărat fiind pentru Kafka doar schematismul banal. Astfel, el descrie dificultatea de a scrie, ușurința eliberării de cuvinte în clipe de maximă revelație, disperata dependență de scris, teama de scris, revelația pe care i-o dă scrisul etc. Jurnalul reprezintă, în cele din urmă, „nu numai rama tuturor creațiilor literare care se regăsesc în fragmente sau trimiteri succinte, ci și deconspirarea unei acute problematizări a scrisului” [9: 4].

Notațiile începute și abandonate, textele schițate, romanele sale mai toate, cum bine se știe, neterminate, denotă spiritul ghibelin al artistului. Scrisul pentru el nu e nici joacă, nici profesiune, în nici un caz plan sau calcul, demonstrație, ci chin, chinul facerii și, mai ales, destin: „Pentru asta sunt aici, e limpede”. Scrisul îi dă posibilitatea „să-și deslușească fărăme ale organizării proprii vieți, organizare condusă de legi misterioase, a căror existență e învăluită în ceață” [9: 15]. Scrisul este „prilej de bucurii masochiste, suportate cu convingerea unui bine superior, printr-un mecanism paradoxal de gândire pe care nu rareori îl vom întâlni în opera marelui scriitor evreu” [9 : 15]. Poate că cel care n-a avut nici măcar o dată acest sentiment ar trebui să renunțe la scris. Înaintând până la a-și anula existența fizică, Kafka ajunge să se confunde cu însăși suferința *spunerii*: „eu nu sunt nimic altceva decât literatură și nu pot, și nu vreau să fiu altceva”. Finalul este previzibil, ca și în *Colonia penitenciară*, unde o terifiantă mașină de scris își devoră un ultim suport, sacrificat pe altarul literaturii. În ultima însemnare a jurnalului – cu un an înaintea morții, Kafka notează: „tot mai mult cuprins de spaimă când scriu... Fiecare cuvânt răsucit în mâna spiritelor ... devine o lance îndreptată împotriva celui care vorbește”. Pentru Kafka, scrisul nu este doar șansa mântuirii, ci și „descătușarea demonică”, și el este conștient de asta când îi scrie lui Max Brod: „Scrisul e o răsplătă dulce, minunată, dar pentru ce? Noaptea am înțeles, cu claritatea unei lecții pentru copii, că e răsplata pentru servicii diavolești. Coborârea aceasta la stihii întunecate, descătușarea aceasta a unor spirite care altminteri, prin natura lor, sunt ținute în lațuri, aceste îmbrățișări îndoielnice și câte se mai petrec pe acolo, jos, despre care apoi nu mai știi sus nimic, atunci când scrii povești la lumina soarelui. Poate că există și un alt fel de scris, eu nu-l cunosc decât pe acesta; noaptea, când spaima nu mă lasă să dorm, nu-l cunosc decât pe acesta” (Scrisoare către Max Brod, 5 iulie 1922). Altminteri, scriitorul va muri la corectura ultimei cărți, lăsându-se devorat de propria „mașină de scris”.

În concluzie, jurnalul a fost pentru Kafka și rămâne și pentru lectorul contemporan, „un posibil *replay* (fixat în literă) a unei existențe aparent anoste și al unei opere singulare” [9: 4]. Modalitate terapeutică și sondare continuă, jurnalul comportă numeroase atuuri, în accepție kafkiană: „Un avantaj al celui care ține un jurnal constă în aceea că devii conștient, cu o claritate liniștitoare, de schimbările cărora le ești supus neîntrerupt, în care de altfel crezi în general, firește, pe care le bănuiești și pe care ți le recunoști, pe care însă le negi mereu, în mod inconștient, atunci când se cere ca dintr-o astfel de mărturisire să extragi speranță și seninătate” (23 decembrie 1911).

Vrabie D.

Franz Kafka's Journal: a Mythology of grievance and of living in the name of writing

Abstract: In *Journal* Franz Kafka reveals his inner world with feelings, complexes and its sorrows. The refrain of all reflections is the apologia of literature and writing. He has a great confidence in the power of literature and is skeptical about his ability to write. The writer is being saved through writing. For Kafka,

writing is first of all confession. At the same time the journal projects the saddest and most Kafkaesque character. The sadness of this character derives from his loneliness which is a tragic one. Thus, the journal projects a veritable mythology of grievance and of living in the name of writing.

Keywords: *Journal*, confession, mythology, grievance.

Bibliografie:

1. Blanchot, Maurice. *Kafka și literatura*, trad. Dumitru Țepeneag, în „Contemporanul”, 1993, nr. 22.
2. Chițanu, Sorin; Corbea, Andrei (coord.). *Franz Kafka. Pagini de jurnal și corespondență*, în *Interferențe lingvistice și literare. Franz Kafka (1883-1924)*. Iași: Universitatea „A.I.Cuza”, 1988.
3. Constantinescu, Romanița. *Însemnările unui celibatar*. „România literară”, 1998, nr. 22.
4. Enescu, Radu. *Franz Kafka*. Oradea, Editura: AION, 2007.
5. Kafka, Franz. *Corespondență (I)*. traducere de Radu Gabriel Pârnu, București, Editura: RAO, 2005.
6. Kafka, Franz. *Jurnal*, trad. de Radu Gabriel Pîrvu, București, Editura: RAO, 2002.
7. Kafka, Franz. *Pagini de jurnal și corespondență*, prefață de Al. Șahighian, București: Univers, 1984.
8. Le Rider, Jacques. *Jurnale intime vieneze*, trad. Magda Jeanrenaud, Iași, Editura: Polirom, 2001.
9. Marin, Ileana. *Franz Kafka: Jurnal*, în „Tomis”, 1999, nr. 1.
10. Mironescu, Doris. *Kafka și Blecher: corvoada mărturisirii*, în „Timpul”, 2005, nr. 11.

Abramciuc Maria

Universitatea de Stat „Alecu Russo” din Bălți, Republica Moldova
mariaabramciuc@gmail.com

PROZA LUI CONSTANTIN NEGRUZZI: RELAȚIA CU MODELELE

Rezumat: Articolul urmărește, în plan comparatist, relațiile prozei lui Constantin Negruzzi cu cea a lui Prosper Mérimée. Deși diferite ca volum, creațiile epice ale celor doi naratori, care au trăit și au activat aproximativ în același timp literar, prezintă similitudini atestate la nivelul tehnicilor narrative, al organizării demersului (construirea incipitului, a tramelor, portretizarea personajelor etc.) și al expresiei. Demonstrația, care exclude ideea de plagiat sau pastişă, pornește de la constatarea că, fiind inițiatorul narațiunii artistice autohtone, autorul român se raportează la modelele cu care se familiarizează în urma experiențelor sale de traducător, reușind totuși să elaboreze scrieri autentice. Conform unui renumit teoretician al comparativismului, Alexandru Ciorănescu, acesta este un caz de influență, ca „rezultat artistic autonom al unei relații de contact”.

Cuvinte-cheie: proză, narator, realism, similitudini, comparație, influență.

Creația lui Constantin Negruzzi, ctitorul prozei noastre moderne, a conservat tendințele unui timp literar genuin, când mai multe fenomene se aflau la stadiul embrionar de evoluție. Pasiunea pentru traduceri (repertoriul său include mai bine de o sută de texte artistice traduse!) devine pentru fiul paharnicului Dinu Negruț o experiență modelatoare, căci însușește la școala maeștrilor din literatura universală arta reprezentării epice, care îl va distinge între scriitorii generației de la 1848. Înzestrat cu reale facultăți de narator, își anticipă propriile scrieri, transpunând în română, cu multă sârguință, opere din repertoriul lui Voltaire, Molière, Scott, Dumas-père, Hugo, Mérimée, A. Cantemir, George Sand, Hoffman, Turgheniev ș. a. Elaborându-și compunerile într-o epocă literară a începuturilor, scriitorul pașoptist, stăpânind surprinzător de abil tehnicile și procedeele epice, dă preferință aceluiași convenții, identificabile și în operele naratorilor din care a tradus, valorificând cu succes biografismul, confesivul, reflexivul, satiricul, moralitatea și fiziologicul – elemente frecvent utilizate în operele epice ale condeierilor străini din epocă.

În studiul nostru, intenționăm să definim relația scriitorului român doar cu unul dintre spațiile epice care l-au influențat – cel al lui Prosper Mérimée. Ne propunem să explicăm colaborarea prozei negruzziene cu cea a scriitorului francez, fără să insistăm, însă, pe raportul de descendență sau să evocăm, cu referință la unele scrieri ale naratorului român, relațiile de cauzalitate. Ar fi riscantă afirmația că maniera epică a lui Negruzzi se revendică, în exclusivitate, de la cea a lui Mérimée. Deși modestă ca volum, creația sa îl legitimează ca pe un scriitor înzestrat cu reale facultăți epice, predispus pentru conținuturi incitante și pentru forme expresive.

Între contemporanii săi, care au definit existența unor corespondențe, dar și a unor diferențe între operele celor doi scriitori, a fost Vasile Alecsandri, care, în evocarea *Constantin Negruzzi*, își argumenta astfel opinia: „Bagajul literar al lui Negruzzi este mai puțin voluminos, precum a fost cel al lui Prosper Mérimée în Franția; însă câștigă în calitate ce-i lipsește în cătime (...). Am asemănat

pe Negruzzi cu Mérimée în privirea câtimei operelor; acea asemănare o găsim și în natura talentului și chiar a spiritului lor. Amândoi aveau condeie de oțel mlădios, cu care știau a cizela foarte fin limba de care se serveau. Ei aveau deopotrivă simțul estetic în producerile lor și posedau același farmec de narație” (1: 373).

Într-adevăr, ceea ce se distinge, în primul rând, în creația ambilor scriitori este echilibrul și exactitatea frazei. „Repugnându-i prolixitatea și retorismul romantic, Mérimée a cultivat un stil sobru, laconic, înlăturând mijloacele de expresie sonore, dar fără substanță” (5: XXIV). Constantin Negruzzi e „natură cumpătată și discretă, stăpân pe acea disciplină interioară care îl împiedică să se destăinuiească prea abundent și care, în locul expresiei patetice a propriilor sentimente, preferă observația exactă a realității exterioare, însuflețită uneori prin comentariul său ironic” (8: 46).

Aceste paralele nu sunt deloc întâmplătoare: confruntând scrierile lui Constantin Negruzzi cu cele ale scriitorului francez, bardul de la Mircești remarcă coincidențe în planul artei narative și al virtuozităților stilistice, identificate în operele ambilor prozatori. Nu se insinua, însă, că autorul primei nuvele istorice românești s-a limitat la o imitare brută a metodei artistice a lui Mérimée. În aceeași ordine de idei, a înrudirii artistice între autorii nuvelor *Carmen* și *Alexandru Lăpușeanul*, în mica sa monografie, dedicată scriitorului român, Al. Piru opina: „Printr-o mare suprafață a operei sale, mai ales în proză, Negruzzi nu e numai un creator veritabil, dar și un inovator, un mare scriitor modern, un clasic al romantismului, comparabil în literatura franceză cu Prosper Mérimée” (7: 129). Înalta notă care i-o acordă istoricul literar condeierului pașoptist, asociindu-l cu prozatorul francez, considerat „pe drept cuvânt, creatorul nuvelei moderne”, conform opiniei lui Mihai Murgu, prefațatorul ediției *Prosper Mérimée, Carmen. Nuvele* (4: III), îi reliefează, în primul rând, talentul său de autor epic și meritul de întemeietor al narațiunii artistice românești.

Toate aceste analogii descind mai degrabă dintr-un asemenea gen de contacte literare, în care Alexandru Ciorănescu, pe lângă traducere și imitație, include și „influența exercitată de o sursă, de un model sau de un autor” (2: 84). În cazul lui Negruzzi, poate fi vorba de ceea ce teoreticianul comparativismului definește prin „relație de contact” sau, altfel zis, „cunoașterea directă sau indirectă a unei surse de către un autor” (2: 90). Influența, ca „rezultat artistic autonom al unei relații de contact”, conchide autorul renunțului eseu, se referă „la o operă literară creată prin același procedeu greu de analizat – dar ușor de recunoscut intuitiv – ca orice operă literară în general, prezentând însă personalitate proprie, care reflectă măiestria și celelalte trăsături specifice autorului său, dar totodată permite identificarea urmei contactului semnalat înainte, într-un grad ce poate varia considerabil” (2: 90-91).

În planul influenței lui Mérimée asupra lui Negruzzi, luăm în calcul câteva detalii importante: viețile și activitățile literare ale ambilor scriitori s-au consumat aproximativ în același timp (Prosper Mérimée s-a născut în 1803, Constantin Negruzzi – în 1808; au decedat cam în aceeași perioadă – în 1870 și, respectiv, în 1868); ambilor le este comun interesul pentru istorie, probleme de limbă și folclor. Infideli recuzitei romantice, ei renunță „la efuziunile sentimentale, la grandilocvența prolixă și, mai ales, la transcrierea în opera de artă a sensibilității subiective” (4: VI.). Poziționându-se reticent în raport cu ideologia literară a timpului, în comparație cu Victor Hugo, Mérimée, „meșter laborios și lucid, s-a mulțumit să lase posterității câteva gravuri, imagini în alb și negru, amare, exacte și perfecte” (5: 5); Negruzzi, așa cum remarcă Gabriel Dimisianu, „În *O alergare de cai*, ia angajament de scriitor realist când își anunță referitor la ce va povesti, „hotărârea ce am făcut de a spune adevărul în toată simplitatea sa”, iar faptul că adoptă în narațiune formula relatării la persoana întâi este și el un element ce poate mărturisi despre tendința către adevăr și simplitate” (3: 28-29).

Admitem că similitudinile ce se relevă din confruntarea prozelor lui Negruzzi cu cele ale lui Mérimée s-ar explica prin coincidențele pe palierul viziunilor artistice ale celor doi scriitori: și unul, și celălalt sunt pasionați de subiectele tari, selectate din lumea obiectivă, exterioară, pe care le disociază prin prisma moravurilor epocii. Asemenea corespondențe devin evidente și dacă examinăm formulele de narare și strategiile de structurare a faptelor, tehnicile de construire a incipiturilor și a tramelor. Diegeza obiectivă și fluentă, formele epice limpezeite, dozate, reprezentarea dinamică a faptelor, inițierea în arheologia sufletului omenesc, inserarea abilă a dialogului în context, statutul omniscient al naratorului, comentariile auctoriale discrete, prezentarea, cu minuțiozitate, a decorului – toate aceste elemente pot fi lesne identificate atât în proza lui Mérimée, cât și în cea a lui Negruzzi.

Avansând în demonstrația propriu-zisă, constatăm că atât Mérimée, cât și Negruzzi preferă structurarea în capitole a compunerilor epice. În glosele pe marginea nuvelei *Zoe*, Al. Piru nota: „Tehnica împărțirii pe capitole a nuvelei, fiecare capitol fiind prevăzut cu câte un moto, pare împrumutată din *Bernard de Mergy* de Prosper Mérimée” (7: 93). Adăugăm că aceeași tehnică de secționare clasică a discursului este aplicată și în nuvelele *Neînțelegeri*, *Carmen*, *Abatele Aubin*, și în romanul *Cronica domniei lui Carol al IX-lea*, unde capitolele, intitulate, sunt precedate de câte un epigraf, selectat, de obicei, din opera celebrităților literare (Shakespeare, Byron, Molière, Lope de Vega ș. a.). Aceeași preferință pentru epigrafele și citatele livrești o anunță Negruzzi în prozele *Zoe* și *O alergare de cai* (Скачка).

Modelul francez, din care s-a alimentat la începuturile ei proza noastră, presupunea construirea debutului unei scrieri epice în conformitate cu anumite rigori: scenele cu care se deschidea nuvela sau romanul conțineau ample descrieri spațiale, decorul fiind evocat de un ochi atent la cele mai mici detalii, punctul de vedere naratorial implicând o viziune *par derriere*. O asemenea perspectivă narativă poate fi identificată în debutul mai tuturor prozelor semnate de ambii autori. Urmărim, în incipiturile nuvelor *Mateo Falcone* de Prosper Mérimée și *O alergare de cai* (Скачка) de Constantin Negruzzi, diegeze similare, construite prin aplicarea opticii de examinare minuțioasă a spațiului:

<i>Mateo Falcone</i> de Prosper Mérimée	<i>O alergare de cai</i> (Скачка) de Constantin Negruzzi
„Cum ieși din Porto-Vechio, luând-o spre nord-vest, către interiorul insulei, terenul începe să se înalțe treptat și după trei ceasuri de umbrel pe cărări întortocheate, astupate de bolovani groși și uneori tăiate de tâlhari, dai de marginea unui <i>maquis</i> foarte întins. <i>Maquis</i> -ul e piatra ciobanilor corsicani și a tuturor celor certați cu justiția. E bine să știm că țăranul corsican, ca să-și cruțe osteneala de a-și îngreșa ogorul, dă foc unei anumite întinderi de pădure: dacă flăcările se întind mai mult decât e nevoie, atâta pagubă!. Fie ce-o fi, el sigur că va avea o bună recoltă semănând pe pământul acesta fertilizat de cenușa copacilor pe care i-a avut” (4: 1).	„Locul alergării este zece minute afară de oraș, unde este gătită o galerie de scânduri în felul chinezesc, pentru privitorii nobili. Prostimea sau, în limba aristocratică, canalia, șede împrăștiată pe câmp, sau înșirată pe marginea unui odgon întins ce n-o lasă să se grămădească. Slabă stavilă, dacă n-ar fi sprijinită de jandarmii poliției! Piața se întinde ovală pe un neted șes într-o cercoferință de trei verste, însemnată cu stâlpușori de lemn de 3-4 stânjini departe unul de altul, iar dinaintea galeriei este bariera de unde pleacă alergătorii, carii, într-o fugă, sunt datori a face giurul pieții de patru ori, adecă o cale de douăsprezece verste (ca jumătate poștă); și doi, care întrec pe ceilalți, ajungând mai nainte ținta, priimesc, cel întâi un vas de argint prețuit 1500 ruble asignații; cel al doile, 500 ruble, care bani îi dă vistieria împărătească” (6: 30).

În același sens al afinităților, se remarcă ideea că interesul scriitorului român pentru personalitățile istorice neordinare ar corespunde preocupării pentru trecutul național a scriitorului francez, manifestată în romanul de tinerețe *Cronica domniei lui Carol al IX-lea*, unde, pe lângă alte fire epice (fanatismul religios, confruntările dintre protestanți și catolici, istoria unei iubiri, avându-i în calitate de protagoniști pe catolica Diane și protestantul Bernard de Mergy), este denunțat și despotismul monarhului în cumplita noapte a Sfântului Bartolomeu din 24 august 1572, când, „se spune că, la una din ferestrele palatului său, putea fi văzut Carol al IX-lea, înarmat cu o arcebuză lungă, *vânându-i* pe bieții trecători (D'Aubigné, op. cit. – n. a.)” (5: 200). La fel este reliefat și sadismul domnitorului român, care, în compania jalnicului Moțoc, de lângă o fereastră deschisă, „privea măcelăria care începuse” (4: 84). Macabra scenă a măcelului de la palat, expusă atât de plastic de autorul nuvelei *Alexandru Lăpușneanul*, amintește de expunerea terifiantelor evenimente în romanul lui Mérimée:

Romanul <i>Cronica domniei lui Carol al IX-lea</i>	Nuvela <i>Alexandru Lăpușneanul</i>
„Masacrul începuse însă; zarva, îmbulzeala gloatei de ucigași și lanțurile întinse în mijlocul străzilor îl opreau (pe căptanul George – n. n.) la fiecare pas. Fu nevoit să treacă pe lângă Luvru, unde fanatismul se dezlănțuia cu deosebită furie. În acest cartier, năpădit în acel moment de orașenii catolici și de ostașii din gărzi, purtând în mâini săbii și torțe, locuia un mare număr de protestanți. Acolo, după spusele destul de tari ale unui scriitor al vremii (D' Aubigné, <i>Istoria universală</i> – n. a.), <i>sângele curgea din toate părțile, căutând râul</i> , și nimeni nu putea străbate străzile, fără să-l pască primejdia de a fi strivit în orice clipă de cadavrele ce erau aruncate pe ferestre (...)” (5: 199).	„Și cu adevărat era groază a privi această scenă sîngeră. – Inchipuiesc-și cineva într-o sală de cinci stînjeni lungă și de patru lată, o sută și mai mulți oameni ucigași și hotărâți spreucidere, călăi și osândiți, luptându-se, unii cu furia deznădejdei, și alții cu aprinderea beției. Boierii, neavînd nicio grijă, surprinși mișelește pe din dos, fără arme, cădeau fără a se mai împotrivi. Cei mai bătrâni mureau făcându-și cruce; mulți însă din cei mai juni se apărau cu turbare; scaunele, talgerele, tacămurile mesii se făceau arme în mâna lor; unii, deși răniți, se încheștau cu furie de gâtul ucigașilor și, nesocotind rănile ce primeau, îi strîngeau pîn-îi înădușeau. Dacă vreunul apuca vreo sabie, își vindea scump viața. Mulți lefecii pieriră, dar în sfârșit nu mai rămasă nici un boier viu. Patruzeci și șapte de trupuri zăceau pe parchet! În lupta și trînta aceasta, masa se răsturnase; ulcioarele se spărseseră și vinul amestecat cu sînge făcuse o baltă pe lespezile salei”. (6: 85)

Instanțe narrative obiective, ambii autori aplică tehnici aproape similare la realizarea portretelor, în special, a celor feminine, dezvoltându-le prin acumularea detaliilor fizice și morale. Dacă Mérimée accentuează natura trufașă a Contesei de Turgis, reliefându-i portretul prin alternarea descrierilor fizicului cu evocarea unor calități morale, Negruzzi, pentru a sugera condiția dramatică a Doamnei Ruxanda și caracterul său inofensiv, mizează mai mult pe elementul vestimentar:

Contesa de Turgis (<i>Cronica domniei lui Carol al IX-lea de Mérimée</i>)	Doamna Ruxanda (<i>Alexandru Lăpușneanul de Constantin Negruzzi</i>)
„Purta un vestmânt de amazoană, ușor și în același timp elegant, și încă nu-și puse-se masca. Tenul, orbitor de alb și fără urmă de roșeață, făcea să iasă și mai bine în relief părul ei negru-cărbune; sprâncenele-i, bine arcuite și ușor îmbinate, dădeau figurii sale o oarecare asprime sau, mai curînd, o oarecare trufie, fără a scădea însă cu nimic farmecul trăsăturilor. În ochii săi mari și albaștri nu se putea deosebi, la început, decât o expresie de mândrie disprețuitoare; în timpul unei conversații însuflețite, însă, se vedea numai deocamdată cum i se măresc și i se dilată pupilele, întocmai ca unei pisici (...)” (5: 97).	„Cînd intră în sală, ea era îmbrăcată cu toată pompa cuvenită unui soții, fiice și surori de domn. Peste zobonul de stofă aurită, purta un benișel de felendreș albastru blănit cu samur, a căruia mânice atârnavă dinapoi; era încinsă cu un colan de aur, ce se închia cu mari paftale de matostat, împregiurate cu petre scumpe; iar pe grumazii ei atârna o salbă de multe șiruri de margaritar. Șlicul de samur, pus cam într-o parte, era împodobit cu un surguci alb și sprijinit cu o floare mare de smaragde. Părul ei, după moda de atuncea, se împărțea despletit pe umerii și spatele sale. Figura ei avea acea frumusețe care făcea odinioară vestite pre femeile României și care se găsește rar acum, degenerând cu amestecul națiilor străine. Ea însă era tristă și tânjitoare, ca floarea espusă arșiții soarelui, ce nu are nimic să o umbrească”. (6: 79-80)

Astfel de lecturi simultane clarifică relația de afiliere a prozei literare românești din prima jumătate a secolului al XIX-lea la narațiunea franceză a aceluiași secol, în care au excelat Hugo, Stendhal, Balzac, dar și Mérimée; relevă dinamica afirmării formelor epice în spațiul, încă viran, al literaturii noastre. În contextul unor tentative apatice de afirmare a genului, cazul Negruzzi este unul revelator, în sensul unor colaborări inteligente cu modelele narrative, pe care talentul său artistic și intuiția de prozator le-a sintetizat uimitor de eficient. (Opera scriitorului francez îl inspiră chiar să depășească limitele unor simple influențe: scandaloasa povestire *Toderică*, publicată la 1844, în revista *Propășirea* – în consecință, publicația fu suspendată – e o simplă traducere a nuvelei *Federico*, semnată de scriitorul din urbea de pe Sena).

Atât similitudinile posibile între creația lui Negruzzi și cea a lui Monsieur Première Prose, supranumit ingenios de prietenul său Victor Hugo într-o anagramă, inventată de la numele Prosper Mérimée, cât și probele de autenticitate, identificabile la nivelul construcției și al expresiei (notabile sunt și predispozițiile ludice ale naratorului din Trifeștii-Vechi), denotă ideea că prozatorul român valorifică unele tehnici narative, aplicate de celebrul său contemporan (colaborare benefică, în contextul absenței unor experiențe autohtone anterioare!), adaptându-le la propriul sistem de înțelegere a lumii.

Abramciuc M.

Constantin Negruzzi's Prose: Relationship with the Models

Abstract: The article studies from a comparative perspective, the relation of C.Negruzzi's prose to that of P.Merimee although different in volume, the epic works of the two narrators, who lived and created approximately in the same literary time, present similarities, which are manifested on the level of narrative techniques, of plot development (the construction of the introduction, character portrayal, etc.) and that of expression. The demonstration that excludes any plagiarism or imitation, that, being the initiator of indigenous artistic narrations the Romanian author pertains to the models with which he becomes familiar as a result of his translator's experience, yet managing to work out authentic works. According to the well-known theoretician of comparativism, Cioranescu, this is an example of influence, as „an autonomous artistic” result of, a contact relation.

Keywords: prose, narrator, realism, similarities, comparison, influence.

Bibliografie:

1. Alecsandri, Vasile. Opere, vol. IV. Chișinău: Editura Hyperion, 1992.
2. Ciorănescu, Alexandru. *Principii de literatură comparată*, Trad. de Tudora Șandru Mehedinți. București: Editura Cartea Românească, 1997.
3. Dimisianu, Gabriel. Introducere în opera lui Constantin Negruzzi. București: Editura Minerva, 1984.
4. Mérimée, Prosper. Carmen. Nuvele, Prefață de Mihai Murgu, Traducere de Al. O. Teodoreanu. București: Editura pentru literatură, 1965.
5. Mérimée, Prosper. Cronica domniei lui Carol al IX-lea, Traducere d Leon Baconsky, Cuvânt înainte de Elena Vianu. București: Editura pentru literatură universală, 1963.
6. Negruzzi, Costache. Păcatele tinerețelor, Tabel cronologic, studiu introductiv și repere critice de Lucian Pricop. București: Editura Național, 1997.
7. Piru, Al. C. Negruzzi. București: Editura Tineretului, 1966.
8. Vianu, Tudor. Arta prozatorilor români. Chișinău: Editura Hyperion, 1991.

Сузанская Татьяна Николаевна

Бэлцкий государственный университет имени Алеку Руссо, Республика Молдова

suzanskaia@mail.ru

«ДЕТСКИЙ ТЕКСТ» В ПОЛИФОНИЧЕСКИХ РОМАНАХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Аннотация: В статье раскрывается смысл понятия «детский текст», рассматриваются два направления в развитии «детского текста» русской литературы XIX в. Особое внимание уделяется понятию «сверхтекст». Детство в романах Достоевского трактуется как феномен, концепция жизни, философская идея, символ, миф, особое «пространство» и др. Кроме того, прослеживается общая тенденция движения «детского текста» от «Преступление и наказания» до итогового романа «Братья Карамазовы».

Ключевые слова: полифонический роман, «детский текст», «сверхтекст», тема, образ, художественный смысл.

1. О двух методологических предпосылках темы

Терминологическое сочетание *полифонический роман* употребляется нами в соответствии с широко известной теорией романа, обоснованной М.М. Бахтиным (Бахтин 1972). Это роман многоаспектный, многоголосый, музыкально организованный, в котором «голоса» персонажей звучат наравне друг с другом и с голосом автора.

Словосочетание «*детский текст*» сегодня уже обрело терминологический статус (Полтавцева 2000: 61). Оно подкатоано основополагающими работами выдающегося культуролога, семиотика и литературоведа Владимира Топорова, который ввёл в литературоведческий обиход такое понятие, как «петербургский текст» русской литературы. Петербургский текст ученый рассматривает как некий «сверхтекст», т.е. единство всего написанного в русской литературе о Петербурге с момента возникновения города; текст со своей структурой и идеей,

идеей города русской культуры, идеей провидческой, пророческой или, как пишет В. Топоров, профетической. Исследование ученого оказалась весьма продуктивным в методологическом плане: появились интересные работы о «московском» тексте, «одесском», «киевском» и др.

На наш взгляд, употребление терминологического сочетания «детский текст» вполне оправдано (далее «ДТ». – Т.С.) Под ДТ русской литературы мы понимаем *некий «сверх-текст»*, т.е. корпус и совокупность того, что было написано о детях и детстве в выдающихся, «веховых», знаковых произведениях русской классики. Словоупотребление «детский текст» шире, чем словоупотребление «тема детства». В этом понятии содержатся разные смыслы: *детство как феномен, как концепция жизни, философская идея, как символ, миф, особое «пространство детства», детское начало во взрослом* и др. У ДТ своя структура, своя эволюция, свой язык, своя организованность по вертикали (диахронно) и по горизонтали (синхронно). Он может рассматриваться также как некая смысловая общность и мировоззренческая категория.

О детях и детстве писали С. Аксаков, Л. Толстой, Ф. Достоевский, И. Бунин, А.М. Горький, А. Платонов и др. Образы детей и детства в их творчестве стали неотъемлемой, едва ли не обязательной частью художественного мира этих писателей. Приоритет ребёнка для них был бесспорен, его абсолютная ценность не вызвала никаких сомнений. Детские образы в их произведениях неповторимы и незабываемы, они придают произведениям особый колорит, дают ощущение светлой идеи, побеждающей все конфликты, вызывают чувства надежды, теплоты и веру в прекрасное будущее, а также шемящую тоску и грусть.

В структуре и развитии ДТ русской литературы XIX-XX вв. можно выделить два направления. Один пласт составляют произведения, воплотившие «эпос детства», поэтизирующие семейную хронику и тему становления личности ребёнка. С. Аксаков, Л. Толстой, И. Бунин дали русской литературе психологически достоверную прозу, отличающуюся «чистотой нравственного чувства», апологией семьи, редкостным показом сложного процесса взросления ребёнка. Другое направление представляют Достоевский и Платонов. Показывая трагизм детской жизни, тем не менее, они связывали с образом ребёнка и феноменом детства надежду на светлое будущее всего человечества. Достоевский отвергает счастье и мировую гармонию, если они были «оплачены» хотя бы одной «слезинкой ребёнка». Платонов в «Котловане» не приемлет строительства «общепролетарского дома», создающегося буквально на «детских костях».

2. ДТ Достоевского: развитие, «сфера смыслов», образы детей и детства

В художественном мире Достоевского образ ребёнка является неотъемлемой, обязательной частью изображения мира и человека. Рисуя детей, писатель не жалеет ярких красок и сокровенных слов. Он не боится быть сентиментальным, не стесняется слёз, нежности, теплоты, не пренебрегает мелодраматизмом и эффектом умиления.

В полифонических романах писателя (от «Преступления и наказания» до «Братьев Карамазовых») ребёнок рассматривается как эпицентр общества и даже всего универсума, выступает в роли своеобразного «судьи», является беззащитной и легко ранимой совестью человечества, служит безошибочной проверкой что есть добро, зло, правда, ложь. Отношение к детям помогает писателю определить состояние здоровья общества и установить правильный диагноз, если оно нездорово.

В «детском тексте» «Преступления и наказания» (1866) доминируют мотивы жгучего сострадания и «надрыва». Мучения детей Екатерины Ивановны Мармеладовой показаны доведенными до крайнего предела; дети возле умирающего отца: «Полечка в страхе забила с детьми в угол на сундук, где, обняв обоих маленьких, вся дрожа, стала ожидать прихода матери» (Достоевский 1969: 421); дети у гроба матери: «все они (дети) стояли у гроба, на коленях, Полечка плакала (Там же, 454). Таков же масштаб детского страдания и в «Униженных и оскорбленных» (1861), в произведении, которое написано в преддверии полифонических романов писателя. В облике тринадцатилетней Нелли Смит показана трагическая жизнь ребенка, приведшая к смерти. Старик Ихменев говорит рассказчику о детских муках: «Это я, видишь, Ваня, смотреть не могу, ...как эти маленькие невинные создания дрогнут от холоду на улице... из-за проклятых матерей и отцов. А впрочем какая же мать и вышлет такого ребёнка на такой ужас, если уж не самая несчастная!...» (Достоевский 1971: 179)

В «детском тексте» Достоевского дети показаны с разных сторон: они могут быть и равнодушными, и крайне жестокими; тем более высоки и благородно деятельны образы таких взрослых, которые, как князь Мышкин и Алеша Карамазов, продвигают ожесточившихся детей к добру и милосердию. В романе «Идиот» (1868) выдающиеся страницы ДТ посвящены истории несчастной швейцарской девушки Мари, в которую дети сначала бросали камни, а потом, благодаря Мышкину, полюбили: «Они по-прежнему приносили ей гостинцев, но она почти ничего не ела. Через них, уверяю вас, она умерла почти счастливая. Через них она забыла свою чёрную беду, как бы прощение от них приняла, потому что до самого конца считала себя великою преступницею. Они, как птички, бились крылышками в её окна и кричали ей каждое утро: "Nous t'aimons, Marie". ["Мы тебя любим, Мари" (*франц.*)]». (Достоевский 2007: 102). Так князь Мышкин стремится построить на земле Царствие Божие, через детей обратить всех людей к гармонии, счастью и радости. Благодаря упорству Мышкина, его постоянным разговорам с детьми, они в конце концов поняли, что нет ничего важнее доброты и милосердия.

Среди взрослых Мышкину не так комфортно, как среди детей, потому что мир взрослых – это мир, закосневший в недоверии, равнодушии и жестокости; жители деревни запрещают детям навещать больную Мари, устраивают гонение на Мышкина. Заметим попутно, что «детскость взрослого» для Достоевского – важнейшее свойство гармоничной человеческой натуры. Благодаря этому качеству Мышкин сразу привлёк к себе Лизавету Прокофьевну, Аглаю, Александру и Аделаиду, и сам распознал в них родственные души «взрослых детей», чистых, чутких, справедливых, добрых: «А то, что вы про моё лицо сказали, то всё совершенная правда: я ребенок и знаю это. Я еще прежде вашего знала про это; вы именно выразили мою мысль в одном слове. Ваш характер я считаю совершенно сходным с моим и очень рада; как две капли воды», – говорит Мышкину Елизавета Прокофьевна Епанчина (Достоевский 2007: 106). Сцена знакомства с Епанчинными отсылает читателя к евангельской заповеди Христа: «Истинно говорю вам: кто не примет Царствия Божия, как дитя, тот не войдет в него» (Ев. от Луки, 18,17).

Исследователь А.Б. Галкин отмечает: «Знаменательно, что в "Братьях Карамазовых" Достоевский разрабатывает сходную (с историей Мари – Т.С.) сюжетную ситуацию. Жестокие дети превращаются в "птиц небесных", а Алёша Карамазов закладывает камень новой веры вместе с двенадцатью детьми, своими учениками. Смерть Илюшечки, по словам Алёши, явится "святым воспоминанием" детства, которое "может послужить когда-нибудь во спасение". Алёша Карамазов, следовательно, наряду с князем Мышкиным, тоже становится образным воплощением Христа. Дети же должны напомнить читателю о двенадцати апостолах. Евангельская метафора – камень новой веры – материализована Достоевским в предметный образ – камень Илюшечки, у которого Алёша и его ученики клянутся следовать избранному пути» (Галкин 2001: 329).

В «Братьях Карамазовых» (1880), итоговом романе писателя, прозвучал знаменитый тезис о «слезинке ребёнка». Достоевский отказывается от счастья, если оно было оплачено слезинкою ребёнка. Слезы невинных «деток» побуждают Ивана Карамазова вернуть «билет на вход» в Царство Небесное. Новое жизнестроительство, по мнению писателя, может возникнуть лишь на основе *союза детей* (эту надежду внушают мальчики, внимающие речи Алеши в финале «Братьев Карамазовых»). Объединение детей в «неформальную церковь союзников», с его точки зрения, – залог будущей гармонической жизни общества (Полтавцева 2000: 67).

Детство осмысливается писателем как чистота, высшая правдивость, источник радости бытия и любви. Иван Карамазов говорит брату Алёше: «...Деток можно любить даже и вблизи, даже и грязных, даже дурных лицом (мне, однако же, кажется, что детки никогда не бывают дурны лицом)... о больших я и потому ещё говорить не буду, что, кроме того, что они отвратительны и любви не заслуживают, у них есть и возмездие: они съели яблоко и познали добро и зло и стали "яко бози". Продолжают и теперь есть его. Но деточки ничего не съели и пока ещё ни в чём не виновны» (Достоевский 2014: 291).

Несправедливость мира глубоко волнует Ивана Карамазова, он мучительно ищет ответ на вопрос – за что страдают дети? – и не находит его. Отсутствие ответа вызывает в нём неверие в мудрость творения, сомнение в непогрешимости Бога, допускающего детские

муки. Иван готов немедленно отказаться от высшей гармонии, от всемирного счастья людей, от истины, потому что эти высокие понятия скомпрометировали себя слезами невинных детей. «Не стоит она (мировая гармония – Т.С.) слезинки хотя бы одного только того замученного ребёнка, который бил себя кулачком в грудь и молился в зловонной конуре своей неискуплёнными слёзками своими к «боженьке»! Не стоит потому, что слёзки его остались неискуплёнными», – говорит Иван Карамазов Алёше (Достоевский 2014: 299).

Сон Дмитрия Карамазова, который сам похож на ребёнка, – наивен и доверчив, также важнейший идейно-художественный элемент ДТ в романе. Мите приснился какой-то странный сон о погорельцах и плачущем младенце. Сон вызвал мучительные вопросы, адресованные мужику-вознице и, конечно, самому себе: «Нет, нет – всё будто ещё не понимает Митя, – ты скажи: почему это стоят погорелые матери, почему бедны люди, почему бедно дитё, почему голая степь, почему они не обнимаются, не целуются, не поют песен радостных, почему они почернели так от чёрной беды, почему не кормят дитё?» (Достоевский 2014: 608-609). Плачущее «дитё», образ которого всегда тревожил подсознание Дмитрия Карамазова, является для героя не только символом человеческого страдания, но и знаком коренной несправедливости общественного устройства, сигналом к его немедленному преобразованию в духе всемирного братства людей. На фоне безмерных людских страданий его собственные проблемы показались Мите мелкими и неважными. Проснувшись, он вдруг ощутил «небывалое умиление», желание переделать мир, «чтобы не плакало больше дитё»; это великое желание он готов осуществить «со всем безудержем карамазовским»; обратим внимание на необычный и весьма показательный авторский неологизм: «безудерж». Свой сон герой в итоге называет «хорошим», он явился как озарение, преобразившее Митю, как «кульминация его духовного развития» (Пушкарёва 1998: 10): «"Я хороший сон видел, господа", – странно как-то произнёс он, с каким-то новым, словно радостью озарённым лицом» (Достоевский 2014: 610).

Несмотря на трагичность событий, описываемых в романе «Братья Карамазовы», жизнеутверждающий пафос эпилога делает его гимном доброму и божественному началу в человеке, источником и хранилищем которого является детство. Достоевский руководствуется евангельскими истинами (Евангелие от Луки). Выразителем евангельской мысли «Кто не примет Царства Божия, как дитя, тот не войдет в него» становится Алёша Карамазов, сумевший изменить жестоких и равнодушных мальчиков, которые сначала издевались над своим товарищем, Илюшей Снегирёвым, а потом, под влиянием Алёши, сумели открыть в себе доброту и милосердие.

Алеша Карамазов – один из немногих героев ДТ, который не просто рассуждает о детях, но и непосредственно общается с ними, как, кстати, и Мышкин. Изменение общества Алеша начинает с изменения детей. Уберечь пластичные детские души от зла, укрепить их на пути добра, своим примером показать «нравственный закон» любви и веры – вот в чём видит свою задачу ученик старца Зосимы.

ДТ Достоевского от романа к роману развивается в символическом и предельно обобщённом плане. Писатель рассматривал образ ребёнка как мифопоэтический феномен, а детство как изначальную архетипическую константу бытия, основу духовной жизни человека. По убеждению Достоевского, ребенок – это общечеловеческий символ и ценность, мерило жизни, шкала истины при оценке исторического движения общества. Все страницы и эпизоды ДТ Достоевского, рисующие как страдающих детей, так и детей, преобразённых словом веры, надежды и любви, созданы художником с особенной, эмоционально повышенной интонацией, внушающей читателю чувство сострадания, мысль о переустройстве человека и общества по законам добра и милосердия.

Suzanskaia T. N.

“Children’s text” in F.M.Dostoevsky’s Polyphonic Models.

Abstract: The article explains the term “children’s text”, analyses two directions in the development of the “children’s text” of 19th century Russian literature. Special attention is given to the notion of “supertext”-children in Dostoevsky’s novels is viewed as a phenomenon concept of life, philosophical idea, symbol, myth, special “space” etc. Additionally, the general tendency of “children’s text” evolution from “Crime and Punishment” to “The brothers Karamazov” is being determined.

Keywords: polyphonic novel, “children’s text”, “supertext”, theme, image, literary sense.

Библиография:

1. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. – М.: Эксмо, 2014.
2. Достоевский Ф.М. Идиот. – М.: Хранитель, 2007.
3. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. – М.: Художественная литература, 1969.
4. Достоевский Ф.М. Униженные и оскорбленные. – М.: Художественная литература, 1971.
5. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Художественная литература, 1972.
6. Галкин А.Б. Образ Христа и концепция человека в романе Ф.М. Достоевского «Идиот». // Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. – М.: Наследие, 2001.
7. Полтавцева Н.Г. Текст и интертекст в детских рассказах А. Платонова 50-х годов. // Творчество Андрея Платонова. – СПб.: Наука, 2000.
8. Пушкарёва В.С. Дети и детство в творчестве Ф.М. Достоевского и русская литература второй половины XIX века. – Белгород: Изд-во Белгор. гос. ун-та, 1998.

Маршалковски Тео-Теодор

Бэлцкий государственный университет имени Алеку Руссо, Республика Молдова
doorhro@gmail.com

КУЛЬТУРОГЕНЕТИКА МАЛОЙ РОДИНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ МАЛАНЮКА

Аннотация: Статья посвящена Евгению Маланюку, выдающемуся писателю украинского зарубежья, видному общественному деятелю и публицисту. В центре внимания находится проблема культурогенетики малой родины и соотношение ее с «малой» и «большой» родиной и, с другой стороны, с драмой зарубежья. Вместе с тем, основное внимание уделено художественному творчеству писателя, которое отражает его социальные, политические и философские взгляды.

Ключевые слова: культурогенетика, самосознание, малая родина, зарубежье, патриотизм, гуманизм.

Евген Маланюк (1897-1968) – выдающийся представитель украинской культуры, «воїн, поет нації» [11: 56], инженер, философ, офицер армии УНР, видный деятель зарубежья. По современной оценке, он выступает в качестве одного из видных представителей украинского самосознания XX-го века – одного из самых сложных и противоречивых периодов в истории человечества. Это столетие характеризуется двумя мировыми войнами, крупными социально-политическими переворотами, масштабными перемещениями людей, в том числе, и целых народов, усиливает национальный гнет зависимых наций и борьбу за независимость.

Маланюк соприкоснулся непосредственно с этими потрясениями и, будучи интеллектуалом самого высокого уровня, обладая незаурядным писательским, и не только, талантом, был вовлечен в бурный процесс. Несколько позже, он пылливо заявляет: *«А треба було впасти серед бою/ На тій землі, де молодість цвіла»* [10: 1]. Тем не менее, он включился активно в борьбу, стремясь найти какую-нибудь правду, пусть будет хотя бы для своего измученного украинского народа. В качестве основы был взят опыт мировой истории, особенно Древнего Рима: *«Ave Caesar, співучий серпне... застиг на троні,/ Ти вже статуя, мармур, міт...»* [21: 1]; Старого Тараса, который *«Не поет – бо це ж до болю мало,/ Не трибун – бо це лиш рупор мас»* [22: 1]; собственный опыт и психология борца в сочетании с аналогичными действиями его современников.

Если учесть широкий диапазон литературной деятельности, то Маланюка следует отнести к классикам, а еще, к важнейшим лидерам зарубежного украинского движения. По оценке Ольги Солонёвської, он наравне с Иваном Багряным и Олегом Ольжичем стоит на вершине всей диаспоры украинской литературы [13: 62], а фактически является одним из главных лидеров национального движения Украины. На этот счет он выработал собственный поэтический афоризм: *«Як в нації вождя нема,/ Тоді вожді її – поети»*[12: 56].

Отличительной чертой поэта является умение сочетать разные направления деятельности – поэзия, публицистика, философия, литературная критика, инженерия, военное дело и др. Такой широкий охват позволяет специалистам исследовать полное вклад Маланюка в развитии литературы и науки, а также культурогенетику его творчества.

Культурогенетика – наука новая и малоразработанная. Морфологически она состоит из двух основных структур: культура как таковая с ее известными диффузиями¹⁶ и генетическая

¹⁶ Термин «культура» принадлежит XIX-му веку и связан с исследованиями археологическими культурных слоев (Артур Эванс, Генри Шлиман и др.). «Генетика» – термин XX-го столетия, продукт

суть, которая определяет характер и направленность эволюции предмета. Соединение этих двух компонентов, в нашем случае, формирует специфику, своеобразие и непрерывность комплексного развития литературного творчества, ее историзм. Как ни странно, но в советское время ее основы ставились под сомнение, а неудавшиеся заделы Санкт-Петербургского лингвиста Н. Я. Марра были просто заменены «учением» Сталина¹⁷, другие же передовые отрасли наук, как например, кибернетика, запрещены вовсе.

Одновременно власти производили сортировку писателей по идеологическим критериям. Целый ряд деятелей литературы преследовались в прямом и переносном смысле, часть из них уничтожали физически или вынуждали эмигрировать. Особенно часто это касалось тех, кто не принял большевистский переворот, идеологию и практику строительства социализма. Среди которых был и Евгений Маланюк.

В этом отношении Украина, а после 1940 г. и Молдова, оказались в самом неблагоприятном положении. К примеру, в бывшей МАССР были расстреляны абсолютное большинство писателей. Тоталитарный режим сурово расправлялся с объявленными «украинскими националистами», устраивал преступные акции расправ с населением (Голодомор и прочее). С другой стороны, пытался использовать это славянское население, закрепить позиции новой власти. Но не всегда получали желаемые результаты. Гражданская война доказала сказанное. Более того, среди украинцев значительно усилилась тенденция по возрождению национальной государственности. В этом направлении принимали участие разные слои населения, интеллигенция, в том числе и писатель Е. Маланюк.

Е. Маланюк, в качестве общественного деятеля и поэта, представлял наиболее радикальное крыло украинского общества, стоял на позиции независимости Украины и господства у себя на родине украинского языка, национальных традиции и уклада жизни. Его творчество и общественные взгляды согласованы с творениями «Старого Тараса» – самого главного поэта Украины. Ценил близкие связи с поэтами Иваном Багряным, Олегом Ольжичем и другими современниками, высоко отзывался о русских писателях С. Есенине, Н. Гумилеве [13: 57], М. Лермонтове, Н. Гоголе и авторах Запада В. Гюго, М. Твене и др. [7: 35], важным источником его творений являлось неисчерпаемое богатство и разнообразие устного народного творчества.

В формировании концепции Маланюка можно выделить три этапа. Первый включает детские и юношеские годы, когда крестьянский сын наслаждался невинно красотой окружающей природы, многообразием сельского образа жизни и быта. В общих чертах, культурогенетически это есть *начало*. Далее следует период тяжелых испытаний и участия в потоке политических интриг и борьбы за свои идеалы, который закончился печальной *эмиграцией*. И, наконец, третий период, жизнь за кордоном, вдали от любимой родины, и трагический *финал*. На этом круг жизни и борьбы замкнулся прочно, но внутри него аттестуется неоценимый вклад писателя в общую копилку украинской национальной культуры.

В этом специфическом контексте творчество писателя варьирует между двумя философскими и культурогенетическими понятиями, *там* и *тут*, за каждым из которых скрывается сложное психологическое и смысловое значение. Наречие «там» включает эхо ушедшей навсегда жизни поэта, а «тут» представлено как насильственно приобретенное место обитания, чуждое его духу как украинца. Часто поэт грустит: «*хто задихався в чужому повітрі, у чужому підсонні, під чужим небом...той зрозуміє психологічний стан емігранта*» [3: 16]. Он ощущает далекие отголоски родных просторов: «*десь сіре поле в чорних круках./ Що прооро-*

теории относительности, заменившей механику Ньютона. В самом сжатом виде она состоит из корреляции материи и пространства типа: материя указывает пространству, как искривляться, а пространство материи – как двигаться. Литература, в качестве особого вида искусства, подчинена непосредственно и опосредованно этим двум макроконцепциям. Сравните *биомеханику* Мейерхольда и *систему* Станиславского, а соответственно и театральную драматургию. В иных случаях, литература опережает грядущие научные открытия, как, например, «столь сложный» Чехов, «обратная связь» Сологуба или Гиппиус.

¹⁷ К примеру: Сб. *Вопросы молдавского языка в свете трудов И.В.Сталина* (Кишинев: Шкоала советикэ, 1951, 146 с.) подвергает критике теорию марризма, преследуя одну – единственную цель: демонтировать окончательно румынский язык на территории МССР. Тем временем, субдиалект бессарабо-молдавского говора возвышен в ранг «молдавского литературного» языка.

кують: *Кари!Кар!»*[19: 1], *«свист херсонського простору!»* и *«вітер з кришталевих хвиль!»*[18: 1], и *«дивний ліс зітхає ароматом і весь дзвенить од гимнів п'яних птиць, співа трава, ніким ще не зім'ята»* [20: 1]. Тут же *«на чужбинних бруках»*, признається он, *«чужий – несучужий тягар... і сниться степ Твій, сниться луки і на узгір'ях – вітряки і н'єш самотній, смертний біль»* [20: 1]. Этот подбор стихотворных образов типичен для поэзии Маланюка и указывает на важность родных мест в его творчестве. Каждый раз звучит неустанно драматизм, сентиментализм, истекающий слезами иностранца. Тоска писателя по Украине и невозможность ее утоления формируют тот узел жизни, который пробуждает тяжесть в душе, и влияет на типичное художественное творчество зарубежья. Утонченная поющая драму душа, где-то за маленьким столом черпает пером на листе бумаги таинственную явь и страдание по далеким родным просторам. Это проявление составляет не что иное, как глубокое дыхание и тяжесть внутренних страданий, присущих только лирикам.

Все сочинения Маланюка, написанные на чужбине, отражают жизнь *«тут»*, но в мыслях *«там»*, у родимой хаты, в стране начала. Это призывки, знакомые ноты херсонщины, места детских забав. Ему вечно снится семья, оба деда с воинскими корнями [7: 30], *«містечковий театр, громадська бібліотека, гімназія»* [7: 31], і сельская детвора, скопление *«хата в хату»*, из одной из которых он сам заглядывал в маленький мир *«сквозь стекла низких окон»* [7: 30-31] пытливыми детскими глазами. Представленное яркое многообразие отражается в стихах и формирует стержень вертикальности поэта. Довольно часто он обращался к христианским традициям, божественному началу, народной вере, псалмам, молитвам, акафистам и глубоким водам Иордана [2: 36]. Каждый раз географическая и социальная среда порождала в глубине души поэта генетические субстраты художника и борца.

Когда произошла смена детства и юношества на взрослые годы, произошло неминуемое – синтез пройденных этапов жизни и вхождение в суровые испытания. Как ни странно, Маланюк растерялся одно время в каком-то хаосе жизни: *«З'явися, Господи! Зійди на мертву землю./Вицеки десницею застиглого мерця./ Дихни вогнем пречистим»* [10: 1]. Но это не падение, а мучительная твердость шагать тернистыми тропами к вершинам собственного Олимпа. Соединение двух противоположностей подтверждает как раз, что Маланюк являлся настоящим творцом, создавал ту ткань культуры, которая упиралась в генетику социального и политического бытия своего народа. Очевидно, все это суммарно характеризует место поэта в истории украинской литературы.

Страсть желания вернуться на родину и насладиться родными просторами пронзила основательно поэта. Можно сказать, что это симптом неизлечимой «болезни души» Маланюка, пронзенной печальным драматизмом. В одной поэме он признается, что *«жив з Україною в серці, з пекучою пам'яттю про Синюху, Архангород, батька, діда Василя»* [3: 15]. Казалось бы, что обошел вниманием родную мать, но это иллюзия, так как всюду шепчет это священное имя в сочетании с родиной, селом, природой, всем, что окружало пространственные обзоры начала. Стихотворение «Вчера» показательное в этом плане: *«Далеко бідне око бачить / Там села, села між ярів.../ О Мати! Очі знов заплачуть / З-нід мукою зіпнутих брів./ О Мати! Серце б'є, як птиця./ До тебе зламаним крилом./ Куди ж іти? І як молитися?/ Де той тропар? Де той псалом?»* [17: 9]. Любимый образ включает символ всеобщего, арсенал самого ценного, а в конечном итоге – генетический субстрат малой родины, столь близкой для каждого из нас.

Культурогенетические свойства в творчестве Маланюка присутствуют повсюду. Они формируют незабываемый стержень всей деятельности поэта, переплетаются с развитым арсеналом метафор типа *«шумят ивы»*, *«плачут карие глаза»*, *«сердечко понимает»* и т. п. [3: 14]. Однако малая родина в этом комплексе сути вещей занимает центральное место. Это объясняется осадками времени, памятью прошлого и желанием вернуться к той же *низенькой хате*, которая неустанно ожидает своего хозяина. Эта тема звучит как эталон судьбы, воплощает идеалы человечества, высокие нравственные принципы гуманизма, абсолютный патриотизм. В его творениях ощущается громадная потеря былого и желание вернуть себе то, что стало фатальным, идеальное желание соприкоснуться хотя бы на миг с унаследованным родительским домом, «призбой», услышать «гавканье Бровки».

Жизни и творчеству Е. Маланюка сопутствуют трудные времена, в том числе, по определению его, «*знов на Богдановій дідизні історії свистять вітри*» [16: 1]. Борьба за власть и победа Советов стали главной причиной эмиграции большого числа деятелей культуры и искусства, инженеров, ученых, педагогов, крупных производителей, генералитета. Оказавшись на чужбине, они остались верны народу, стране и традициям. Уже по этим соображениям не могут быть обвинены в предательстве, шпионаже и других пороках.

Как ни странно, но в советские времена все зарубежье, не признавшее новую власть, квалифицировалось как «*враги народа*». Эмигрантов, выходцев из союзных республик, вдобавок отнесли к «*националистам*» и «*руссофобам*».

Так где же «национализм» Евгена Маланюка? Оговоримся сразу – он отсутствует. Идеологи коммунизма, сторонники тоталитаризма и однопартийной системы правления, отвергали естественное право граждан создавать формирования по иным концептуальным воззрениям. Маланюк и все представители диаспоры зарубежья не подчинились этим требованиям и избрали свободу. За это последовали суровые муки и лишение родины, а заодно и право на создание шедевров в области литературы и других художественных жанрах искусств национального и мирового значения. В таком случае раскрывается реакционная суть уже свергнутого коммунистического строя.

В этой связи возникает и другая проблема – отношение Маланюка к России и русскому народу. Нами исследовано подавляющее большинство стихов поэта, но не были замечены какие-либо проявления русофобии. Наоборот, писатель и общественный деятель проявляет интерес и глубокое уважение к соседнему народу, черпая оттуда образцы в области литературы. А там, где называет русских «москалями», отражает не что иное, как проявление бытового апеллятива, вошедшего в периферийные говоры людей. Но это не оскорбление нации, а передача альтернативного отношения к русским.

Евген Маланюк стоит в ряду выдающихся писателей. Вся его деятельность посвящена его стране и народу. Главными критериями его творчества являются человеколюбие, гуманизм, стремление повлиять духовно на решение фундаментальных вопросов человечества в целом. Не случайно П. Иванишин, заключил, что у Маланюка «*мистецтво взагалі, поезія окрема і перш за все – стоять на грані прозріння, бочачи крізь феноменальність дійсності, вігчуваючи саму стихію буття*» [4: 21].

Marshalkowsky T.-T.

Cultural Genetics of a small homeland in the works Malanyk's works

Abstract: The article is devoted to Evgen Malaniuc – a prominent Ukrainian writer, public figure and journalist who lived abroad. The focus is on the culture generics of the “small” and “big” homeland, and on the other hand on the drama of the foreign land. At the same time, the article focuses on the writer's artistic creativity that reflects his social, political and philosophical views.

Keywords: culture genetics, identity, small homeland, abroad, patriotism, humanism.

Библиографія:

1. Вірші Євгена Маланюка/onlyart.org.ua/?page_id=7173.
2. Даниленко, Ірина, Модифікація жанрового канону молитви в ліриці Євгена Маланюка./ Слово і час, 1/2005.
3. Дем'яненко, Світлана, «Мушу випити келих до краю...». / Дивослово, 12/2014.
4. Іванишин, Петро, Национальний спосіб розуміння в поезії Т. Шевченка, Є. Маланюка, Л. Костенко. Монографія. Київ: Академвидав, 2008.
5. Кухар, Оксана, «...Март і Марія, і вечір»./ Слово і Час, 10/2003.
6. Куценко, Леонід, «На хресті слова розіп'ятий...». / Євген Маланюк, Невичерпальність. Поезії, статті. Київ: «Веселка», 1997.
7. Куценко, Леонід, Dominus Маланюк: тло і постать. Видання друге, доповнене. Київ: ВЦ «Просвіта», 2002.
8. Маланюк, Євген, Невичерпальність. Поезії, статті. Київ: «Веселка», 1997.
9. Невралій, Микола, Маланюк і Багрянний: дві концепції визволення України./ Слово і Час, 10/2003.
10. Салига, Тарас, Архітектор храму слова./ Літературна Україна, 1/2006.
11. Салига, Тарас, Молитва Євгена Маланюка до Миколи Зерова (під світлом одного твору)/ Літературна Україна, 6/2012.

12. Солоньовська, Ольга, Міфороетична парадигма незалежної України в ліриці Івана Франка, Євгена Маланюка, Івана Багряного та Олега Ольжича./ Дивослово, 9/2007.
13. Солоньовська, Ольга, Міфороетична парадигма незалежної України в ліриці Івана Франка, Євгена Маланюка, Івана Багряного та Олега Ольжича./ Дивослово, 10/2007.
14. Циховська, Еллина, Катастрофічні мотиви у творчості Є. Маланюка. / Слово і Час, 2/2008.
15. Українська література. Електронна бібліотека. Євген Маланюк.
16. <http://naysterni.com/publication.ptp?id=30850>.
17. <http://naysterni.com/publication.ptp?id=30851>.
18. http://onlyart.org.ua/?page_id=7173
19. <http://ukrclassic.com.ua/catalog/m/malanyuk-evgen/1240>
20. <http://ukrclassic.com.ua/catalog/m/malanyuk-evgen/2500>
21. <http://www.poetrylub.com.ua/metrspoem.php?poem=1770>
22. <https://www.stihi.ru/2011/07/03/3125>

Чолану Людмила Васильевна

Бэлцкий государственный университет им. Алеку Руссо, Республика Молдова

ІСТОРИЧНО-КУЛЬТУРНИЙ ПІДТЕКСТ ДРАМИ І. КОТЛЯРЕВСЬКОГО «НАТАЛКА ПОЛТАВКА»

Аннотація: В статье рассмотрен ранее не исследованный аспект художественного текста названного произведения. Опровергается традиционный взгляд на пьесу только как на «историю из сельской жизни». Выявлен образ Украины как правового государства, выделены проблемы сохранения исторической памяти народа и национального достоинства, конфликт народа и государства, конфликт исконной народной морали и новых социальных понятий. Освещена роль в создании подтекста драмы песен, упоминаемых исторических личностей (Климовский, Мазепа, Кочубей), географических наименований.

Ключевые слова: новаторская драма, образ Украины, народ и государство, историческое прошлое, народное самосознание.

Внесок Івана Петровича Котляревського в історію української культури: започаткування новітньої української літератури, початок формування сучасної літературної мови, створення національного театру... «Енеїда», «Наталка Полтавка», «Москаль-чарівник» принесли автору всенародну любов. Та в літературознавстві погляди на Котляревського суттєво не переглядалися впродовж десятиліть. В літературній критиці продовжують домінувати оцінки його творчості з тих часів, коли українській культурі відводилося скромне місце старанної учениці великої російської культури. «...В українську драматургію проникають ідеї, ідущие от русской просветительской комедии и европейской мещанской драмы. В центре внимания украинских комедиографов находится семейная жизнь с ее бытовыми коллизиями и характеристиками. В ряде пьес («Наталка Полтавка» И. Котляревского, «Сватанье на Гончаровке» Г. Квитки-Основьяненко, «Любка» П. Котлярова и др.) заметно стремление к социальной обусловленности конфликта и поступков персонажей, проявляются черты, близкие к русской сатирической комедии конца XVIII-начала XIX в., а в жанрово-стилевом отношении – к русской комической опере, развивающейся со второй половины XIX в. как антипод классической оперы». [9: 408]

Внесок митця вимагає переосмислення з позицій сучасного літературознавства. Мета дослідження – поглибити розуміння драми І. П. Котляревського «Наталка Полтавка», висвітливши її історичний та загальнокультурний підтекст.

«Наталка Полтавка» зазвичай розглядається на рівні фабули та характеристики персонажів. Головними художніми особливостями вважаються народність характерів, виразність мовлення персонажів, традиційна українська пісенність. Ми бачимо певну паралель історії драми з комедією О. С. Грибоедова «Горе від розуму». Обидва твори набули надзвичайної популярності в першій половині XIX ст. Їх було заборонено до друку, але вони ставились у приватних театрах, розійшлися у цитатах, вплинули не тільки на літературний процес, а й на національну самосвідомість. Численні дослідження висвітлили моральний, соціальний, політичний, філософський аспекти комедії Грибоедова. А твір Котляревського все ще трактується як невибаглива розповідь на «типовий для українського життя сюжет» про сільську дівчину Наталку, закохану «в годованця (по суті – наймита) своїх батьків Петра», з «елементами сен-

тименталізму й літературної «салонності», фольклорними й вертепними традиціями, з приглушеним відлунням історичного минулого [4]. На початку XIX ст. в Європі розквітав романтизм. Російська комедія з ХУІІІ ст. розробляла сатирично-гумористичні аспекти життя дворян: «Недоросль» Д. Фонвізіна (1782), «Хвастун» Я. Княжніна (1784), «Ябеда» В. Капніста (1796), «Уроки дочкам» І. Крилова (1807) і т.д. В окремих комічних операх, як «Мельник, колдун, обманщик и сват» О. Аблесімова (1779), «Анюта» М. Попова (1772), відображались ідилічні або гумористичні сцени селянського життя. Українська творча інтелігенція робила перші кроки до вивчення власного народу: «Описание свадебных украинских простонародных обрядов» Калиновського (1777), збірка прислів'їв та приказок Іщенка та «Історія русів» (кінець ХУІІІ ст.), пізніше – байки П. Гулака-Артемовського, фольклорні дослідження М. Максимовича, І. Срезневського, І. Вагилевича і т. і. В такому історико-літературному й загальнокультурному контексті драма Котляревського «Наталка Полтавка» (1819) виділяється як принципово нове явище. За три роки до початку роботи Грибосєдова над комедією, за шість років до переломної для російської літератури трагедії Пушкіна «Борис Годунов» Котляревський вступає в українську літературу не в модному романтичному руслі, не влюбому серцю українця стилі сентименталізму, не в популярному жанрі водевілю. Він створює реалістичну драму, де буття народу відображено з глибинних позицій народного світобачення. Відкинувши притаманний українській літературі початку XIX ст. етнографізм, демонструє в мовленні персонажів безмежні можливості української мови, а в піснях – відображення національного менталітету. Пісні – органічний елемент композиції твору. Вони несуть фабульне навантаження: з них дізнаємось, що Наталка в розлуці з коханим, що Возний закохався вперше в житті, що Наталка рішуче відмовила не одному парубку і т. д. 19 пісень є засобом творення образів. В українській народній традиції пісня – важливий спосіб духовного спілкування. Записано майже 500 тисяч народних пісень: на всі календарні й родинні свята, на кожен етап життя людини від народження і до смерті, для спілкування і з людьми, і з природою, і з Богом... Герої драми цілком природно пісню освідчуються в коханні (Возний «От юних літ не знал я любви»), застерігають від помилки (Виборний «Ой під вишнею»), намагаються переконати (Наталка «Ой мати, мати!» – Терпилиха «Чи я тобі, дочко, не добра желаю»), пропонують дружбу (Микола «Вітер віє горою»).

Пісні – важливий засіб творення підтексту. Так, лексеми пісні № 2 (Возний): статут, позви (заяви до суду), копи, синкліт (збори високоповажних осіб), чин – разом із реплікою про артикули Магдебурзького права та умовними найменуваннями персонажів уже в першій дії створюють художній образ України як правової держави. Образ не має певної часової чи просторової локалізації, це ідеал, вікова мрія народу. В цій Україні козаки на громадських зборах – копах – обирають місцеву владу (Виборний – помічник старости села). Для вирішення некримінальних юридичних питань запрошують судового чиновника (Возний). Міста і села підпорядковано загальноєвропейському Магдебурзькому праву, яке гарантує незалежне самоврядування (реально існувало в Україні ще в ХУІІІ ст.) На свідомість людей впливають ідеї Просвітництва, розповсюджені Сковородою (в основі пісні Возного № 6 лежить «Всякому городу нрав і права» Г. Сковороди). Долю козацької держави вирішували битви за незалежність з турками, татарами (пісня № 4. Виборний), трагічний вибір між ляхами, шведами й москалями (пісні № 12, № 18. Микола). Образ Миколи втілює ідею козацької волі. В його намірі податись на Тамань, пристати до «чорноморців» – надія України на відродження козацтва після знищення Запорозької Січі (1775). На Чорному морі, Таманському півострові, на Кубані, на Дону відбувалось формування російського козацтва. Котляревський, військовий перекладач і дипломат часів російсько-турецької війни (1806), бачив, що нові козацькі утворення стають відданими захисниками імперії.

В драмі відображено силу російської держави, до складу якої в XIX ст. входили українські землі. В підтексті окреслюється проблема «народ і держава»: прагнення народу до свободи й незалежності вступає в суперечність з інтересами імперії. Петро «був на Дону, був на лінії» – потужній системі фортець і земляних валів від Азовського моря до Дніпровського низів'я. Возний скаржитья, що небезпечно зловживати службовою посадою, за «проволочки», за хабарництво чиновникам загрожує покарання. Микола розповідає про «перестройку» Пол-

тави: на місці старих будівель зводять гарні будинки, прокладають тротуари. Але народ платить велику ціну за зміцнення держави. Вільні козаки стають підданими. Народу нав'язується повага до грошей і чинів. Посилюється соціальне розшарування. Терпилиха була жінкою заможного городянина, а доживає віку бідною сільською вдовою. Петро й Микола мушили шукати заробітків у далеких краях. Українці зазнають великих мовних втрат: мовлення Возного засмічено канцеляризмами, церковнослов'янськими, штампами застарілої російської лірики доби сентименталізму, в мовленні Виборного багато русизмів.

У драмі порушено найгостріші проблеми українського суспільства початку XIX ст.: необхідність піднесення культури народу, зростання національної самосвідомості, збереження історичної пам'яті. Як відомо, функцію джерела культури для протонароддя виконував театр. Було створено театральні трупи в Одесі (1804), Києві (1805), Полтаві (1810), Харкові (1812). Петро розповідає про театральну виставу в Харкові. Його відгук про «малоросійську комедію» сповнено сарказму: «Співали московські пісні на наш голос, Климовський танцював з москалем. А що говорили, то трудно було розібрати, бо сю штуку написав москаль по-нашому і дуже поперевертав слова» [3: 230-231]. Літературознавці визначили, що мова йде про російський водевіль О. Шаховського «Казак-стихотворець» (1812). Спектакль викликає гостру реакцію. Виборний обурюється, «що москаль взявся по-нашому і про нас писати, не бачивши зроду ні краю і не знавши обичаїв і повір'я нашого» [3: 231]. Возний підтримує: «Великая неправда виставлена пред очі публічності. За сіє малоросійская літопись вправі припозвать сочинителя позвом к отвіту» [3: 231]. Такий вияв національної гідності пролунав як виклик, адже театральні глядачі знали, що автора водевілю від літературної критики боронить титул князя. Учасники бесіди палко захищають рідну культуру. Петро з гордістю називає Климовського письменником, композитором і козаком. В цій характеристиці сутність української нації: потяг до знань (письменство), творчий потенціал (пісні), прагнення волі (козацтво). Котляревський повернув ім'я Семена Климовського із забуття: Н. М. Карамзін у «Пантеоне російських авторів» (1802) згадує його як великого мудреця лише на основі усних спогадів українців.

Семен Климовський (нар. між 1690-1700 рр. – пом. у кінці ХУІІІ ст.) – видатний український просвітитель, філософ, поет, композитор. Його пісні стали народними. Пісня «Їхав козак» була помітним музичним явищем Європи, її текст перекладено російською, німецькою, французькою, англійською, польською, угорською, болгарською мовами. Під впливом цієї пісні створено поезії О. Пушкіна «Казак», О. Боровиковського «Козак», Б. Залеського «Дума гетьмана Косовського», ряд образів у творах А. Міцкевича, А. Дельвіга, М. Салтикова-Щедріна. В Германії вона набула такої популярності, що нині вважається німецькою народною піснею. Мелодією Климовського скористались композитори Л. Бетховен, К. Вебер, С. Давидов, Ф. Френцель, Д. Бойо, Д. Штенбельт, К. Кавоса та ін. В XIX ст. українці знали про книги Климовського, написані для царя Петра І, цитували крилаті слова: «Краще бути жебраком, ніж неправедним царем», «Цар без правди – мертвий». Твори Климовського «Про правосуддя начальників» і «Про смирення найвищих», знайдені в Імператорській бібліотеці, було опубліковано В. Срезневським в 1905 р. [7: 148-149]. Це суспільно-політичні трактати, згідно з античною традицією написані у віршованій формі (культура ХУІІІ ст. позначилась на силабічній системі віршування, графічному оформленні з елементами бароко). В них викладено погляди автора на умови процвітання держави: основою державного буття має бути правда і справедливість; цар повинен забезпечити рівність усіх перед законом, не підноситись над народом, а покласти своє життя на піклування про благо людей, бо цар, який не карає знатних злодіїв, сам стає злодієм. Автор розказує про злочини чиновників, хабарництво, грабунки, насильство, падіння моралі. Трактати було надіслано в Петербург в 1824 р. Решту свого довгого життя автор прожив на хуторі Припутні на Херсонщині. Можливо, покарання обійшло його через смерть Петра І. Хутір зник на початку Великої Вітчизняної війни. Могили не знайдено. В наші часи стає ясно, що внесок Климовського в українську культуру ХУІІІ ст. не менший, ніж його молодшого сучасника Григорія Сковороди.

Драма «Наталка Полтавка» підтримала пам'ять народу не тільки про Климовського, а й про Кочубея, Мазепу, Іскру. Зрозуміло, що Возний як чиновник мусить дотримуватись офі-

ційного погляду. Мазепу він називає «ізвергом», а потім і зовсім припиняє бесіду на небезпечну тему. Але деталі розмови свідчать про обізнаність у діяльності і гетьмана Івана Степановича Мазепи, і генерального судді Василя Леонтійовича Кочубея, і полтавського полковника Івана Степановича Іскри. Суперники за руку Наталки стають однодумцями в гордості за минуле України. В цьому контексті рішення Возного у фіналі відступитись від просватаної ним Наталки стає цілком умотивованим. Поведінка героїв визначається глибинними принципами народної моралі. Народне розуміння правильного і неправильного вступає в конфлікт із новими соціальними поняттями. Чинownik Возний оцінює людей за соціальними критеріями: і «тахтауловський дячок», і «писар із Восьмачок», і «підканцелярист із суда» для нього цілком «пристойні» женихи. А для селянина Выборного дячок – п'яниця, а ті два – «жевжики». Прагнення видати Наталку заміж природне для Терпилихи. Вона відчуває себе старою, боїться померти, лишивши доньку самотньою. Адже Наталка чекає Петра вже чотири роки, ще рік-два – і дівчина стане «перезрілою». Але головним для матері є щастя доньки, а не багатство. Високими моральними поняттями керується Петро: для українця недопустимо стати між матір'ю і донькою, між просватаною дівчиною та її женихом. За споконвічними нормами звичаєвого права України при укладанні шлюбу остаточне рішення лишається за дівчиною. Возний відчуває суперечність між порядністю як нормою поведінки людини («...великодушний поступок всякої страсті в нас пересиливаєть» [3: 238]) і діями службовця («...от рождения моего расположен к добрым делам, но, за недосужностию по должности и за другими хлопотами, доселі ні одного не зділал"[3: 238-239]). В критичний момент він свідомо творить «благое діло». В благополучній розв'язці драми ми бачимо не водевільне кліше початку ХІХ ст., за яким у простих селян «не може бути надмірних пристрастей, гострих конфліктів, трагедій і т. ін.» [4: 305], а переконання Котляревського, що прагнення «добро робити» є основою буття народу, джерелом його духовної сили.

Таким чином, образ-ідеал України як правової держави, конфлікт народних моральних норм з новими соціальними категоріями, проблеми історичної пам'яті народу, національної самосвідомості, проблема долі українського народу в складі Російської імперії дають підстави розглядати твір Котляревського «Наталка Полтавка» як реалістичну морально-філософську драму нового типу.

Cholanu L.V.

Historical and cultural connotations of the drama "Natalka Poltavka" by I. Kotlyarevskii

Abstract: The article discussed previously unexplored aspect of the art text of the called work. Traditional view on the play considered as only a history "of rural life" is disproved. The image of Ukraine as a legal state is revealed. The problem of preserving the historical memory of the nation and national dignity, the conflict of the people and the state, the indigenous people's morality and the new social concepts are highlighted. The role of songs, historical names (Klimovskii, Mazepa, Kochubei), of geographic names in the creation of subtext of the drama is highlighted.

Keywords: innovative drama, the image of Ukraine, the people and the state, the historical past, national identity.

Бібліографія:

1. Антонович, Д. *Український театр*. / Українська культура. Лекції за ред. Дмитра Антоновича. Київ, 1993.
2. Єфремов, Сергій. *Історія українського письменства*. Київ, 1995.
3. Котляревський, Іван. *Наталка Полтавка*. / Іван Котляревський. Енеїда. Наталка Полтавка. Харків: Прапор, 2004.
4. Насенко, Михайло. *Художня література України. Від міфів до реальності*. Київ, 2005.
5. Нудьга, Григорій. *Козак. Філософ. Поет*. Львів, 1999.
6. Радзикович, Володимир. *Письменство. Нова доба. 11. Триумф народної мови*. / Історія української культури. За ред. Івана Креп'якевича. Київ, 1994.
7. *Українська література у портретах і довідках. Давня література – література ХІХ ст.* Київ: Либідь, 2000.
8. Чолану Л. *Новаторські риси драми І. Котляревського «Наталка Полтавка»*. / Славянские чтения. Научно-теоретический журнал. (Выпуск 7) 15-летию Славянского университета посвящается. Кишинев, 2013.
9. Яценко М. Т. *Украинская литература*. / История всемирной литературы. Том шестой. М., 1989.

ФЕНОМЕН ЮРОДСТВА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ВОСПРИЯТИИ Л. УЛИЦКОЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЬЕСЫ «СЕМЕРО СВЯТЫХ ИЗ ДЕРЕВНИ БРЮХО»)

Аннотация: В данной статье рассматриваются особенности художественного осмысления феномена юродства в пьесе Людмилы Улицкой «Семеро святых из деревни Брюхо». Учитывается специфика народного восприятия юродства, на которую опирается автор, разделяя институт блаженных и юродивых. Анализируются особенности образной системы и идейно-тематического своеобразия произведения.

Ключевые слова: юродивый, блаженный, система персонажей, идейно-тематическое своеобразие, конфликт.

На презентации книги «Русское варенье и другое» в Москве в феврале 2008 года, в состав которой вошла и данная пьеса, Людмила Улицкая сообщила о документальном характере произведения, содержание которого основано на реальных событиях, происходивших в селе Пузо Нижегородской области. *«В начале 90-х годов была издана книга, написанная священнослужителем, который собрал рассекреченные материалы, связанные с гонениями в 1917 году на около церковных людей – нищих, юродивых и блаженных. Их убивали, сажали в тюрьмы – подобная трагедия произошла и в деревне Пузо, которая в книге получила название Брюхово»,* – рассказала автор [4].

Официально произведение позиционируется как «отчасти сюрреалистическая история о том, как сосуществуют грех и святость посреди разгрома и ужаса России периода коллективизации». Действие в пьесе концентрируется вокруг дома блаженной Дуся, однако за счет пролога и эпилога¹⁸, появившихся во второй редакции произведения, подчеркивается актуальность центральной проблемы оскудения святости и для современной России. Мотивы святости, духовного подвига, крови, пьянства, безбожия и власти, заявленные в прологе, станут лейтмотивами всей пьесы и, повторившись в эпилоге, замкнут кольцо времен.

В интервью Александру Вознесенскому Людмила Улицкая призналась: *«Материал, который попал мне в руки, был совершенно потрясающий. Явление юродства на Руси отражено в литературе очень ярко. Само явление – уникальное, очень глубинное и корневое. Мне очень хотелось к нему прикоснуться»* [6]. Примечательно, что типично русская особенность сочленения греха и святости, духовного величия и греха, плотского низа в авторской интерпретации бесчинств молодой советской власти требует обращения к уникальному явлению русской культуры – юродству, которое и является предметом нашего внимания в данной статье.

Центральной фигурой произведения становится блаженная Дуся, дом которой, как уже отмечалось, станет своеобразным центром притяжения. Известно, что прототипом ее является Евдокия Шикова¹⁹, канонизированная Русской Православной Церковью в 2000 году. Прославившаяся в подвиге юродства Христа ради Евдокия в пьесе представлена блаженной. В качестве собственно юродивой выступает Маня Горелая. Следует отметить, что слово *блаженный*, первоначально использовавшееся для обозначения юродивого, функционировало в древней и средневековой Руси в значении «хороший, благополучный, счастливый», а также «усопший, покойный» (как обозначение святого) [8: 36]. На современном этапе в литературном языке лексема *блаженный* используется в значении «в высшей степени счастливый» (блаженно, блаженство, блаженствовать), разговорный вариант — в значении «глуповатый, чудаковатый» (*блажененький*; первоначально «юродивый»). Замечаем, что к настояще-

---

¹⁸ Включение пролога и эпилога автор назвала «уступкой публике», к которой она прибегла после постановки пьесы в Фрайбурге, Москве и Тюмени. Эти композиционные элементы Людмиле Улицкой не представляются необходимыми, решение использовать их или нет, по ее мнению, в каждом отдельно взятом случае должен принимать режиссер.

¹⁹ В книге «Мироносицы в эпоху ГУЛАГа» отмечается, что настоящая фамилия Евдокии ШейкОва, о чем свидетельствуют как ее родственники, так и как жители села Суворово (Пузо). Утверждается, что неверное написание фамилии появилось в церковных источниках вследствие неправильной расшифровки имени святой в рукописях В. И. Долгановой.

му времени семантика слова *блаженный* сдвинулась: это или одна из степеней святости, или тихое помешательство. Связи, установленные на лексическом уровне, как выяснится позже, не единственное, что будет сближать внешне противопоставленных героинь («*И была между нашими блаженными вражда*» [9: 9]).

Ключевые характеристики неходячей Дуси (отметим, что развитию культа юродивых на Руси способствовал и культ калик, а в народе «поврежденность» воспринималась как отмеченность Богом, что отчасти отражает этимология слова юродивый²⁰) в экспозиции дает Голованов: «*блаженная Дуся*», «*неходячая*», «*провидица*», «*целительница* («...одной богатой барыне сына исцелила») [9: 9]. Вслед за ней представляет и «*примечательную особу*» — Маню: «*беспримерная ругательница*», «...ясновидящая: все знала про всех, и прошлое, и будущее», «...на улице жила. Ни дома, ни двора» [9: 9]. Данный набор характеристик по ходу развития сюжета будет конкретизироваться и дополняться. Отталкиваясь от него, обратимся к определению оснований для разделения блаженной и юродивой.

Как кажется на первый взгляд, их объединяют сверхчеловеческие возможности: дар прозорливости, чудотворения, целительства, которыми нередко наделяются адепты различных чинов святости, угодившие своей подвижнической деятельностью Богу. Однажды Дуся смогла воскресить ребенка (следование Христу — одна из *отличительных* черт юродства). Но утопший мальчик, воскресенный блаженной, через год «обратно утоп» [9: 14].

Блаженная отличается привязанностью к «вещному миру». Дуся в родном Брюхе живет в доме, купленном благодарной барыней, с хожалками, которые должны выполнять любую ее прихоть. Обложенная подушками в «*келье*» (так она называет часть комнаты с кроватью), принимает подарки, любит платки, которых у нее множество, «*даже и золотого шитья*» [9: 11]. В то время как парадигма юродства предполагает отверженность всего, что связано с миром «дольным». Поэтому Маня Горелая подчеркнута бездомна и связана с пограничным пространством крыши и кладбища. Презрение к комфорту, различным благам и богатству накладывает отпечаток даже на внешний вид — юродивая ходит босой и обходится минимумом ветхой одежды, которая не способна спасти ее от зимних морозов.

Аскеза юродивой сочетается с необходимостью «умерщвления» плоти — источника греха. Что заставляло многих подвижников, как, впрочем, и Маню, носить вериги, причинявшие невыносимую боль каждую минуту существования и заставлявшие еще больше заботиться о возвышении духа.

Юродство, как «противуканонический» чин святости, предполагал «*подвиг изображения внешнего, т.е. видимого безумия с целью достижения внутреннего смирения*» [7: 155]. За внешне бессмысленными действиями, поступками, высказываниями Мани скрывается сокровенный смысл, постичь который сразу невозможно. Маску безумца юродивый обычно надевает, с определенной целью: будь то стремление избежать почитания, которое чревато гордыней, будь то нивелирование ложных, мирских ценностей. В то время как Дуся, пережившая глубокую личную драму, похоже, реально «повредила умом». Возлюбленный Прокл про-

---

²⁰ Слово «юродивый» возникло в общеславянский период. В «Этимологическом словаре» Фасмера сказано: «Юродивый, др.-русск. ЮРОДИВЪ, начиная с XIV в. До этого — УРОДИВЪ. Согласно Соболевскому, связано со ст.-слав. Жродъ *ἰερέφρανος*» [9, 4:534]. И далее: «Урод — др.-русск. УРОДЪ «слабоумный», «юродивый» [9, 4:168]. Древнерусское «оуродъ» происходит от слова «род» с отрицательной частицей. П. Я. Черных в «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» поясняет: «Русская, восточнославянская форма — урод —, из у- — приставки, обозначающей «ущербность», «недостаток», «убыль», «уменьшение»... и корня род-» [10, 2:461]. По сути то же объяснение, но более обстоятельное, находим у иеромонаха Алексия, который отмечает, что «смысл частицы *iu* (оу и ю) будет означать «всё то, что мало пѣнится, чего можно не знать, от чего можно убѣгать». Частица *ou* (древний большой юсь) означает — отдѣленность, отходъ отъ чего нибудь. *rodъ*; санскритское *rudh* — подниматься, расти» [3:59]. Владимир Даль дает такое определение слова «юродивый»: безумный, божевольный, дурачокъ, отроду сумашедшій. При этом он разделяет народное и церковное восприятие, отмечая, что «народъ считаетъ юродивыхъ Божьими людьми, находя нерѣдко въ безсознательныхъ поступкахъ ихъ глубокой смыслъ, даже предчувствіе или предвѣденіе», а церковь признает «и юродивыхъ Христа ради, принявшихъ на себя смиренную личину юродства», в церковном же значении [2, 4: 669]. Показательно, что исследователь разделяет юродивых «отроду», т.е. «уродов» в древнем смысле этого слова, и «Христа ради».

пал до венчания; «...все, с тех пор и не вставала я на мои ноженьки», — объясняет причины своего недуга блаженная. Однако детали, например, белый платок, повязанный на манер фаты, куклы, которых она называет деточками, свидетельствуют о том, что блаженная явно не в себе. Отметим, что Е. Беленсон разделяет «органическую, дефективную «юродивость» (слабоумие, недоразвитость)» и мистическое юродство, которое, в свою очередь, делится на два типа: «блаженненьких» и святых. Первую ступеньку юродивого пути Беленсон видит именно в слабоумии и недоразвитости; поврежденность, по ее мысли, является предпосылкой Благодати, «дефект обращается в положительное условие роста духовного» [1: 89-98].

Аскет, принявший подвиг юродства, отрекается не только от всего мирского, но и обрубают родственные связи. На фоне Дуси, постоянно возвращающейся к своей «вдовьей» доле, «деточкам», Маня Горелая представлена свободной: отречение от «горизонтальных» связей призвано усилить связь «вертикальную» — с Богом. В финале произведения выяснится, что Маня — это сбегавший из под венца Прокл. Данный прием травестики отсылает к образу юродивой Ксении, носившую одежду мужа после его смерти.

Как отмечают исследователи, юродство — акт санкционированный. По дороге к месту расстрела отец Василий будет петь панихиду и вдруг скажет: «Господи, прими душу раба твоего протоиерея Василия, раба Божьего Прокла...» [9: 66]. Следовательно, можно предположить, что священник, которому известна была тайна Мани / Прокла, благословил на подвиг юродивую.

Маню Горелую вполне можно назвать «похабом»²¹. Она активно пользуется бранной лексикой (на месте погребения старого зипуна поет: «На могиле нищий дрищит, / в брюхе ветер, в жопе пар, / приходи ко мне, миленок, вместе вздуем самовар!» [9: 40], «перелицовывает» молитвы («Исцелит тебя святая колода во имя пера, пуха и глухого уха!» [9: 13]), гневно обрушивается на Дусю. Последнее, очевидно, объясняется борьбой с почитанием блаженной, необходимо вернуть окружающих к Богу, поскольку пространство пьесы густо населено грешниками самых разных мастей.

Сюжетный конфликт пьесы связан со столкновением Дуси с Роговым. Однако проблематика произведения представляется более широким охватом. Рогов как яркий представитель «homo soveticus» заявляет о переустройстве мира. Известная доктрина в его устах обретает эсхатологическое звучание: «Все будет общее, все будет новое. Государство будет новое. И земля, и небо новое. А теперешний народ ни на что не годится. Пусть и перемрет» [9: 53]. Трагизм ситуации заключается в том, что построение всего осуществляется на крови, родить новых людей должна гулящая девка, а новое мироустройство лишено духовной опоры — новый мир не нуждается в Боге. Символично, что главную святыню — древнюю икону, о которой в экспозиции произведения сообщает Голованов, — спасает из разграбленного храма именно юродивая Маня. Людмила Улицкая, как видим, в этом отношении продолжает ту линию русской литературы, которая утверждает, что без праведника «не стоит село, ни город, ни вся земля наша». При этом, отталкиваясь от народного восприятия юродства, она одновременно разделяет и связывает Дусю и Маню как носительниц двух важных идей православия — смирения перед Богом и упования во всем на него, а также деятельной защиты всего, что представляет ценность для веры.

Dolgov V. G.

The phenomenon of hollyfool in the artistic perception of L. Ulitskaia (on the material of the play "Seven Saints from the village Briuhov")

Abstract: The present article examines the various aspects of the artistic perception of the phenomenon of «Holy Foolishness» / «Yurodstvo» in Lyudmila Ulitskaya's play «Seven Saints from the Village of Bryukho».

---

²¹ Лексема «похаб» обнаруживается уже в самых древних списках жития святого Андрея (XI-XII вв.), где используется чаще других синонимов, например, «салос», «убог», «несмыслен». По определению В. Даля «похаб» — это человек «наглый и бесстыжий в речах, срамо(скверно)словный, ругательский, поносный». В данной лексеме, как видим актуализируется признак поведения, выходящего за пределы установленных в социуме норм, на основании которого она вступает в синонимические отношения со словом «юродивый». Постепенно, очевидно с XVII века, свое сакральное значение это слово утратило и сегодня «похабным» называют нечто неприличное, грубо-бесстыдное, позорное.

The particularities of the folk understanding of «yurodstvo», on which the author is based, differentiating «the Blessed» from «Holy Fools», are also taken into consideration. The specific features of the play's image system and its ideological and thematic peculiarity are analyzed from a cultural point of view.

Keywords: holy fool, blessed person, system of characters, ideological and thematic peculiarity, conflict.

Библиография:

1. Беленсон, Е. *О юродстве во Христе*. // Путь. Орган русской религиозной мысли. Париж, Т. 8, (август) 1927 г. Стр. 89-98.
2. Даль, В. *Толковый словарь живого великорусского языка*: В 4 т. М., 1994.
3. Иеромонах Алексей (Кузнецов). *Юродство и столпничество. Религиозно-психологическое, моральное и социальное исследование*. СПб., 1913. Репринтное издание. М., 2000.
4. Людмила Улицкая представила в Москве книгу своих пьес «Русское варенье и другое». Сообщение информационного агентства размещено в сети Интернета по адресу <http://www.newsru.com/cinema/20feb2008/ulizkaya.html>
5. *Мироносицы в эпоху ГУЛАГа: Свидетельства. Мемуары* / Сост. Павел Проценко. Нижний Новгород: Изд-во Братства во имя св. Александра Невского, 2004.
6. *Никакого авторского произвола. Беседовал Александр Вознесенский*. Интервью размещено в сети Интернета по адресу http://exlibris.ng.ru/fakty/2004-05-13/1_ulitskay.html
7. Покровский, Д. *Словарь церковных терминов*. – Sharon, Massachusetts, 2002.
8. *Словарь Древнего славянского языка, составленный по Остромирову Евангелию*. Издание А. С. Суворина. СПб., 1899.
9. Улицкая, Л. *Русское варенье и другое*. М., 2008.
10. Фасмер, М. *Этимологический словарь русского языка*: в 4 т. М., 1996.
11. Черных, П.Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка*: в 2 т. М., 1999.

Enciu Valentina

Universitatea de Stat „Alec Russo” din Bălți, Republica Moldova
valentina.enciu5@gmail.com

LECTURA ROMANULUI „ÎNCĂ DE PE ATUNCI VULPEA ERA VÂNĂTORUL” DE HERTA MÜLLER

„Premiul Nobel pentru literatură îi este acordat scriitoarei Herta Müller, care descrie cu lirismul său concentrat și proza plină de sinceritate universul celor deposedați” [1]. Acesta este un extras inserat pe coperta cărții din motivația juriului Nobel 2009 de a decerna scriitoarei germane originară din România Herta Müller prestigiosul premiu pentru romanul „Încă de pe atunci vulpea era vânătorul”. Scris în baza unui scenariu de film realizat anterior, romanul apare în limba germană în anul 1992, iar peste trei ani, în 1995, a fost publicat la Editura „Univers”, București, în traducerea scriitoarei Nora Iuga.

Incitant prin titlul pe care îl poartă, romanul „Încă de pe atunci vulpea era vânătorul” uimește și prin structura narației, și prin densitatea texturii lingvistice din care se constituie. Povestirea textului se compune din treizeci și trei de secvențe narative, fiecare din ele purtând un titlu sugestiv. Lucrarea oferă cititorului o panoramă completă a societății românești din perioada ceaușistă. Secvențe de factură cinematografică se perindă greoi, dureros de lent, pentru a compune pas cu pas imaginea unei societăți devastate prin teroare, frică, lipsuri a României din anii '80. „Herta Müller oferă, cu siguranță, cel mai dur portret al comunismului din literatura de după 1989; nu spun din literatura română, pentru că romanul a fost scris în limba germană, însă „Încă de pe atunci vulpea era vânătorul” e un reper important pentru literatura română. Portretul e dur nu prin condamnarea comunismului, ci prin sugerarea lui viscerală, prin identificarea lui cu întregul peisaj fizic și social din România comunistă.” [2] Treptat, în peisajul sumbru al textului, apar câteva chipuri: croitoreasa, un bărbat, un copil, tinichigiul, frizerul... Imaginile se succedă anevoios, asemănătoare mersului unui convoi de prizonieri istoviți fizic și moral. Limbajul opacizat la extremă (prin multitudinea de metafore, metonimii, personificări frapante) potențează registrul plin de nervură al acestei narațiuni poetice, secvențele narate au ritm neomogen, unele se emit sacadat, altele sunt statice, conglomeratul de imagini vizuale, auditive, olfactive, toate sinistre și apăsătoare, conturează în continuare peisajul industrial al unei fabrici de sârmă din localitate.

În tabloul morbid, totul degenerază și degradează. Dictatura animalizează relațiile de familie, relațiile bărbați – femei, imbecilizează psihic și fizic. Totul – muncitorii de la fabrica de sârmă, portarul, directorul, magazionerul, chiar și natura – trăiește constant și continuu sub amenințarea dictaturii, reprezentată prin imaginea pisicii tigrate. Regimul le-a pustiit sufletele, a distrus relațiile interumane, el ucide.

În țesătura dens metaforizată a primei secvențe narative cu titlul „Drumul viermelui în măr” se punctează sumar chipurile a două tinere: învățătoarea Adina și prietena ei Clara, muncitoare la o fabrică de sârmă dintr-un oraș românesc, căruia, inițial, nu i se indică numele. Atmosfera terifiantă a orașului sub regim este desemnată printr-o serie de imagini sugestive: cea a plopilor „care sunt cuțite verzi” și „când Adina privește prea multă vreme plopii, ei își răsucesc cuțitele de pe o parte pe alta în gâtul ei” [1 : 8]. Comunismul, sugerează textul, distruge individul, umanitatea și umanul din om, croiește invers destine, „cu josul în sus”. Astfel, deși „mama Adinei i-a spus croitoresei la probă, copacii atârnă în jos, nu vezi, ai pus materialul invers”, „Adina a purtat rochia de vară cu copacii răsturnați mai multe veri la rând” [1: 13-14]. În continuare, panorama societății terorizate de sistemul ostil se completează cu imaginea tinichigiului de la „Cooperativa Progresul”, unde se meșteresc cruci, bur-lane, câni; cu cea a frizerului care „măsoară destine”: „când tund atâta păr de la un bărbat ca să pot umple un sac cu el, un sac plin ochi. Când sacul e la fel de greu cât bărbatul, omul moare.” [1: 16]

Spectrul imagistic al romanului este ghidat de viziunea Adinei, care vede, observă, trăiește și simte realitatea peste care veghează dur și tiranic securitatea omniprezentă și omniscientă. „Onduleul de pe frunte strălucește. Vede fiecare zi din țară (...) Negrul din ochiul dictatorului este cât unghia degetului ei mare... (...) În țară aleargă nervul optic (...) Și oamenii, acolo unde cade lumina din negrul ochiului, au locuri sub picioare, care le urcă abrupt sub gâtlejuri și le coboară abrupt pe spinări” [1: 23-24].

Transpar, astfel, în construcția personajului Adina, elemente din biografia autoarei, care, în anii '70-'80, a fost urmărită de securitate, motiv din care a fost nevoită să emigreze în 1987 în RFG. Într-un interviu din „Evenimentul zilei”, Herta Müller spune: „Unii scriitori se aleg cu o tematică de care nu scapă toată viața. Nu ei aleg tema, tema îi alege pe ei. Greutățile mari din viață aleg temele. A scrie este un lucru interior și o responsabilitate. Cine să scrie despre dictatură? A scrie mă obligă să intru în amănunt, în profunzime” [2].

Mărturisirea scriitoarei confirmă un adevăr enunțat în repetate rânduri în critica literară, că, de regulă, evenimentele traumatice nu pot încăpea în cuvântul obișnuit, în expresie denotativă; cuvântul în stare să încapă durerea, suferința se alege chinuit și se rostește cu greu, el este și formă, și substanță, și senzație. Ideea ar constitui o explicație pertinentă a structurii diferite a acestui roman.

Și în secvențele următoare, autoarea insistă cu detalii expresive de factură cinematografică asupra elementelor care construiesc imaginea completă a terorii, punând în prim-plan fiziologicul, carnalul, mizeria, micimea faptei și a sufletului, lipsurile. Efectul este obținut aproape exclusiv prin limbaj, prin asociații frapante și expresii insolite, deoarece, în lucrare, subiectul este abia schițat. Structura narativă a textului este o schemă foarte generală în care sunt situate puține personaje. Adina, Liviu și Paul, care urăsc sistemul, care protestează desident terorii, care sunt în permanență urmăriți de securitate și care refuză să colaboreze. Dictatura manipulează totul și pe toți, prin frică, foame, lipsuri, îi impune să se angajeze în serviciile sale, să devină vânători de oameni. Astfel, Adi, un alt protestatar, ulterior victimă a torționarilor și prieten cu Adina și Paul, li se confesa: „El a strigat, scrie ce îți spun, și pe urmă a observat că strigă, și-a prins bărbia și colțurile buzelor între arătător și degetul mare și a spus încet, scrie EU și numele tău. Am scris. NU VOI SPUNE NICI UNEI PERSOANE INDIFERENT DE GRADUL DE APROPIERE FAȚĂ DE EA CĂ AM ACCEPTAT SĂ COLABOREZ. Am pus pixul și am spus, nu pot să scriu așa ceva. El m-a întrebat de ce, n-aș putea trăi dacă aș face-o” [1: 165].

În mediul acestor tineri, imaginea cărora decongestionează puțin atmosfera morbidă și sinistră a orașului, apare periodic blana de vulpe, o parabolă, prin intermediul căreia este reprezentat pericolul terorii iminente care persistă amenințător și pretutindeni în societatea devastată de comunism. Vulpea, mărturisește naratoarea, s-a infiltrat de ani buni în țară, în casă, în minți și suflete, ea este regimul. Blana de vulpe din casa Adinei rămâne pe parcursul întregii narații un instrument de demoralizare a tinerei învățătoare: „Vânătorul a venit de afară și a adus această vulpe. Spuse, e cea

mai mare. Ținea vulpea pe cei doi pumni ai lui cu picioarele atârnată spre dușumea. El își mișca brațele. Picioarele vulpii se bălăbăneau de parcă ar fi alergat. Și în spatele picioarelor, o coadă ca un alt animal mai mic. Și am întrebat, pot să văd pușca? Vânătorul puse vulpea pe masă și-i netezi părul. Spuse, vulpile nu se împușcă, vulpile cad în capcană. Părul și barba și perii de pe mâini erau roșii ca vulpea. Și obrații, încă de pe atunci vulpea era vânătorul” [1 : 127]. Într-un interviu, autoarea romanului explica alegerea parabolei date: „Pentru mine, aceasta a constituit o posibilitate de a prezenta pericolul, amenințarea, deci toate procesele abstracte, care se petrec în spatele scenei. Personajul vede în blana de vulpe serviciul secret. Serviciul secret vede în blana vulpii personajul. Aceasta este intersecția unde lucrurile se întretaie și devin absurde” [3 : 18].

Alte personaje implicate în subiectul schematic sunt Clara, prietena Adinei, și amantul ei Pavel, colonelul de securitate care s-a infiltrat în mediul tinerilor, care-i urmărește, care-i trădează, care trage în tineri în timpul revoluției și care, ulterior, fuge în Austria având asupra sa pașaportul disidentului Albert, împușcat de el în timpul revoluției. Pavel este vulpea-vânător, el este imaginea securității, este odiosul vânător de oameni.

Dacă, în cele aproape 30 de secvențe narative, senzația de disperare și claustrare existențială persistă, atunci, în secvența narativă „Zmeura înghețată”, registrul emoțional al textului se modifică.

Tonalitatea frazei devine aparent calmă, senzația de frică, oroare, repulsie, neajutorare, care izvora anterior din text, se destramă, în schimb în atmosfera textului se instaurează o liniște dureroasă, incertă, devastatoare. „La cafeneaua din spatele străzilor liniștite ale puterii, geamurile sunt sparte de împușcături. Drapelele roșii sunt smulse de la locul lor. La mese stau soldați. Plopii înalți și ascuțiți privesc în apă. [...] Treptele catedralei sunt pline de lumânări subțiri, galbene. Pâlpăie oblic ca vântul. [...] Pe cruce e fotografia unui mort, un chip tânăr, are un coș în bărbie. Gura zâmbește fără încetare. Adina închide ochii, din fotografie zâmbește un înger cu o rană împușcată” [1: 208].

Imaginile devin transparente, spațiul și timpul mai clar precizate, orașul are nume – Timișoara, tiranii au chip concret, el și ea, care nu mai inspiră frică. În ultimă instanță, după derularea evenimentului, nu rămân decât „doi țărani bătrâni care zăceau pe pământ, tâlpile de la pantofii lor priveau în odaie. Aveau în jurul capetelor un cerc de cizme grele, soldățești. Baticul ei de mătase îi alunecase de pe cap pe gât. Căciula lui neagră, nu. A câta era, aceeași, ultima”. Adina are o singură opinie, indubitabilă, tranșantă, caracterizându-i în următorul mod: „unde la alții e inima, la ăștia e un cimitir, între tâmplele lor o grămadă de morți, mici și însângerați, ca zmeura înghețată”. [1: 210] Comparația din textul citat este una zguduitoare, asociația – neobișnuită.

Faptele s-au produs, spune textul. Și aici, intuim, nu există un singur răspuns. „Ai putea să deschizi cele două cadavre, a întrebat Adina. Paul deschise și închise foarfeca de unghii, ar fi mai greu decât dacă ar trebui să privesc înăuntrul mamei și al tatei, spuse el. Tata mă bătea des, îmi era frică de el. Când îi vedeam mâna la masă, cum ținea pâinea, îmi trecea frica. Atunci era ca mine, atunci eram egali. Dar când mă bătea nu puteam să concep că el mănâncă pâinea cu aceeași mână. [...] Paul își șterse ochii de lacrimi, mi-e greață de ei, îmi vine să-i plâng. De unde vine această compătimire, întrebă el” [1: 210-211]. Paul, prietenul Adinei, răspunde incert, el se frământă în încercarea de a pătrunde în justiția faptelor, în a distinge între aspectul politic și cel moral al situației create.

Densitatea limbajului și structurarea fragmentară a discursului realizat de autoarea Herta Müller conferă scriiturii deschidere și, implicit, posibilități multiple de lectură. Cu siguranță, despre acest roman de o valoare inegalabilă se va scrie și peste ani. Or, o adevărată operă de talent rămâne mereu susceptibilă de noi și noi interpretări.

Enciu V.

Lecture impressions of the novel „Der Fuchs war damals schon der Jäger” by Herta Müller.

Abstract: The article presents some impressions on the Nobel Prize-winning book „Der Fuchs war damals schon der Jäger” by Herta Müller. The novel, which is read as if it were a film, depicts the period of the communist regime in Romania – the country where the author was born and lived until 1987, when she emigrated to FRG. The book, and especially the main character, have evident autobiographical traits.

Keywords: communist regime in Romania, narrative structure, metaphorical language, Securitate, autobiography, open text.

Bibliografie:

1. Müller, Herta: Încă de pe atunci vulpea era vânătorul, București, Editura Humanitas, colecția *Fiction*, 2009.

2. Sturza, Cătălin: Nevroza comunismului românesc // Observator cultural. Nr. 517 din 03.2010. http://www.observatorcultural.ro/Nevroza-comunismului-romanesc*articleID_23411-articles_details.html (accesat 01.11.15.)
3. Stîlpeanu, Larisa: Herta Müller – Încă de pe atunci vulpea era vînătorul (spaima ca modus vivendi sub auspicii comuniste) Astra. Nr. 1 din 2010, P.17-19. <http://www.revista-astra.ro/literatura/files/2013/01/larisa-stilpeanu.pdf> (accesat 01.11.15)

Жаравина Лариса Владимировна

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Россия
zharavinal@mail.ru

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Аннотация: В статье рассмотрены особенности формирования и функционирования литературоведческой терминологической системы в аспекте методологии XXI века. Анализируется принципиальная роль понятий и категорий религиозной эстетики, философии и постклассической науки как смысловых эквивалентов традиционных дефиниций. На конкретных примерах рассматривается взаимоотношение терминов в плане их адекватности художественно-эстетическим структурам.

Ключевые слова: религиозный концепт, синергетика, терминологическая система, феноменология, художественный образ.

Закономерно, что современная литературоведческая наука, развиваясь в условиях постнеклассической рациональности, как и гуманитаристика XXI века в целом, предполагает обновление или переосмысление традиционного категориально-терминологического аппарата. В частности, как к междисциплинарной методологической основе гуманитарии все чаще обращаются к синергетике, которая имеет дело со сверхсложными системами. Доказывать в этом плане уникальность литературы, а, значит, и целесообразность применения специфической терминологии излишне. В самом деле, если долгое время литературовед мог ограничиться основными постулатами теории отражения и тем самым акцентировал фактор объективности, то, уже начиная с 60-х гг. прошлого столетия (в зарубежной филологии раньше) художественный феномен стал рассматриваться как порождение информационно-энергетического обмена творческой личности со средой. Данный процесс обусловил смысловое приращение текста, что поддерживалось философской герменевтикой на Западе и историко-функциональным направлением в России. Органично вписалась в этот контекст и синергетика. На ее «языке» литература как искусство слова – диссипативная, т.е. обладающая всеми признаками самоорганизации система, и сегодня уже не редки искусствоведческие труды, в которых личность автора интерпретируется как аттрактор, т.е. организатор разнопорядковых параметров; отклонения от магистральной линии художественного развития трактуются как формы бифуркации («вилка», бифуркационные узлы, «седло» и т.п.), а наряду с образно-характерологическими стереотипами выделяются элементы экстремальной новизны [3] и т.п.

Конечно, возникает вопрос: не прячется ли в подобном обращении к непривычной терминологии элементарная словесная эквилибристика, переформулировка хорошо известных постулатов? Однако и ответ на этот вопрос не менее закономерен: «мотивированность семантики и функции термина» [5: 39], его применение или отказ от него определяются природой самого художественного процесса, а, значит, подчиняются общенаучным принципам историзма.

Казалось бы, к русской классике синергетическая терминология не применима. Но это не вполне справедливо, хотя бы потому, что ее новизна не абсолютна. Напомним: термину *синергетика*, распространившемуся в физико-математических исследованиях, предшествовало понятие *синергии*, восходящее к средневековой религиозной мысли. Именно соединением энергетического потенциала творческой личности с высшей трансцендентальной энергией объяснялся феномен вдохновения. Символично, что поэтическое кредо А. Блока: «*Строй находить в нестройном вихре чувства*» [1: 27] абсолютно адекватно базовому постулату синергетики – *порядок через хаос*.

Поэтому приобщение к «языку» современной постнеклассической науки формирует систему дефиниций, не отменяющую, но дополняющую и корректирующую традиционную.

В этом проявляется эвристическая функция синергетической терминологии, благодаря которой может быть разрешен так называемый *когнитивный диссонанс*. Примером может служить творчество В.Т. Шаламова в целом и его поражающие своим парадоксализмом высказывания, в частности. «Я наследник, но не продолжатель традиций реализма» [8: V, 323] или: «Каждый мой рассказ – это абсолютная достоверность» [8: VI, 486]. И далее, в том же письме к И.П. Сиротинской: «Я летописец собственной души. Не более» [8: VI, 495]. Здесь нет ни отождествления семантически близких понятий (*наследник / продолжатель*), ни противопоставления художественной объективности субъективному восприятию мира. Но есть синергетическая «вилка», когда точки соприкосновения или расхождения понятий является одновременно точками их взаимозависимости. Единое разделяется на два неслиянных и нераздельных потока, не сводимых к оппозиции *тезис / антитезис*. Следствием подобного нелинейного мышления и стало создание автором «Колымских рассказов», энергетически напряженной «новой» прозы, анализ которой в аспекте синергетической методологии акцентирует экстремальность материала. «<...> Осенью мы еще рабо...» – так на полуслове обрывается рассказ «Как это началось» [8: I, 423]. Писатель с неудовольствием замечал, что читатели обычно дописывают неоконченную фразу, видя в ней типографскую или авторскую ошибку. Но синергетик сказал бы, что внезапным обрывом Шаламов воспроизводит разрушение параметров «порядка» параметрами «хаоса», что естественно в лагерных условиях «зачеловечности» [8: VI, 487].

Все это определило особый ракурс художественной характерологии. Традиционно феномен психологизма всегда интерпретировался как важнейший показатель писательского мастерства. Но Шаламов ломал и эту традицию: «<...> кому какое дело, есть в этом произведении “характеры” или их нет» [8: V, 146]. Объясним ли такой декларативно заявленный и в полной мере реализованный автором антипсихологизм (точнее *а-психологизм*) в формате синергетики? На наш взгляд, вполне.

Из физики пришло понятие *фазовый портрет колебаний*, что предполагает понимание целостного как совокупности разнонаправленных траекторий, которые сосуществуют в едином пространстве. Синергетика в этом случае акцентирует повышенную роль ситуативных факторов (*флуктуаций*) в состоянии порядка. Литературоведами данный термин не применялся к антропологической сфере, но он, на наш взгляд, вполне уместен. Мы привыкли выделять комплексы противоречий, если речь идет о сверхсложном феномене. Pro et contra – таково общее название серии, выпускаемой Русским Христианским гуманитарным институтом (Санкт-Петербург). Причем, посвящена она самым разным авторам: «М.Ю. Лермонтов: pro et contra» (2002), «Н.Г. Чернышевский: pro et contra» (2008); «П.А. Флоренский: pro et contra» (2001) и т. д. Можно не сомневаться: под ситуацию «за» и «против» будут и в дальнейшем подводиться выдающиеся деятели отечественной культуры. Поэтому нет ничего неожиданного в том, что в литературном герое, чья модель поведения не укладывается в рамки линейной логики, мы прибегаем к акценту на противоречивости характера как к универсальной «палочке-выручалочке». Только не требует ли этот шаг корректировки уже на уровне терминологии?

Вот поразительный пример из памятника конца XVI – начала XVII века «Повесть о житии Варлаама Керетского». Убив из ревности по дьявольскому наущению жену, он выбрал для себя особую форму покаяния: «изволил страдати за грех, – еже с мертвым телом по морской пучине с места на место плавати, дондеже оно мертвое тело тлению предастся, при этом беспрестанно «псалмы Давидовы пояше» [6: 305]. Вряд ли к данной ситуации подходит логика вышеозначенной серии, тем более с уточнением: «Русский путь». Речь идет о феномене святости, предполагающем иную методологическую стратегию. Это только с позиций узкого житейского здравогомыслия соединение *почитаемый святой – великий грешник* оппозиционно, поэтому и разобраться в соотношении pro et contra логически затруднительно. Во-первых, для смертного ревность является формой себялюбия, т.е. богопротивной гордыней, открывающей реестр семи смертных грехов. Во-вторых, убийство ближнего попирает шестую евангельскую заповедь *Не убий*. В-третьих, ничем нельзя оправдать отказ кому бы то ни было в последней земной милости – погребении тела. В итоге наивный читатель вправе спросить: неужели все эти грехи «снимаются» пением псалмов под миазмы разлагающейся плоти?

Вопрос закономерен. Однако в свете синергетической теории колебаний, если вычленишь из нее антропологические измерения, перед нами *фазовый портрет* человека, где в едином духовном пространстве через разные точки «Я» проходят нравственно несогласующиеся «прямые». У подобной поведенческой модели выделяются не два полюса, а два взаимопроникающих состояния – «хаоса» как следствия уразумения преподобным сотворенного им греха и «покоя», приобретаемого им же в процессе псалмопения и моления Бога «со слезами» [6: 305]. Все это создает ситуацию синергетической «вилки» и разрешает *когнитивный диссонанс*.

В итоге проявляется *сверхлогическая*, или *металогическая*, составляющая, ключ к которой лежит не в сфере противоречия, а в области парадокса. Только эта парадоксальность имеет опять-таки не житейское, но религиозное измерение: *credo quia absurdum* (по максиме, приписываемой Тертуллиану). Аналогичной рациональной нерациональностью (т.е. тем же метафизическим парадоксом) можно, на наш взгляд, объяснить оскорбительный смех Печорина при известии о смерти Бэлы в романе М.Ю. Лермонтова. Апелляция к нравственной двойственности персонажа, ни обращение к «играм» подсознания (в духе неотрейдизма), ни даже ссылки на ИСС (теорию измененного состояния сознания) малоэффективны. Невозможно рационально-позитивистски понять конкретный смысл реакции лермонтовского персонажа, но можно найти ее поведенческий и семантический эквивалент.

Но сказанное означает, что мы должны обратиться к религиоведению, которое терминологически и по существу прочно заняло свою нишу в литературоведческих исследованиях с 90-х гг. прошлого столетия. Разумеется, определение *религиозное литературоведение* вряд ли следует признать удачным. Как справедливо отмечалось в ходе развернувшейся полемики, оно требует своей противоположности: *светская*, или *мирская*, *филология*, что конечно, нелепо [2: 585-600].

И тем не менее некоторые, не только религиозные (в широком смысле), но специфически богословские термины и категории могут быть приняты на вооружение филологами. В частности, мы писали о целесообразности понятий *катафатика* и *апофатика*, т.е. логико-позитивных и логико-негативных форм выражения религиозного опыта [4: 143-156]. Последние особенно значимы для понимания авторской позиции и природы художественного творчества, поскольку апофатику часто отождествляют с атеистическими настроениями писателя, а иногда с прямым богоборчеством (тот же Лермонтов; так называемая кощунственная поэзия; некоторые тексты «Арзамаса», пародирующие Священное Писание, и т. п.). Между тем суть апофатики заключается в том, чтобы показать субстанциальное величие Всевышнего не там, где Он есть, а там, где Его нет и не может быть, т.е. идти от противного.

В этом плане опять же показательны «Колымские рассказы» В.Т. Шаламова, «жесточенный пессимизм и атеизм» которого поразил при первой встрече А.И. Солженицына [7: 164]. Но это было ложное впечатление, ибо, помимо светящего Преображения Христа на Фаворе, существует Богоявление в синайской тьме, о чем повествует книга Исход (гл. 19, ст. 16, 18). «И мрак сделал покровом Своим <...>» – поется в одном из псалмов (Пс.: гл. 17, ст. 12). Поэтому даже без углубления в экзегетику очевидно, что мрак Синая и свет Фавора – звенья одной цепи в процессе Богопознания и Богообщения. «Мы не знаем, что стоит за Богом, за верой, но за безверием мы ясно видим – каждый в мире – что стоит» [8: VI, 491]. В том и заключалась миссия Шаламова, чтобы показать, что в обезбоженной реальности «цивилизация и культура слетают с человека в самый короткий срок, исчисляемый неделями» [8: I, 187], что внутреннее зло, таящееся в безднах души, находящейся в состоянии апостасии, беспредельно. Фавор же остался за пределами «колымской» прозы, в отличие от поэзии. Но в этом своеобразии творческой индивидуальности автора.

Вообще же исследование соотношения *катафатического* и *апофатического* способов выражения религиозности методологически продуктивно, поскольку открывает новые перспективы для изучения, например, поэзии С. Есенина, творчества А. Платонова, М. Пришвина, М. Булгакова, Л. Леонова и др. Да и классические тексты, как мы видели, частично попадают в этот перечень. Однако (подчеркну особо), пренебрегать эвристическим потенциалом диалектики как научной методологии, сформировавшей базовую для литературоведения XX-го столетия категориально-терминологическую систему, неразумно и недопустимо.

Другое дело, что на современном этапе невозможен подход к литературе как к художественной реализации принципов диалектического материализма. Поэтому не случайно особую популярность получили термины и понятия, восходящие к *феноменологическому* дискурсу. Но довольно часто специфическая философская терминология отрывается от своего источника (трудов Э. Гуссерля или М. Хайдеггера) и сводится к простейшей этимологической проекции: понимается как *явление, случай*, жизненная *ситуация*, отраженные в произведении. «Феноменология города», «феноменология провинции», «феноменология природы», даже «феноменология события» – так в некоторых работах формулируется объект исследования.

Между тем феноменологический подход, понимаемый как *интенция* созерцающего (художественного) *сознания*, создает особую модель бытия: не редуцированную объективность и не объективированную субъективность, но объективность, порожденную, а не просто отраженную сознанием. Только в этом аспекте органичен феноменологический анализ таких романов, как «Петербург» Андрея Белого, «Жизнь Арсеньева» И. Бунина, «Доктор Живаго» Б. Пастернака и т.п.

Подведем итог. Введение новых категорий в любой науке обусловлено методологическими новациями, которые, конечно же, предполагают стадию проб и ошибок, но не отменяют «вечной» ценностной установки – исходить из адекватности анализа конкретному художественному тексту.

Zharavina L. V.

Theoretical and Methodological Aspects of Modern Literary Terminology.

Abstract: The article represents the features of the formation and functioning of literary terminology in aspect of the methodology of the XXI century. The author analyzes the role of the principal concepts and categories of religious aesthetics, philosophy and post-classical science as semantic equivalents of traditional definitions. The regarded the relationship of terms of their adequacy artistic and aesthetic structures is regarded on concrete examples.

Keywords: religious concepts, synergetic, terminology system, phenomenology, artistic image.

Библиография:

1. Блок, А.А. . *Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3.* М. – Л.: ГИХЛ, 1960.
2. Бочаров, С.Г. *Сюжеты русской литературы.* М.: Языки славянской культуры, 1999.
3. Браже, Р. А. *Синергетика и творчество.* Ульяновск: Изд-во УлГТУ, 2002.
4. Жаравина, Л.В. *Анофатика в современном литературоведении: pro et contra.* /Славянские чтения. Научно-теоретический журнал. №5 (11). Кишинев: Изд-во Славянского ун-та, 2015. С. 143-156.
5. Лейчик, В.М. *Терминоведение: предмет, методы, структура.* М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
6. *Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. вторая.* М.: Худ. лит., 1989.
7. Солженицын, А.И. *С Варламом Шаламовым.* / Новый мир. 1999. № 4.
8. Шаламов, В.Т. *Собрание сочинений: в 6 т.* М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2004 – 2005.

Макурenkova Светлана Александровна

Московский государственный университет имени М. Ломоносова, Москва, Россия
arias-vikhil@mail.ru

ВЕЧНАЯ ТЕМА РОКА: ШЕКСПИР И ЧЕХОВ

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению эстетики античного греческого театра на материале поэтики творчества Шекспира и Чехова. Статья носит инновационный характер, так как впервые к рассмотрению предлагается такой аспект древнегреческой эстетики, как сформировавшая греческий театр тема Рока. В греческом театре тема Рока складывается как тема Судьбы, тема Фатума, которая превышает героя, превосходя его во времени и пространстве.

Единственно возможное восприятие Судьбы трагическим героем – их встреча-узнавание – становится источником катарсического аффекта. Тема Рока в исходной форме всегда остается прерогативой героя. В статье рассматривается ее разработка в театре Нового времени Шекспиром и Чеховым в образах Фортинбраса и Наташи в "Трех сестрах".

Ключевые слова: трагедия, драма, греческий театр, тема рока, катарсис, Шекспир, Чехов

Сформировав древнегреческую трагедию, тема Рока легла в основание феномена театра как такового. Это суждение с очевидностью относится к эпохе, когда складывание явления непосредственно завершилось. В четвертой главе «Поэтики» Аристотель отмечает: «Испытав

много перемен, трагедия остановилась, приобрета доскональную и вполне присущую ей форму» (*Поэтика, 1449a14*) [3: 51]. В более позднем переводе М.Л. Гаспаров формулирует мысль Аристотеля еще нагляднее: «Испытав много перемен, трагедия остановилась, обретя наконец присущую ей природу» [2: 118].

Что касается «остановленного» бытия жанровых форм, то оно состоит в назначении правил жанра служить, как отмечал С. Аверинцев, стабильными правилами «некоей длящейся игры, в которую автор играет со своими предшественниками и преемниками на сколь угодно большой временной дистанции» [1: 15]. В контексте предложенной темы речь идет о Шекспире и Чехове, в своем творчестве в некоей предельной форме явившими механизм циклической повторяемости Рока. Оба драматурга рассмотрели его в границах новоевропейского театра не в ударной позиции, но в боковой проекции. Дистанция от эхилловского Ореста через шекспировского Фортинбраса в «Гамлете» пролегла до образа чеховской Наташи в «Трех сестрах». Бытийственную онтологию сменил экзистенциальный модус. Классическая парадигма выявила свою резистентность за счет скрытого ресурса: сложившись в лоне жанра трагедии, тема Рока превзошла его границы, при этом сохранив трагическую полноту.

В греческом театре тема Рока складывается как тема Судьбы, тема Фатума, которая превышает героя, превосходя его во времени и пространстве. Единственное возможное восприятие Судьбы трагическим героем – их встреча-узнавание – становится источником катарсического аффекта. Тема Рока в исходной форме всегда остается прерогативой героя.

С этим связано ее центральное положение в классической греческой трагедии.

Как известно, генезис образа героя имеет хтоническую природу. Его топосом был загробный мир. Первоначально «герой нисколько не соответствовал тому значению, с которым стал соотноситься позже, – отмечала О.Фрейденберг. – Воинственный, отважный характер он получает впоследствии, что вытекает из его подвигов в преисподней, где он борется со смертью и вновь рождается в жизнь» [7: 39]. Слава героя в исходной парадигме – это всегда слава мертвых, слава отцов. Происхождение трагедии из культа духа умерших как культа героев придавало особый смысл точке схождения двух реальностей – хтонической и земной. В пространстве жизни героя это была точка схождения финала жизни протагониста и ярко вспыхивающего погребального костра, подводящего итог его земным деяниям [5: 191-194].

Таким образом, тема Рока формировалась в лоне хтонической философии – иными словами, философии бессмертия. Судьба воспринималась как некое неожиданное, логически не расчисляемое препятствие, в борьбе с которым силы человека обнаруживают свою исходную ограниченность. «Необоримо могущество Рока, – говорит Софокл устами хора в «Антигоне», – оно сильнее золота, Арея, крепости просмоленных морских кораблей» [6: 124].

Отсюда вытекали две основные характеристики явления: неизбежность и нелинейность. Первая предполагает фатальность – от того же *fatum*, что по-латыни означает «рок», – как невозможность свершения. Именно на этом аспекте в горизонте европейского театра настаивает Шекспир. В свою очередь нелинейность свидетельствует о стохастической природе феномена. Согласно Аристотелю (1450a5), на уровне фабулы как мифа тема Рока представляет собой нелинейное развитие сюжета, что предполагает при малом приращении сил большие изменения. На этом аспекте в горизонте европейского театра сделал акцент А.П. Чехов.

В ходе исторического развития намечилось расщепление внутреннего ядра концепта, который при этом в творчестве выдающихся драматургов не потерял своей полноты. В горизонте европейского театра тема Рока как божественного предопределения сохранила витальность вопреки постепенному растворению жанра трагедии, внутри которого сложилась как неотъемлемая характеристика героя. Меняя онтологию с бытийственной на экзистенциальную, тема Рока продолжает играть цементирующую роль, сохраняя театр как ритуально-обрядовое действие.

Концепция совершенства как изначальной заданности раскрывает полноту отмеренного. В 1887 году А.П. Чехов предпринимает попытку охватить европейскую идею театра целиком. И пишет драматический этюд «Калхас», позже получивший «кисло-сладкое», по признанию автора, название «Лебединая песня» [8: 667]. Само движение с изменением заглавия в некотором роде эксплицирует историческую перспективу европейского театра: ей драматург

и воспоследует в разработке темы Рока в образе Наташи, жены брата Андрея в «Трех сестрах».

«Калхас», в 1886 г. появившийся в виде рассказа и через год получивший драматургическое оформление, запечатлел стремление А.П. Чехова телеологически приблизиться к «пределу» жанра трагедии *sui generis*.

Так произнесши, воссел Ахиллес; и мгновенно от сонма
Калхас восстал Фесторид, верховный птицегадатель.
Мудрый, ведал он все, что минуло, что есть и что убудет...
Даром предвиденья, свыше ему вдохновенным от Феба [4].
(I, 69-74)

Верховный жрец ахейцев, выступающий в зачине гомеровой «Илиады», птицегадатель, под пером А.П. Чехова становится воплощением лебединой песни театра. В письме актеру Малого театра А.П. Ленскому от 26 октября 1888г. драматург подчеркивает: «Я назвал «Калхаса» «Лебединой песней». Название длинное, кисло-сладкое, но придумать другого никак не мог, хотя думал долго» [8: 667]. Современная критика, пожалуй, не преминула бы указать в этом случае, что «герой первоначально был зооморфен» [7: 38].

Царь Ахиллес! Возвестить повелел ты, любимец Зевеса,
Праведный гнев Аполлона, далеко разящего бога.
Я возвещу...
Нет, не за должный обет, не за жертву стотельчую гневен
Феб, но за Хриза жреца: обесчестил его Агамемнон,
Дщери не выдал ему, и моленье и выкуп отринул.
Феб за него покарал, и бедами еще покарат,
И от пагубной язвы разящей руки не удержит
Прежде, доколе к отцу не отпустят, без платы, свободной
Дщери его черноокой и в Хризу святой не представят
Жертвы стотельчей; тогда лишь мы бога на милость преклоним.
(I, 74-76, 93-100)

Выбирая из греческого пантеона Калхаса и апеллируя к его образу, А.П. Чехов демонстрирует глубокое постижение механизма греческой трагедии. Рок, как о том непреложно свидетельствует ахейский прорицатель, есть обращение в жизнь закона смерти. Над разрешением его таинственной природы и трудилась греческая трагедия.

В онтогенезе философии Рока лежит феномен смерти, и в зависимости от степени улавливания исходной связи и разворачивается «громатье» театрального действия. «Какой я талант? – восклицает в конце драматического этюда «Калхас» протагонист на пустой сцене ночного театра. – В серьезных пьесах гоюсь только в свиту Фортинбраса...да и для этого уже стар...» [8: 215].

Теоретико-литературная рефлексия, сложившаяся в Греции и позже оформившая европейскую мысль, настаивала на том, что суть творчества есть подражание как состязание, иными словами, деятельность, при которой «самовыявление неповторимой характеристики индивидуального начала обеспечено неизменностью правил, дающих всему личному опору и точку отсчета» [1: 17]. Личному разрешено быть личным именно потому, что «правила безличны и надличны; его неповторимость осознается, ценится и культивируется. Ибо правила создают вечно повторяющуюся, вечно воспроизводимую ситуацию состязания» [1: 17].

И А.П. Чехов берет реванш: запоздавший к европейскому пиршественному столу русский театр обновляет обветшавшую традицию. Ломая закоснелую форму, драматург именует пьесу «Чайка» комедией. А позже добавляет в этот список и драму «Вишневый сад». Современная театроведческая мысль не может дать этому внятного объяснения.

А.П. Чехов отказывается реанимировать трагедию – но дает театру новое дыхание, обратившись – от обратного – к жанру сатирической драмы.

«Поэтика» Аристотеля является первым текстом, где оказался зафиксирован факт расхождения по разным жанровым разделам трагедии и комедии, изначально составлявших

неразрывное мистериальное единство. Мысль Стагирита свидетельствует о том, что к IVв. до н.э. в греческой культуре полностью угасло всякое знание о том, какие истоки питали античный театр. Из глубин памяти пробилось слово «комадзейн» (пировать), связанное с комедиантами и комедией как таковой. Оно единственное сохранило память о тризне, которую правили по усопшему, ибо торжественный ритуал воздаяния славы в устоявшейся форме был связан в греческой традиции с культом героев. Ритуальный дискурс императивно предполагал трагический модус, который обретал «снятие» в праздновании поминок – заключительной, пиршественной части поминальных игр, позже ставшей комедийной концовкой трилогий ранних трагедий. Именно этот смыслообразующий момент и положил А.П. Чехов в основание поэтики своего театра.

Театр как ритуал вечен, но его наличные формы преходящи. Создав пантеон трагических героев – в «Калхасе. Лебединая песня» чеховский протагонист читает монологи короля Лира, Гамлета, Отелло – Шекспир в начале XVIIв. предпринимает последнюю в европейском горизонте попытку поднять тему трагического. Триста лет спустя А.П.Чехов дерзнет прикоснуться к ней уже только через комическое.

Чистым снятием темы трагического у Шекспира выступает Фортинбрас – в некотором роде персонаж является высшим достижением темы трагического в мировом театре. И в силу исключительности наиболее часто подвергается редукции. Это свидетельствует о том, что мысль Шекспира трудна для восприятия в полноте ее откровения.

Чехов, как отметил В. Шкловский, упрекал «искусство – в частности, сценическое искусство – в том, что осталось только два конца:

- герой уехал,
- герой умер» [10: 307].

И сам отмечал, что «в «Гамлете» умерли все» [10: 308].

Финал «Гамлета» представляет собой уникальную ситуацию, далекую от расхожих решений. Персонаж, о котором Гамлет говорит:

...ряды
Такого ополченья под командой
Изнеженного принца, гордеца
До кончиков ногтей... [9]

(4, IV)

по воле Рока сам становится в завершающей сцене пьесы Роком. Совпадая с Судьбой, он сам становится ею, единым жестом распутывая клубок жизни Гамлета.

Расскажешь правду обо мне непосвященным.

(4, IV)

Гамлету единственному воздаются королевские почести.

В финальной реплике Фортинбрас безоговорочно угадывает смысл происшедшего и отдает приказ воздать высшие военные почести наиболее «невоинственному» из всех погибших:

Пусть Гамлета к помосту отнесут,
Как воина, четыре капитана.
Будь он в живых, он стал бы королем
Заслуженно. При переносе тела
Пусть музыка звучит по всем статьям
Церемоньяла. Уберите трупы...
Команду к канонаде.

На фоне гибели датской королевской четы глубина трагедии измеряется смертью Гамлета, не увенчанного даже саном наследника престола.

Фортинбрас выступает баловнем, обласканным Роком: *deus ex machine* он получает в свое владение королевство. Открыто вовлеченный в ситуацию божественного предопределения, он сам становится ее воплощением: греческая трагедия свершает круг, достигнув апогея.

Шекспир с невиданной мощью реализует ее катарсический потенциал: решение Фортинбраса о воздаянии достойному достойного несет этический заряд, подобно молнии освещающий мрачные горизонты бытия.

«Есть у Чехова в драматургии, – отмечал В. Шкловский в статье о параллелях между «Гамлетом» и «Чайкой», – один учитель – Шекспир. Это заметил только Толстой, потому что не любил драматургию Чехова и драматургию Шекспира одинаково. Он ревновал Чехова за любовь к Шекспиру. Эта любовь их разлучала» [10: 308].

Разрабатывая свою огласовку трагедии «Гамлет», А.П. Чехов в 1895–1896гг. усиленно погружается в Шекспира и пристально занимается изучением поэтики его театра.

В. Шкловский отмечает: «Чехов читает заново» [10: 295]. Учitando, что у русского драматурга в собрании пьес только три комедии, возможно, критик предполагает, что профессиональный интерес к английскому драматургу у него возник много ранее, ибо начало работы над первой комедией «Леший» датируется 1888 г. Жанр «Иванова» в 1887г. также первоначально был обозначен как «комедия» и позже изменен на «драма».

В переложении В. Шкловского тексты Шекспира и Чехова сближаются до такой степени, что их персонажи в определенной степени становятся взаимозаменяемы: «...королевство молодого принца принадлежит третьестепенному человеку, столь ничтожному, что он поручил придворной пушке палить каждый раз, как он выпивает кубок вина.

Тригорин любит гром славы...

Треплев любит женщину, как Гамлет любил Офелию, только Офелия любит Гамлета, и Заречная не любит Треплева. Вернее, его разлюбила, когда увидела Тригорина в ореоле славы.

Треплев, как давний его знакомец Гамлет, сделал пробу искусства. Он построил театр на берегу озера, дал женщине свою рукопись, чтобы она читала. Публикой были Треплев, Тригорин, мать Треплева... Переговоры между Треплевым и его матерью напоминают переговоры Гамлета с королевой, королева не верит сыну, она смеется над киевским мещанином, который не имеет даже платья» [10: 290-291].

Изучая внутренние ходы сценического построения текста Шекспира после провала первого крупного произведения «Леший», А.П. Чехов принимает кардинальное решение не оспаривать вершинного достижения трагедии, каковым является «Гамлет». Усваивая тайны драматургического мастерства, он ищет новые ресурсы для современной ему сценической жизни и находит их в сатировой драме древнегреческой трилогии. Пьесы А.П.Чехова – чем далее, тем увереннее – будут подпадать под жанр комедии.

И все-таки трагическое начало, в чистом беспримесном виде явленное Шекспиром в открытом финале «Гамлета», окажется заветным оселком для А.П. Чехова как драматурга.

Пройдя в «Чайке» вслед за Шекспиром сюжет его величайшей трагедии, он подвергнет редукции фигуру Фортинбраса: как известно, комедия «Чайка» завершается гибельным выстрелом Треплева. На освоение художественного решения Шекспира А.П. Чехову требуется еще несколько лет.

В европейской перспективе, которую нам как потомкам сегодня достаточно трудно восстановить, пьеса «Три сестры», созданная в 1900 г., имеет тайный подзаголовок. Подобно тому, как в «Гамлете» гнездится сюжет будущей – так и не написанной Шекспиром – трагедии «Фортинбрас», чеховская пьеса имеет загадочный, непрописанный подзаголовок «Наташа». Образ жены брата сестер Прозоровых Андрея спорит по сценическому объему с присутствием в тексте каждой из них – им плотно заткан уток драматургического действия. Тонко обозначенная линия восхождения Наташи к обретению – а не завоеванию! – прозоровского дома как чужого королевства представляет собой гениальную разработку А.П. Чеховым бокового сюжета с Фортинбрасом. Ее венчает та же ситуация *deus ex machine*, когда персонаж, ставший промыслом Судьбы, оборачивается ее орудием. Как *agentis instrumentalis* Рока, Наташа служит воплощением слома наличной парадигмы жизни и замены ее некоей иной. В этом ее совпадение с образом Фортинбраса угадано русским драматургом блистательно.

Но в отличие от шекспировской ситуации чеховский финал лишен этоса. Пьеса «Чайка» не обладает катарсическим разрешением. Ценою смены трагической парадигмы на комическую становится бесконечная череда экспликаций одной и той же темы: «О милые сестры,

жизнь наша еще не кончена. Будем жить!» («Чайка»), «Мы, дядя Ваня, будем жить!» («Дядя Ваня»), «Здравствуй, новая жизнь!» («Вишневый сад»).

Makurenkova S.A.

The Eternal Concept of Fortune: Chekhov and Shakespeare

Abstract: The paper is devoted to the analysis of the ancient Greek theatre esthetics against the poetics of the modern theatre. Both Shakespeare and Chekhov are analysed on the background of the concept of Fortune which was fundamental for the Greek theatre.

Within its esthetics it was always overwhelming the protagonist who was to overcome it. Their face-to-face meeting was the source of the cathartic effect. The paper presents a new vision of the interpretation of the concept of Fortune by Shakespeare and Chekhov in the images of Fortinbras and Natasha ("Three Sisters").

Keywords: tragedy, drama, ancient Greek theatre, the concept of Fortune, catharsis, Shakespeare, Chekhov.

Библиография:

1. Аверинцев С.С. Жанр как абстракция и жанры как реальность: диалектика замкнутости и разомкнутости // Взаимосвязь и взаимовлияние жанров в развитии античной литературы. М., 1989.
2. Аристотель и античная литература. М., 1978.
3. Аристотель. Поэтика. М., 1951.
4. Гомер. Илиада / пер. Гнедича Н.И.
5. Макуренкова С.А. Онтология слова, апология поэта. Обретение Атлантиды. М., 2005.
6. Софокл // Античная литература. М., 1982.
7. Фрейденберг О. Миф и ритуал древних. М., 1982.
8. Чехов А.П. Собр. соч. Пьесы. 1880–1904. Т.9. М., 1961.
9. Шекспир. Гамлет. М., 1988 / пер. Б.Пастернака.
10. Шкловский В. Энергия Заблуждения. Книга о сюжете. М., 1981.

Моклецова Ирина Васильевна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия
imokletsovamsu@yandex.ru

ФИЛОЛОГО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. Н. МУРАВЬЕВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ НАУКЕ

Аннотация: Творчество известного писателя-паломника Андрея Николаевича Муравьева (1806-1874) стало объектом пристального исследовательского внимания после распада СССР. Православное содержание его сочинений, обладающих немалыми художественными достоинствами, не позволяло публиковать их в советское время. Сегодня наибольший интерес вызывает проза писателя, требующая новых исследовательских методов и подходов в силу специфики ее тематики и проблематики, в том числе с использованием достижений культурологии.

Ключевые слова: литература, культура, филология, культурология, паломничество, Андрей Н. Муравьев.

После распада Советского Союза с началом формирования новой историко-культурной реальности увидели свет произведения авторов, находившихся под запретом по идеологическим причинам, среди которых сразу выделился Андрей Николаевич Муравьев (1806-1874). Духовный писатель, дипломат, общественный и церковный деятель, он оставил обширное творческое наследие, оказавшееся востребованным тогда, когда начался новый этап развития культурной идентичности на пространстве постсоветского общества. При жизни Муравьева называли «защитник Православия», поэтому в наше время основное внимание стали уделять его сочинениям, имевшим этноконфессиональное звучание, в которых обращалось внимание читателя на решение, прежде всего, духовных проблем, а также вопросов миссионерской направленности [17; 26; 34; 41]. Произошло обращение к опыту русской классической литературы XIX в., которая, обладая огромным философским и нравственным потенциалом, могла помочь возрождению национальной жизни на основе исконно русских традиций [9].

XX век, – надо это признать, – Андрея Муравьева знать не хотел. В лучшем случае вспоминали о связанном с его именем курьезе, послужившем поводом для написания пушкинской эпиграммы «Лук звенит, стрела трепещет...» (1827) [3]. Между тем, у А.С.Пушкина в целом было глубокое понимание творческого потенциала молодого автора, что выразилось в незавершенной рецензии на книгу Муравьева «Путешествие ко святым местам в 1830 г.» (1 изд. –

1832 г., всего в XIX в. было 5 изд.). Русский гений положительно оценивает глубокий запас православной религиозности и оригинальность дарования молодого автора, который не потерялся в тени знаменитостей – Р. де Шатобриана и Д.В.Дашкова, смог создать убедительную для русского читателя топографию Святой земли и передать неподдельные паломнические переживания [43].

Муравьев оказался плодовитым писателем, оставив потомкам более 50 оригинальных произведений самых разных жанров, но наибольшую известность получила его путевая проза, в которой он явился основоположником жанра «путешествие по святым местам». Для современников он стал «путешественником по святым местам», – такой перифразой он подписывал свои сочинения и был узнаваем [14-40]. К 1870-м гг. у Муравьева не стало былой популярности, но через десятилетие интерес к нему вновь начинает возрастать, что приводит в начале XX в. к переизданию некоторых его произведений [25]. Затем, как было сказано выше, наступит 50-летнее забвение, имя Муравьева изредка появляется на страницах научных исследований. И лишь в Славянской библиотеке, открытой в Праге в начале 1920-е гг. для поддержания и образования русской эмиграции, были собраны самые известные труды Муравьева, которые помогали воссоздавать образ утраченной родины – Святой Руси, позволяли приникнуть к ее живительным религиозным истокам, воскрешали события культурно-исторической памяти [13].

В советской исторической науке XX в. следует отметить интерес к Муравьеву со стороны исследователей Ближнего Востока, которые обозначают вклад писателя-путешественника в развитие отечественного востоковедения. Однако замалчиваются даже очевидные заслуги: в популярных изданиях и справочниках, рассчитанных на массового читателя, не говорится о ведущей роли Муравьева в приобретении древнеегипетских сфинксов, украшающих спуск перед Академией художеств в Санкт-Петербурге, о защите и поддержании Муравьевым многих культурных объектов на Ближнем Востоке, покупке им и безвозмездной передаче своему народу выдающихся византийских артефактов, рукописей, икон. Подспудно интерес к Муравьеву не иссякает, специалисты по мере возможностей публикуют фрагменты его сочинений [1; 5; 41].

Муравьевское наследие эпизодически изучают и литературоведы – специалисты по пушкинской эпохе, которые свое внимание ограничивают изучением раннего периода творчества второй половины 1820-х гг., включив его в контекст романтических исканий «любомудров», деятельности кружка С.Раича, альманахов этого времени [2; 46]. Соседство значительное, но обусловленное самой биографией Муравьева, который оказался современником и сподвижником деятелей «золотого века» русской поэзии [39]. В последнее десятилетие прошлого века творчеством Муравьева активно занимается Н.А.Хохлова, много сделавшая для введения в научный оборот рукописей его стихотворений, мемуаристики, переиздавшая с современными комментариями сборник «Таврида» и др. [23; 24; 31; 45]. Исследовательница сознательно ограничивается временными рамками 1830-х гг., указывая на своеобразие последующего творческого наследия писателя, вобравшего в себя огромный культурологический и религиозно-материал, который не может поддаваться, с ее точки зрения, собственно филологическому анализу.

Действительно, своеобразие тематики и проблематики произведений Муравьева свидетельствует о многоаспектности его творчества, которое отличается целостным и ценностным восприятием окружающего мира. Муравьев смог воплотить в своих поэтических, драматургических, публицистических, паломнических, историко-церковных, миссионерских сочинениях взгляд русского православного человека, что высоко ценили современники и что вызвало глубокий интерес к его творчеству в конце XX в. Ближе всего к этому восприятию были готовы востоковеды, которые получают многовекторную научную подготовку и могут выступать одновременно в качестве лингвистов, литературоведов, историков, географов, религиоведов, философов, политологов, экономистов. Такой универсализм обусловлен многими причинами, в первую очередь, уникальностью выбранного ими исследовательского поля, отсутствием большого числа специалистов, знанием редких для нашей страны языков. Это свидетельствует о том, что и в недрах филологического знания во все времена имело место стремление к синтезу направлений развития гуманитарного знания.

Сегодня стремление к сложным герменевтическим процедурам, способствующим проникновению в авторский замысел, реконструкции восприятия со стороны современного автору окружения и сравнение его с трансформациями, возникающими со временем, требуют многопрофильной подготовки, возвращая к тем временам в гуманитарной науке, когда узкой специализации еще не наблюдалось. В переходный период конца XX – начала XXI века именно такое отношение проявляется и при «конструировании» основ нового общественного строя, формирования нового общества, что актуализировало наработанные ранее подходы и вызвало к жизни новое научное направление – культурологическое [10]. Вопросы национального бытия становятся объектом самого пристального внимания со стороны всех заинтересованных профессиональных и общественных групп, формируется широкое исследовательское поле, в рамках которого переосмысляются представления о национальной культуре и цивилизационной принадлежности русских [8; 42].

Теоретическая база литературоведения расширилась благодаря подходам, направленным на освоение аксиологической тематики и проблематики русской классики. Ученые, обратившиеся к исследованию литературы в контексте христианской культуры, – одному из плодотворных направлений в теории литературы, разработанному Ф.И.Буслаевым и его последователями, – внесли новые обертоны в понимание художественного содержания литературы, опубликовали значительный аналитический материал. Именно художественная литература в полной мере обладает возможностями для реализации задач, указывающих на «национальное как фактор художественности» [42]. Духовный потенциал русской классической литературы вновь обретает ценность и смысл в связи с современными духовно-эстетическими поисками, что делает актуальным и востребованным обращение к творчеству тех авторов, которые в своих художественных исканиях синтезировали духовные и национально-исторические традиции [6; 7].

О расширении исследовательских возможностей литературоведения, способствующих раскрытию ценностного содержания русской литературы, свидетельствует наличие у него своей методологии, предмета и путей анализа художественного произведения [7]; в современной филологической науке обнаруживается также стремление выделить на основе православной тематики самостоятельную группу сочинений под условным названием «духовная проза» [4]. Это способствует обращению к творчеству таких писателей, как Муравьев, и дает основание включить его художественное, очерково-публицистическое наследие в литературный контекст эпохи 1830-1860-х гг. прежде всего в качестве произведений многожанровой путевой литературы древнего и Нового времени.

Для более полного раскрытия избранной темы особое значение приобретает разработка проблем историзма в русской литературе первой половины XIX в., которые концептуально сложно отражаются в искусстве поэтического слова. Период 1830-1840-х гг. является временем активизации отечественной исторической мысли, историсофские искания представителей русской литературы во многом определяют содержание историко-культурного контекста, что в настоящее время изучается с учетом сложившегося духовного и исторического опыта [44].

Подобные изменения в гуманитарной сфере позволяют по-новому «прочитать» и творческое наследие Муравьева, достижения которого оказались востребованы самим ходом историко-культурного развития, поисками национального самосознания и культурной идентичности. Наиболее ярко о себе заявляет христианское направление филологической науки, словно наверстывая упущенное время и стремясь донести подлинное содержание русской классики до общества, на протяжении более полувека от него оторванного [46]. Возникает интерес к переизданию сочинений Муравьева, на первый план выдвигаются те его работы, которые помогают осознать свою этноконфессиональную принадлежность в сравнении с другими народами. Его творчество начинает ощущаться бесспорным фактом классического наследия как в связи с освоением традиционной духовности, введением ее основ в образовательные стандарты средней и высшей школы, так и в связи со стремлением миллионов людей к своим духовным истокам [17; 19; 24; 26; 28; 34; 35; 41].

В последние годы объектом пристального внимания читателей и исследователей стали не только поэтические и драматические произведения Муравьев, некоторые из них нашли,

наконец, свое место в системе филологического знания [23; 31; 40]. Большой интерес вызывают произведения с православной тематикой, которые посвящены паломнической и страннической традициям [21; 22; 29; 30; 32; 33; 34; 36; 37], истории православия на Ближнем Востоке и в России [20; 22; 29; 30; 38], истории Русской Православной Церкви [19], агиографии [16]. Некоторые сочинения Муравьева открывают читателю основы православного вероучения, обладая при этом немалыми художественными достоинствами [27]. Муравьев проявил себя в качестве гимнографа, став создателем единственного принятого в Русской Православной Церкви акафиста св. апостолу Андрею Первозванному [14]. Участие Муравьева в инославной полемике, миссионерской работе среди мусульман, иудеев, язычников своего времени нашло отражение в целом ряде оригинальных произведений, сегодня вновь обнаруживающих свое значение. Особым вниманием пользуются его «Письма о магометанстве», которые регулярно переиздаются [28].

Таким образом, специфика творческого метода Муравьева, включающего как собственно литературные, так и догматико-религиозные и историко-культурные приемы в раскрытии интересующей его тематики и проблематики, не позволяют исследователю его творчества ограничиваться сугубо филологическими методами. Целый ряд сведений и концепций выходят далеко за рамки науки о литературе и требуют большего широкого, комплексного знания, включающего в себя достояние и наработки разных наук, в том числе таких, как богословие (теология). Решению поставленных задач, направленных на полноценное прочтение творческого наследия Муравьева, в полной мере отвечает культурология, дающая также возможность оценить его значение и место в русской и мировой культуре, раскрыть его роль в сложных геополитических процессах своего времени, использовать его достижения и выводы в наши дни.

Mokletsova I. V.

Philological and Cultural Analysis of A.N.Muraviev's Works in Modern Russian Science.

Abstract: The work of the famous writer and pilgrim Andrew Nikolaevich Muraviev (1806-1874) became the subject of close research attention after the collapse of the Soviet Union. Through the orthodox content of his works that are of great artistic merit don't allow to be published in Soviet times. Today the writer's prose is of the greatest interest and requires new research methods and approaches by virtue of its specific themes and issues including the use of the achievements of cultural studies.

Keywords: literature, culture, philology, cultural studies, pilgrimage, Andrei N.Muraviev

Библиография:

1. *Африка глазами наших соотечественников*. М., 1974.
2. Вацуру В.Э. *Историческая трагедия и романтическая драма 1830-х годов // История русской драматургии. XVII – первая половина XIX века / Ред. Л.М. Лотман. Л., 1982.*
3. Вацуру В.Э. *Эпиграмма Пушкина на А.Н. Муравьева // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1989. Т. 13. С. 222-241.*
4. Гладкова Е.В. *Духовная проза 1830–1870-х гг. // Христианство и русская литература. СПб., 2006. Вып. 5. С. 129-202.*
5. Данциг Б.М. *Ближний Восток в русской литературе и науке: дооктябрьский период*. М., 1973.
6. Долгова Е.В. *Два взгляда на «Северный Афон» (А.Н. Муравьев и Н.С. Лесков) // Христианство и русская литература. Сб. 4. СПб., 2002. С. 292-299.*
7. *Духовный потенциал русской классической литературы*. М., 2007.
8. *Искусство и цивилизационная идентичность / Отв. ред. Н.А. Хренов. М., 2007.*
9. Кондаков И.В. *«Образ мира, в слове явленный»: волны литературоцентризма в истории русской культуры // Циклические ритмы в истории, культуре, искусстве. М., 2004.*
10. Кондаков И.В. *Современное состояние наук о культуре в России: достижения, проблемы и перспективы // Мир культуры и культурология. Альманах. СПб.: НОКО, 2015. С.10-19.*
11. Мартенс Ф.Ф. *О консулах и консульской юрисдикции на Востоке*. СПб., 1873.
12. Моклецова И.В. *Русские духовные традиции в литературном контексте XIX века и творческом наследии А.Н.Муравьева*. М.: ФИЯР МГУ, 2014. Изд. 2-е, испр. и доп.
13. Моклецова И.В. *Духовные традиции русской культуры и литературы*. М.: ФИЯР МГУ, 2011.
14. Муравьев А.Н. *Акафист Св. апостолу Андрею Первозванному*. СПб., 1867.
15. Муравьев А.Н. *Битва при Тивериаде, или Падение крестоносцев в Палестине. Драматические сцены в пяти действиях*. Киев, 1874.
16. Муравьев А.Н. *Жития святых Российской Церкви, также иверских и славянских и местночтимых подвижников благочестия*. СПб., 1856-1858.

17. Муравьев А.Н. *Записка о судьбе древнего Херсониса. Два письма гр. М.С. Воронцову* / Подгот. текста, коммент., илл. И.В. Моклецовою // Традиции и современность. 2011. № 11. С. 102-110.
18. Муравьев А.Н. *Знакомство с русскими поэтами*. Киев, 1871.
19. Муравьев А.Н. *История Российской Церкви*. М., 2002.
20. Муравьев А.Н. *История Святого Града Иерусалима*. СПб., 1844.
21. Муравьев А.Н. *Киев и его святыня*. Киев, 1864.
22. Муравьев А.Н. *Константинопольский храм Св. Софии*. М., 1849.
23. Муравьев А.Н. *Митридат. Трагедия в трех действиях* / Подг. текста, вступ. ст. и коммент. Н.А.Хохловой // Новое литературное обозрение. 1996. № 17. С. 5-42.
24. Муравьев А.Н. *Мои воспоминания (заключительная часть)* / Подгот. текста и прим. Н.А. Хохловой // Православный Палестинский сборник. Вып. 103. С. 186-218.
25. Муравьев А.Н. *Мои воспоминания*. М., 1913.
26. Муравьев А.Н. *Ответ г-ну Боре о святых местах* / Пер. с фр. и подгот. текста З.И. Платоновой // Православный Палестинский сборник. Вып. 103. С. 106-129.
27. Муравьев А.Н. *Письма о богослужении*. СПб., 1836.
28. Муравьев А.Н. *Письма о магометанстве*. СПб., 2004.
29. Муравьев А.Н. *Письма о Православии*. Киев, 1871.
30. Муравьев А.Н. *Письма с Востока в 1849-1850 годах*. СПб., 1851.
31. Муравьев А.Н. *Потоп. Эпическая поэма* / Вступ. ст. и подг. текста Н.А. Хохловой // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 2000. М., 2001. С. 19-45.
32. Муравьев А.Н. *Путешествие ко святым местам в 1830 году*. СПб., 1832.
33. Муравьев А.Н. *Путешествие ко святым местам русским*. СПб., 1836.
34. Муравьев А.Н. *Путешествие по святым местам русским*. СПб., 1846. Репринт. М., 1990.
35. Муравьев А.Н. *Путешествия ко святым местам в 1830 году* / Предисл. и коммент. Н.Н. Лисового. М. Индрик, 2007.
36. Муравьев А.Н. *Римские письма*. СПб., 1846.
37. Муравьев А.Н. *Русская Фиваида на Севере*. СПб., 1855.
38. Муравьев А.Н. *Сношения России с Востоком по делам церковным*. СПб., 1858.
39. Муравьев А.Н. *Стихи и драматические отрывки* // Поэты 1820–1830-х годов / Биогр. спр., сост., подг. текстов и прим. В.С. Киселева-Сергенина. Л., 1972. Т. 2. С. 107-130.
40. Муравьев А.Н. *Таврида* / Подг. текста, ст. и коммент. Н.А. Хохловой. СПб.: Наука, 2007.
41. Наумкин В.В. *Пальмовая ветвь русских путешественников* // Святыне места вблизи и издали: Путевые заметки русских писателей I половины XIX века. М., 1995. С. 5-16.
42. *Национальное как фактор художественности в русской литературе* / Под ред. Ю.И. Минералова. М., 2010.
43. Пушкин А.С. Собр.соч.: В 10 т. Т.7. М.: Наука, 1964. С.262-263.
44. Тарасов Б.Н. *Куда движется история? Метаморфозы идей и людей в свете христианской традиции*. СПб., 2013.
45. Хохлова Н.А. А.Н. Муравьев-литератор. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001.
46. Христианство и новая русская литература XVIII-XX веков. Библиографический указатель: 1800-2000 / Сост. А.П. Дмитриев, Л.В. Дмитриева. Под ред. В.А. Котельникова. СПб.: Наука, 2002.

Герлован Ольга Константиновна
Тираспольский госуниверситет
ogerlovan@mail.ru

ПОЭТИКА ЖАНРА РАССКАЗА В ТВОРЧЕСТВЕ Г.А. КАЮРОВА

Аннотация: В статье рассматривается своеобразие поэтики жанра рассказа в творчестве современного прозаика Г.А. Каюрова. Исследуются композиция, сюжет, субъектная и пространственно-временная организации, система образов рассказов, вошедших в сборник «Немая судьба. Эхо войны» (2015).

Ключевые слова: поэтика, жанр, рассказ, сюжет, субъект речи, герой, пространство и время.

«Ведущими героями» литературного процесса, по мнению М.М. Бахтина, «являются прежде всего жанры, а направления и школы – героями второго и третьего порядка» [1: 451]. Своим суждением ученый актуализирует роль жанра в истории литературного развития. Подобную мысль высказывает и Д.Д. Благой: «... в последовательном возникновении, развитии, господстве тех или иных жанров, в их смене, борьбе наглядно раскрывается, с одной стороны, картина движения литературы как таковой, с другой стороны – тесная связь

литературного процесса с движением и развитием жизни общества» [2: 24]. Более того, Бахтин утверждает, что жанр есть «сложная система средств и способов понимающего овладения и завершения действительности», что «жанр уясняет действительность». Другими словами, жанр – это воплощение определенной концепции действительности. Заметим, что мысль о концептуальности жанровой структуры высказывали А.И. Белецкий, М.А. Петровский, О.М. Фрейденберг, В.Н. Турбин и мн.др. «Жанр потому и правомерно называть формой времени, что он является определенной и проверенной опытом ступенью художественного освоения современности и характеристикой отношения состояния познания к объективным, пока еще не открытым закономерностям современного и человеческого мира», – пишет Н. Л. Лейдерман [5: 127-128]. Представляется, что сказанное, как нельзя лучше, оправдывает наше обращение к текущему литературному материалу, поскольку таким образом мы прикасаемся к живой, растущей на наших глазах истории литературы: мы свидетели и участники живого литературного процесса, что позволяет нам положить начало его постижению, потому что мы способны чувствовать эту литературу, жить ее проблемами, дышать в унисон ее ритму. Конечно, время внесет свои поправки в наши оценки, но ценность их неоспорима: такого понимания время лишит читателя будущего, которому придется «вживаться» в нашу эпоху (то, что делаем мы, когда изучаем литературу прошлых веков).

Современный литературный процесс характеризуется распространением/ преобладанием малой и средней эпических форм: жанров рассказа, повести, очерка. «К числу объективных причин этого, – справедливо замечает Ю.И. Минералов, – можно отнести, например, тот факт, что роман требует либо крупных, но завершенных событий, либо ясной и «устоявшейся» окружающей реальности» [8: 117]. И далее: «Вместе с тем романы почти никогда не пишутся «налетом» – они требуют условий для спокойной долговременной работы писателя, спокойного состояния духа» [8: 117]. И как продолжение мыслей ученого звучит высказывание современного драматурга Леонида Зорина, который по-своему объясняет, почему он пишет «маленькие романы»: «Время подсказывает свои размеры, свои форматы. Время – это элемент эстетики, в нем заключено свое эстетическое содержание. Наше время нервное, быстрое, истерическое в значительной степени. И сейчас, конечно, мне кажется читать длинные произведения сложно. Хотя, возможно, в самом времени заключен свой трагический эпос. И он будет когда-нибудь отражен. Но когда его пишешь непосредственно сегодня, то входишь в его ритм. А ритм – это основа произведения. Это известно. И мне кажется, ритм сегодняшнего творческого отражения жизни – это ритм, который не может быть растянутым, основательным. Мне кажется, маленький роман, относительно лаконичный, лапидарный, больше отвечает духу сегодняшнего периода» [3: 37]. Замечательно то, что похожее мнение было высказано в частной беседе, состоявшейся раньше, чем наше знакомство с интервью Л. Зорина, с писателем Георгием Каюровым, когда мы беседовали о современной литературе. По мысли Г. Каюрова, жанр рассказа или повести – это именно тот жанр, который позволяет в настоящее время, очень суетливое, напряженное, быстротекущее, драматичное, достучаться до читателя, быть услышанным, донести свои переживания, волнения, мысли и получить отклик, поскольку есть гарантия, что произведение благодаря малой форме будет прочитано в промежутке между решениями частных текущих проблем, интернетом и телевидением. Данная форма в силу своей лапидарности позволяет выразить суть, главное, основное, что взволновало, потрясло до глубины души, не отвлекаясь на подробности сюжетного повествования.

Георгий Каюров – это один из ярких, на наш взгляд, современных писателей нашей страны, пишущих на русском языке, излюбленным жанром которого является рассказ. Настоящее имя прозаика Юрий Александрович Козий, «член Союза писателей России, Союза журналистов Украины, Славянской литературной и художественной Академии (Болгария). Родился 1 декабря 1966 года в г Запорожье (Украина). Окончил Славянский-на-Кубани сельхозтехникум и Ленинградский сельскохозяйственный институт. Литературное имя Георгий КАЮРОВ составлено из инициалов всех членов его семьи: КАЮРОВ. Выпущены сборники прозы: «Капли» (2004). «Азиатский зигзаг» (2007), «Памятью хранимы» (2009), «По ту сторону» (2011). Наиболее известные произведения: повесть «Азиатский зигзаг», рассказы «Пелагия», «Свидетель», «Зюзька», «Памятью хранимы». Награжден медалью А.П.

Чехова за сборник «Памятью хранимы» и дипломом «Золотой витязь» за вклад в развитие славянской культуры» [13, 134].

Г. Каюров – очень тонкий, глубокий и эмоционально неравнодушный художник, которого потрясает жизнь во всех ее проявлениях и для которого нет мелочей, если речь идет о человеке. Жизнь тем и удивительна, что она открывает и раскрывает горизонты познания человека и мира. Именно такая наша непростая, настоящая, современная, подлинно художественная жизнь предстает в прозе Каюрова. Творчество нашего автора будит мысль, заставляет читателя повернуться к самому себе, посмотреть и призадуматься над тем, чем и кем мы становимся, что происходит с нами.

В этом смысле не являются исключением и новые сборники рассказов и повестей Георгия Каюрова «По ту сторону» (2014), «Немая судьба. Эхо войны» (2015). Они не оставляют равнодушными и долго не отпускают своей злободневностью, многотемностью и психологической глубиной. Писатель сумел в рассказах, события которых часто достаточно конкретно локализованы и разворачиваются в короткий временной промежуток (в течение одного дня, нескольких часов) воспроизвести историю человеческой жизни романного потенциала.

Рассказы сборника «Немая судьба. Эхо войны» вписываются в актуальную для современной русской литературы тематику: «прошлого/настоящего», «отцов и детей», «памяти», «война в судьбах людей» и др., поднимающих злободневные проблемы сегодняшнего времени. Решает эти темы автор и на историко-национальном материале, и на материале социально-бытовом, что актуализирует проблему неизбежной ответственности человека за все свои поступки, деяния, мысли, слова и т.д. независимо от статуса, занимаемого положения в обществе.

В центре внимания автора обычный ничем не примечательный человек, «маленький человек». Примечательно в этом смысле размышление героя из рассказа «П.П.Ш.»: «Он только сейчас поймал себя на том, что такие лица пожилых людей он видел везде: у себя в приемной, и в булочной, и в троллейбусе, и на приеме у врача, и просто идущих по улице. Они все проходили мимо и никак не касались его лично» [4: 53]. Однако этот, казалось бы заурядный, человек велик по своему духовному потенциалу, проживает свою жизнь, не смотря на жизненные перепетии, оставаясь верным «званию Человека». Например: Панкрат Лукич всю жизнь был благодарен собаке Жучке, обреченной на смерть (собаки обучались взрывать танки), за выполнение ею задания, за которое он получил орден «Красной звезды»; Федор Игнатьевич, оставшись после войны без рук и без ног, сумел наперекор всем пересудам, прозванным «Крабом», быть полезным своей семье; Лука Митрофанович, по ошибке записанный на стеле среди погибших, всю жизнь ждал жену и сына, которых отправил в эвакуацию; тете Паше чрезвычайно важно изменить свой статус вдовы без вести пропавшего на статус вдовы солдата.

Заинтересованность жизнью, человеком, его судьбой нашего автора подтверждается уже тем, что многие его рассказы имитируют, если можно так выразиться, личное свидетельство, личное знакомство с персонажами, героями своих произведений. История человека, семьи предстает через рассказ дочери («Немая судьба»), сына («Краб»), соседки («Зюзька»), а в таких рассказах, как «П.П.Ш.», «Состояние Мейлаха», «Смертоносное масло», повествование ведется от третьего лица. Автор прямо не дает каких бы то ни было оценок, но выражает собственное эмоциональное отношение к тому, о чем повествует, давая возможность читателю идти от собственного восприятия, опыта. Примечательно, что автор представляет читателю такой пространственно-временной отрезок жизни персонажей, когда они находятся в состоянии эмоционально-духовного напряжения, разрешение которого приводит к преобразению читателя.

Каюров часто избирает не новую форму «рассказ в рассказе». В основе сюжета – встреча рассказчика с тем или иным персонажем. Но если субъектная организация названной формы традиционно совмещает две пространственно-временных и эмоционально-оценочных точки зрения, то у Каюрова в рассказе «Немая судьба», например, выступают три рассказчика (а по сути четыре точки зрения). Автор представляет видение мира извне со стороны рассказчика-путешественника, рассказчицы-попутчицы и изнутри – автора дневниковых записей, ее отца, русского морского капитана, и ее матери, внесшей некоторые дополнения в эти записи. Дви-

гателем сюжета в рассказах чаще всего выступает диалог, через который раскрываются все персонажи, подчеркивается острота ситуации. Даже в повествовании от третьего лица автор отказывается от единого субъекта речи, от «монологического» повествования. Такая особенность структуры делает небольшое произведение насыщенным, объемным, полифоничным. Внутренний мир рассказов дан как часть «целого мира», в связи с ним, а сам образ «целого мира» существует как проекция, которая вводится в сознание читателя через частные подробности, детали, вставные эпизоды, вызывающие у читателя ассоциации. Так, в экспозиции рассказа «Немая судьба» рассказчик-путешественник приводит эпизод из жизни города Баден-Бадена: торжество жителей по случаю установления памятной доски об организации российским императором XIX века первой аптеки в городе [4: 5]. Этот вставной эпизод не только подчеркивает эмоциональное состояние путешественника – гордость за предков и за немцев, умеющих быть благодарными, способных ценить свою историю и гордиться ею, но и актуализирует достойное морально-нравственное поведение, мотив памяти, которые станут лейтмотивами всего произведения и сборника в целом. В рассказе «Зюлька» используемый автором мотив сна позволяет понять «настоящий» мир главного героя, это своеобразная мечта-реальность, благодаря которой герой по-настоящему живет и «живы» его жена и сын, возвращения из эвакуации которых он ждет всю свою жизнь. Рассказ «П.П.Ш.» начинается с истории церкви, в руинах которой нашел пристанище не один солдат, в том числе и муж главной героини. Она оказывается в этом местечке именно потому, что они мечтали вернуться сюда жить после войны и обвенчаться именно в этой церкви. Подобными эпизодами расширяются границы частного мира, создается «сверхтекст», устанавливаются связи между изображенным «мигом жизни» и «целым миром», что делает ценностно значимым этот «миг жизни».

Особое значение писатель придает финалу своих рассказов, что обусловлено его особым отношением к своему читателю, которому он доверяет и которого он воспринимает как активного, мыслящего, чуткого собеседника. Финал, как правило, рассчитан на читательское домысливание, что делает, с одной стороны, читателя «соавтором», с другой стороны, позволяет считать диалог состоявшимся. Финал чаще всего не связан с событийным завершением, а представляет собой либо изображение/выражение эмоционального состояния одного из субъектов речи, либо изображение какого-либо объекта, предмета, требующего оценочного, эмоционально нравственного комментария, вывода со стороны читателя. Так, например, в финале рассказа «Немая судьба» представлено размышление рассказчика-путешественника: «Да, Федор Кузьмич Потапов, - размышлял я, слушая дочь русского моряка, - ваша русская дочь с настоящей немецкой душой» [4: 17]. Рассказ «Краб» завершается словами Федора Игнатьевича о собственном отце: «Вот они (инструменты – О.Г.), все до одного. Я их потом из речки достал, чтобы память о бате осталась. Вычистил. Цыган у нас был кузнец, что надо. Дело свое добре знал. Гляди, какой инструмент! Ты же знаешь, кованое железо ржа не берет! У меня и батя такой – настоящий русский мужик – кованный – ржа его не брала» [4: 38]. Рассказ «Зюлька»: «Она (соседка Валентина – О.Г.) в трясущихся руках прижала оба медальона к груди и разрыдалась» [4: 51]; рассказ «Жучка»: «Только теперь я разглядел массивный железный крест, который принял поначалу за столб-ограждение, чтобы автомашины не подъезжали близко к калитке. На кресте была сделана сваркой надпись: «Жучка» [4: 26]. Подобные финалы актуализируют драматизм сюжетов, создают ощущение беспокойства, сдвинутости действительной жизни, когда нарушается ее цельность. Вместе с тем, эти финалы свидетельствуют о восстановлении гармонии в мире благодаря преображению рассказчиков, повествователя и читателя, что позволяет говорить о выражении в рассказах таким образом оптимистического взгляда на жизнь самого автора.

Главная, на наш взгляд, ценность рассказов Г. Каюрова в том, что автор ненавязчиво способствует тому, чтобы читатель пришел к пониманию первостепенной важности в своей жизни духовных ценностей, чтобы обрел знание смысла своей жизни, ценности жизни как таковой. Этим то и сильны его произведения, позволяющее не просто понять «правды» героев, но и прийти к истине. Это определяет, на наш взгляд, его писательскую миссию.

Священник Михаил (Труханов) в своем труде о православном воззрении на творчество пишет: «Человек, будучи сам создан по образу и подобию творца, обязан быть соратником

в непрекращающемся акте творения Божия и, следовательно, своим творчеством обязан воздействовать на мироздание только в положительном отношении, то есть в соответствии с Промыслом Божиим» [7, 34]. Представляется, что это «воздействие на мироздание» Г. Каюрова состоит в стремлении реанимировать сокровенное, заставить читателя возвыситься душой «при мысли великой», «что я – Человек».

Gerlovan O.

The Poetics of Narrative in G.A. Kayurov's Writings.

Abstract: The article examines the uniqueness of the poetics of genre in the narrative works of the contemporary prose-writer G.A. Kayurov. The composition, plot, subjective and spatio-temporal organization, the system of story characters included in the book “The Silent destiny. The Echo of War” (2015) are examined.

Keywords: Keywords: poetics, genre, story, plot, subject of speech, character, place and time.

Библиография:

1. Бахтин, М. М. Эпос и роман (О методологии исследования романа) //Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С.447-483.
2. Благой, Д.Д. Литература и действительность. М.: ГИХЛ, 1959.
3. Владимирова, Е. «Все режиссеры имели со мной горестные дни». Интервью с Леонидом Зориним //РусскийМир.ru. Журнал о России и русской цивилизации. 2012, январь. С. 32-37.
4. Каюров, Георгий. Немая судьба: Эхо войны. Кишинев: Б.и., 2015.
5. Лейдерман, Н. Движение времени и законы жанра. Свердловск, 1982.
6. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970.
7. Лучников М. Ю. Литературное произведение как высказывание. Кемерово, 1989.
8. Минералов, Ю. И. История русской литературы: 90-е годы XX века. М.: ВЛАДОС, 2004.
9. Священник Михаил (Труханов). Православный взгляд на творчество. М., 1997.
10. Скобелев, В. П. Поэтика рассказа. Воронеж, 1982.
11. Турбин, В. Н. Пушкин. Гоголь. Лермонтов. Об изучении литературных жанров. М., 1978.
12. Фрейденберг, О. М. Поэтика сюжета и жанра. Л., 1936.
13. Хрестоматия: Современная русская литература для филологических факультетов и лицеев /под общей ред.: Г.А. Каюрова; науч. руководитель: О.К. Герлован. К.: «Cusnir&Co», 2012.

Юрина Наталья Геннадьевна

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», Россия
makarova-ng@yandex.ru

ВОСТОЧНАЯ ЛИРИКА В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ В.С. СОЛОВЬЁВА

Аннотация: Статья посвящена анализу восточных переводов в поэтической практике В.С. Соловьёва. Рассматриваются причины обращения лирика к творчеству Хафиза. Определяются соловьёвские принципы поэтического перевода, изучается степень их воплощения в переводах стихотворений Хафиза. Особое внимание уделяется рассмотрению тематики и поэтики «восточных» произведений Соловьёва. Делается вывод об их важности и для развития творчества самого Соловьёва, и для эволюции русского поэтического перевода XIX века в целом.

Ключевые слова: В.С. Соловьёв, Хафиз, поэтический перевод, тема, образность, лирическое настроение.

Поэтические переводы В.С. Соловьёва составляют весьма небольшую, но чрезвычайно интересную область его творчества, которая слабо изучена в современном российском литературоведении. Однако без этого невозможно ни представить характер соловьёвской лирики, ни осмыслить поэтические возможности автора, ни оценить его художественный мир в целом. Еще в 1970-е годы З.Г. Минц как важную черту переводческой деятельности Соловьёва отмечала её несвязанность с денежным интересом: «Переводы Соловьёва никогда, несмотря на постоянную нужду и нищенский быт поэта, не были для него средством заработка. Он переводил только то, что давало ему возможность выразить какие-то стороны собственного мирозерцания» [3: 47]. Действительно, соловьёвская деятельность в сфере перевода была обусловлена прежде всего его творческой эволюцией, личной потребностью найти единомышленников среди художников слова, выразить сокровенные мысли и чувства. Круг интересующих его поэтических направлений, конечно, менялся со временем, но не очень значи-

тельно. Можно выделить несколько областей мировой поэзии, особо интересовавших его: античная, ренессансная, западная романтическая лирика и поэтическое наследие Востока. Переводческое творчество Соловьёва пока ещё ожидает пристального внимания исследователей, но проблема трансформации традиций зарубежных авторов в творчестве этого поэта в современной российской науке уже поставлена [7]. В рамках нашей небольшой работы мы остановимся на довольно обширной группе переводных стихотворений Соловьёва из художественного наследия Хафиза.

Восточная лирика особенно активно переводилась Соловьёвым в середине 1880-х годов. Основной объем переводов из Хафиза был выполнен летом 1885 года в имении А.А. Фета Воробьёвке. Очевидно, что выбор для перевода произведений именно этого автора был сделан с помощью Фета, неоднократно переводившего его на рубеже 1850–60-х годов. Однако если Фет использовал поэтику и концептосферу восточного материала для решения проблем, важных для русской культуры, как аргумент сторонников «чистого» искусства, ориентирующихся в своей художественной практике на шедевры мировой поэзии («...впервые в русской литературе, – пишет П.В. Алексеев, – образ Хафиза был полемически использован для программного утверждения художественно-эстетических принципов» [1: 79]), то Соловьёв обратился к средневековой персидской поэзии совсем по другим причинам.

Из всей многообразной в тематическом плане лирики Хафиза (дружба, человеческие отношения, война и мир, власть, фанатизм, добро и зло, мистические озарения, брэнность и непознаваемость мира, жизнь великих людей, переустройство вселенной и т. д.) внимание Соловьёва привлекли стихи любовной направленности. Увлечение восточной лирикой XIV века для него совпало по времени с периодом драматических отношений с С.П. Хитрово, к которой он на протяжении длительного времени испытывал нежные чувства. Эта, пожалуй, главная любовь в жизни поэта нашла отражение прежде всего в его оригинальной лирике, прославляющей чудо любви, утверждающей её вечность («Уходишь ты, и сердце в час разлуки...»), «Безрадостной любви развязка роковая!», «Друг мой! Прежде, как и ныне...», «Там, под липой, у решётки...», «Полны мои мысли любовью одною...», «Бедный друг, истомил тебя путь...» и др.). Образ возлюбленной здесь выступал как максимально обобщённый, лишённый индивидуальных черт. Он часто был мифологизирован, соотносился с образом Вечной Женственности, в результате – возникали сюжеты о нисхождении Вечной Женственности на землю («Под чуждой властью знойной выюги...», «Как бы вольное подражание Гейне»). Любовная лирика Соловьёва уже в 1880-е годы была философской по своей сути не столько потому, что описывала некий мистический роман с Вечной Женственностью, но и потому, что чисто интимные переживания в ней часто расширялись до обобщенно-философских, а образ лирического героя раздвигался до образа человека вообще. Подобное встречалось ранее у Любомудров, которые в любовной лирике никогда не замыкались на чисто субъективных чувствах, представляли земную любовь как космическую, чуждую страсти как таковой («Иностранке», «К Рос...») А.С. Хомякова, «К моей богине» Д.В. Веневитинова). Со временем образ возлюбленной в стихотворениях Соловьёва становится, в духе Ф.И. Тютчева, воплощением идеи о двойственной, хаотически-божественной природе человека. Предположим, что потребность обратиться к поэзии Хафиза была связана именно с совершенно иной трактовкой в ней и чувства любви, и образа возлюбленной, принципиально отличного от того, который утверждался в философской лирике самого Соловьёва, с простотой и утончённостью выражения самых интимных чувств, когда обыденные вещи обретали красоту и глубокий смысл. В эмоциональном плане поэзия Хафиза обосновывалась гедонистическим мировосприятием: если жизнь полна горестей, то нужно наполнить её смыслом, внести в неё красоту, ощутить её прелести и наслаждения. Отсюда – частые упоминания чувственных удовольствий – наслаждений от созерцания женской красоты, любви, дружбы, распития вина. Оптимистический взгляд на мир восточного лирика, который всегда стремился оставаться выше жизненных обстоятельств, не предаваться отчаянию, ценить жизнь, не могли не привлечь внимание переводчика.

Для Хафиза, гения персидской поэзии XIV века, любовь была величайшей ценностью в жизни, чудесным даром небес, посланным человеку для украшения его земного пути. Она дарит счастье, возвышает и вдохновляет человека. В принципе, она не заключает в себе

какой-то масштабной общезначимой для всех людей задачи (в концепции Соловьёва любовь – это не только способ освобождения от личностного эгоизма, но и путь к одухотворению человечества). Любящий имеет обязанности, пожалуй, лишь по отношению к объекту своей любви. Отсюда – большая конкретность образа возлюбленной, несмотря на стремление её облика к шаблону восточной красавицы, отсутствие какой-то философской его подоплёки: «Для меня вопрос мудрёный // И труднейшая задача – // Это стан моей Зулейки, // Ибо он так дивно тонок, // Что его считать я должен // За чистейшее ничто...» [5: 190]. Однако безусловно близкой Соловьёву оказалась хафизовская идея самоотречения в любви: «Всех, кто здесь в любовь не верит, // Я зову к моей могиле! // Милой имя назовите // И дивитесь тайной силе: // Стоном жалобным ответит // Сердце бедное в могиле» [5: 189].

Как известно, именно А.А. Фет был одним из тех, кто способствовал перелому в принципах русского поэтического перевода XIX столетия: вместо переложений, подражаний мотивам зарубежного оригинала он обратился к точному его переводу (иногда в ущерб музыкальности и гармонии). А.А. Козин и А.А. Стрельникова пишут: «Переводная поэзия Фета не лишена недостатков. Но нельзя пренебрегать и достоинствами переводов. Еще долго будут вестись споры о том, что важнее в переводе: точность или поэтичность, «музыкальность», чем жертвовать, если невозможно сохранить эти характеристики в единстве, в гармонии? Фет на этот счёт имел право выбора. Сохраняя точность, он жертвовал благозвучностью стихов» [2: 98]. Соловьёв в этом смысле выступил сторонником позиции Фета, не только усвоившим его принцип перевода, но и в определённой степени его развившим. Он считал, что при точности поэтического переложения с одного языка на другой важно не утратить ключевого лирического настроения источника. В своей статье «О лирической поэзии» (1890) Соловьёв писал: «...для хорошего перевода лирического стихотворения необходимо, чтобы переводчик возбудил в себе то же лирическое настроение, из которого вышло подлинное стихотворение, и затем нашёл соответствующее этому настроению выражение на своём языке. Для лирического перевода вдохновение нужнее, чем для всякого другого» [4: 88]. Конечно, все эти мысли были высказаны им уже после того, как переводы из Хафиза были осуществлены. Но уже к 1880-м годам многие его эстетические взгляды (восприятие поэзии как высшего рода искусства, убеждённость в том, что художественное творчество несёт теургическую миссию, что форма произведения неразрывно связана с содержанием [8: 22–32]) сформировались и не могли не отразиться на переводах.

Вслед за Фетом Соловьёв в своих переводах не стремился к точному воспроизведению восточной строфики. В отличие от своего старшего современника, он даже не всегда выдерживал стилизацию под восточную газель (рифмовка всех чётных стихов с первым). Этот отказ от следования классической форме привёл к нарушению принципа изложения и восприятия мысли. В восточной поэзии логическая связь строк в стихе не всегда видна. Каждое двустипшие выражает законченную мысль, а целостность всего текста можно осмыслить, если восстановить опущенные автором связи и соединить бейты либо ассоциативной цепочкой, либо определённым чувством, состоянием души. Очевидно, что для Соловьёва как поэта-философа выше переживаний были идеи, но верность основному авторскому настроению он всё же сохраняет.

Исследователи творчества Хафиза отмечают важность для его поэтики суфийской символики. «Зная тайные значения, зашифрованные в простых словах, читатель способен открыть не один, а даже несколько смыслов, заложенных в простом стихе, начиная с самого поверхностного и кончая мистически глубоким, – пишут составители статьи о поэте в российской «Википедии». – <...> И если невооружённый глаз видит в стихотворении только признание поэта в любви к женщине, то знакомый с суфийской символикой постигает, что речь идёт о стремлении суфия познать Бога, поскольку именно это подразумевается под «любовью», а «возлюбленная» – это сам Бог» [6]. На наш взгляд, Соловьёв не осмыслил столь глубоко ни идеи, ни поэтику восточного лирика. В его переводах Хафиза нет ни дополнительного религиозного смысла в образности, ни характерного для этого автора зеркального использования описательных слов (наименование «святыми», «муфтиями» отрицательных персонажей и «бродягами», «пьяницами» – тех, кто дорог ему). Правда, лирический герой в переводах Соловьёва очень близок к хафизовскому идеалу поэта, ринду – бродяге и гуляке, открытому ми-

ру, свободному духом, душевно щедрому, не имеющему предрассудков. Во многом этот этический идеал Хафиза был близок дорогому для Соловьёва романтическому герою: одиночке-бунтарю, исполненному внутреннего достоинства, но не понятому обществом, изгнанному из него. В этом отношении его переводы воспроизводили оригинал как нельзя более точно.

Если фетовские стихотворные переводы Хафиза порой страдали в плане мелодичности (на это указывали и его современники, И.С. Тургенев, А.В. Дружинин), то Соловьёв, на наш взгляд, более удачно сумел передать гармоничность сочетания звучания и образности, богатство смыслов и лёгкость чтения оригинала. Не случайно многие его хафизовские переводы были положены на музыку А.Г. Гречаниновым.

Наши наблюдения приводят к следующим выводам.

Во-первых, интерес Соловьёва к переводческой поэтической практике был вызван не склонностью к перевоплощению в иные поэтические индивидуальности, не тягой к просветительству, а поиском собственного пути в лирике. На стадии формирования своего художественного мира он находил в творчестве других авторов общую основу, изучал формы выражения той или иной мысли, обнаруживал способ объективизации личных чувств и эмоций. Недаром в его арсенале переводчика преобладали имена близких по духу и эстетическим взглядам авторов.

Во-вторых, творческое наследие Хафиза привлекало Соловьёва в силу ряда причин: близостью некоторых черт поэтики восточного гения, совпадением ключевого настроения его лирики с собственным, вызванным драматическим периодом в личной жизни, влиянием переводческой практики А.А. Фета, этапом «ученичества».

В-третьих, в творчестве Хафиза Соловьёв выделял прежде всего любовную лирику, правда, очень широкого тематического диапазона. В переводах преобладали стихи, посвященные теме прославления любви как особой божественной силы («Пусть целый свет мне запрещает...», «Да свершится твоя воля!»), её власти над разумом («Если б ведал ум, как сладко...», «Для меня вопрос мудрёный...», «Не мани меня ты, шейх...», «Мимо кельи моей...», «Небо звёздное, ты блещешь...»), сладости любовного самоотречения («У меня затем лишь очи...»). Соловьёв-переводчик обратил внимание и на произведения Хафиза, воспевающие жизнь («Языков так много, много!»), её радости («Горькой мудростью людскою...», «Воды, шумящие волны, – потоп угрожает!», «Зачем ты пьёшь? Я знать желаю!», «Что живёт на этом свете?», «Трезвую воду Гафиз презирает...», «Бедный монах, не поможет...», «Ты неси мне камень мудрых...», «За стаканом стакан наливать...»). Он переводил также стихи о бессмертии красоты, скоротечности человеческой жизни, бренности человеческих дел перед миром вечности («Всех, кто здесь в любовь не верит...», «Если б ведал ум, как сладко...»).

В-четвёртых, Соловьёв не стремился точно передать все особенности поэтики Хафиза. Как поэта-философа его интересовало прежде всего выражение поэтических идей, однако он верно представил ключевое для восточного лирика настроение, его этический идеал, образность (кроме образа лирического героя в трактовке, близкой хафизовской, Соловьёв использовал традиционные для восточной поэзии образы розы, соловья, граната, звезды, солнца и др.).

В-пятых, значение восточных переводов лично для Соловьёва заключалось в завершении стадии «ученичества» в области лирики и в нахождении собственного, оригинального пути философской поэзии. Они имели значение и для русского поэтического перевода XIX века в целом: являлись определённым вкладом в его эволюцию, открывали неизвестные страницы мировой поэзии отечественному читателю.

Yurina N.G.

The Eastern Lyric Poetry in the Translational Practice of V. S. Solovyov

Abstract: This article analyzes the Eastern translations in V. S. Solovyov's poetic practice. The lyricist's reasons of his addressing to Hafiz's works are considered. Solovyov's principles of poetic translation are determined, the degree of their implementation in the translations of Hafiz's poems is studied. Particular attention is paid to the consideration of subject matter and poetics of Solovyov's "eastern" works. The conclusion of their importance for both the development of Solovyov's works and the evolution of Russian poetic translation of the XIX century is made.

Keywords: V.S. Solovyov, Hafiz, poetic translation, theme, imagery, lyrical mood.

Библиография:

1. Алексеев, П.В. *Хафиз в творческом сознании А.А. Фета*, / Сибирский филологический журнал. 2014, № 1.
2. Козин, А.А., Стрельникова, А.А. *Фет-переводчик*, / Литературоведческий журнал. 2011, № 30.
3. Минц, З.Г. *Владимир Соловьёв – поэт*, / Соловьёв, В.С. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974.
4. Соловьёв, В.С. *О лирической поэзии*, / Соловьёв, В.С. Смысл любви. М., 1991.
5. Соловьёв, В.С. *Стихотворения и шуточные пьесы*. Л.: Сов. писатель, 1974.
6. *Хафиз Ширази* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Хафиз_Ширази.
7. Юрина, Н.Г. *Стихотворение В.С. Соловьёва «На мотив из Мицкевича» в переводческой практике поэта*, / Перевод в меняющемся мире. М., 2015.
8. Юрина, Н.Г. *Литературно-критическая концепция В.С. Соловьёва: истоки, становление, развитие*. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2013.

Соценко Наталья Фёдоровна

Харьковский национальный экономический университет имени Семёна Кузнеца, Украина

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ В РОМАНЕ Б. АКУНИНА „АЛМАЗНАЯ КОЛЕСНИЦА” И НОВЕЛЛЕ А. И. КУПРИНА „ШТАБС-КАПИТАН РЫБНИКОВ”

Аннотация: В статье «Интертекстуальные связи в романе Б. Акунина „Алмазная колесница” и новелле А. И. Куприна „Штабс-капитан Рыбников”» выявлен круг претекстов русской литературы XIX века, используемый в новелле Куприна и в романе Акунина, а также установлена интертекстуальная связь между этими произведениями. Кроме того в статье показаны функции интертекста в произведениях разных жанров модернистской и постмодернистской эпохи.

Ключевые слова: интертекст, деструкция, аллюзия, пародия.

Согласно наблюдениям Фатеевой, в начале века авторы стремились ассимилировать интертекст в своём тексте, влить его вплоть до полного растворения, а в конце века наблюдается стремление к диссимилации, метатекстовой игре с чужим текстом [8: 31]. Б. Акунин в романе «Алмазная колесница» (2003) использует неатрибутированные (термин Н. Фатеевой) цитаты без кавычек и указания источника. При сильной насыщенности текста цитатами неатрибутированность не ощущается. В первой части романа «Ловец стрекоз» (2003) первое и второе предложения являются точной немаркированной цитатой новеллы А.И. Куприна «Штабс-капитан Рыбников» (1906), хотя графически текст Акунина записан иначе, чем текст Куприна. Это даёт основания говорить, что автор постмодернистской эпохи пользуется приёмами, характерными для литературы начала XX века. Третий абзац текста романа – это пересказ дальнейшего содержания первой главы новеллы Куприна, но используемая лексика изображает носителя другого сознания, не свойственного эпохе Куприна, несмотря на то, что в романе Акунина настойчиво варьируется лексический пласт претекста. Дальнейшее содержание первой главы представляет собой дописывание как вид интертекста.

Таким образом, в первой главе романа «Ловец стрекоз» представлены воссозданные Акуниным характерные для Куприна виды интертекстуальности: цитата, пересказ, дописывание.

Деструкция претекста происходит на уровне системы образов, фабулы, синтаксических конструкций. В постмодернистском произведении, создавая «биографию» (шпионскую легенду) и портрет героя, писатель использует неатрибутированные цитаты текста Куприна: «<...> под Ляояном контужен в голову» [3: 233] – «<...> о контузии в голову под Ляояном» [1: 6]; «...русский бесформенный нос сливой...» [3: 239] – «<...> шмыгал сливообразным носом» [1: 7]. Следует заметить, что одного из персонажей повести Куприна «Поединок» (1905) зовут капитан Слива. Соотношение текстов возможно и далее: «<...> а при Мукденском отступлении ранен в ногу» [3: 233] – «<...> всё-таки офицер, ранен при Мукдене» [1: 6]; «Все уже знали наизусть<...>» – «все тысячу раз слышали историю» [1: 7]; «<...> маленький<...> его суетливая<...> развязность» [3: 233] – «<...> маленькую суетливую фигуру» [1: 6]. Так Акунин воссоздаёт претекст на лексическом уровне и поэтическую манеру Куприна: использовать неатрибутированные цитаты.

Куприн широко пользовался автоинтертекстом, поэтому новеллу Куприна «Штабс-капитан Рыбников» необходимо рассматривать в аспекте интертекстуальных связей с претекстами самого Куприна, прежде всего с романом «Поединок» (1905). Пласт автоинтертекста

обнаруживается при воссоздании маски «<...> русского забубённого армейца» [3: 245], которую использовал японский шпион, знаток и любитель русской литературы, живя в Петербурге. Легко устанавливается внешнее сходство между японским шпионом, который выдаёт себя за русского боевого офицера и офицерами полка из «Поединка». О штабс-капитане Рыбникове рассказчик сообщает: «<...> маленький, черномазый, <...> болтливый, не особенно трезвый <...> пуглив и наивен» [3: 233]. Очевидно использование автоинтертекстуальных связей Куприным: «...маленький <...> и шустрый ефрейтор Шаповаленко» [3: 5], «поручик Веткин – <...> весельчак, говорун, <...> и пьяница» [3: 6], «Ромашов <...> был <...> от большой застенчивости неловок» [3: 12], «<...> у Ромашова была...наивная привычка...» [3: 17]. Концентрируя в личине Рыбникова черты ранее рассредоточенные между многими персонажами, Куприн воссоздаёт двойную карикатуру: на русских офицеров и на шпиона вражеской армии. Индекс частотности авторских аллюзий у Куприна достаточно высок. Приведём ещё один пример. Полковник Шульгович в романе «Поединок» говорит о солдате Шарафутдинове: «<...> это – солдат<...>? <...> Это срам, позор, омерзение <...>» [3:16]. «<...> холенные штабные офицеры говорили<...>» о Рыбникове: «И это русские офицеры! <...> Тупость, бестолковость, полное отсутствие чувства собственного достоинства <...>» [3: 234].

Кроме того, следует учитывать, что предшественниками Куприна в изображении военных были Л. Толстой, В. Гаршин, А. Чехов. Соотношение между текстами устанавливается благодаря аллюзивно-цитатной связи. Штабс-капитан Рыбников в сознании реципиента воспринимается как аллюзия образов капитана Тимохина и Тушина из романа Толстого «Война и мир» (1869). О Тимохине Кутузов говорит: «У него была приверженность к Бахусу», поэтому «лицо капитана с красным носом» [8: 159]. Для создания двойственности образа героя, Толстой использует приём различного восприятия, воспроизведенный и Куприным, и Акуниным. Офицер с алмазным перстнем обращается «к маленькому, грязному, худому <...> офицеру <...> без сапог» [8: 228], а на князя Андрея Тушин «глядел большими, умными и добрыми глазами <...>» [8: 228]. В «фигурке артиллериста» князь Андрей увидел «<...> что-то <...> совершенно не военное, несколько комическое, но чрезвычайно привлекательное» [8: 229]. Во время боя Тушин всё делал, как «<...> самый лучший офицер» [8: 253] и «<...> он представлялся себе огромного роста, мощным мужчиной <...>» [8: 254]. Перед начальством капитан был робкий, сконфуженный и «стоял <...> с дрожащей нижней челюстью» [8: 260]. Толстой переосмысливает образы «маленьких людей» широко представленные в русской литературе первой половины XIX века, наделяя своих персонажей человеческим величием и беспафосным героизмом. Связи, существующие между персонажами различных художественных произведений, Папкина называет интерфигуральными аллюзиями [5], которые создают глубокую ретроспективу межтекстовой связи, модифицируя семантику чужого текста.

Японский литературовед Омори Масако пишет, что «в образе купринского Рыбникова мы можем отметить <...> проявление двойственности: это человечность и не-человечность, сформированную не столько «высокой» русской литературой, сколько журналистикой того времени. Сатирические журналы «Будильник», «Стрекоза», «Шут» часто печатали карикатуры на японцев как на врагов. На обложке «Будильника» (1904, № 12) был изображён адмирал Того в образе макаки, пишущей четырьмя руками ложные донесения о победах. <...> на карикатуре японец <...> изображается как не-человек с человеческим лицом, <...> как «цивилизованный» человек, совершающий «дикие» поступки <...>. В карикатурах на японцев совмещаются противоположные элементы, и такая двуликость образа японца должна была отражаться в массовом сознании и возбуждать чувство неприятия в читателе» [4].

Однако представляется, что обширный пласт интертекстуальных связей, который Куприн применяет для воссоздания пародийного образа Рыбникова, всё-таки соотносится с группой текстов русской литературы XIX века, персонажи которой представляют широкий спектр комической палитры: от юмора до гротеска. Имплицитно Куприн использует сцену (действие 3, явление 6) из комедии Гоголя «Ревизор» (1836), главу из сатирического романа Салтыкова-Щедрина «История одного города» (1869 – 1870), цитату из популярного в своё время юмористического рассказа Чехова «Жалобная книга» (1884), ситуацию из водевиля Чехова «Юбилей» (1891), эксплицитно – вставную новеллу о капитане Копейкине из поэмы Гоголя «Мертвые души» (1842).

Выбор претекстов всегда носит полисемантический характер. В данном случае Куприн выступает тонким литературоведом, применяющим особенности поэтики своих предшественников.

Поведение японского шпиона в Петербурге (ежедневное посещение различных военных ведомств) вызывает аллюзию к поведению капитана Копейкина. Речевое поведение штабс-капитана Рыбникова из новеллы Куприна в ресторанчике «Слава Петербурга» среди газетных репортёров соотносится с поведением Хлестакова в доме городничего: («Кого? Чехова? Антошу! Ещё бы, чёрт побери! <...> Друзья! Пили мы с ним здорово» [3: 238]) // «С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало часто говорю ему: „Ну что, брат Пушкин?“ <...> Большой оригинал» [2: 46]. Интертекстуальное родство текстов подчёркивается и курьёзом, произошедшим с героями. Хлестаков, приписывая себе авторство многих произведений и в том числе первого исторического романа «Юрий Милославский, или русские в 1612 году» (1829) М.Н. Загоскина, уличается дочерью городничего. Японский шпион ошибается в отчестве Чехова («Мы, брат, бывало, с Антон Петровичем» [3: 238]) и тем ставит под сомнение всё выше сказанное.

Рыбников Куприна семантически правильно использовал чеховскую цитату для характеристики полковника генерального штаба, проводившего маршрутную рекогносцировку «Хоть ты <...> Иванов седьмой, а всё-таки дурак» [3: 238], поведение которого вызывает аллюзию к поведению командира полка Шульговича из «Поединка» [3: 14-16] и журналиста Шавинского. Однако он неправильно понял вопрос Шавинского «А-а! Вы знаете Чехова?» [3: 238] и отвечает как Хлестаков, что и порождает комический эффект и создаёт ситуацию игры.

Цитата Чехова в новелле Куприна употреблена дважды. Второй раз Рыбников пишет её для Шавинского, откровенно насмехаясь над «аристократом газетного мира», считавшего себя способным проникнуть в тайны человеческого духа. Напомним, что фраза имеет иронический подтекст по отношению к человеку, поведение которого не соответствует занимаемому положению.

В других фрагментах текста в речи Рыбникова многократно варьируется фраза: «Я – штабс-капитан Рыбников! <...> Что? Не правда?» [3: 243]). Эта фраза вызывает аллюзию к речи Дементия Варламовича Брудастого, восьмого градоначальника Глупова (глава «Органчик»), в голове которого был устроен небольшой органчик, «могущий исполнять <...> нетрудные музыкальные пьесы. Пьес этих было две: «разорю!» и «не потерплю!» [7: 42]. Отметим, что цитаты в речи Рыбникова и Куприна, и Акунина используются героем, как маскировочный халат. Обращаясь к русским пословицам, русской литературе и истории, японец стремится подчеркнуть лингвокультурную общность с чужим миром, а Куприн – показать его чужеродность русскому миру: «вы вместо слова рукопись сказали – манускрипт. <...> Армейский штабс-капитан никогда не употребит этого слова» [3: 247], – замечает Шавинский. Цитаты из произведений русской литературы заменяют Рыбникову откровенную иронию и дают образцы поведения.

Частое употребление пословиц в тексте Куприна носит полисемантический характер. Традиционная функция изображения природы героя осложняется тем, что Рыбников – иностранец и для него данные единицы языка являются источником страноведческой и культуроведческой информации, возможностью безапелляционной аргументации своей позиции и воспроизведения скрывающейся паузы в диалогах.

Такая мотивированность цитатной речи персонажа позволяет говорить о пародийности и приращении смысла в новелле Куприна, в чём и заключается одна из функций интертекста.

Акунин воссоздаёт эту особенность речи Рыбникова в ином контексте (пародирование мотива литературности поведения), но функция интертекста та же – приращение смысла. Первый раз Рыбников, наблюдая за поведением Гликерии Романовны «во время спасения тонущих и раненых», припоминает: «Некрасов какой-то, поэма „Русские женщины“» [1: 49]. Во время одного из свиданий с Лидиной в Москве Рыбников соотносит её со сказочной героиней: «Вы как царевна Лебедь» [1:130] и цитирует Пушкина («Полно, князь, душа моя. <...> рада службу оказать тебе я в дружбу» [1: 130]). Интертекстуальная связь романа Акунина с произведениями Пушкина (ода «Вольность», 1817; «Сказка о царе Салтане...», 1831) носит полисемантический характер. Благодаря интертексту изображается не только спектр отно-

шений между Лидиной и Рыбниковым («Вася мне не любовник <...> Он мой друг, и я <...> хочу ему помочь» [1: 162]), но и эволюция этих отношений («<...> я же люблю вас<...> – пролепетала Лидина, потрясённая этим открытием» [1: 166]). Этот тип отношений широко представлен в литературе (бескорыстная жертвенность женщины, героизация ею мужчины и влюблённость, вызванная собственным воображением). Интертекстуально используется в романе Акунина и сюжетный мотив сказки Пушкина: сын хочет встретиться с отцом, а женщина в образе Лебеди помогает ему.

Кроме того в романе Акунина пародируется манера Куприна вести дискуссии по эстетическим вопросам в своих художественных текстах. Для этого в романе воспроизводится футуристическая десакрализация Пушкина: «Что это за поэт, который радуется смерти детей» [1: 130]. Цитата из «Вольности» соотносится уже не с литературой, а с историческим фактом (расстрел царской семьи в 1918 году), о котором Лидина знать не может, так как события романа происходят в 1905 году, а в оде Пушкина речь идёт об убийстве Павла I и казни Людовика VI.

Частое воспроизведение штабс-капитаном Куприна фразеологической лексики Акунина обыгрывает как деталь шпионского антуража: «записная книжка, исписанная цитатами и афоризмами на все случаи жизни» [1: 54] под воздействием бесцветной жидкости превращается в японское послание.

Таким образом, текст Куприна в схеме представляет собой скрученную спиралевидную пружину, каждый новый виток которой, благодаря комбинаторной технике, способствует приращению и полисемантизации смысла текста новеллы. Например, слово «показания» в четвёртом абзаце новеллы вызывает аллюзию и к «<...> показаниям Байбакова, часовых и органных дел мастера» [7: 42 – 44], и к ситуации их получения.

Интертекстуальное сближение новеллы Куприна и романа Акунина основывается не только на лексическом сходстве, близость находит отражение и в имитации сцен. В четвёртой главе первой части романа Акунин воссоздаёт диалог между Фандориным и генерал-лейтенантом фон Касселем. Они говорят о русско-японской войне, сравнивают, характеризуют противников, стремятся предугадать исход войны. Разговор аналогичного содержания происходит и в новелле Куприна между японским шпионом и русскими журналистами.

Таким образом, Акунин использует приём деструкции, реконструкции и пересказа, который соотносится с рефреном в поэзии и сменой рассказчиков – в прозе.

Подобно Куприну, который чужой текст разделял на мелкие фрагменты и конструировал новый текст, Акунин, словно ножницами разрезает произведение Куприна и составляет заново.

Sotsenko N. Ph.

The Inter-textual Links in B. Akunin's novel "The Diamond Chariot" and A. I. Kuprin's short stories "Staff Captain Rybnikov"

Abstract: In the article "The Inter-textual links in B. Akunin's novel "The Diamond Chariot" and A. I. Kuprin's Short stories "Staff Captain Rybnikov" a group of pre-texts from the nineteenth century Russian literature used in Kuprin's short stories and in the Akunin's novel was determined, the intertextual link between these works is also established. Additionally functions of the intertext in the works of different genres of modern and postmodern eras are determined.

Keywords: intertext, destruction, allusion, parody.

Библиография:

1. Акунин Б. Алмазная колесница / Борис Акунин. – М.: Захаров, – 2006. – 203 с. Т. 1.
2. Гоголь Н. В. Собрание сочинений: в 8 т. / Н. В. Гоголь; [под общей ред. В. Р. Щербины]. – М.: Правда, 1984.
Т. 4: Драматические произведения. Ревизор. [примечания Г. Елизаветина] – С. 5 – 94.
Т. 5: Мёртвые души. Поэма. Т. 1. [примечания С. Машинского] – С. 250 – 255.
3. Куприн А. И. Собрание сочинений: в 9 т. / А. И. Куприн ; [примеч. И. П. Питляр; вступ. ст. К. Чуковского]. – М.: Правда, 1964.
Т. 4: Поединок [примечания И. Корецкой] – С. 5 – 232.
Т. 4: Штабс-капитан Рыбников [примечания И. Корецкой] – С. 232 – 270.
4. Омори Масако. Образ японца в рассказе А.И. Куприна «Штабс-капитан Рыбников» / Масако Омори. – Электронный научный журнал ф-та журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. – 2012. – Вып. № 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/1173>

5. Папкина Д.С. Типы литературных аллюзий / Д.С. Папкина. – // Вестник Новгородского государственного университета. – 2003. – №25.– С. 74–81. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: admin.novsu.ac.ru/uni/vestnik.nsf/all/.../\$file/Папкина.pdf
6. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: в 10 т. / А.С. Пушкин; [примечания Б. В. Томашевского]. М.: АН СССР.
Т. 1: Стихотворения 1813 – 1820. – 1962. – С. 321 – 324.
Т. 4: Поэмы. Сказки. – 1963. – С. 429 – 460.
7. Салтыков-Щедрин М.Е. История одного города: Повесть / М. Е. Салтыков-Щедрин; [предисл. В. Путинцева; коммент. Б. Эйхенбаума; худож. Б. М. Михайлов]. – К.: Вэсэлка, 1989. – 239 с.
8. Толстой Л.Н. Война и мир: роман: в 4 т. Т.1, 2. / Л. Н. Толстой; [предисл. Н. Нагорной; примеч. Л. Опульской; худож. М. Погребинский]. – К.: Дніпро, 1986. – 784 с.
9. Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности или интертекст в мире текстов / Н. А. Фатеева. – М.: Агар, 2000. – 280 с.
10. Чехов А.П. Избранное / А.П. Чехов. – Свердловск: Сред. – Урал. кн. изд-во, 1984. – С.17.

Дубровская Светлана Анатольевна
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Россия
s.dubrovskaya@bk.ru

«ВОЙНА МЫШЕЙ И ЛЯГУШЕК» В.А. ЖУКОВСКОГО: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР В РАМКАХ ПЕРЕВОДА

Аннотация: В статье рассматривается сказка В.А. Жуковского «Война мышей и лягушек» как пространство взаимодействия культур. Автор подчеркивает экспериментальный характер произведения, доказывая, что перевод на язык русской культуры осуществляется как на содержательном, так и на формальном уровнях.

Ключевые слова: комический дискурс, жанровый синтез, традиция.

Уникальность и обширность переводческой практики В.А. Жуковского обозначена самим поэтом в формуле – «у меня почти все или чужое, или по поводу чужого – и все, однако, мое» [3: 544]. Эта самохарактеристика приобретает особый смысл при рассмотрении комической сказки «Война мышей и лягушек». Написанная в пору «сказочного соревнования» с А.С. Пушкиным она объединила самые разные традиции. Среди источников – древнегреческая пародийная поэма «Батрахомиомахия», «Фрошмейзелер» Ролленгагена, переложение «Фрошмейзелера» Карлом Лаппе, лубочная картинка «Мыши кота погребают» (об источниках и сличении см.: [4; 5]). Круг выявленных источников подчеркивает совершенно уникальное взаимодействие культур в рамках одного произведения, произведения не просто комического, но полемически заостренного. В.А. Жуковский сохраняет в переводе название древнегреческой иронико-комической поэмы как бы настраивая читателя на восприятие произведения, созданного по законам комического эпоса, и, действительно, поэт не отходит от этой модели. Как подчеркивает П. Загарин, один из первых исследователей сказки, «по обстоятельствам повествования, по полноте картин, рисующих в действии всякую мелочь с изумительной dokonченностью, – это образец настоящего эпоса» [4: 481]. Вместе с тем Жуковский «подключает» иные жанровые традиции (лубок, литературная полемика), и подобный жанровый синтез во многом определяет специфику комического дискурса «Войны мышей и лягушек».

По наблюдению А. Янушкевича, «с точки зрения сюжета Жуковский довольно точно следовал за источником» (имеется в виду переложение «Фрошмейзелера» Карлом Лаппе) [5: 525]. Однако при этом Жуковский включает не все эпизоды переложения [5: 524-527], что придает сюжету большую повествовательную динамику и создает оригинальный композиционный рисунок. Необходимо остановиться на характере отбора эпизодов: для Жуковского важны фрагменты, максимально приближенные к русской культуре. Это и царская потеха – кулачный бой:

Царь приказал из толпы его окружавших почетных
Стражей вызвать бойцов, чтоб его, царя, забавляли
Боем кулачным. Вышли бойцы; началось; уж много
Было лягушечьих морд царю в угожденье разбито;
Царь хохотал; от смеха придворная квакала свита
Вслед за Его Величеством... [2:80].

Это и «освоенный» русской басней сюжет животного эпоса (Мышь и Лев), возникающий в рассказе о происхождении прозвища принца Белая шубка:

Царь Лев, запутавшись в крепких тенетах,
Мечется, бьется, как бешеный; кровью глаза налилися,
Лапами рвет он веревки, зубами грызет их; и было
Все то напрасно; лишь боле себя он запутывал. «Видишь,
Лев-государь, — сказал я ему, — что и я пригодился.
Будь спокоен; в минуту тебя мы избавим» [2:83].

Специального внимания заслуживает сцена похорон кота Федота Мурлыки, при создании которой Жуковский ориентируется на русский лубок «Мыши кота погребают». Сюжетная схема русского лубка используется для пародийного переосмысления современного литературного процесса: в черновом варианте Федот Мурлыка носил имя Фадей Мурлыка [2:455]. «Похороны» литературной современности актуализируют арзамасскую игру:

Что же случилось потом? Не разведавши дела порядком,
Вздумали мы кота погребать, и надгробное слово
Тотчас поспело. Его сочинил поэт наш подпольный
Клим, по прозванию Бешеный Хвост <...>
Наконец, поуставши,
Все мы уселись в кружок перед мордой его, и поэт наш
Клим по прозванию Бешеный Хвост, на Мурлыкино пузо
Взлезши, начал оттуда читать нам надгробное слово,
Мы же при каждом стихе хохотали. ... [2:86-87]

Подобная форма ведения полемики органична для Жуковского-автора арзамасских протоколов. Как известно, Жуковский был бессменным секретарем «Арзамаса», литературного общества, творческая идея которого связана с созданием нового слова через осмеяние культурной и литературной затхлости. «Смеховое слово» «Арзамаса» наследует традиции литературной игры, журнальной полемики, отражает карнавальное мироощущение автора. Стремление перевести обсуждение серьезных литературных вопросов в смеховой план реализовалось во многом благодаря избранной модели. Ведущая роль принадлежала Жуковскому. Об особенностях его творческой природы писал еще П.А. Вяземский: «Он был не только гробовых дел мастер, как мы прозвали его по балладам, но и шуточных и шутовских дел мастер. Странное физиологическое и психическое совпадение! При натуре идеальной, мечтательной, несколько мистической, в нем были и сокровища веселости, смешливости: в нем были зародыши и залого карикатуры и пародии, отличающиеся нередко острой замысловатостью» [1:405].

Испытанная в формате арзамасских протоколов смеховая детализация героя близка к карнавализованным сюжетам. В сказке карнавальным словом (смеховое «разъятие тела») озвучивается эпизод нападения «мертвеца» Мурлыки на мышей:

Двадцать из нас осталось на месте; а раненых втрое
Более было. Тот воротился с **ободренным пузом**,
Тот **без уха**, другой с **отъеденной мордой**; иному
Хвост был оторван; у многих так страшно искусаны были
Спины, что **шкурки мотались, как тряпки**; царицу Прасковью
Чуть успели в нору уволочь за задние лапки;
Царь Иринарий спасся с рубцом на носу; но премудрый
Крыса Онуфрий с Климом-поэтом достались Мурлыке
Прежде других на обед. Так кончился пир наш бедою [2:87] (Выделено мной. – С.Д.)

В черновике «Войны мышей и лягушек» арзамасские интонации звучат еще более выразительно: в описании готовящегося к чтению поэта актуализируется формат шуточных протоколов (комические диалоги, смеховая детализация портрета, имена-прозвища) [2:456-457]. Арзамасский акцент усиливается введением угадываемых прозвищ – царский наставник Крыса Онуфрий (Жуковский), поэт Бешеный Хвост (А. Пушкин).

Близость к А.С. Пушкину, общее задание (создание сказки), общие арзамасские воспоминания – все это не могло не повлиять на «подход» к материалу, что, в свою очередь, опре-

делило экспериментальный характер перевода-переложения. Жуковский создает особый мир, специфика которого в сплетении пародийного освоения разных смысловых нитей – от скрытой сатиры на царскую власть (линия, которая, как показал А. Янушкевич, будет в центре внимания Жуковского при повторном чтении «Фрошмейзелера» в 1840-е годы [2]) до карнавализации ситуации современного литературного противостояния и самопародийных реплик. Комический сюжет стал полем взаимодействия традиций.

Таким образом, перевод на язык русской культуры осуществляется как на содержательном (акцентирование близких русской культуре фрагментов ироикомической поэмы, опора на лубочный сюжет «Мыши kota погребают» в рамках полемиического задания), так и на формальном (соединение гекзаметра с раешником, актуализация жанра аразамасского протокола) уровнях.

Dubrovskaya S.A.

V. A. Zhukovsky's "The War of Mice and Frogs": the Interaction of Cultures in the Frame of Translation

Abstract: The article studies the fable "The War of Mice and Frogs" by V.A. Zhukovskiy as a space where cultures interact. The author emphasizes the experimental nature of this work proving that the translation into the language of Russian culture takes place on the formal level as well as on the level of subject.

Keywords: comic discourse, genre synthesis, tradition

Библиография:

1. Вяземский, П.А. *Старая записная книжка. 1813-1877*. М., 2003.
2. Жуковский, В. А. *Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т.4: Стихотворные повести и сказки*. М., 2009.
3. Жуковский, В. А. *Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4: Одиссея. Художественная проза. Критические статьи. Письма*. М.; Л. 1960.
4. Загарин, П. *Жуковский и его произведения*. М., 1883
5. Янушкевич, А.С. «Фрошмейзелер» в чтении В.А. Жуковского (1840-е годы), / Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Ч.1. Томск. 1978.

Мхитарян Карине Меликовна

Ереванский государственный университет, Республика Армения
karmina999@gmail.com

ГОРОД В «СТОЛБЦАХ» Н. ЗАБОЛОЦКОГО

Аннотация: Жизнь города составляет основное содержание «Столбцов» Н. Заболоцкого. Интерес к этой теме традиционен для русской литературы. Однако Заболоцкий в своей ранней поэзии дает ее новое решение, фокусируя свое внимание на философских проблемах.

Ключевые слова: город, безумие, разум, бытие, духовность.

Первый сборник Н. Заболоцкого «Столбцы» вышел в свет в 1929 году. Ведущей темой стихотворений поэта был город. Ко времени начала поэтической деятельности Заболоцкого в русской литературе уже существовала богатая традиция урбанизма, широко представленная в творчестве Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Некрасова, Достоевского.

Новую жизнь этой теме дали непосредственные предшественники Заболоцкого – Брюсов, Бальмонт, Блок, соединившие классическую традицию русской поэзии с традицией Верхарна. Обратился к ней и Заболоцкий, который, несмотря на свою близость к авангардистской поэзии, уже в самом начале своей творческой жизни проявлял интерес к объективному миру явлений социального порядка.

Для Заболоцкого, приступающего к разработке традиционной темы, важно подчеркнуть новизну своей трактовки. В этом смысле характерно начало стихотворения "Белая ночь", выраженное отрицательной конструкцией: «*Гляди: не бал, не маскарад, //Здесь ночи ходят невпопад...*»

Поэт как бы предупреждает читателя о том, что его ждет нечто небывалое. И действительно, это стихотворение вводит нас в диковинный мир, не имеющий четких очертаний, это мир смещенных понятий, он безумен и, наконец, ирреален.

В словаре символов дается следующее определение символа города: «Город служит символом матери, обволакивающей и защитной материнской силы; по словам Юнга, он с незапамятных времен являет собой символ совершенной целостности, вечного существования, подобно небесному Иерусалиму, олицетворяющему небеса во всей их полноте, неуязвимость перед посягательствами времени» [2:81].

Совершенно очевидно, что город в поэзии Заболоцкого не соответствует этому определению. Взгляд поэта фиксирует лица и события, которые поражают нас неприглядностью образа и полным отсутствием смысла. Реальная жизнь сплошным потоком врывается в стихи поэта, она хаотична и предстает перед нами неким коловращением будней.

В 20-е годы к теме города обратились многие поэты: Маяковский, Асеев и другие. В их творчестве изображение города времен нэпа, символизирующего торжество духа мещанства, пошлость бездуховного существования, дается в сатирическом освещении или же, как у Хлебникова, проникнуто обличительным пафосом: *«Не затем у врага //Кровь лилась по дешевке, //Чтоб несли жемчуга //Руки каждой торговли.»*

Герои сатирических произведений современников Заболоцкого осуждаются за отступничество от революционных идеалов. В отличие от своих современников, чья поэзия в большей или меньшей степени была политически окрашенной, Заболоцкий видит в своих героях прежде всего людей, оказавшихся побежденными «немогущим и бедным» «вещественным началом мира», как сказано апостолом Павлом в Послании к галатам. Для Заболоцкого важно не отношение его героев к советской власти и не их социальная принадлежность, а их приверженность нравственным ценностям. Вот почему среди названных выше мотивов в сборнике «Столбцы» так настойчиво звучит и мотив человеческой низости, «вандализма этического состояния человека», как сказал бы Фазиль Искандер [4:42]. О нравственной ущербности человека Заболоцкий говорит порой очень резко: *«И вот, забыв людей коварство, //Вступаем мы в иное царство»*. Иное царство – это мир природы, в котором, противопоставив его человеческому обществу, поэт надеется найти смысл, красоту и нравственное начало, являющиеся атрибутами истинного существования.

Мир «Столбцов» производит пугающее впечатление, несмотря на присутствие в нем раблезианского начала, изображения полноты жизненных сил, тяжеловесную телесность, как, например, в стихотворениях «Футбол», «Рыбная лавка» и др. Но он лишен духовности. Именно отсутствие духовности придает образу мира в стихотворениях 20-х годов Н.Заболоцкого отталкивающий вид. Это почувствовал М.Зощенко, что и послужило основанием для его отрицательного отзыва о «Столбцах»: «Общее впечатление скорее тягостное. Чувствуется какой-то безвыходный тупик. Нечем дышать и не на кого автору взглянуть без отвращения» [3:382].

В своей статье «Восставшие из пепла» Б.Сарнов утверждает, что «Заболоцкий в «Столбцах» говорит от лица нового человека» [7:259]. В этом он видит особенность «нового видения», определяющего своеобразие его поэтики. В подтверждение своей мысли Сарнов проводит аналогию с Платоновым и Зощенко, находя в их героях много общего с лирическим героем Заболоцкого, более того, утверждает их идентичность. И все же при большом сходстве персонажей есть и различия, и очень существенные. Определяются эти различия прежде всего отношением авторов к своим героям. Сарнов приводит слова Зощенко о том, что он испытывает чувство вины перед новым человеком, человеком из низов: он жил в неизвестности, литература никогда им не интересовалась.

Герой лирики Заболоцкого принадлежит к тому же сословию, к тому же культурному слою, что и герои Зощенко. Но отношение к нему у Заболоцкого иное, чем у Зощенко.

Для Заболоцкого с его апологичной духовности и этического поведения мир нового человека, в котором торжествует физиологическое начало, неприемлем. Пустая пестрота урбанистического хаоса порой завораживает поэта. Но не случайно в одном своем раннем стихотворении, написанном еще до «Столбцов», он называет себя «профессором отчаяния». Он не может полюбить мир, в котором отсутствует смысл. И хотя в «Столбцах» нет прямого осуждения действительности, но нет и противопоставления дурных ее сторон светлым, содержащим идеал. Именно этим объясняется отрицательное отношение к «Столбцам», в частности, О.Мандельштама, считавшего, что «Столбцам» не хватает гуманистического начала» [5:107].

Причиной такого неприятия поэзии раннего Заболоцкого являются как раз те особенности его поэзии, которые и придают его творчеству самобытный, оригинальный характер, выделяющий его из числа современников, а именно: отвлеченный характер его поэзии и, как следствие, отсутствие пафоса, политической окрашенности и злободневности, что естественным образом вытекает из интереса Заболоцкого к проблемам экзистенциальным, которые принято называть вечными ценностями.

Несмотря на тяжеловесную пластику образного строя «Столбцов», из-за которой возникли ложные основания видеть в Заболоцком поэта, близкого акмеистам, он уже в раннем творчестве проявился как поэт философского направления. Об этом свидетельствует само содержание его произведений, сквозь эмпирическую конкретность которых пробивается мысль о мире и человеке, о его онтологическом долге перед бытием, восходящая к философскому обобщению. А это неизбежно ставит нас перед необходимостью внимательно отнестись к проблеме традиций русской классической литературы в раннем творчестве Заболоцкого.

В своей статье «Заболоцкий двадцатых годов» Л.Я.Гинзбург пишет: «Ни одному поэту еще не удавалось – и не удастся – в самом деле посмотреть на мир "голыми глазами". Это иллюзия, нередко овладевающая молодыми литературными школами. В поэзии, даже самой новаторской, утверждение высокого и прекрасного черпает свою достоверность в традиции, опирается на традицию (вольно или невольно), – так, Хлебников, например, опирается на фольклор, на древнерусскую национальную культуру. Но в подлинной поэзии традиция служит новым целям» [1:334].

В поэзии раннего Заболоцкого ощутима традиция XVIII века, что было замечено целым рядом исследователей, в частности, и Гинзбург в цитированной выше статье. Слышны в ней и отголоски Гоголя. Наконец, образ Петербурга – Ленинграда времен нэпа вызывает в памяти и традиции Пушкина, открывателя этой темы в русской литературе. Сопоставление образа Петербурга в поэзии Пушкина с образом Ленинграда в раннем творчестве Заболоцкого помогает выявить те черты его поэзии, которые свидетельствуют о принадлежности ее великой поэтической культуре и вместе с тем об оригинальности, незаимствованности трактовки традиционной темы в творчестве поэта XX века. Поэтому недостаточно установить сходство в образной системе, выявить переключки с творчеством великого поэта. Куда важнее показать, как, следуя традиции, поэт в то же время отталкивается от нее, выразив в собственном творчестве свое видение мира.

Об особенностях пушкинской интерпретации образа Петербурга Г.П.Макогоненко пишет: «От показа быта окраинного Петербурга («Домик в Коломне») Пушкин приходит к раскрытию бытия города. Петербург – это город, враждебный бесправному человеку. Жизнь в столице – постоянная жестокая борьба, исполненная побед и поражений, мошенничества и обмана, гибели одних и торжества других. Социально обусловленные страсти, идеалы, мотивы поведения жителей Петербурга уродливы, нелепы, часто абсурдны, потому что они бесчеловечны» [6:548].

Образу Ленинграда в «Столбцах» также присущи абсурдность и нелепость. Но если у Пушкина они обусловлены тем, что «Петербург – это город, враждебный бесправному человеку», – то есть социальными причинами, то у Заболоцкого это город, враждебный самому смыслу бытия.

Другой общей чертой, позволяющей сопоставить трактовку образа Петербурга – Ленинграда у Пушкина и Заболоцкого, является безумие, свойственное их героям. У Макогоненко читаем: «Погоня Медного всадника за Евгением, посмевающим ему пригрозить, "тяжело-звонкое скаканье по потрясенной мостовой" ночного города – вся эта фантастика воспринимались как бред больного. А этот безумец Германн, жадно жаждущий выиграть полмиллиона...» [6:32]. Но одержимость героев Пушкина также социально обусловлена. Безумие же героев Заболоцкого носит иной характер. Причина его в самом человеке, отступившем от своего долга перед бытием, суть которого в том, чтобы быть носителем разумного начала. Человек у раннего Заболоцкого без-умен, то есть не имеет ума.

Другой характерной чертой городской жизни у Заболоцкого является динамичность. Сама по себе эта тема не нова. И в XIX в. писали о стремительности петербургской жизни.

Например, у Вяземского в стихотворении «Петербург» читаем: *«Державный ум Петра и ум Екатерины //Труд медленный веков свершили в век единый.»*

Но стремительность перемещений героев Заболоцкого, динамичность городской жизни в «Столбцах» носит иной характер. Они лишены созидательного начала, их отличает бестолковость и бессмысленность. Вопреки распространенному представлению о динамичности, характеризующей присутствие в жизни активного начала, предполагающего направленность волевых усилий, движение у Заболоцкого, помимо того, что лишено смысла, не является продуктивным и происходит вследствие отсутствия воли у человека, то есть бессознательно. Это подтверждают строки из «Вечернего бара»: *«Звеня серебряной цепочкой, //Спадает с лестницы народ.»*

Слово «спадает» характеризует движение, которое совершается помимо воли и сознания человека, случайно, непроизвольно, словно из-за того, что человек не владеет собой и не в состоянии контролировать себя.

В стихах Заболоцкого о Ленинграде мы не встретим ни один из петербургских мифов (кроме, пожалуй, образа Невского проспекта, да и тот дается в гротескном духе) – еще одно отличие поэзии Заболоцкого от поэзии его предшественников, и не только поэтов XIX века, но и символистов. Для них образ Петербурга неотделим от историко-литературных аллюзий. Город в «Столбцах» существует как бы вне истории, его образ вырван из культурно-исторического контекста, словно им овладело беспамятство. Это можно представить как попытку начать с чистого листа, с нулевой отметки, что находится в полном соответствии с эстетикой ОБЭРИУ и всей авангардистской культуры в целом. Однако задача, которую ставили перед собой авангардисты, не имела решения, о чем говорит то, что в истории культуры попытка создания поэзии, не имеющей ничего общего с предшествующей, ни разу так и не осуществилась. О неосуществимости создания такого искусства говорит и Ролан Барт, критикуя Анри Бретона, метра сюрреализма, за сходные взгляды, назвав выдвигаемые им требования «нулевой степенью письма» [8: 342].

В невозможности существования поэзии вне традиции убеждает нас и анализ урбанистических стихов в сборнике «Столбцы». Стремление к философскому обобщению, которое мы выявили в ранней поэзии Заболоцкого, указывает на необходимость соотнесения его творчества с традициями именно русской философской лирики.

Mkhitaryan K.M.

A Town in "Columna" by N.Zabolotsky.

Abstract: The life in Leningrad during NEP-time is the main contents of the "Stolbcy" by N.Zabolotsky. The theme of the town is traditional for Russian literature. But Zabolotsky in his early poetry gives it a new decision by focusing on the philosophical problems.

Keywords: town, madness, mind, being, spirituality.

Библиография:

1. Гинзбург, Л.Я. Заболоцкий двадцатых годов, / О старом и новом. Л., 1982.
2. Жюльен, Н. Словарь символов. Челябинск, 1999.
3. Зошенко, М. Рассказы, повести, фельетоны, театр, критика. Л., 1937.
4. Искандер, Фазиль. Стоянка человека. М., 1990.
5. Македонов, А.В. Николай Заболоцкий. Жизнь. Творчество. Метаморфозы. Л., 1987.
6. Макогоненко, Г.П. Избранные работы. Л., 1987.
7. Сарнов, Б. Восставшие из пепла, / Октябрь, 1987, №7.
8. Семиотика. М., 1983.

Ди Лео Донателла
Университет Неаполя "L'Orientale", Италия
donidileo@libero.it

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ В БЕРЛИНЕ 1920-Х ГОДОВ

Аннотация: В предлагаемой статье рассматривается деятельность А. Белого во время его пребывания в Берлине в годы 1921-1923. Эти годы характеризуются значительным присутствием русских эмигрантов в столице Германии. Участвуя в публичных дискуссиях и лекциях, Белый выполнил

важную роль посредника по отношению к немецкой культуре и, несмотря на разочарования и страдания, жил благополучно и творчески.

Ключевые слова: А. Белый, Берлин, 1920-е годы, русская эмиграция.

В первые же годы после октябрьской революции центром культурной деятельности русских эмигрантов был Берлин, где поселились, среди других, В. Шкловский, М. Цветаева, Б. Пастернак, И. Эренбург, А. Ремизов [13: 408]. В ноябре 1921 года обосновался в «русском Берлине» и Андрей Белый, «в той части Берлина, которая русскими называется *Петербургом*, а немцами *Шарлоттенградом*» [4: 26]. Он сжился с особенной средой русской эмиграции, живущей именно в те годы, которые можно назвать апофеозом литературной, культурной и интеллектуальной деятельности. Несмотря на это, данную обстановку Белый считал потухшей [3: 211-236]. Отношение поэта к берлинскому периоду – как отмечает Th.R. Вeyer – «одно из наиболее спорных в жизни и творчестве Белого» [11: 90]. С одной стороны, сложился образ, представленный обилием его литературной продукции – 1921-1923 гг. он опубликовал 16 книг – но, с другой стороны, поэт страдал, прежде всего, от разлуки с первой женой Асей Тургеневой, а во втором от разрыва с Рудольфом Штайнером и антропософией вообще. Из-за своего расстроенного настроения Белый отдался пьянству и публичным излишеством, которые довели его почти до скандала. Его берлинские успехи и трудности отражают расцвет и падение берлинской России [12: 312].

В столицу Германии Белый прибыл 18 ноября 1921 года. Первые дни он жил у Лундберга, основателя журнала *Скифы*, потом «поселился на Пассауерштрассе, почти на углу Виттенбергплац, против знаменитого Ка-Де-Ве (Kaufhaus des Westens) [...]». Тут начинается шарлоттенградский Кузнецкий Мост, точнее, Тауэнцинштрассе - центр русских парти-деплезир по Берлину» [4: 28-29]. С сентября 1922 г. до конца пребывания в Берлине Белый жил в пансионе Срампе на Viktoria-Luise-Platz 9. В письмах к матери, кроме того, что он неоднократно успокаивал её, он много раз рассказывал о большом количестве русских в городе и о множестве занятий, которым посвятил себя с самого начала: «Что касается меня, то я устроился хорошо и спокойно в Берлине, в чистой светлой теплой комнате с прекрасным пансионом. [...] В Берлине масса русских и из Москвы и из Петербурга (знакомых); устроили здесь «Дом Искусства» и «Вольно-Философскую-Ассоциацию». Дела много. Теперь думаю много работать: писать» [15: 455].

Вместе с Александром Блоком Белый в большевистской России стал «руководителей *старой гвардии*». Поэтому неудивительно, что прибывший в Берлин, он милостиво был принят и приглашен активно участвовать в интеллектуальной жизни общества. Об этом опыте мы знаем из записок «*Одна из обителей царства теней*» (1924), опубликованных Белым после возвращения в Россию.

И в самом деле, уже через три дня после прибытия, Белый стал одним из основателей берлинского Дома Искусств [5: 3; 7: 34]. Среди учредителей Дома Искусств кроме Андрея Белого были Алексей Ремизов, Алексей Толстой, Александр Яценко, художник Иван Пуни и его жена Ксения Богуславская. Группа встречалась сначала по субботам в кафе Ландграф на Kurfürstenstraße 75 для чтения и музыкальных вечеров, а для публичных мероприятий встречались в Logenhaus на Kleiststraße, 10. Здесь 14 декабря 1921 г. Белый прочитал статью о *Современной культуре в России* [2: 2-6]. В Logenhaus состоялась 20 марта 1922 г. также и встреча с Томасом Манном, в процессе которой немецкий писатель приветствовался и представлялся Зинаидой Венгеровой и Андреем Белым, который произнёс речь благодарности на немецком языке [15: 465-466]. Манн говорил о *Гете и Толстом*, и прочитал его рассказ *Железнодорожная авария*. Это происходило на одном из благотворительных вечеров, организованных Белом в помощь жертвам войны, голода и социалистических переворотов России [12: 317].

Между 1921 и 1923 годами, как уже было сказано выше, Белый опубликовал 16 изданий: семь переизданий предыдущих книг и девять новых книг, в том числе и *Путевые заметки* (1922), *После разлуки* (1922), *Воспоминания о Блоке* (1923). Он написал статьи для различных журналов, таких, как *Современные записки* и *Новая русская книга*, работал членом редакции журналов *Эпопея* и *Беседы*. Кроме Дома Искусств, он был также членом Вольной Философской Ассоциации (Вольфила) и Клуба писателей и во время своего пребы-

вания в Берлине читал лекции и участвовал в собраниях и дискуссиях. В мае 1922 г. на пике своего физического и художественного развития, в берлинском кафе Prager Diele Белый встретился с Мариной Цветаевой, которая опишет эту встречу во второй части посвященной Белому статьи *Пленный дух* [10: 279-313]. Особое место для поэтического творчества Белого в это время занимает цикл стихотворений Цветаевой «Разлука». После того, как он прочитал стихотворения Цветаевой, он написал стихи, которые опубликовал в сборнике «*После разлуки*» (1922). Название это, действительно, имеет двойное значение: оно относится с одной стороны к «*Разлуке*» Цветаевой, с другой к концу отношений с Асей Тургеневой, который он пережил с глубокой грустью. Белый понял, что Ася погружалась все больше и больше в среду антропософии и стала своего рода фанаткой учения Штейнера. В письме к матери от 29 декабря 1921 года Белый писал: «Она превратилась в какую-то монашенку, нежелающую ничего знать, кроме своих духовных исканий» [15: 456]. В другом письме к матери, от 6 марта 1922 года, он описал Асю такими словами: «Ей некогда думать о себе и обо мне, как ей некогда думать ни о чем, кроме своей службы делу Доктора» [15: 460].

На душевное состояние Белого повлиял также его разрыв с учителем, Доктором Штейнером, и неудовлетворение европейского общества антропософией [16: 237]. Белый пережил глубокий духовный кризис, доведший его до крайностей всякого рода, которые он осознал, но которые вызвали скандал не только в среде русской эмиграции. «Весь русский Берлин стал любопытным и злым свидетелем его истерики. [...] Выражалась она главным образом в пьяных танцах, которым он предавался в разных берлинских Dielen. Не в том дело, что он танцевал плохо, а в том, что он танцевал страшно. [...] То был не просто танец пьяного человека: то было, конечно, символическое попрание лучшего в самом себе, кощунство над собой, дьявольская гримаса себе самому» [9: 103]. Совсем иначе Марина Цветаева рассматривает экцентрическую выходку Белого, которую она считает эстетическим опытом: «[...] фокстрот Белого – чистейшее хлыстовство: даже не свистопляска, а (мое слово) – христопляска, то есть опять-таки *Серебряный голубь*, до которого он, к сорока годам, физически дотанцевался» [10: 284].

Сам Белый в переписке пытался объективно оправдать свои поступки, связывая их с его внутренним состоянием. 15 января 1922 года он признался Иванову-Разумнику: «Сердце сжимается болью: у меня трагедия: Ася ушла от меня; Штейнер – разочаровывает; движение – пустилось в «пляс» [...]. Нервы расстроились; работа не идет. Сознательно стал пить; вообразите, – идет ли мне быть пьяницей? А я стал пьяницей – от горя!.. Вот до чего дошел!.. [1: 234]. В тот же день он писал Соне Каплун: «У меня ряд разочарований: в Штейнере, в Асе, в движении, в себе самом, в пути, во всем; а я – совершенно один: некому высказаться; знаете, Соня, я стал сознательно пить; невыносимо мне сейчас мое самосознание; хочется его, самосознание, утопить в вине: невыносимо оно. Стал я пьяницей. [...] Встретил Асю, но она – тень прежней Аси, какая-то Эвридика, которую мне, недоорфейвшемуся Орфею непосильно вывести из ада антропософских абстракций [...]; пропиваю с горя свои деньги, заработанные в Берлине: плохо, очень плохо!» [8: 55].

Особое внимание следует обратить на то, что несмотря на судорожные танцы, пьянство, бессонные ночи, Белый никогда не уставал наблюдать за реальностью Берлина. В некоторых письмах Иванову-Разумнику он описал мир, который потом положит в центр памфлета «*Один из обитателей царства теней*». В этом памфлете Белый, через фильтр своего искаженного и бредового сознания, уделяет очень большое внимание многочисленным знакам ближайшего падения европейского общества, описание которого занимает значительную часть всех страниц и является, однако, особенно мрачным: Европа представляется по апокалиптическому сценарию как мертвое тело, не могущее никаким образом равняться с пост-революционной Россией. [14: 50-51]. Утомленный атмосферой столицы, поэт переехал на короткое время в Цоссен, на юго-восток от Берлина. В период с конца 1922 по октябрь 1923 года он продолжил движение, все более и более беспокойное, от Берлина до Сарова, Swinemunde, Щецина, пока не решил вернуться в Москву, куда прибыл 26 октября 1923 года.

В первом письме Иванову-Разумнику (3 ноября 1923 г.) после возвращения на родину писатель выразил облегчение, от того, что покинул Берлин: «[...] а сравнение современной Германии с современной Россией сделало меня «патриотом» России (в совсем особом,

скифском смысле). Ужасна Германия: организованно, безвдохновенно, серо и «соглашательски» тихо садится на дно. [...] Берлин – место, где я получил тяжелейшие жизненные удары, – остается в памяти кошмаром; там я едва не погиб; и не знаю, что было бы со мною там, если бы я не вырвался вовремя; я не идеализирую современной России; но – вот: в прекрасных условиях комфорта сердце мое истекало кровью, а душа томилась в невыразимых беспокойствах, а здесь, в России, я обрел тишину и внутреннее счастье. Мне тихо и радостно, что «заграница», куда я ехал долга ради, – уже за плечами [1: 249-250]. Сама же жизнь, типичная для берлинцев, не только описывается Белым другу, а утверждается, как понятная русским, не знакомым с европейскими условиями: «[...] в совр<еменной> Германии такой образ жизни в 1922 году вели все – вплоть до профессоров и писателей: в 8 часов запираются двери домов; в пансионах и в комнатах по вечерам нестерпимо: все разговоры и встречи происходят в кафе: идешь в кафе, где скрипки просверливают уши и где ритмы подбрасывают в ритмическое хождение, каковым является фокстрот; верите ли: с июля до ноября я приплясывал все вечера: утрами писал «Восп<оминания> о Блоке» или перерабатывал эти воспоминания в «Начало Века», а с 10<-ти> до часу регулярно плясал в кафе «Victoria-Luise» [...]. Пишу так подробно о танцах, потому что в России, я знаю, с удивлением и неодобрением говорили: «Ужас что, – Белый пляшет фокстрот». И действительно: в России это непонятно; в Берлине же без танцев долго не проживешь; это – естественная привычка, подобная курению папирос [...]» [1: 271-272].

Годы жизни и деятельности Белого в Берлине, безусловно, представляют сложную и в то же время увлекательную главу литературной жизни русского поэта. Самым важным свидетельством этого являются, столь же на уровне жизненного опыта, сколь и в плане внутреннего переживания, записки *Одна из обителей царства теней* (Госиздат: Ленинград, 1924), изданию которых предшествовали две конференции под тем же названием, первая 14 января 1924 года в Театре им. Мейерхольда в Москве, вторая – месяц спустя в Певческой Капелле в Ленинграде.

Наследием тех «огненных лет» остается, наконец, замысел незаконченного романа «Германия». Пораженный атмосферой крайнего упадка Германии, в октябре 1931 писатель составил общие черты будущего романа: «Задание романа «Германия» – дать картину жизни раздавленной после войны Германии и картину растерянности обывателя, прищемленного между молотом революции и наковальной фашизма. [...] Такая картина «гибели Германии» встает в сознании немецкого интеллигента, всем прошлым связанного с недавними «славными» традициями немецкой культуры и понимающего, что с ними покончено. Самопротиворечие влечет героя в бездну падения и морального обнищания» [6: 199].

Di Leo D.

Andrei Bely in Berlin of the Twenties

Abstract: This paper aims to investigate the activities of A. Bely during his stay in Berlin in the years 1921-1923. A large contingent of Russian emigrants was present in the German capital at the time. Through his participation in public debates and conferences, Bely played an important mediating role in German culture. Despite personal disappointments and sufferings, this was a prosperous period of his literary career.

Keywords: A. Bely, Berlin, Twenties, Russian emigration.

Библиография:

1. Белый, А. – Иванов-Разумник. *Переписка*. СПб.: Atheneum-Феникс, 1998.
2. Белый, А. *Культура в современной России*, / Новая русская книга. 1922. № 1.
3. Белый, А. *О «России» в России и о «России» в Берлине*, / Беседа. 1923. № 1.
4. Белый, А. *Одна из обителей царства детей*. Л.: Госиздат, 1924.
5. *Голос России*. 24 ноября 1921.
6. Гречишкин, С.С. – Лавров, А.В. *Неосуществленный замысел Андрея Белого (План романа «Германия»)*, / Русская литература. 1974. №1.
7. *Новая русская книга*. Январь 1922. № 1.
8. Спивак, М. *Кошмар в писсуаре: к вопросу о генезисе одного эмигрантского впечатления Андрея Белого*, / Europa Orientalis. 2003/2. № 22.
9. Ходасевич, В. *Некрополь*. Санкт-Петербург: Азбука классика, 2008.
10. Цветаева, М. *Пленный дух*, / Сочинения. Т. 2. М.: Художественная литература, 1980.

11. Beyer, T.R., *Andrej Belyj. The Berlin Years 1921-1923*, / Zeitschrift für Slavische Philologie. Band L-Heft 1. Heidelberg: Carl Winter – Universitätsverlag, 1990.
12. Beyer, T.R., *Andrej Belyjs Rußland in Berlin*, / Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941. Berlin: Adademie Verlag, 1995.
13. Colucci, M.-Picchio, R. *Storia della civiltà letteraria russa*. Torino: UTET, 1997.
14. Frison, A. "*Una dimora nel regno delle tenebre*" (1924): *Andrej Belyj a Berlino*. Venezia: Università Ca' Foscari, 2012-2013. <http://dspace.unive.it/handle/10579/3565>.
15. Malmstad, J.E. *Andrej Belyj at home and abroad (1917-1923). Materials for a biography*, / Europa Orientalis. 1989. №. 8.
16. Močul'skij, K. *Andrej Belyj*. Paris: YMCA, 1955.

Агаджанян Артем Арайкович

Пятигорский государственный лингвистический университет
zagorakissu@mail.ru

К. ЧУКОВСКИЙ И У. УИТМЕН: ДИАЛОГ СКВОЗЬ ВРЕМЯ («ЛИСТЬЯ ТРАВЫ»)

Аннотация: При переводе художественного текста мы имеем дело с диалогом двух языковых личностей – автора и переводчика, а также – с корреляцией двух языковых картин мира. В процессе перевода наблюдается неизбежная трансформация текста-источника и, соответственно, авторского замысла. Художественная судьба переводимого текста зависит от таланта, чутья и такта переводчика, от того, насколько его языковая личность созвучна языковой личности автора.

Ключевые слова: художественный текст, языковая картина мира, языковая личность.

Важное место в этом диалоге языковых личностей, представляемых ими языков и культур, занимает степень адекватности способов языкового выражения смысла. При переводе на русский язык представляется весьма интересным привлечение методики, связанной с номинационно – синтаксическим подходом к картине мира в целом и ее словарю в частности [Буров 2000]. Данная методика основана на идее о том, что в процессе коммуникации задействуется не статический аспект языковой картины мира (словарь языка), а динамический аспект, представленный текстом и его единицами лексинтактики, когда естественным образом формирующиеся в речевой цепи синтаксический отрезки получают возможность участвовать в обозначении сложных денотатов, денотативных состояний и даже целых ситуаций [Чесноков 1996].

Мы рассматриваем аспект корреляции двух личностных пространств, воплощенных в языке. Это пространство американского поэта второй половины XIX века У. Уитмена как языковой личности, сотворившей великий текст на английском языке «Leaves of Grass», с одной стороны, а с другой – это личностно-языковое пространство К.И.Чуковского - переводчика данного текста на русский язык. Сформировалась своеобразная дихотомия, точкой пересечения составляющих которой является текст знаменитой поэмы-сюиты «Листья травы» («Leaves of Grass»). Данный текст в переводе с английского является диалогом двух братьев по творчеству, чьи эстетические позиции (соответственно, и лингвистическая их составляющая), несмотря на временной интервал почти в полвека, очень близки. Уитмен писал свою поэму как сюиту – цепочку отдельных текстовых зарисовок, подчиняя композиционный принцип естественному сходству с деревом, которое предстает перед нами и на разных этапах своего роста, и на разных этапах времен года. Развернутая алогичная метафора «*листья травы*» включает намек на неизбежный переход дерева в иное состояние, в биологическое небытие, когда на месте, где оно росло, будет продолжаться жизнь, в которой будет зеленеть трава.

Можно трактовать заголовочную номинацию и иначе – как опять же метафорическую способность травы покрываться листьями. В любом случае, очевидно, перед нами сложный и противоречивый художественный образ, в составе которого лежит семиотический символ жизни в ее вечном круговороте состояний бытия и небытия.

Именно эту параллель (текст-жизнь), заложенную Уитменом, и почувствовал Чуковский, откликнувшись на замысел американского поэта адекватным переводом на русский язык. Иначе как виталистическую эту связь автора и переводчика не назовешь.

Вместе с тем, встает вполне объективный вопрос о том, с помощью каких языковых единиц и способов их употребления Чуковский смог передать виталистическое начало уитме-

новского текста. Нам кажется, что здесь на помощь может прийти именно номинационно-синтаксический метод анализа текста – как источника, так и перевода. Как английский, так и русский литературные языки, несмотря на свои типологические различия (анализицизм и синтетизм), в процессе организации художественно-литературного текста весьма близки, поскольку обладают многовековой культурно-исторической и этноментальной наследственностью. Думается, что номинационно-синтаксическая единица текста может стать тем сближающим оба языка элементом, который позволяет передать при переводе с английского языка на русский диалог смыслов (уровень семантики) с помощью тех универсальных языковых единиц, которые синтезируют слова и синтаксис. Именно такими единицами выступают синтаксические наименования, которые выделяет А.А.Буров [Буров 2000].

В теории переводоведения до сих пор еще не был исследован вопрос о возможностях, которые открывают перед переводчиком номинационно-синтаксический подход к переводимому тексту. Подобный анализ художественного текста, как нам кажется, предполагает принципиально иной ракурс когнитивно-лингвистического диалога двух языковых личностей – автора и переводчика. Если их языковое мышление, отражающее восприятие мира, характеризуется унисонной проекцией, иными словами – сходством образного восприятия действительности и вербализация этого восприятия в знаках, – то мы можем говорить о совпадении и картин мира, и их языковых воплощений.

В дальнейшем мы рассмотрим те возможности, которые открывает концепция синтаксической номинации в аспекте перевода художественного текста. Мы обратим внимание на следующие ракурсы исследуемой проблемы:

1. возможности, открываемые номинационно-синтаксическим подходом к художественному переводу фрагмента текста «Листьев травы»;
2. возможности, открываемые номинационно-синтаксическим подходом к художественному переводу связного текста.

В качестве примера рассмотрим перевод текста «*Shut Not Your Doors*»

W. Whitman

«*Shut Not Your Doors*»

*Shut not your doors to me proud libraries,
For that which was lacking on all your well-fill'd shelves, yet
needed most, I bring,
Forth from the war emerging, a book I have made,
The words of my book nothing, the drift of it every thing,
A book separate, not link'd with the rest nor felt by the intellect,
But you ye untold latencies will thrill to every page.*

Перевод К. Чуковского

Не закрывайте дверей

*Не закрывайте дверей предо мною, надменные библиотеки,
Ведь я приношу вам то, чего никогда не бывало на ваших
тесно уставленных полках, то, что вам нужнее всего,
Ибо и я, и моя книга выросли из войны;
Слова моей книги - ничто, ее стремление - все,
Одинокая книга, с другими не связанная, ее не постигнешь рассудком,
Но то сокровенное, что не сказано в ней, прорвется на каждой странице.*

Прежде всего, обратим внимание на номинационно-синтаксический подход к художественному переводу отдельных фрагментов текста «Листьев травы» У. Уитмена. Мы выделяем данный аспект рассматриваемой проблемы с той целью, чтобы обратить внимание на то, как тонко К.И. Чуковский соотносит при переводе художественного текста целое и его части. Фрагмент картины мира – это и есть, по сути дела, отдельная ситуация – статическая или динамическая (предикативная). Для Чуковского-переводчика очень важно зафиксировать отдельные денотаты и ситуации их проявления одновременно в двух ипостасях. С одной стороны, это запечатленное мгновение бытия с его конкретными признаками, а с другой – часть ситуации, в которой это явление играет определенную роль [Чесноков 1989: 63-69].

В данном тексте выделяются три синтаксических компонента в составе усложненной конструкции. Каждый из них является сложным знаком пропозиции, лежащей в основе синтаксической номинации целой ситуации.

Рассмотрим каждую из этих ситуаций в отдельности, учитывая при этом, что первая фраза текста *«Не закрывайте дверей предо мною, надменные библиотеки»* является риторическим развернутым обращением-призывом и знаком ситуации быть не может, она лишь вводит первую настоящую знаковую ситуацию, включаясь в ее состав:

1. *Не закрывайте дверей предо мною, надменные библиотеки, /Ведь я приношу вам то, чего никогда не бывало на ваших /тесно уставленных полках, то, что вам нужнее всего...*

2. */Ибо и я, и моя книга взросли из войны; / Слова моей книги - ничто, ее стремление - все/ Одинокая книга, с другими не связанная, ее не постигнешь рассудком*

3. */Но то сокровенное, что не сказано в ней, прорвется на каждой странице.*

В составе выделенных пропозиций можно зафиксировать номинационно-синтаксическое употребление:

1) *надменные библиотеки;*

2) *то, чего никогда не бывало на ваших тесно уставленных полках;*

3) *то, что вам нужнее всего;*

4) *слова моей книги;*

5) *то сокровенное, что не сказано в ней.*

В составе данных СН, образующих текст, заслуживают внимание конструкции с фразовой номинацией (2,3,5 конструкции). То, что они доминируют в тексте, свидетельствует о стремлении переводчика реализовать потенциал синтаксической номинации – возможность включения во внутреннюю форму наименования признаков, необходимых для обозначения с точки зрения автора.

Обращает на себя внимание тот факт, что Чуковский, стараясь прочесть внутреннее движение души Уитмена, прибегает к употреблению синтаксических форм организации контекста, которые называются *фразовыми номинациями* и которые используются Уитменом-автором значительно реже, чем Чуковским-переводчиком. Тем самым он рассматривает фрагменты переводимого текста как элементы сложного отрезка картины мира, которые подвергаются им философскому осмыслению и обобщению. Срабатывает фактор выражения этих обобщенных моделей с помощью очень распространенной в русском языке фразовой номинации, которая построена на местоименной соотносительности базовых элементов (*то – что*, и под.).

Мы осуществили номинационно-синтаксическую интерпретацию отдельных фрагментов уитменовского текста. Чем же специфичен аналогичный подход не к фрагменту, а к целостному тексту - тому же стихотворению «Не закрывайте дверей»?

Под текстом мы понимаем законченное произведение, которое обладает известной смысловой и структурно-композиционной автономностью и целостностью. С аналогичными текстами его связывает в первую очередь языковая личность автора. В нашем случае это личность переводчика. Когда речь идет о К.И.Чуковском и его переводе «Shoot not your doors», данная языковая личность имеет сложную форму выражения (соответственно – и аналогичную картину мира). В ней динамически уравновешены два начала – автора первоисточника и соавтора-переводчика.

В тексте перевода, таким образом, изначально заложена диалогическая пресуппозиция [Бахтин, 1979], поэтому для адекватного анализа переведенного текста необходимо применить такой метод членения на непосредственно составляющие текст элементы, который позволил бы представить авторский взгляд на мир и его фрагменты, которые представляют собой не отдельно взятые отрезки отражения денотатов окружающей действительности, а вступающие в определенные отношения составные части целостной ситуации, которые имеют определенный коммуникативный (соответственно – стилевой) вектор.

Таким образом, мы подходим к членению картины мира с позиции не атомистических, а диалектических, опираясь на особого рода словарь, который формируется собственно в тексте на базе его синтаксических отрезков. Это значит, что фрагменты мира в авторском тексте перевода воспринимаются во всей полноте атрибутики, которая реализует авторские

интенций в данной конкретной ситуации. Методом, позволяющим переводчику адекватно отразить авторское представление о действительности и ее отрезках, и является номинационно - синтаксический подход к переводу текста [Буров, 2012].

В рассматриваемом тексте речь идет об отношении автора к проблеме доверия между людьми. Отчуждение уступит место доверию, по мысли автора, тогда, когда знание (в тексте его символом выступает сквозная метафора «надменные библиотеки *«proud libraries»*») будет доступно человеку. Эта метафора и организует все текстовое пространство, придавая ему связность.

Интересно, что Чуковский-переводчик условно делит текст на два фрагмента, фиксируя границу между ними с помощью «;» – знака своеобразной паузы, чего нет в подлиннике Уитмена. На наш взгляд, это объясняется тем, что в русской языковой картине мира придается особая значимость соотношения текстового и метатекстового планов. [Буров 2012] Последний связан с авторским комментарием в своих собственных суждениях, высказанных накануне. Чуковский в своем переводе актуализирует знаком «;» границу между этими планами и сразу после нее следует категорическая авторская дефиниция *Слова моей книги – ничто, ее стремление – все, (The words of my book nothing, the drift of it every thing).*

Таким образом, диалог сквозь время, соединивший в одно гармоническое целое двух великих художников слова – У. Уитмена и К. И. Чуковского – еще раз доказывает, что истинное искусство, служащее людям и миру, бессмертно.

Agadzhanyan A.A.

K.Chukovsky and W.Whitman: a Dialogue through Time («Leaves of Grass»)

Abstract: Translating a literary text we are dealing with the dialogue of the two linguistic personalities - a writer and a translator, as well as with the correlation of the two linguistic worlds. The inevitable transformation of a source text source and therefore of the author's intention is observed during the process of translation. Artistic fate of the translated text depends on the talent, flair and tact of the translation on the extent to which his linguistic identity is in harmony with the linguistic identity of the author.

Keywords: artistic text, linguistic picture of the world, linguistic personality.

Библиография:

1. Бахтин М.М. *Эстетика словесного творчества* / Сост. С. Г. Бочаров; Текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; Примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
2. Буров А.А. *Субстантивная синтаксическая номинация в русском языке*. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Ставрополь, 2000. – 43 с.
3. Буров А.А. *Современная отечественная лингвистика: о связи языковой идентичности и языковой картины мира*/ А.А. Буров, Г.П. Булова// Вестник ПГЛУ. - 2013. - № 4. - С. 114-119.
4. Петренко Д.И. *Лингвистический витализм метапоэтики К.И. Чуковского*. - Ставрополь, 2011. - 538 с.
5. Уитмен У. *Избранные произведения*. - М.: Искусство, 1970. – 415 с.
6. Чесноков 1989: 63-69. Чесноков П.В. *О двух картинах мира – статической и динамической*//Известия СКНЦ ВШ, Общественные науки. – Ростов-на-Дону, 1989. - №3. – С. 63-69.
7. Чуковский К.И. *Собрание сочинений*, т.3. - М.: Искусство, 1966. - 838 с.
8. Vagru P. Sherr, «Языковые игры орлов: Уитмен в переводах Чуковского и Бальмонта» пер. С. Нещеретова, «Иностранная литература» №10, 2007.
9. Weil I. *Memories of Chukovsky, as an Extraordinary Man and as a Poetic Translator*. Whitman Archive ID anc.00261

Нерсесян Мария Левоновна, Фарамазян Лариса Рафаэловна
Ереванский государственный университет, Республика Армения
flaralara@mail.ru

ТЕМА ПОЭТА И ПОЭЗИИ В ТВОРЧЕСТВЕ БОРИСА ЧИЧИБАБИНА

Аннотация: Данная статья посвящена теме поэта и поэзии в творчестве Бориса Чичибабина. Чичибабин неоднократно касался проблемы тайн поэтического ремесла и миссии поэта в своей поэзии и прозе. Борис Чичибабин считает поэта посредником между Богом и людьми. И для этого поэт должен создавать стихи, возвышающие души людей. Чичибабин сравнивает также миссию поэта с миссией Христа.

Ключевые слова: миссия поэта, тайна, поэтическое ремесло.

Тайны ремесла и миссия поэта... Наверное, ни один в мире поэт не обошел молчанием эту тему. Замечательный русский поэт XX века Борис Алексеевич Чичибабин (1923-1994) в своих стихах и прозе неоднократно касался проблемы назначения поэзии и роли поэта. Мысли Чичибабина о природе творчества во многом созвучны взглядам Николая Бердяева. Русский философ, столь любимый Чичибабиным, считал, что «смысл и цель жизни не сводится к личному спасению человека, но к служению своим творчеством миру, созданному Творцом» [1:25]. А вот что написал Борис Чичибабин: «И зачем поэт, зачем стихи, если они не о Главном, если после них в мире не прибавится хоть на капельку доброты и любви, а жизнь не станет хоть чуть-чуть одухотвореннее и гармоничнее?» [2:97]. Следует сразу оговорить, что в художественном мире Чичибабина Главное (слово, пишущееся с большой буквы,) - это Бог. А какое слово объясняет отношение поэта к творческому процессу? Слово это – «тайна». «Все, связанное с творчеством, остается для меня тайной и чудом. Я не знаю, что такое талант, я не знаю, что такое дар. А кто знает? Для меня в этом есть нечто религиозное: дар – подарок, то, что тебе подарено, то, что тебе вручено» [2:99]. В другом месте читаем: «...природа вдохновения – это именно тайна» [2:97]. «Все, связанное с искусством, с духовной жизнью человека, суть тайна» [2:98]. Понимание поэзии и искусства как чуда и тайны сближает Бориса Чичибабина с поэтами «серебряного века», а также Пастернаком, определившим свое искусство «как творчество и чудотворство». Поэта Чичибабин воспринимает как проводника, служителя Бога. Миссия Поэта – быть посредником между Всевышним и людьми: «Стихи пишутся не сознательно; лучшие стихи – послание... Я сам не знаю, откуда они приходят и не могу объяснить смысла, заложенного в них. Это выше меня самого. Чудо, тайна появления стиха, рождения музыки - высшее счастье для творца, и оно не поддается описанию и объяснению» [3:192]. Миссия поэта – восприняв дар, ниспосланный свыше, творить достойные стихи, возвышающие души людей и приближающие их к Горнему Духу. Чичибабин сравнивает миссию поэта также с миссией Христа:

Прозаик волен жить меж страхов и сует,
Кумекать о добре и в рот смотреть кумиру.
А нам любовь и гнев настраивают лиру.
Всяк день казним Иисус. И брат ему – поэт.

Эту мысль Чичибабин повторил и в прозе: «Для меня как для читателя поэт – человек, стоящий рядом с Христом, который, если и не каждый день, то по крайней мере тогда, когда пишет, восходит на Голгофу» [2:100]. И Борис Чичибабин, предъявивший такие высокие требования к поэту, всей своей творческой судьбой старался соответствовать этому образцу. Вот почему он перестал печатать свои стихи в урезанном виде, за что в итоге был исключен из Союза писателей СССР и на долгие годы обречен на изоляцию.

В стихотворении «Битва» поэт в интродукции (I строфе) вывел очень выпукло, рельефно и живописно картину ночного, горячего, спутанного леса – место действия, используя великолепную аллитерацию «хмурый хмель». Почти дантевский лес (вспомним: «Земную жизнь пройдя до половины // Я очутился в сумрачном лесу»)! В двух последующих строфах, не уступающих по энергетике и накалу страстей первой, поэт описал брачный поединок самцов оленей. Тут превращенному автором в зрителя читателю, задержавшему дыхание от столь динамичной, экспрессивной, почти кинематографической картины, дается возможность опомниться и успокоиться, т.к. дальше идут размышления поэта о своем ремесле. «В поэзии, как в свадебном лесу». Чичибабин отождествляет творчество с трагическим карнавалом жизни, с ее апофеозом – брачным поединком двух лесных красавцев, ибо поэтам жизнь с ее испытаниями предъявляет гамбургский счет: достойны ее – только избранные, отмеченные цельностью, т.е. силой, мужеством и гармонией:

В поэзии, как в свадебном лесу,
Но только тех, кто цельностью означен,
Земные страсти весело несут
В большую жизнь – к паденьям и удачам.

«Болящий дух врачует песнопенье», - провозгласил в свое время Баратынский. Известно, что в жизни Бориса Алексеевича Чичибабина в 60-ые годы наметился страшный кризис, из

которого поэт видел лишь два выхода: акт суицида или сумасшествие. Именно тогда он создал, точнее, выплеснул, выдохнул, выстонал замечательное по силе звучания стихотворение «Сними с меня усталость, мать Смерть...» - жуткий перечень разочарований и потерь. Болью проникнуто это довольно длинное (36 строк) стихотворение. На фоне минорных строк выделяется одна светлая: «Одним стихам век не потускнеть». Речь идет о собственных стихах, потому что дальше читаем: «...да сколько их останется, однако». И пусть концовка «закольцовывает» центральный мотив, но все-таки стихам не потускнеть. Правда, не все останутся, но утешительно, что лучшие переживут автора и докажут, что его жизнь не была лишена смысла. Стихотворение «Сними с меня усталость, мать Смерть...» - не только «исповедь на краю гибели», но и апология Спасительницы Поэзии. И все это благодаря одной-единственной строке! Вот как весомо слово в стихе. Нет сомнения, что этот текст был создан Борисом Чичибабиным не «во славу поэзии», т.к. ему в то время было не до нее. И строка «Одним стихам век не потускнеть» вырвалась случайно. Но мы то знаем, что «чем случайней, тем вернее слагаются стихи навзрыд».

Середина 60-х – это начало второго этапа творчества Чичибабина. Если стихи первого периода были в основном мажорные, восторженные, наполненные ощущением счастья и полноты жизни, то стихи второго периода «тише и обыкновеннее». Поэт с горечью признается: «Я кричу свои стихи глухим, как собака вою». Как же быть с «роковым призванием»? Бог продолжает диктовать, а поэту все сложнее осуществить волю Творца. Измученный безысходностью положения и тщетностью своих поступков, он обращается к нему с мольбой: «Господи, прими мои грехи, отпусти на волю». Но трудности не сломили поэта, он сохранил свою душу. И еще четче стал слышать зов, призыв, волю Всевышнего:

Из глубины, но чудится, что свыше
Словами молвит внутренняя высь:
- Неси мой свет в туманы городские,
Забыв меж строк Давидову пращу.

Не случайно в этом стихотворении возникает библейская образность. Поэт все яснее слышит Божью волю, все отчетливее видит свои задачи в мире. А мир на краю гибели, «смертью веки сведены», и воля Господа выражена уже не в «тихом и обыкновенном» разговоре – «грозой ревет Господь в глухие уши: «Бросайте все! Пусть гибнет плоть. Спасайте души!» И так, спасать души людей, освещая их светом добра и любви, должен поэт. Сравнивая труд поэта и прозаика, Чичибабин отдает приоритет не рациональному, а эмоциональному началу – «нам любовь и гнев настраивают лиру». Поэзия обращена не к рассудку, а к душе. Душа, по его мнению, бессмертная часть человеческой сущности, поэзия – «вечности ровесница». Поэзия питает душу человеческую, и только душой человек способен воспринять вечную музыку Беспредельности:

У прозы есть предел, не глух я и не слеп,
И чту ее раскат и заревую залежь.
Но лишь одной Душе – Поэзия одна лишь,
И лишь ее дары – всего насущный хлеб.

Поэзия, считал Чичибабин, должна обладать высокой духовностью. За исполнение какой бы роли она ни бралась – «целить ли гражданственный недуг» или петь «хрупких зорь престольные капризы – все это только ризы, и горе, если в них не веет горный дух». Поэзия сама должна быть светом, вестью с высот. «Миру больно. Космосу больно. И поэт должен восстанавливать Космос, он должен вносить гармонию в хаос, свет – во тьму» [3:253]. Чичибабин был уверен, что поэт – «хранитель Божьего огня», «что мир Поэзия спасет».

В ранний период творчества Борис Чичибабин сравнивает поэта с детьми («поэт – что малое дитя», «и, как дитя, поэт наивен, хоть веком стар»). Образ поэта пока многогранен, разносторонен: «то громыхает, как пророк, а то дурачится, как клоун». Образ поэта-пророка выкристаллизовывается позже, после знакомства с работами Н. Бердяева и Г. Померанца. Чичибабин своим учителем, эталоном русской поэзии и поэзии гармонии считал Пушкина. Продолжая традиции своих предшественников, Чичибабин заявляет: «Господь возвещает устами пророков». Известно, что пушкинский «Пророк» навеян строками из книги Исаии.

Образ поэта-пророка у Чичибабина также похож на пророка из книги Исаии. В 1965 г. в одном из стихотворений Чичибабин признался: «Не счесть провидцев и пророков, что ни кликуша, то и тип». В данном случае слово «пророк» несет заведомо негативную эмоциональную окраску. В хрущевскую «оттепель» многие поэты считали себя глашатаями свободы, скандирующими слова, которые не соответствовали их деяниям. В «Оде тополям» читаем: «Галдят пророки, но молчит Господь». Не желая быть лжепророком, Борис Чичибабин постигает те законы и условия, при которых возможно выполнение миссии истинного пророка – духовная высота, верность высшим, вечным идеалам: «Светлый рыцарь и верный пророк, я пронизан молчанья лучами». «Лучи молчанья» – высшее достоинство в данном случае. Во-первых, чтобы услышать внутренний голос, голос Бога или совести, нужно замолчать, т.е. уединиться, чтобы вслушаться во внутреннее: истина познается в молчании, в тишине (один из путей постижения Бога в восточных религиях). Во-вторых, молчание – не только поэтический образ, но и реальное действие поэта, не желающего говорить то, что ему велит тоталитарный режим, нежелание быть рупором политического строя, чуждого душе поэта.

Образ поэта, созданный в лирике Бориса Чичибабина, – это образ необычайно светлый, гармоничный, но вместе с тем и трагический.

Nersesyan M. L., Faramazyan L.R.

The Theme of the Poet and Poetry in the Works by Boris Chichibabin

Abstract: This article is devoted to the theme of poet and poetry in Boris Chichibabin's creation. Chichibabin repeatedly was touched upon the problems of the poetic handicraft's secret and a poet's mission in his poems and prose. Boris Chichibabin considers a poet as the God's server, who has to create poems raising the people's souls. Chichibabin also compares the mission of the poet with the mission of Christ.

Keywords: Poet's mission, secret, poetic handicraft.

Библиография:

1. Н. А. Бердяев, pro et contra. Антология. Книга 1. Санкт - Петербург, 1994.
2. Борис Чичибабин в статьях и воспоминаниях. Харьков. «Фолио», 1998.
3. Борис Чичибабин. Раннее и позднее. Харьков. «Фолио», 2002.

Zakaraia Irma

Sokhumi State University, Georgia

GEORGIAN LITERATURE – A PART OF EUROPEAN LITERATURE

Аннотация: В Грузии, расположенной на границе Европы и Азии, не раз ставился вопрос – «Мы Европа или Азия?» В основном выделяется тройная позиция. С первого взгляда, путь Грузии – это путь европейской ориентации. С другой стороны, в нас должны усилиться азиатские элементы. Согласно третьей позиции – культура Грузии и грузинский менталитет никогда не были чисто европейскими или чисто азиатскими. Для грузин не чужды европейские идеалы, но чужд европейский рационализм и технизм; не чужды восточные культурные ценности, но чужд восточный мистицизм и фанатизм. При подобных крайностях свободный грузинский дух хорошо проявляет способность маневрирования между западной и восточной ориентацией. Издавна в Грузии наблюдался оригинальный синтез европейской и восточной культуры.

Несмотря на подобные соображения, грузинский народ много лет назад сделал свой выбор. Расположенная на рубеже Запада и Востока, Грузия имела социально-политические, экономические и культурные взаимоотношения как с Европой, так и с Азией, но выбрала все же европейский путь развития страны.

В статье, на основании рассмотрения грузинской литературы, начиная с V по XIX века, показано, что современная устремленность грузинского народа к Европе – это ее исторический выбор, и что оригинальная и самобытная грузинская литература всегда была составной частью европейской культуры. Для грузинской литературы характерна тенденция восприятия западной культуры, процессов европейской литературы.

Ключевые слова: культура Грузии, грузинский менталитет, грузинская литература, европейская литература.

In Georgia, which is situated on the border of Europe and Asia, the following question – “Are we Europe or Asia?” has been continually asked. Mostly three positions are vivid. According to one view, the way of Georgia is the way of Western orientation. In accordance with the second view, the eastern element should be strengthened in us. According to the third position, Georgian culture and

mentality have never been specifically European or Asian. European ideals are not unknown for Georgians but European rationalism and technicism are. Eastern cultural values are not unknown for Georgians but eastern mysticism and fanaticism are. Free Georgian spirit exposed a good ability of maneuverability between western and eastern orientations. There are many eastern things in Georgian customs and daily life, but the way of human thinking is western. Spiritually Georgia is more a European country. In Georgia there has always been an original synthesis of European and Asian cultures (1; 2).

Despite such different opinions, Georgian people have made their choice long ago. Georgia which is located at the crossroads of east and west had social-political, economic, and cultural relations with Europe and Asia as well, but it has chosen the European way for country development; the way, which would be based on Georgian culture, lifestyle and not on blindly and artificially copying all European things.

Georgia has always been a part of Europe.

The relationship with Europe has begun in the distant past. The first written sources about Georgian kingdoms (Colchis, Iberia) are found in the writings of ancient Greek and Roman authors in the IX century B.C. (Homer, Hesiod, Herodotus, Xenophon, Strabo, Cicero, Pliny the Elder, Tacitus, Plutarch and others.). In "Argonautica" by Apollonius Rhodius, which describes the voyage of the Argonauts in Colchis for the Golden Fleece the history of Colchis and its high culture is posed in mythological-fantastic colors.

The relationship with Europe was even more intensive, when Georgia has become a part of the Roman-Byzantine Christian civilization.

After the fall of Constantinople (1453) till the 19th century Georgia has been among Muslim surroundings. The Turkish Ottoman Empire has already bordered on it in the south-west, whereas in the south-east it bordered on Iran. The relationship with Europe has been hampered, but it hasn't been stopped.

At the beginning of the 19th century Georgia has faced a hard reality - the country, against its will, has become a part of the Russian Empire. During the whole century Georgia could have a relationship with Europe via crossing Russia.

Our aim in the present article is to show that today Georgian people's aspiration for Europe is its historical choice and original and unique Georgian culture, and Georgian literature in particular, has always been an integral part of European culture. We will try to review V-XIX cc. period.

The history of Georgian literature dates back from the 5th century. The first Georgian fiction "The Martyrdom of Saint Shushanik" was written in the 5th century. It is a well-known fact, that development of cultural and literature contacts and receptions and their intensity are conditioned by geographical proximity, political or cultural interests, and economic ties. Therefore, Georgian literature was in contact with Armenian, Syrian, Christian - Arabic literature, but especially notable ties were with the Greek (Old Classic, Hellenistic and Byzantine medieval) literature. Georgians got acquainted with and studied the achievements of Greek literature. They translated and corrected the earlier translations of other languages according to Greek (the original). There are numerous quotes from the works of elinel philosophers and writers in Medieval Georgian fiction literature. But Georgia was a Christian country and it had more ideological and cultural relationship with medieval Christian Byzantine. Georgian literature and culture that existed abroad had contributed to this relationship. For example, we can name Athos Iver Monastery which was founded by Georgians in the 10th century (on Mount Athos, on the Chalcedon Peninsula in Greece).

Georgian-Byzantine relationships have not been unilateral. Georgian literature has given a lot of interesting materials to Byzantine literature, namely: the Georgian language has kept such information about Byzantine writers that makes their life and work complete; Georgian literature has preserved the information about completely unknown writers in the history of Byzantine literature; Georgians added a number of works translated from Georgian to Byzantine literature; Georgians wrote great compositions in the Greek language; the Georgian language has preserved such compositions of Byzantine literature whose Greek originals are lost (3).

We have already mentioned above that since the XV the century to the end of the 18th century Georgia was among Muslim surroundings. The Georgians have always had to fight against the

invaders. All these have generally affected the life of the people and the culture as well. Ties with Europe have been hampered. However, European tendencies have reached Georgia for the very period. Works of arts have been translated. They have been studied via philological study and have been analyzed creatively. The interest was mutual. The Italian, French, German, Austrian travelers, diplomats, scientists, missionaries, etc., have arrived in Georgia for different purposes. They have provided their compatriots with the information of the history and culture of Georgia. So, for example, in the first quarter of the 17th century, a broad activity about the Georgia began in Italy, which was conditioned by the work of Italian missionaries in Georgia. In the 17th century there was the first appearance of the German books about Georgian language. In 1673 the book about Queen Ketevan was published in Oxford in the English language. In 1672-1673 a French traveler, Chardin traveled in Georgia and he described his impressions in his work "Journal du voyage du chevalier Chardin en Perse et aux Indes orientales par la mer Noire et par la Colchide", etc.

During this period, Georgia has repeatedly tried to develop close ties with the Western countries. For this purpose, in 1713-1716, the Georgian writer Sulikhan-Saba Orbeliani traveled in Europe that resulted in an excellent example of Georgian documentary prose "Travelling in Europe".

Since the beginning of the 19th century, after Russia invaded Georgia, the Georgian intellectuals got in touch with Russian writers, and through them - with European literature.

The interest towards Europe has increased. Georgian public figures, writers, like their ancestors, knew well that the European way of development was the way of prosperity. Being among Muslim surroundings for centuries had had some effects, but European civilization was still spreading rapidly, as it had prepared the ground in Georgia.

The interest towards European literature was growing. European literature was being translated. The Georgian society was getting acquainted with lives and works of Shakespeare, Petrarch, Goethe, Schiller, Hugo, Flaubert, Dickens, Thackeray, Mickiewicz, Emile Zola and other classics in their native language.

Europeans have shown their interest towards Georgian literature. The articles about Georgian literature have been translated in foreign press. The works of Ilia Chavchavadze, Akaki Tsereteli, Vazha Pshavela and others have been translated but special attention was drawn to great Shota Rustaveli's poem "The Knight in the Panther's Skin" (XII-XIII cc.) The scientists or writers from different countries read, got acquainted, and studied "The Knight in the Panther's Skin" which is inspired with humanity and aspiration for justice. The poem of Shota Rustaveli has been translated into many languages of the world, but the Europeans were the first. We meet Rustaveli's thoughts in the works of foreign writers in the 20-ies of the 19th century: in France since 1828, Poland - since 1830, Germany - since 1850, England - since 1879, etc.

Georgian-European literary relationships have become even more intense since the 20th century.

Georgia, as a country of independent culture and traditions, has always been a part of the European space. The European way of development is a long period choice of the Georgian people. In general, and specifically for Georgian literature, tendency of sharing of Western culture and European literary processes has always been characteristic. Original and unique Georgian literature was and is a part of European literature.

Literature:

1. Europe or Asia? [Collection], Tbilisi, 1997.
2. Bregadze L., Are we Europe or Asia? Newspaper "The New Georgia", 1998, May 21-27.
3. Kekelidze K., Baramidze A., The History of Old Georgian Literature, Tbilisi, 1987, p. 23.

Шершун Ираида Ивановна

учитель русского языка и литературы, студентка магистратуры Факультета словесности.

Бэлдкий государственный университет имени Алеку Руссо, Республика Молдова

УТОПИИ И АНТИУТОПИИ В СНАХ ГЕРОЕВ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аннотация: В данной статье обосновывается важность сопоставительных исследований. Дается определение терминов «мениппея», «утопия» и «антиутопия». В работе рассматриваются художественные средства создания утопических образов в произведениях «золотого века». Проводится сопоставительный анализ данных средств в произведениях Гончарова и Достоевского. Раздумья о гармонии будущего реал-

лизуются в мотиве сна, который теоретически описан в работе М.М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского».

Ключевые слова: мениппея, утопия, сопоставительное исследование, изобразительные средства.

На современном этапе в инновационной педагогике сложилось понимание сущности учебно-исследовательской деятельности учащихся как новой педагогической технологии. Воспринимая процесс обучения русской литературе как сотрудничество более опытного человека с менее опытным, представляем вашему вниманию вариант разговора об образе человека, знающего истину, но воспринимаемого остальными людьми как сумасшедшего.

Целью данного исследования является рассмотрение образа «мудреца, по М.М.Бахтину, носителя истины по отношению ко всем остальным людям, считающим истину безумием или глупостью».

На уроках изучения романа «Обломов» И.А.Гончарова в 10 классе и рассказа Ф.М. Достоевского «Сон смешного человека» в 11 классе в целях расширения кругозора учащихся «подключаем» к обсуждению главных образов мотив сна, позволяющий зримо представить среду, взрастившую героев. Разговор на уроке начинаем с выяснения содержания понятия «золотой век», а также его происхождения. В русском языке немало устойчивых словосочетаний, в состав которых входит прилагательное «золотой»: золотое дно, золотые горы, золотой дождь. Значение этих выражений в той или иной мере сопряжено с представлением о материальном благополучии. А вот в выражениях «золотые мечты», «золотое детство» преобладает значение, связанное с человеческим состоянием. Золотые мечты – прекрасные, счастливые мечты и вместе с тем – несбыточные. Золотое детство – чудесная, невозвратимая пора жизни, беззаботно-радостное мировосприятие. Что же касается фразеологизма «золотой век», он вошел в русский язык путем заимствования из греческой мифологии, определяем как: 1) материальное изобилие как результат щедрости природы, без трудовых затрат; 2) физическое здоровье человеческого рода; 3) высочайший уровень нравственности; 4) покой и радость как главные черты мироощущения человека. Античный миф о «золотом веке» как видение мира без зла, как мечта о всеобщем счастье – это одна из первых, дошедших до нас утопий, по Шарлю Фурье. Расширяем представления учащихся о христианском утопизме. Вспоминаем не только рассказ о рае и изгнании из него первых людей, но и то место в Апокалипсисе (Гл. 20, ст. 4; Гл. 21, ст. 1-2), где говорится: «И увидел я новое небо и новую землю. И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим новый, сходящий от бога с неба...». Новый Иерусалим стал синонимом земногорая, золотого века. Христианские утопии указывают читателю на четкий нравственный ориентир как средство достижениярая на земле: «Каждый должен возделывать свой сад». Корни русской утопии обнаруживают лицеисты в устном народном творчестве. С детства сказки о тридевятом царстве, где текут молочные реки с кисельными берегами. Широко известны утопические легенды об «областях с гармоничным устройством: сказани о невидимом граде Китеже, о селе Тарбагатае».

После такой преамбулы переходим к русской утопии второй половины XIX века, произведениям И. Гончарова и Ф. Достоевского. В центре внимания нашего внимания сны литературных героев, в рамках которых авторы выражают свою социальную и нравственную программу.

Основные направления беседы таковы (записываем их на доске, в тетрадях): 1) каким представляется русским писателям идеал жизнеустройства? Почему именно эти черты возводятся в идеал? 2) Какой из «вариантов» «золотого века» показался вам наиболее приемлемым? 3) «Золотой век»: фантастика или реальность? Возможно ли «Царствие Божие» на земле? 4) Почему свои раздумья о гармонии будущего писатели облачают в форму сновидений?

Один из интереснейших вариантов «золотого века» на русской почве представлен в романе И.А. Гончарова «Обломов» – в знаменитом «Сне Обломова». «Сон» – композиционный центр, ключ к пониманию проблематики романа – позволяет зримо представить среду, взрастившую Илью Ильича, глубже понять характер главного героя, социальные и нравственные истоки его личности, причины его трагедии. Вместе с тем «Сон Обломова» – своего рода утопия, где обрисован идеал жизнеустройства, каким он видится главному герою романа и самому автору. На первый взгляд, Обломовка – обыкновенная барская усадьба с

крепостническим укладом, с другой же стороны, она изображена художником как «чудный край», «благословенный уголок земли», жизнь в котором течёт по своим внутренним, имманентным законам. Мифологическая подоплёка «Сна» подчёркивается сказочной атмосферой, царящей в Обломовке. Природный ландшафт здесь выглядит, словно игрушечный («Горы там как будто только модели тех страдальных где-то воздвигнутых гор...»), или «мастерски нарисованный» на «живописных этюдах». Обломовка – «неслыханная сторона», где «текут реки меду и молока». Не случайно у воспитанного в атмосфере сказки Ильи Ильича и во взрослом состоянии «сказка... соединялась с жизнью, а жизнь не сказка».

Для самостоятельного исследования предлагаем учащимся ряд проблемных вопросов: каковы главные черты бытия в Обломовке? Что делает её похожей на островок «золотого века»? В чём символичность названия деревни?

Учащиеся составляют цитатный рассказ о главных чертах бытия, указывая на «тишину и невозмутимое спокойствие», «первобытную лень», «простоту нравов». Жители очень боятся хлопот, волнений, перемен. Бездействие и безделье возведены в культ: «Они сносили труд как наказание». Первейшие жизненные отправления для обломовцев – еда и сон: «Забота о пище была первая и главная жизненная забота в Обломовке. Какие запасы варений, солений, печений! Какие мёды, какие квасы варились, какие пироги пеклись в Обломовке!» Ну чем не сказочное царство с реками мёду и молока? Каков «исполинский пирог», поедаемый в течение целой недели! Поистине он символ земного благополучия, счастливой, изобильной, благодатной жизни. Пирог - центральный и наиболее архаический символ народной утопии. А с каким упоением предаются обломовцы сну! «Это был какой-то всепоглощающий, ничем непобедимый сон... Всё мёртво, только из всех углов несётся разнообразное храпенье на все тоны и лады». Никто и ничто здесь не в силах «противиться обаянию сна»: ни человек, ни матушка-природа. Даже воздух сонно «висит без движения», даже солнце будто дремлет, «стоит неподвижно». Обломовский мирок по-своему довольно гармоничен. Жители этого «благословенного уголка» не переживают никаких катаклизмов: «Ни страдальных бурь, ни разрушений», «ни грабежей, ни убийств, никаких страшных случайностей», «ни сильных страстей, ни отважных предприятий». Здесь «правильно и невозмутимо совершается годовой круг», а в человеческой жизни главными вехами являются рождение, смерть, свадьба. Здесь чтут обряды – «привычки милой старины», уважают поверья, приметы. Отсчёт времени ведут по праздникам или по семейным событиям. Обломовцы не мудрствуют лукаво, не задумываются о смысле жизни, не ставят перед собой никаких целей. Их жизненная позиция – пассивное созерцание: «Ничего не нужно: жизнь, как покойная река, текла мимо них».

Создавая образ обломовского рая, Гончаров подчёркивает его локальность. На замкнутость существования в Обломовке указывает и само название деревни. Что такое обломовское существование, как не обломок некогда полноценной и всеохватной жизни? Это всеми забытый, чудом уцелевший «блаженный уголок» – обломок Эдема?

Существование здесь носит замкнутый характер. Семейная вотчина Ильи Ильича отгорожена от всего окружающего мира: «уголок их был почти непроезжий». Обломовцы не нуждаются в дополнительных источниках жизненной энергии. «Счастливые люди» самодостаточны: думают, что другие «живут точно так же и что жить иначе – грех».

Важно, на наш взгляд, задать учащимся вопросы: почему покой явился необходимой, основополагающей составной частью гармоничной картины мира? Почему бездействие, а не труд, не деяние возведены в идеал?

Интересна категория покоя в художественном тексте. Религиозно-онтологическое значение слова усматривается во второй части Книги Бытия Священного Писания о том, что Бог «почил в день седьмый от всех дел Своих, которые делал». Человека Творец сделал соучастником божественного покоя. Покой не есть абсолютное бездействие, а являет собой акт творчества, внутреннего движения к совершенству. Покой – состояние, позволяющее отрешиться от мира материального и соприкоснуться с миром божественным. Через покой открывается перспектива жизни, связующая земное бытие с бытием вечным, путь к гармонии. Потому Илья Ильич отнюдь не лентяй, но мудрый ленивец.

По М.М.Бахтину, герой мениппеи всегда амбивалентен: персонаж, который авторской волей одарён нравственным прозрением, зачастую отмечены печатью некоторого чуждества,

трагического шутовства. На следующем этапе обучения предлагаем рассмотреть «Сон смешного человека» Ф.М.Достоевского. Автор, чья душа буквально кровоточила при виде чужих страданий, напряжённо размышлял о путях достижения гармонии в обществе. Он искал свой идеал в лагере деятелей социалистического толка – у петрашевцев (за что расплатился десятилетней каторгой и ссылкой); он искал его в идеях христианского социализма, и в почвенничестве.

Рассказ «Сон смешного человека», по определению литературоведа Ю. Карякина, одно из самых таинственных, «пророческих» творений Ф.М.Достоевского, удивляет невероятной масштабностью мышления, мировидения. Читаем – слушаем рассказ, но как постичь его?

Учитель акцентирует внимание лицеистов на актуальности рассказа. Кажется, «Сон» – о судьбе, о жизни и смерти нашего рода, о последнем – и неотложном уже – выборе нами этой судьбы – написан буквально сегодня. Этот «Сон», как никогда, в руку. Создаём проблемную ситуацию: «Услышим, увидим ли мы его сегодня?» Опираясь на свой читательский опыт, учащиеся замечают, что повествование в рассказе ведётся от имени героя, называющего себя «смешным человеком». Разберёмся в причинах пессимистического умонастроения персонажа. Почему он хочет кончить жизнь самоубийством? Почему не помог девочке, молящей о помощи? В душе героя нарастает убеждённости в тотальном эгоизме людей, в равнодушии их ко всему и вся вокруг себя. Такое же равнодушие повествователь обнаруживает и в себе самом: «Я вдруг почувствовал, что мне все равно было бы, существовал бы мир, или если б ничего нигде не было». Жизнь потеряла смысл для героя, потому появляется мысль о самоубийстве. От рокового шага удерживает встреча поздним вечером на улице с девочкой, просящей о помощи. Вернувшись в свою квартирку, рассказчик погружается в размышления, анализирует свой давешний поступок. «Почему ж я не помог девочке?» - вопрошает он себя. Во внутреннем монологе героя присутствуют слова: «могу страдать... и ощущать стыд за свои поступки...», «чувство жалости к девочке», «чувство стыда после сделанной подлости». Что же это? Значит, ему не всё «всё равно» на свете? Итогом ночного бдения становится открытие: «жизнь и мир как бы от меня зависят». Мир такой, каким его сделал человек. Герою приходит в голову интересный вопрос: если бы он, смешной человек, побывал, скажем, на Марсе, совершил там неблагоприятный поступок, то, вернувшись на Землю и будучи совершенно уверенным, что никто не узнает об этом поступке, стал ли бы он испытывать стыд за содеянное или нет? Рассказчик пытается выяснить, осталась ли в нём хоть капля человеколюбия. Раздумья повергают героя в «неожиданный сон», который открывает ему истину, «новую, великую, обновленную, сильную жизнь». В чём же эта истина, эта обновлённая жизнь? Обращаемся к содержанию сна. Персонажу Достоевского мнится, что душа его после смерти возносится в небо. И вот он уже на какой-то далекой планете – двойнике Земли. Здесь все так же, как на Земле, и, вместе с тем, совершенно иначе: «Я вдруг ... в ярком свете солнечного, прелестного, как рай, дня. Я, кажется, на одном из тех островов, которые составляют на нашей земле греческий архипелаг...». Герой остро ощущает всю прелесть тамошнего природного ландшафта. В оставленной им земной жизни всё было уныло и мрачно: «самый холодный и мрачный дождь лил весь день... Страшная сырость... Небо ужасно темное...» Городской пейзаж подчеркивает антиномичность человека и природы «нааяву». Разлад проявляется во всем: дождь льет «с явной враждебностью к людям», облака «разорванные», «бездонные чёрные пятна» на небе внушают человеку ужас. А во «сне» – первозданная гармония: «всюду сияло каким-то праздником и великим, святым и достигнутым, наконец, торжеством». Гармоничны и взаимоотношения между жителями «архипелага». Им чужды жестокие страсти, пороки: всегда «резвы и веселы, как дети». Их лица «сияют разумом», в голосах звучит «детская радость». «Дети солнца» прекрасны в своём безгрешии, нравственно чисты, потому не знают страданий, «живут в раю». Здесь нет места подлости, равнодушию, злу, преступлению! «Никогда я не видывал такой красоты в человеке», – резюмирует главный герой произведения.

Анализируя «Сон смешного человека» Ф.М.Достоевского, М.М. Бахтин пишет о «типичнейшей для мениппеи теме человека-мудреца, который один знает истину и над которым все остальные люди смеются как над сумасшедшим. Носитель мениппеиной истины по отношению ко всем остальным людям «считает истину безумием или глупостью». Сам герой «Сна» отлично понимает, почему он смешон в глазах окружающих: «Я не хочу и не могу

верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей. А ведь они все только над этой верой-то моей и смеются». Благодаря взятой им на себя роли странника-проповедника герой-мудрец получает «повышение в чине»: «Они меня называют теперь сумасшедшим. Грустно потому, что они не знают истины, а я знаю истину». Насмешники «сон» героя понимают как «бред, галлюцинацию». Что такое сон?

Земной рай, описанный в «фантастическом рассказе» Ф.Достоевского, зиждется отнюдь не на достижениях цивилизованной науки и технического прогресса. Как и обитатели Обломовки, «инопланетяне» Ф.М.Достоевского «не желают ничего и спокойны, т.к. не стремятся к познанию жизни». Они обладают высшей жизненной мудростью: главным источником, питающим бытие во всех проявлениях, является всеобщая любовь. Язык любви формирует стиль общения людей не только между собой, но и со всей природой. Людское единение столь крепко, что нарушить его не в силах, кажется, даже сама смерть. Физическая смерть не воспринимается трагически, потому что «у них было какое-то насущное, живое и непрерывное единение с Целой вселенной». Персонаж рассказа «Сон смешного человека» винит себя в гибели этой своеобразной космической Атлантиды, так как в самом себе узрел начало, губительное для человеческого общества в целом, - эгоизм, равнодушие, тот самый эгоизм и то самое равнодушие, повинувшись которым он оттолкнул ручонку вопрошающей о помощи маленькой сиротки.

Увлечённое чтение позволяет учащимся создать в своём воображении картину «золотого века». У лицеистов возникает внутренняя мотивация: постичь глубину понимания «счастья». Ф.М.Достоевский не акцентирует внимание на материальном комфорте, на счастье потребителя. Высшая жизнь настанет тогда, когда люди поймут, что нет счастья в бездействии, что погаснет мысль нетрудящаяся, что нельзя любить своего ближнего, не жертвуя ему от труда своего, что «грустно жить на дармовщинку и что счастье не в счастье, а лишь в его достижении». Ф.М.Достоевский, провозглашая абсолютную ценность самостоятельной человеческой личности, признает – и отнюдь не декларативно – право выбора между «раем» и «адамом» за каждым отдельным человеком. Как бы ни мучительны и противоречивы поиски писателя на этом пути, он, бесспорно, верил в нравственное возрождение человечества, определяя для себя главную писательскую заповедь так: «Найти в человеке человека...».

«Золотой век» – мечта самая невероятная из всех, какие были. За неё люди отдавали жизни свои и силы, ради неё умирали и убивали пророков, без неё народы не хотят жить и не могут даже и умереть!»

Сквозь все сомнения Ф.М.Достоевский пронёс желание веры в лучшее будущее, убеждённость в том, что даже самый униженный, самый оскорблённый из людей «носит в кармане «золотой век». И если нам, учителям современной школы, удастся донести до современного читателя пусть и утопические мысли Ф.М.Достоевского, «свет водворится» в душах молодых людей, масса честных и добрых людей – мы в них верим – станут цветом современного общества, «солью соли земли» молдавской.

ShershunI. I.

Utopia and Dystopia in the Dreams of the Russian Literature Characters

Abstract: The following paper gives a presentation of the importance of comparative researches. It also gives the definition of the terms like: "menippea", "utopia" and "dystopia". It deals with the artistic means of creating utopian images of the works of the "Golden Age". The paper also makes a comparative analysis in the works written by Goncharov and Dostoevsky. The recollection of harmony and future is reflected by the motive of sleep that is theoretically described in the work by Bakhtin "Problems of Dostoevsky's Poetics".

Keywords: menippea, utopia, comparative research, means of creating utopian images.

Библиография:

1. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М. «Художественная литература». 1972. [электронный источник: <http://www.deir.org/libr/?go=book&id=321&p=73>]
2. Гончаров, И. А. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 4. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953.
3. Достоевский, Ф.М. Сон смешного человека Гл IV [электронный источник: <http://www.md.spb.ru/texts/son/?more&page=7>]

4. Ревич, В. Перекресток утопий. Судьбы фантастики на фоне судеб страны. М. 1998.384с. ISBN 5-86266-007-0
5. Селезнёв, Ю.И. Достоевский, Ф.М. Антология жизни и творчества Гл 2 Великие надежды. М. изд АО «Молодая гвардия», 2007. 510с. (Жизнь замечательных людей: Серия биографий; Вып. 1056) [электронный источник: <http://www.fedordostoevsky.ru/biography/seleznev/part3/2/>]
6. Лощиц, Ю.М. Изучаем роман «Обломов». Гл 21. Несовершенный человек. М. 1996
7. «Новый звет». Откровение святого Иоанна Богослова. Гл 20,21 [электронный источник: http://days.pravoslavie.ru/Bible/B_otkr21.htm]
8. Харитонов, Е. «Русское поле» утопий: [Россия в фантазиях утопистов и фантастов; построение нового общества в утоп. и антиутоп. лит.] М. 2002. С 6 - 8. [электронный источник: http://www.fandom.ru/about_fan/haritonov_06.htm]

Куширенко Виктор

исследователь жизни и творчества А. С. Пушкина

«ВОЗНЕССЯ ВЫШЕ ОН ГЛАВОЮ НЕПОКОРНОЙ АЛЕКСАНДРИЙСКОГО СТОЛПА...», ИЛИ МЕЧТЫ И РЕАЛЬНОСТЬ А. С. ПУШКИНА КАК ЗЕМНОГО АНГЕЛА

Аннотация: В статье рассматривается одна из проблем творчества А.С. Пушкина: проблема взаимоотношения поэта, Бога и самодержавия. Данная проблема анализируется на материале стихотворений «Поэт», «Монастырь на Казбеке», «Ангел».

Ключевые слова: поэт, стихотворение, творчество, сочинение, цензура.

Как известно, Александрова колонна в Петербурге увенчала бронзовым ангелом с крестом. И кажется, что заявление Пушкина – «Вознесся выше он главою непокорной Александрийского столпа...» – это чуть ли не вызов высшей силе. Это не так. Пушкин никогда не ставил себя выше Бога. Но он мечтал быть между Богом и землей, между Господом и народом, толпой. Например, в 1829 году в стихотворении «Монастырь на Казбеке» поэт писал:

Далекий, вожденный брег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине!
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство бога скрыться мне!..

Это была светлая, чистая, заветная мечта Пушкина как земного ангела. И когда она омрачалась реальной действительностью на земле, то поэт, восставая против несвободы, неравенства, несправедливости, писал: «...я могу быть подданным, даже рабом, но холопом и шутком не буду и у царя небесного» [1834 год, дневник]

Ты царь: один живи. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум... [1830 год, «Поэту»]

Зависеть от властей (царя – в черновике, В. К.), зависеть от народа –
Не все ли нам равно! Богу с ними! Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать: для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи,
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданными искусствами и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
– Вот счастье. Вот права!.. [1836 год, «Из Пиндемонта»]

Но вот что мы находим в «Толковом словаре» В. Даля о царе и самодержавии, их сущности:

ЦАРЬ – государь, монарх, верховный правитель земли, народа или государства.

- Царь земной под Царем небесным ходит, под Богом.

- Слышите убо, царие, и разумеите, судии концов земли!

- Народ думает, а царь ведает.
- Царь от Бога пристав.
- Никто против Бога да против царя.
- Без Бога свет не стоит – без царя земля не правится.
- Где ни жить, одному царю служить.
- Где царь, тут и правда.
- Всякая вещь перед царем не утаится.
- До царя дойти – голову нести.
- До Бога высоко, до царя – далеко.

Как видим, вся идеология самодержавия в России основана на том, что на земле вся власть и вся милость принадлежит царю, и только через него – Богу. Вот с этим-то Пушкин никогда не примирялся. Александрова колонна с ангелом для него – это символ всевластия не Бога, а всего лишь самодержавия, конкретно, царей Александра I и Николая I. Но царь – это не Бог, а человек. И как «человеки» – царь и поэт стоят на равных. Пушкин никогда не ставил царя выше себя. Это был не вызов, а позиция гения, человека, который видел и признавал мир земной таким, каким он создан для человека Богом – равным для всех и каждого, свободным для всех и каждого, естественным для всех и каждого.

Понятно, что перед нами позиция не простого человека 19 века, а – человека далекого будущего, более далекого чем то, в котором живем уже и мы. Ведь и сегодня мы все еще лишь стремимся к тому будущему, о котором мечтал и в котором, как это ни парадоксально звучит, жил Пушкин. И хотел, и пытался жить «в свой суровый век», и жил по законам будущего. По законам того будущего, о котором он писал в «Заметках о вечном мире» в Кишиневе в 1821 году. Это – будущее, в котором торжествуют вечный и всеобщий мир, где верховенствуют закон, общественный договор, будущее, в котором нет диктаторов, правителей, угнетателей, рабов, конституций, войн, в котором народы живут единой, дружной семьей, в котором люди от рождения свободны, равны, естественны.

И появление пушкинского «Ангела» в 1827 году по времени совпадает с тем именно периодом, когда царь и поэт встретились лицом к лицу, один на один. Что же это было за время? Как вел себя царь? Как вел себя Пушкин? Что хотел и что получил царь? Что хотел и что получил Пушкин?

Примирение Пушкина с царем – это не спасение, не освобождение, не радость. Это была самая большая и самая тяжелая трагедия в жизни Пушкина. Все, что было до этого в отношениях между государем и поэтом, между самодержавием, властью и Пушкиным, – все это меркнет перед тем, что и как произошло в начале сентября 1826 года в Москве, что и как развивалось далее – до самой гибели поэта.

В Лицее Пушкин вырос на крыльях свободы, равенства, братства, дружества, уважительного отношения к личности и ее мечтам, устремлениям, желаниям, к первому поэтическому вдохновению. Поэта особо не омрачила ссылка в Бессарабию, ибо он оставался и там свободным, не служил, не прислуживал, а творил так, как душе его было угодно – «душа в заветной лире». Первое, более суровое, испытание он пережил в Одессе, под начальством всеильного самодержца графа М. С. Воронцова. Но в Михайловском к нему вновь вернулась свобода жизни и мысли, свобода творчества и вдохновение. И он имел право в 1827 году заявить в «Поэте»:

К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы...

А еще год спустя:

Каков я прежде был, таков и ныне я...

Попытаемся теперь ответить на главные вопросы, ибо, по нашему убеждению, эти ответы и ведут нас к пушкинскому «Ангелу», остающемуся и сегодня красивым, но мало приметным, понятным, значимым сочинением, часто связываемым лишь с общими тенденциями пушкинской поэзии. Еще раз, детально, обратимся к встрече поэта и царя в Москве (Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. Т. II (1825-1828) / Сост. М. А. Цявловский, Н.А. Тархова: Науч. ред. Я. Л. Левкович – М.: СЛОВО/SLOVO, 1999. – стр. 165-331). За поэ-

том прибыли в Михайловское и везли его в Москву под присмотром, как «арестанта», государственного преступника. И, собственно, таковым он оставался до того момента, как император лично объявил ему о конце ссылки и свободе.

Неожиданный приезд в Михайловское, да еще ночью, офицера с письмом псковского губернатора Адеркаса – немедленно явиться в Псков, чтобы оттуда следовать в Москву, вызвал непростой взрыв мыслей и чувств поэта. Успокаивая плачущую няню, Пушкин, как когда-то при нем в Кишиневе В. Ф. Раевский, прежде всего, думает о своей безопасности, о необходимости защитить себя любой ценой. Он тут же уничтожает тетрадь с автобиографическими записками, черновики «Бориса Годунова», некоторые стихи, а также посылает садовника «за своими пистолетами». Все еще оставаясь в готовности постоять за себя, он с некоторым облегчением и шуткой сообщает из Пскова в Тригорское П. А. Осиповой, что «без фельдъегеря у нас грешных ничего не делается: мне также дали его для большей безопасности... Я еду прямо в Москву».

На самом деле напряженность и осторожность поэта, в связи с неопределенностью ситуации, не ослабевают. Его утром, 8 сентября, доставили в Москву, но не прямо к царю, а в Главный штаб, где под присмотром продержали до вечера. Только к 4 часам пополудни его доставили в Чудов дворец, опять же в комнаты Дибича, а затем – к царю.

И тут началось главное представление. Ведь Пушкин, впервые после двух ссылок, сошелся лицом к лицу, один на один со своим главным судьей, вершителем его судьбы. Конечно, он думал, как себя вести, что и как говорить. Но главное заключалось в том, что нес в себе Пушкин и что нес в себе царь из того, что ни один, ни другой не изменит ни при каких условиях. Следовало либо стоять на смерть, либо договариваться но так, чтобы сохранить себя – свою свободу, независимость.

Встреча длилась «около часа». Вот важные нити разговора, собранные по разным источникам.

1) Разговор о самом важном тогда – о событиях 14 декабря 1825 года, в которых участвовали многие из тех, кого лично знал и уважал поэт.

Император: – Что сделал бы ты, если бы 14-го декабря был в Петербурге?

Пушкин: – Встал бы в ряды мятежников.

2) Разговор об образе мыслей и жизни.

Император требует от поэта изменить образ мыслей.

Пушкин долго молчит, наконец, обещает сделаться иным. По другим сведениям, вместо ответа поэт молча протягивает свою руку в знак какого-то согласия.

3) Разговор о цензуре.

Император обещает ослабить цензурные препоны. Он сам теперь будет цензором его произведений.

Пушкин соглашается, не понимая еще, какая госмашина обрушится на него под видом милости государя.

4) Разговор о дальнейшей судьбе поэта.

Император отменил ссылку и разрешил проживать в обеих столицах.

Поэт свободен, но позднее он узнает, что без официального разрешения ему не позволено ровным счетом ничего.

5) Разговор окрашен некоторым духом свободы со стороны Пушкина.

Но императору крайне не нравится то, как свободно начал вести себя поэт.

6) Разговор о просвещении, о нравственности и воспитании юношества.

Император предлагает поэту заняться предметом воспитания юношества и изложить свои мысли на эту тему в записке. Пушкин в затруднении, но принимает предложение императора, не ведая о политических мотивах подобного совета. На основании отзыва императора на записку Пушкина «О народном воспитании», граф Бенкендорф напишет поэту 23 декабря 1826 года: «Государь... поручил мне изъяснить вам высочайшую свою признательность. Его величество при сем заметить изволил, что принятое вами правило, будто бы просвещение и гений служат исключительным основанием совершенству, есть правило опасное для общего спокойствия, завлекшее вас самих на край пропасти и повергшее в оную толикое число моло-

дых людей. Нравственность, прилежное служение, усердие предпочесть должно просвещению неопытному, безнравственному и бесполезному. На сих-то началах должно быть основано благонаправленное воспитание...»

7) Завершение разговора и приема.

Император: – Ну, теперь ты не прежний Пушкин, а мой Пушкин.

С этими словами царь вышел к публике и объявил: «Теперь он мой». Москва в те дни утверждала, что император назвал Пушкина первым поэтом России. Итог подвел В. В. Измайлов: «Завидую Москве. Она короновала императора, теперь коронует поэта».

С чем же не согласился поэт, что не принял в ходе встречи с царем? Пушкин не ответил конкретно, каким будет образ его мыслей и жизни. Он лишь обещал сделаться иным. Однако будем помнить, что он и в Кишиневе, и позже не раз убеждал друзей в том, что «каков я прежде был, таков и ныне я...» Вряд ли поэт обрадовался тому, что император будет лично оценивать его произведения, будет сам его цензором. Ведь это всегда делали, да, от его имени, но другие. Пушкина не могло насторожить и то, что с самого отъезда из Михайловского его свобода всегда ограничена, всегда под контролем. Он, конечно, заметил, как император изменился в лице, когда поэт позволил себе свободу в разговоре с ним – свободный разговор, на равных. На равных, пожалуй, не будет никогда. И это главный вывод, он огорчил поэта на всю жизнь. Император не принял его таким, какой он есть. Он всегда и во всем хочет видеть его по правилу «мой Пушкин». За себя надо будет и далее бороться. А, значит, бороться и за свои принципы, мысли, и за свои произведения.

Что же последовало после встречи с императором? Что еще более насторожило поэта или подтвердило его первые сомнения, выводы?

Так волновавшая царя тема 14 декабря получила свое новое развитие, которое не сблизило его с поэтом, а, наоборот, еще более отдалило их друг от друга. Уже 15 сентября был арестован штабс-капитан А. И. Алексеев за распространение стихов «на 14-е декабря» – отрывка из элегии Пушкина «Андрей Шенья». В конце концов Алексеева приговорят к казни, а Пушкину предстоит давать свои показания по этому делу. Между тем от «сведущих» людей поэт узнает шокирующие его подробности расправы царя над участниками декабрьского выступления и их казни 13 июня 1826 года. В черновиках поэта появляется виселица на кронверке, портреты казненных. Не удивительно, что 16 сентября поэт сообщает Погодину: «Жаль, что на этом празднике было мало драки, мало движения». Речь шла о беспорядках и давке на Девичьем поле, где было организовано гуляние в честь коронации императора.

За Пушкиным устанавливается постоянная секретная слежка. Жандармский полковник И. П. Бибииков сообщает Бенкендорфу: «Я слежу за сочинителем П(ушкиным) ..., дома..., разговоры...» Очень скоро Бенкендорф предупреждает поэта, чтоб о поездках «предварительно испрашивали разрешения через письмо» и что «император сам будет и первым ценителем произведений ваших и цензором», но «как сочинения ваши, так и письма можете для представления Его Величеству доставлять ко мне». С этого времени не столько император, сколько чиновники разного ранга будут от имени императора навязывать Пушкину свои мнения и правки. Раздраженный Пушкин ответит 3 января 1827 года Бенкендорфу, уклоняясь от переделки «Бориса Годунова»: «...не в силах переделать однажды... написанное».

Все, что творилось в это время в душе поэта, вдруг легко и просто выпорхнуло в виде «Ангела». Оба начала – добро и зло, примирение, покорность и сомнение, отрицание, СМИрение и мятежность – воссияли и требовали ответа. Эти ответы важны были для самого Пушкина, для осмысления своего нового положения, их ждала и публика, громко и открыто приветствовавшая примирение поэта с царем, прощение поэта царем, покорность поэта перед царем. Не все так просто. Да, «ангел нежный» сиял «поникшею главой» «в дверях эдема», но «демон мрачный и мятежный» летал «над адской бездной». Да, «дух отрицания, дух сомнения» взирал «на духа чистого». Да, поэт впервые «смутно познавал» «жар невольный умиления». Но какой ценой!? И правильно ли поступил поэт, склонив голову перед царем, которого он почитал не Богом, но земным, реальным человеком, а главное – равным себе? На такой сложный вопрос сразу и решительно, окончательно не ответить. На этот вопрос поэт

отвечал, искал ответ всю жизнь. Пока эта жизнь не оборвалась с молчаливого согласия императора, на глазах всей самодержавной России.

Дух примирения поэта с царем, следуя за текстом «Ангела», еще светел: «Тебя я видел» и «ты не даром мне сиял». Поэт тоже «сиял» с «главой поникшей». И это ангел сделал по желанию самого поэта. Находясь между Богом и царем, между небом и миром земным, поэт с невероятно глубокой мудростью заключил: «Не все я в небе ненавидел, Не все я в мире презирал».

Такие слова не мог произнести ангел небесный. Они под силу лишь ангелу земному, самому Пушкину. Смирясь перед высшей властью на небе и на земле, поэт остался верен себе, остался самим собой. И таким мы помним и любим его и в наши дни. И потому он и сегодня говорит с нами на равных из далекого будущего – того будущего, которое человеку, человечеству еще предстоит построить. Поэт поддерживает нас своим опытом, своей верой в то, что и на небе, и в мире земном много добра. И во имя добра, свободы, равенства, справедливости, во имя лучшего устройства на земле стоит и жить и творить.

АНГЕЛ

В дверях эдема ангел нежный
Главой поникшею сиял,
А демон мрачный и мятежный
Над адской бездною летал.

Дух отрицанья, дух сомненья
На духа чистого взирал
И жар невольный умиленья
Впервые смутно познавал.

«Прости, – он рек, – тебя я видел,
И ты не даром мне сиял:
Не всё я в небе ненавидел,
Не всё я в мире презирал».

Kushnirencо V.F.

"He Ascended above the Head of the Rebellious Alexander Column ..." Or Pushkin's Dreams and Reality like of an Earth Angel.

Abstract: The article touches upon one of the problems of Pushkin's works, the problem of the poet's relationships, God and autocracy. It is analyzed on the basis of the poems "The Poet", "The Monastery of Kazbek", "The Angel".

Keywords: poet, poem, works, composition, censorship.

CONFERINȚA ȘTIINȚIFICĂ INTERNAȚIONALĂ

**„TRADIȚIE ȘI INOVAȚIE
ÎN CERCETAREA FILOLOGICĂ”**

**«ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО
В ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ»**

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ**

VOLUMUL I / TOM I

27 OCTOMBRIE 2015 / 27 ОКТАБРЯ 2015